

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ КРУЗ,
МАРИЯ КРУЗ

НА ПОРОГЕ ТЬМЫ

Annotation

- Андрей и Мария Круз

- [illegible]

- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***
- ***

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

Андрей и Мария Круз

На пороге Тьмы

Официальное заявление автора.

В данной книге пистолеты-пулеметы называются автоматами, так, как это делалось до появления автомата Калашникова в нашей стране. Слова «пистолет-пулемет» автор считает слишком неуклюжими и по сути своей нелепыми для употребления в литературном тексте. Поэтому просьба к ревнителям правильности терминов: в данном случае держите свои мнения при себе.

* * *

– Ну сходи, посмотри, что там с генератором, что же ты такой ленивый? – сказала Елена, повернувшись от плиты, – Вторую неделю тебя загнать не могу, а если опять свет отрубят?

– Я не ленивый, я выходной, – запротестовал я, – И к тому же я поесть хотел. Поем и потом сразу посмотрю.

С этими словами я быстро пересек кухню, открыл дверцу холодильника и с преувеличенным вниманием уставился в его белое нутро, уставленное едой, словно размышляя над тем, чем бы себя покормить, чтобы прямо на месте не умереть с голоду.

– Закрой, – сказала она, вздохнув, – Я котлеты жарю, вернешься – и сядем за стол. А если ты сейчас поешь, то потом заявишь, что после еды отдыхать надо, потом уже темно будет...

– Чего темно-то? Времени два часа.

– Это сейчас два часа, а когда ты отдохнешь, уже спать пора будет. И в баню хочу зайти.

Это крыть было нечем. Мне совершенно не хотелось идти на улицу, на мелкий морозящий дождик, лезть в сарайчик и копаться с генератором. Но вообще-то сделать это было нужно, в последнее время несколько раз в нашем поселке отключался свет, причем всегда удивительно не вовремя. Этой весной, в пик паводка, вода норовила залить наш подвал. А заодно отключился свет. И что хуже всего – не включился генератор, питавший аварийный погружной насос в приемке, который должен был спасти нас от затопления. И нас дома не было, ездили к ее родителям в Петербург. Как результат – все двери в подвале разбухли, хоть под замену их, а заодно ножки столов, промокли громкоговорители в домашнем кинотеатре, в общем – убытку было выше башки.

Это все издержки переезда за город, вообще-то, но с генератором нужно разобраться. А то он то включится, то не включится – не годится. И в баню я не против, хотя это вовсе и не баня, а электрическая сауна. Но зайти туда, особенно в такую погоду, все равно хорошо.

– Сходи, сходи, хотя бы разберись, сам справишься, или вызывать кого-то надо? – подбодрила она меня.

– Хорошо, схожу, – обреченно сказал я и поплелся к выходу.

Без году неделя живем вместе, а уже командует. Мало было одного брака, так во второй лезу. Но одному хуже. Да и она на самом деле вовсе не

злодейка, а очень даже... во всех отношениях... особенно при закрытых дверях...

На улицу действительно не хотелось, дождь с ветром шел уже третий день, было мерзко и холодно. Осень, фигле. Решив не мелочиться, я вытащил из ящика для обуви зеленые резиновые сапоги, которые сам именовал «ресапами», разбудив при этом дремавшего на ящике кота, потянувшегося и покинувшего доселе спокойное место, натянул их на толстый носок. Нехрен промокать. Свитер, на свитер – дождевик с капюшоном. Так оно поуютней будет.

Ладно, надо идти. Спустился ниже, в цокольный, к двери в гараж. Надо инструменты взять, может и сам справлюсь. Хотя и не великий специалист, но мелкий ремонт учинить вполне способен.

Подумав недолго, собрал с висящего на стене стенда пару отверток, маленький разводной ключ и плоскогубцы, потом прихватил рабочие перчатки, выудив их из металлического ящика верстака. Достаточно, если что еще понадобится – зайду сюда еще разок.

Протиснулся между двумя машинами, нащупал в кармане большой пластиковый брелок, нажал на кнопку. Легкое алюминиевое полотно ворот поползло кверху, подтягиваемое тросиком, на пол упал прямоугольник серого света с улицы. Елки-моталки, почему климат у нас не французский, а вот эдакий?

Дождик брызнул в лицо, с шуршанием ударил по дождевику, попытался сдернуть капюшон, затрепыхал лапами плаща. Мерз-з-зко. К морю бы, в тепло.

Сарайчик с генератором пристроился сзади дома, рядом с дровяным навесом. Понимаю, что с точки зрения эстетики не идеал, но все же решил этот самый «дэрчик» в подвале дома, в топочной, не размещать. И запах от него солярный, и дым в перспективе. Мы тогда даже чуть поцапались с женой, которой эстетика важнее, но мне все же удалось настоять, пугая пожарной безопасностью. На предмет самовозгорания, так сказать.

Над головой приоткрылось окно, за стеклом показалось лицо жены.

– На обратном пути дров прихвати, ага? Камин охота затопить.

– Без проблем.

Камин мы с весны до осени обычно и не трогали, но сейчас и вправду охота по такой погоде. Пора, сезон наступил. Сесть рядом с книжечкой и коньячком. После бани. А что?

Навесной замок на сварной металлической будке открылся легко, а вот створка двери – с усилием, ветер так и норовил ее закрыть. Я накинул на ручку петлю из толстой проволоки, закрепленную на столбике дровяного

навеса – света внутри не было, весь расчет на естественное освещение и маленький фонарик в кармане. Из сарайчика пахнуло соляной вонью, лишний раз подтвердив, что я все правильно сделал, настояв на отселении дэрчика. Небольшой агрегат на металлических полозьях солидно занимал центр крошечного помещения, от него тянулся кабель к стене, к белой пластиковой коробке.

Ветер бросил мне в спину через дверь вихрь мелких капель, заставив поежиться. Обойдя генератор по кругу, я присел за ним, разложив на бетонном полу принесенные инструменты.

– Так, и чего дальше? – спросил я сам себя.

Порыв ветра заставил дверь дернуться, а затем с грохотом ее захлопнул, погрузив меня в абсолютную, полную темноту, не нарушаемую ни единым лучиком света. От неожиданности я дернулся, попытался встать и приложился затылком о низкий потолок, да еще не о гладкий стальной лист, а о грань уголка.

– Блин, петлю сорвало, – пробормотал я, почесав ушибленный затылок.

Откуда-то сильно потянуло холодом, словно рядом открылась дверца холодильника, по спине пробежала волна озноба, затем все словно онемело, и лицо, и руки. Сильно закружилась голова, я даже вынужден опереться на генератор, чтобы не упасть. Ощущение было такое, как если долго сидишь на корточках, а потом резко вскакиваешь. Заодно откуда-то вместе с холодом накатила волна страха. Самого настоящего, детского страха темноты, о каком я за многие годы даже забыть успел. Показалось, что кто-то стоит прямо у меня за спиной и дышит в затылок.

Не удержавшись, я дернулся в сторону, наподдав ногой по рассыпанному на полу инструменту, со звоном разлетевшемуся, суетливо сунул руку в карман, нащупав тонкий цилиндрок светодиодного фонарика, и выдернув его рывком, как пистолет, включил. Темнота шарахнулась от его яркого луча, а вместе с ней разлетелся и страх. Чего это я?

Потер лицо, возвращая чувствительность коже, зябко передернул плечами. Ну темнота, ну неожиданно, хрен ли я задергался? Не мальчик ведь, всякого повидал. Хотел присесть, но потом сообразил, что света от фонарика все же мало, надо бы дверь открыть и закрепить по-человечески, чтобы ветром не срывало.

Дверь открылась легко. За ней, вместо аккуратного, хоть и требующего стрижки газона, оказалась высокая, мне почти по пояс, мокрая трава, слегка качающаяся на ветру. Вместо деревьев, декоративных туй, выстроившихся в ряд возле оштукатуренного забора, я увидел заросли

осинника, а в них какую-то старую развалину с выбитыми окнами, провалившейся крышей, через которую проросло дерево.

– Это че это? – спросил я вслух, после чего кратко выразился нецензурно.

Никто не ответил. Я выбрался из сарайчика, оглянулся. Вместо пленницы была груда валежника. Дома не было. То есть вообще не было. Была здоровенная кривая береза, возле нее остаток заваленной набок стены из красного кирпича. У меня в доме не было красного кирпича, были только бетон и пеноблоки с утеплителем.

– Ну и чего? – повторил я вопрос в немного иной интерпретации, ощущая, как сумасшествие плавно подкрадывается ко мне, готовое слиться в экстазе с моим постепенно срывающимся с направляющих мозгом.

Страх не было. Было ощущение, что кто-то глупо пошутил надо мной, знать бы кто. Знать и еще понять, как из этой шутки выбраться. Потом найти шутника, и... нужное подставить. В меру своей фантазии.

– А дальше-то чего? – продлил я список идиотских вопросов.

Никто не ответил, естественно. Лишь большая серая ворона, усевшаяся на кирпичную развалину, каркнула, словно издеваясь. Я нагнулся за камнем, и она, как и подобает этой подлой породе птиц, не стала дожидаться броска, а сорвалась с места, захлопав крыльями, и полетела. Камень я все же бросил. Он описал бесполезную дугу и с глухим тихим стуком исчез в зарослях.

– И все же?

Не было ни дома, ни поселка. Ни дороги к поселку, только какая-то заросшая и заброшенная просека. Был дождь, был лес, был запах леса. Не было никаких примет густо застроенного коттеджами пригорода Москвы, да и примет наличия самой Москвы тоже не было. То есть вообще ничего не было. Был сарайчик с генератором, был сам генератор. Сарай изменился – еще несколько минут назад сверкавшей мокрой под дождем свежей зеленой краской, теперь он был ржавый, словно его забросили здесь много лет назад в полном небрежении. Никакой проволоочной петли тоже не было.

Это снаружи. А внутри – наоборот. Все осталось таким, каким и было – чистый пол, новенький японский генератор, сверкающие инструменты с пластиковыми черно-желтыми рукоятками, рассыпанные по полу. Фонарик в руке.

Не стану скрывать, какие-то идеи по поводу происшедшего у меня мелькнули. Я даже закрылся в сарае с генератором и честно ждал новой морозной волны, в надежде, что она вернет все на место, кому-то молясь о том, чтобы не сойти с ума окончательно, ругаясь и идиотски хихикая. Но

ничего не произошло. Вокруг меня была самая обычная темнота, которая снова спряталась сначала от луча фонарика, а затем окончательно добитая серым светом снаружи, когда я снова распахнул дверь.

– Не сработало, – громко объявил я неизвестно кому, разочарованный результатом эксперимента.

Я полагал, наверное, что скотина-шутник сидит где-то рядом и наслаждается происходящим, злорадно ухмыляясь. Даже не удержался и сказал вслух:

– Узнаю, чья работа – порву на английский флаг.

Никто не испугался, да и не ответил мне. Даже ворон больше не было. Вообще ничего не было, только лес и какая-то развалина. И все. И еще я.

– И чего теперь делать?

Так и не понял, то ли я вслух это спросил, то ли мой внутренний голос поинтересовался у меня самого. Поэтому ответил уже вслух, не знаю себе ли или внутреннему голосу:

– А хрен его знает.

И сел на мокрый кирпич заваленного куска стены. Идей не было. Можно было остаться здесь в надежде, что все разрешится само собой и я как-то попаду туда, откуда вывалился, или куда-нибудь идти. Куда? Да вот по просеке, например. Кто-то же ее прокладывал, так что куда-то она должна вести.

Курил бы – точно закурил, я даже представил себя здесь, задумчиво дымящим сигаретой. Но курить бросил давно, лет десять тому назад, так что картина была неактуальной.

Затем пришла мысль следующая: что подумает Елена? Я же здесь оказался не один, а вместе с сараем и генератором. То есть она в очередной раз выглянет в окно, чтобы, например, напомнить про дрова, и что? Ни сарая, ни мужика в сарае? И что она все же подумает?

Ой, мама дорогая, что же это будет? Меня аж в дрожь бросило, когда я окончательно осознал, что не имею ни малейшего представления, куда нас с сараем занесло, где моя семья, и чем это все закончится.

Затем пришла вторая мысль: надо отсюда валить. Искать людей. Людей с телефоном, которые скажут, где я нахожусь, дадут позвонить бесплатно и я позвоню и попрошу выслать денег. На билет или такси, если я не очень далеко. И скажу что с ума не сошел, и она не сошла, а как приеду, так все и объясню. И был не у любовницы. Впрочем, на такси можно и не высылать, возле дома расплачусь. А сидеть здесь непродуктивно. Это как минимум, потому что вероятность встретить здесь людей так себе. Маленькая она, вероятность эта самая.

– Пойду, – сказал я неизвестно кому, поднимаясь на ноги.

На всякий случай собрал отвертки с пола, не бросать же добротный германский инструмент, рассовал по карманам. И пошел. Продрался через кусты, обрушивая водопады капель с веток, выбрался на просеку. Очень похвалил себя за то, что обулся в ресапы, а заодно и дождевик накинул. Со мной такое редко случается, максимум на что способен, это добежать по двору бегом, в чем был, но вот сегодня так не хотелось на мокрень и холод, что я этим одеванием время оттягивал.

Налево или направо? Собственно говоря, никакой разницы я не видел, но справа небо было яснее, а слева совсем темным, как свинец, и висело низко-низко. Отчего вероятность вымокнуть была куда выше, если немного подумать. Я и подумал. И пошел направо.

Грязи не было, лесная почва песчаная, да и просека травой заросла. Ее стебли хлестали по сапогам и полам дождевика, но идти было легко. Даже ветер был в спину, и дождь на лицо не попадал.

Затем понемногу начал про себя напевать «Прощание славянки», стараясь идти в ногу с ритмом марша, и постепенно втянулся. Шагал широко, размеренно, время от времени задавая себе счет. Старался еще и дышать в такт шагам, вроде как спортивная ходьба. И успокаивает. И помогает поменьше думать, потому что думать плодотворно не получается. Фактов у меня мало, понимаете. Есть всего один, зато размером с весь этот мир – я оказался непонятно где. И непонятно как. Я живой, судя по внешним признакам, я здоров, со мной ничего не случилось, но я ничего не понимаю. И если начинаю анализировать ситуацию, то прихожу к простому выводу, что анализировать нечего. И вообще невозможно. Поэтому раз, раз, раз-два-три, шире шаг! Р-раз, р-раз, раз-два-три!

На месте! Стой!

Так я скомандовал себе, когда отмахал не меньше пяти километрам, если верить наручным часам, знанию средней скорости пешего марша и исходить из того, что я и вправду шел, а не лежал в коме где-нибудь в Склифе, куда меня привезли... после удара током, например. Я же как раз к кабелям лезть собирался. Полез, а оно меня и... стукнуло, в общем.

Остановился потому, что просека вывела на дорогу. Дорога – это сказано сильно, оно было скорее «направлением», разбитым проселком, не знакомого с таким явлением как «асфальтовое покрытие», но знакомое с автомобильными колесами. И вывод такой я сделал из того, что следы покрышек, отпечатанные на мокрой земле, спутать с чем-то очень сложно. Разве что предположить, что проползла змея с протектором. Прокатилась.

– Это радует..., – пробормотал я, присаживаясь на корточки и

разглядывая след, – И куда же ты проехал? И откуда? В смысле, идти-то мне куда?

Понять по следам, куда я ехала неизвестная машина, понять не удалось, следопыт из меня так себе. Хреновый следопыт, чего уж скрывать. Единственное, что этому следопыту удалось установить, что машина здесь проехала не одна, были и другие следы, просто уже расплывшиеся.

– Тогда опять направо, – сказал я сам себе, – Потому что «не ходи налево».

Обосновал вроде как. Объяснил. Да и небо опять же было справа посветлее, отчего внутренний голос советовал туда и идти. Поскольку других советчиков у меня не было, послушался этого самого внутреннего голоса.

Раз, раз, раз-два-три, раз, раз, раз-два-три... Идти даже легче стало, под ногами по-прежнему почти чистый песок, так еще и трава расступилась. Наезженное место, видать, катаются тут колхозники какие-то. Откуда и куда еще может вести проселок?

Прошел еще километров десять, устал. Все же отвык от таких маршбросков, давно не ходил подолгу. Спортзалом не манкировал, но вот ногами далеко ходить отвык, да еще и в ресапах. Хорошо что носки толстые, была ведь идея просто так их натянуть да и выбежать. Теперь бы все в кровь уже стер, маялся бы и страдал.

Уже хотелось устроить привал, но окружающая действительность мало к тому располагала. Все промокло как губка в тазу с водой. Справа поле, травой заросшее, слева лес, хвойный, ветки высоко, под деревьями тоже от дождя не скроешься. Надо бы хоть какое-то укрытие найти, там и посидеть минут пятнадцать, отдохнуть. Хоть и в дождевике, но как-то...

Еще через километр к ликованию своему наткнулся на какой-то непонятный домик с выбитыми окнами, осыпающейся с серой деревянной дранки штукатуркой и остатками шифера на крыше. Вбежал в него, радостный, словно и вправду что-то хорошее случилось и я не неизвестно где, а уже почти что дома. Но таков человек, умеет не только большому радоваться, но и малому. И я не исключение.

В многочисленные дыры крыши лила вода, но были, к удивлению моему, и сухие места. Доски пола кто-то явно упер, но фундамент никуда не делся, и при этом делил помещение пополам, наверное, в свое время в середине на него что-то опиралось, чтобы это ни было. Кирпич был волглым и холодным, но несмотря на это, я все же на него уселся, вдыхая запах сырости и запустения. Хорошо. И еще ноги вытянуть, подошвы-то уже гореть начали. Изнежился. Помню еще в армии, как после полугода

службы как-то постучал пяткой по деревянному полу казармы и удивился тому, что звук был словно каблуком потопал. Вот тогда у меня ничего не горело, не то что сейчас.

Пить хочется. Огляделся, выбрал из многочисленных струек, что лились с крыши, ту, что потолще, подставил ладони, собрав их в ковшик. Когда набралось на глоток, поднес ко рту.

Вода как вода, холодная такая, как этот самый дождь. Чистая. Пей – не хочу. Впрочем, я хотел. И не торопясь, набирая горсть за горстью, минут десять пил холодную воду по глоточку. Ладно, от жажды не умру. Насчет голода не знаю, но голодным человек может долго прожить, это без воды ему никак, загнетса.

Ладно, что дальше тут яйца высиживать, надо идти. Но едва сделал первый шаг по дороге, как остановился, словно вкопанный. Мотор. Автомобильный мотор.

Закрутил головой, пытаюсь понять, откуда звук идет, не мимо ли? Не по какой-нибудь другой дороге едет машина? Нет, сюда, и меня догоняет. Станный какой-то звук, словно давно знакомый, но неправильный. Где я подобный слышал? Мелькнули в голове какие-то детские ассоциации, двор, машина, ежевечерне заезжавшая за мусором – ЗИЛ-самосвал. Он останавливался у высокого помоста с металлическими поручнями, и мой отец стоял в очереди на этот помост, вместе с соседями. Они поочередно туда поднимались и переворачивали ведра, из которых в кучу сыпались бумаги, объедки и всякая дрянь. А потом дворник туда же выворачивал мусорные бачки, которые стояли по подъездам, воняли и собирали бездомных кошек. Он составлял это роняющие помои бачки на специальную тележку с бортиками и упираясь катил все к тому же самосвалу.

Нет, не так... ЗИЛ посвистывал пневматикой тормозов и гудел двиглом как большой шмель, а этот звук с подвывом, как будто постанывает мотор жалуясь на судьбу... Точно! Хлебный «газон», который разгружался в булочной, что была напротив нашего дома. Мрачный мужик в грязноватом халате распахивал створку кузова с надписью «Хлеб» и начинал вынимать оттуда деревянные поддоны с буханками и батонами, взамен забирая из магазина пустые. А бабульки, сидевшие до того на скамеечках у подъездов, вперегонки стайками летели к магазину, чтобы ухватить горячего, прямо с хлебозавода.

Я в напряжении ждал, уставившись на поворот лесной дороги, всматриваясь до боли в глазах, боясь того, что мне это кажется, и никакой машины на самом деле нет, и не будет, а будет брошенная остановка,

пустой мокрый лес и бесконечная дорога, ведущая в никуда. Но вскоре из-за поворота появилась машина.

В общем, я ошибся. Похоже, что показавшийся из-за деревьев автомобиль не имел никакого отношения к Горьковскому автозаводу. Высокий, какой-то кургузый и неуклюжий с виду, со скошенной назад решеткой облицовки радиатора с оторванной эмблемой, он постанывал трансмиссией и громыхал высоким деревянным кузовом. Мне смутно вспомнилось, что где-то я подобную машину уже видел, чуть ли не в кадрах военной хроники времен Великой Отечественной, но мысль так и не оформилась ни во что конкретное. Тем более, что окрашен грузовик был в непривычно сочетающиеся крупные серые и зеленые камуфляжные пятна.

Ладно, черт с ним, подумалось мне, и я, шагнув вперед, поднял руку, призывая шофера остановиться, и оставаясь при этом в глубине души уверенным, что машина проедет дальше. Как-то очень уж странно выглядело это все, и мне показалось, что шофер должен испытывать подобные же ощущения. И поэтому он плюнет и рванет от меня как можно быстрее, чтобы не связываться со странным и непонятным.

Но ошибся. Скрипнув тормозами и обдав меня запахом нагретой резины, грузовик проехал чуть дальше, но остановился. Я пошел следом, и... и как в стену уперся.

Водитель, среднего роста молодой, годам к тридцати, мужик с узким лицом и курносый носом, выбрался на высокую подножку, и смотрел на меня. Но не только смотрел, но и... уставил на меня ствол довольно серьезно выглядящего пистолета-пулемета, кажется даже самого настоящего ППШ. Или ППС, что-то я не понял.

– Тебе куда? – спросил он таким тоном, словно все в порядке и я не стою с перекошенной рожей, испуганный и обалдевший.

– Ну..., – совсем растерялся я. – Куда-нибудь к людям...

– Ага, – удовлетворенно кивнул тот. – Ближе подойди тогда.

Ствол оружия показал примерно куда. Туда я и пошел, не имея никакого желания спорить. Посмотрел на него внимательней, мимолетно удивился какому-то антикварному или сценическому наряду. Яловые сапоги памятного со срочной службы фасона, бриджи хэбэ, шоферская куртка из какого-то дерматина поверх свитера, на голове маленькая фуражка вроде военной, но без кокарды. Старая такая, подобные еще в Гражданскую носили. Он ее на затылок сбил, так что темные волосы на лоб падали. Странный вид, очень странный. Под стать машине и оружию.

– Еще потерянец, – удовлетворенно сказал парень и вдруг посветил мне в глаза фонариком, который все время держал в руке.

Я поморщился, хотел отвернуться, но он крикнул:

– На свет смотри! Стрелять буду!

Пришлось смотреть. Секунд через десять он кивнул, убрал фонарик, к удивлению моему оказавшийся со шнуром, тянущимся куда-то в кабину, вроде обычной автомобильной аварийной переноски, затем спросил:

– К людям, говоришь?

– Вроде того, – кивнул я.

– А ты знаешь, куда именно? – спросил он с какой-то странной интонацией.

– Неа..., – покачал я головой. – Чего не знаю, того не знаю.

К моему удивлению, он сам удивленным не выглядел. Лишь усмехнулся и сказал:

– Так и думал. Садись в кабину.

И опустив оружие, сам уселся за руль.

Меня второй раз приглашать не пришлось. Не задавая больше вопросов, хотя крутилось их в черепной коробке как мух в уборной, я обежал машину и полез в высокую и тесную кабину. Плюхнулся на твердое и неудобное сиденье с прямой спинкой, огляделся. Более чем спартанский интерьер с простенькими приборами на крашенной серым металлической приборной панели, здоровенный черный эбонитовый, или из чего их там делали, руль. Я такие сам с детства помню.

– К людям так к людям, – сказал шофер, подвешивая пистолет-пулемет к потолку, где у него специальное крепление было, причем явно не самодельное, машина и впрямь выглядела как военная, – Мне тоже как раз к этим самым людям и надо. Полное у нас с тобой единодушие наблюдается. Меня Федором зовут, кстати. Можно Федей звать. Можно Федькой. Даже Теодором можно, если охота.

– Владимир. Володя, – представился и я, пожав протянутую мне перемазанную машинным маслом руку.

– Рассказывай, Володя, как ты к нам попал, – заявил Федя, с лязгом врубая первую передачу длинным изогнутым рычагом с набалдашником, – Развлеки рассказом, а то уже три часа один еду.

– К вам – это куда? – осторожно переспросил я.

– Да вот сюда, в лес этот, – ткнул он пальцем за окно, – Да ты не щемись, за психа тебя никто не примет, тут все такие как ты. Или у всех такой же попадос, как и у тебя, случился, или мы все бредим хором. У меня вот три года назад с лихуем на работе в подсобке свет погас, а как вышел из нее, так оказался в развалинах каких-то, которые впервые в жизни увидел. А ты?

– Генератор во дворе полез чинить, ветер дверь захлопнул в сарай, – коротко обрисовал положение я, поняв, что лучше выкладывать все как было.

– Генератор? – не удивился, но чуть насторожился он.

– Ну да.

– Его сюда тоже занесло? – вкрадчиво уточнил он.

– Ну... да. Мы с ним на пару, так сказать.

– Повезло тебе, – решительно сказал шофер и вроде как даже задумался слегка, – Скатайся потом, забери. Их в городе ценят, берут дорого. Заработаете хорошо. Хотя властям продашь, хоть на базаре, без разницы. Если хочешь, сгоняем вместе, у меня вот машина своя. Поделишься немного прибылями.

Он похлопал ладонью по «баранке» рулевого колеса.

– Там еще есть что, кроме генератора? – затем снова поинтересовался он.

– Неа, в сарайчике только он стоял. – обломал я его в надеждах.

– Жаль, – вздохнул он, – Но тоже нормально. Ты досюда долго шел?

– Километров пятнадцать.

– Вообще без проблем, за пару часов обернемся, – заключил он, – У нас ведь как – что с тобой провалилось, то твое безраздельно. Святая традиция. Я вот со шкафом провалился. А в нем была старая бухгалтерская отчетность предприятия. Прикинь, какая ценность. Только на растопку.

Я кивнул сочувственно и задал наиболее, на мой взгляд, важный вопрос:

– Федя, а где я?

– Под Углегорском, – ответил он, ухмыльнувшись как-то ехидно.

– Это в какой области?

– В Углегорской, – еще шире и еще более издевательски осклабился он.

– Гонишь? – спокойно поинтересовался я.

– Сейчас указатель будет, на въезде в город. Читать умеешь? Вот и читай.

Я ему поверил. Больно он радостный был, так бывает, когда кто-то правду знает, а кто-то дурак дураком, вроде меня сейчас. И собеседник заранее предвкушает, как ты «отправишься за ведром компрессии».

– Федь, скажи по-человечески, – попросил я, решив не выставлять себя дураком дальше.

– Если по-человечески, то не знаю, – вздохнул он, – Думаю, что никто толком не знает. Может и на том свете даже, вполне допускаю. Мы это

место Отстойником называем.

– Это почему? – опешил я.

– Ну, так в двух словах и не опишешь. В общем, где еще может быть земля без людей? А тут ни единой живой души. В смысле, из проживающих здесь всегда, только такие как мы с тобой, провалившиеся.

– Не понял... а город откуда? – спросил я.

– А хрен его маму знает, – ответил Федя, вздохнув, – Тут все на месте – города, деревни, заводы, что угодно. А вот людей нет.

– Я ворон видел.

– Зверье есть. Даже медведей хватает с волками. И еще кое-кто есть. А людей нет, – ответил он.

– А куда они делись? – вконец озадачился я, – Вымерли?

– Вымерли бы – хоть кости бы остались. Нет и все. Словно съехали неожиданно. Причем давно. Ты из какого года сюда? Из двухтысячного попал?

– Ну да..., – окончательно растерялся я, – А ты?

– А мы все из двухтысячного. Кто сегодня попал, кто вчера, кто десять лет назад, – а все из двухтысячного. Впрочем, кого-то, кто попал раньше, чем за десять лет, я не встречал. Видать, недавно Отстойник открылся для посещения.

– Погодь, погодь, – прервал я поток непонятного гонева, – А вас тут много?

– Ну... в Углегорске тысяч уже семнадцать-восемнадцать, наверное. И в других городах живут. В окрестностях. На область тысяч пятьдесят наберется, как я думаю.

– И все из двухтысячного?

– Ага. Только дни разные. В какой день ты сюда попал, в такой и оттуда провалился. Сегодня двенадцатое октября там было?

Он ткнул перемазанным в масле указательным пальцем в потолок машины, словно подразумевая, что я свалился сюда с небес.

– Двенадцатое, – осторожно подтвердил я.

– А я сюда три года назад попал, четырнадцатого ноября. Двухтысячного.

– Не наступило же еще..., – растерялся я.

– Это у тебя не наступило, – снова ухмыльнулся он, – А у меня еще как наступило, три года назад.

– Погоди, погоди, – попробовал я зайти с другой стороны, – Ты что, хочешь сказать, что в двухтысячном в стране тысячи людей пропали? Десятки тысяч? И никто не чухнулся?

– Не, не так, – покачал он головой. – Все было не так.

– А как?

– Есть у меня один профессор знакомый, он как раз все это дело изучает, так он говорит, что пропадают людей немного. А вот вариантов действительности, из которых они пропадают, бесконечное количество.

– И...

– И все они, кто провалился в двухтысячном, сыплются сюда. Как в помойку. Он так и говорит, что мы в помойке времен и миров. Поэтому и Отстойником назвали вроде как.

– А тут же жил кто-то? Они-то где? – чуть не закричал я, чувствуя, как извилины начали заплетаться веночком вокруг мозга.

– А вот этого не понял никто, – сказал он, – Тут по календарям, машинам, станкам и прочему – сорок восьмой год. Одна тыща девятьсот сорок восьмой. А если смотреть по тому, насколько все это состарилось, то получается, как понимающие люди говорят, что оно все без присмотра было лет пять-семь, не больше. А то и меньше.

– Понятно, – кивнул я и добавил: – Хотя ни фигя не понятно.

– Мне оно тоже так, – проявил солидарность Федя, – Хоть я уже три года здесь. Почти, четырнадцатого ноября как раз три будет.

Федя замолчал, а я задумался так, что дальше некуда. Нет, с теорией множественности миров у меня проблем нет, я в любую теорию поверю, если она получит зрительное подтверждение, вроде как сейчас. Вот как я в одном месте в сарай вошел, а в другом из него выбрался. Видел я такое раньше? Нет. А сейчас? Сейчас увидел. И даже поучаствовал в меру своих скромных сил.

Правда, пока особой разницы с моим миром я не вижу, Федя ведь и гнать пургу может, развлекаться, импровизируя на ходу. Принял меня за бродячего психа, везет до психушки, а попутно прикалывается. Почему нет? Или просто за дурака принял, у меня морда так себе, вроде бандитской, что сразу за академика примут – никак не грозит. Хотя, сейчас можно, сам открой академию, сам в ней и будь академиком. Без проблем, теперь таких много.

Хотя... кто на таких старых машинах просто так катается? Им место в музее, где с последнего экземпляра зрители пылинки сдувать будут. И вот оружие, автомат этот, который пистолет-пулемет, и который над головой висит. Я его сначала за ППШ принял, потом за ППС, да видать ошибся. Так вообще похож на ППШ, такой же штампованный дырчатый кожух на стволе, у дульного среза с наклоном, компенсатор этот, чтобы не подбрасывало, тут все нормально. А вот дерева и нет почти, если не

упоминать странное небольшое цевье под стволом и рукоятку управления огнем. Вместо деревянного приклада – откидной плечевой упор из гнутого стального прутка, выглядит грубо, но прочно.

Не диск, рожок, к тому же придвинут близко к рукоятке управления огнем. Сильно придвинут. А рукоятка управления огнем как раз смещена вперед, и стоят рядом друг с другом, совсем как в калаше. Ствол длиннее получился, это хорошо, пожалуй. Или просто так выглядит.

Да и вообще, о чем это я? Кто в мое время будет с пистолетом-пулеметом открыто кататься и на первых встречных его направлять?

– Слушай, что это у тебя?

Федя поднял глаза к потолку, опять ухмыльнулся и сказал:

– Если верить тутошним наставлениям, то пистолет-пулемет конструкции Шпагина образца сорок третьего года. А я про такого Шпагина и не слышал.

– Ты чего? – удивился я. – Шпагин в Великую Отечественную своим автоматом прославился, как не знать можно?

– Видишь? Сие и означает, что мы с тобой из разных слоев. Про Великую Отечественную слышал. Здесь. И вот про Шпагина тоже уже здесь узнал. А у нас такого не было, ни Отечественной, ни Шпагина. Понял как? Англия с Германией воевали – и все.

– Опа...

– Ага, срослось одно с другим... Ничего, привыкнешь. Тут оно так бывает, вроде даже по слоям реальности земляки встретятся, из одного места, а потом раз – и что-то вылезает. И чаще всего получается, что все из разных.

– Во как... Машина трофейная, что ли?

– Ага, «Опель-Блитц». Слышал про такой?

– Че-то слышал... вроде, – кивнул я.

– Хороший шарабан, мне нравится. Тут в одном городке трофейный склад большой, на нем всякой автотехники хватает. А так и своя есть, и американская, те вроде как помощь сюда поставляли, много ее. Оружие ихнее попадает еще.

– Слушай, Федь, – решил я еще о важном спросить, – А куда везешь-то меня? Не, я понял, что в Углегорск, а там-то куда?

– В контору по распределению таких, как ты. Или как мы, потому что других здесь нет, есть только те, кто сюда раньше попал, и кто позже. Выяснят, кто ты такой и как сюда попал, с работой помогут, с жильем на первое время. А дальше... дальше начинай жить здесь, как мы все. Да нормально, жить можно, это тебе не Аляска, где одна баба на сто

старателей была, тут все в пропорции.

Я так понял, что Федя высказался о наиболее существенном, на его взгляд. А что, вопрос тоже важный. Но не порадовал. Нет, все понятно, но не порадовал.

– Федь, а обратно отсюда никак? – с робкой надеждой уточнил я.

– Никак, Володя, – твердо ответил он и головой помотал, – Никто отсюда не уходил обратно. Да это еще полбеды, Отстойник этот самый не зря за тот свет полагают. И не за рай. Я что по-твоему, автомат просто так с собой вожу?

– А... есть причина? Криминал? Хищники?

– Есть криминал, – согласился он, – И хищники тоже попадают. А вон туда глянь.

Он показал рукой на темные низкие тучи, висящее за лесом низко над землей, скорее даже лежащие на земле и поднимающиеся от нее в невероятную высь. Жутковатое зрелище вообще-то, неприятное. Не зря мне в ту сторону идти не хотелось.

– Буря там, что ли? – прищурился я, вглядываясь.

– Тьма там. Самая настоящая Тьма. В Отстойнике, как опять же знающие люди говорят, встретились Свет и Тьма. Близко. Столкнулись, можно сказать и перепутались, отчего у нас тут сплошные проблемы, мать их в душу. Вот и живем так...

– Стой, стой, а фонариком ты что проверял? – вспомнил я первый момент нашего знакомства.

– Вот это и проверял. И ты знай – встретил незнакомого человека не в городе, или просто не там где надо – попроси на яркий свет посмотреть. Хоть бумагу зажги и перед глазами поддержи. Если с ним что-то не так, или это вообще не человек, то у него глаза черными станут. Секунд за пять.

– В смысле черными? – уточнил я.

– В смысле вообще черными. – решительно махнул правой рукой Федор. – Ни зрачка, ни радужки, ни белков, сплошная чернота. Или даже белок черный окажется, а радужка со зрачком белесая, как негатив. И зрачок вертикальный. Только того, тут уже осторожней, реакция может быть всякая, в основном...

– Какая?

– Да простая, прошляпил – ты покойник.

Я посмотрел на него с подозрением, прикидывая, насколько он серьезен, но ни к какому конкретному выводу не пришел. Было желание послать его куда подальше с такими шуточками, да только с фонарика он и начал общение. Почему так? Есть ведь причина, наверное? А может это он

псих, а вовсе не я? Тогда все логично получается. Все кругом психи, а я... Д'Артаньян, например. Чем не вариант?

В любом случае, здесь все же что-то не так. Тучи те же самые. Никогда я не видел, а повидал всякого много, чтобы вот такие были, почти черные. И вообще смотреть на них как-то... зябко. Нехорошо на них смотреть, а это тоже странно, потому как я и вовсе не мнительный. Я вообще толстокожий и малоэмоциональный чурбан.

Я так задумался, что когда машина подскочила на очередной глубокой колдобине, какими был богат этот грязный проселок, я даже приложился затылком о заднюю стенку кабины, на что водитель сказал:

– Не погни.

– Раньше машины были крепкие, – ответил я.

– Голову не погни, за машины я знаю.

Я постучал по металлической простенькой панели с овальным лючком «бардачка» испросил:

– Так это «Опель», говоришь? Твоя или работаешь на ней?

– Моя, – гордо кивнул он, – Когда взял, пробега на ней мало было. И вообще почти без проблем машина.

– Дорого обошлась? – поинтересовался я, но так, лишь бы хоть что-нибудь спросить.

– Почти что в собственную башку, – засмеялся он, – Купить машину у нас трудно, то есть вообще не продают. Надо самому добывать.

– В смысле? – не понял я.

– В простом, – взялся объяснять он, – Машин целых не так много осталось, времени-то прошло немало... ну, местного времени, в смысле, с того как тут..., – он защелкал пальцами, подыскивая слово, и я ему помог:

– Я понял.

– Ага, ну вот. Да и вообще не так их тут много было, я так понимаю, что тут больше на лошадках катались. Ну и лишних вообще нет, если она целая, то могут просто на запчасти разобрать, а их на складе сложить. Так и делают в основном, чем потом-то чиниться? Если литье какое несложное или слесарка – сами сделают, а что посложнее – уже трудно. Поэтому начальство давится жабой и машины никому не дает. Нужна – найди сам...

– И ты сам добывал? – уточнил я.

– Ага. Нашел хорошее место, где они вроде как на консервации стоят, договорился на тягач, да и вывез. Две вывез в общей сложности, одну городу отдал, они за целые платят хорошо, вторую себе оставил.

– А с башкой чего?

– Да вывез из одного места, а это на границе тьмы, считай. Там всякое

случается, да и светлого времени мало, часа четыре всего. Когда вторую тащил, чуть не накрылся. Но вот, теперь катаюсь.

Он гордо похлопал по баранке, добавив:

– Везде лезет, везде тащит. Зверь-машина.

– Ты сам по себе работаешь? – задал я следующий вопрос.

– Не, я на должности в Горсвете, просто сутки через трое хожу, остается время еще и для себя подшуршать мальчика. Так, за чуток, на пиво и бензин. Сейчас вот с халтуры еду.

– А что делал?

– В Митино катался, лампочки выкручивал и провода снимал. Лучше бы еще за машиной сгонял, но это напарник нужен, а его нет. А так электрика всякая в дефиците, чуть не на вес золота. Производство не наладили, хоть и мечтают. Не хватает чего-то. У нас только бензин с соляркой тут производят.

Бензин, кстати, пахивал как-то странно, я еще в первый момент обратил внимание, когда машина близко подъехала, но значения не придал, не до того было. А теперь заинтересовался, раз уж Федор сам тему поднял.

– А с бензином как?

– Дороговато, но есть, – ответил Федор.

– Откуда? Из запасов?

– Ты че? – удивился он. – Какие в дупу запасы? Запасы все давно закончились. Из угля гонят, по немецкой технологии. Ну и масла всякие, они тоже нужны.

– И как?

Про немецкий синтетический бензин я слышал и читал, немцы в войну вроде не жаловались на него. Разве что дороговат он выходил, если мне память не изменяет. Но может и изменять, не уверен.

– Да нормально, видишь – бегают, – он в очередной раз постучал по рулю, как делал каждый раз, когда заговаривал про свой «Опель», – Моя «минерва», что в той жизни осталась, от такого бы масла с бензином загнулись, а «опелек» этот жрет и радуется.

– Че за «минерва»? – удивился я.

– Внедорожник японский. У вас таких не было? – даже не удивился он.

– Не было.

– Значит че-то другое было, – заключил он с уклоном в некую философичность.

– Ага, наверняка, – поддержал его вывод я.

Вскоре машина выбралась на старую и здорово разрушенную асфальтовую дорогу, на которой трясти стало даже хуже, да и кузов

загромыхал еще громче. Стало шумно, разговор увял.

Первое доказательство того, что Федя не псих, пришло, когда из-за поворота дороги показалось поле, тянущееся к большому городу, а затем мы проехали мимо потрескавшегося бетонного указателя с каким-то барельефом, изображающим шахтеров и металлургов в трудовом порыве, и с надписью под ними: «Углегорск. Город трудового подвига».

Город явно был не маленьким. Если бы у нас такой был, я бы о нем слышал так или иначе. Виднелись трубы заводов, тянулась серой лентой река, теряющаяся между домами. За рекой виднелись холмы, чуть дальше превращающиеся почти что в горы. Если приглядеться, там можно было увидеть какие-то металлические конструкции, экскаваторы, еще что-то. Все тоже с виду заброшенное, но явно указывавшее, что тут есть что добывать.

– Углем город жил? – уточнил я.

– Углем и сталью, тут железа полно. Но мы только уголь добываем.

– А чего так? – удивился я.

– Металлолома выше головы, на веки вечные хватит, – объяснил он, – Но металлургический частично работает. Раньше он тут огромный был, а у нас так, фурычит помаленьку. Чуть-чуть тот же металлолом плавят, чуть-чуть катают, чуть-чуть льют и чуть-чуть слесарят даже прямо там. Железную дорогу вот строят, до Карьерного уже дотянули, «овечка» ходит. Электростанция есть, правда она только на завод работает и еще на пару мест.

Поймал себя на ощущении, что смотрю телевизор. Репортаж с мест, о проблемах промышленного региона. Осознать тот факт, что я сам сижу в этом репортаже, пока не получалось. Было абсолютное ощущение нереальности всего происходящего вокруг.

Чем ближе к городу, тем все более мрачное впечатление создавал он. Он был заброшен, и это уже бросалось в глаза. Даже пять лет без людей не проходят бесследно для места, где люди должны быть. Это как покинутый дом вдруг начинает разрушаться удивительно быстро. Пока люди живут – ничего с ним не делается, а как покинут – и сразу трещины, запах затхлого, что-то ломается... Странно, но правда.

Да и с того момента, как люди исчезли, прошло уже не пять лет, как я понимаю, а все пятнадцать. Пыль, грязь, бурно разросшиеся кусты, осевшие деревянные дома – окраина, частный сектор. Чуть дальше, ближе к центру, начали попадаться двухэтажные деревянные на каменных цоколях. Я таких давно не видел, а вот с детства их еще помню, настоящие бараки, у нас такие на противоположной стороне улицы были. Даже без водопровода, кажется, там на углу колонка стояла, возле которой мы

обожают играть. А тетки, приходившие из бараков за водой, нас гоняли почему-то.

Колонки и здесь были. Тоже заброшенные, поржавелые, с облезшей синей краской. Из них воду давно не добывали, видать.

– А что людей не видно? – удивился я.

Действительно, улицы поражали еще и абсолютной безлюдностью. Пусть тут семнадцать тысяч населения всего, но хоть кто-то должен был мелькнуть.

– Люди в центре живут, компактно, – пожал он плечами, словно удивившись наивному вопросу, – Там и дома каменные, и безопасно. И сектор огорожен более-менее.

– А тут что?

– Тут опа-асно, – словно удивившись вопросу, протянул он, – Съесть могут или чего другое. Не так, как возле границы Тьмы, но тоже черт знает что творится.

– А так и не скажешь, – сказал я, глядя в окно, – Просто заброшенное место с виду. Пусто очень, правда.

– Это днем. Ночью куда хуже. Боремся как можем, но город большой. Везде не успеваем. Тут раньше тысяч двести населения было.

– А в центре безопасно, говоришь?

– Ага, если по ночам не гулять.

– А чего по ночам делаете?

– Дома сидим и водку пьем, – усмехнулся он, – Или чем другим, если есть с кем. Да увидишь все, поймешь по ходу, есть где людям собраться и под крышей. Нормально живем, как люди, пусть и трудновато. А то начну объяснять, и только запутаюсь. Помаленьку все. Поначалу главное слушай внимательно, что говорят. И все правила читай. Где они есть, там и читай, они тут не просто так писаны. А там работу найдешь, устроишься, разберешься. Сам таким был поначалу, вопрос на вопросе.

Вытащив из кармана серебристый портсигар с какой-то надписью, в котором обнаружился ряд толстых папирос. Он вытащил одну, смял в подобие примитивного фильтра и закурил.

– От прежних остались, или местные? – спросил я, приоткрывая стекло двери.

– Курево-то? Местное, армяне какие-то гильзы делают и продают, а по реке возят табак с юга. Набиваем уже сами, машинками. Нормально, курить можно. Будешь? – протянул он мне пачку.

– Не, спасибо, не курю я.

Машина пару раз вильнула по улицам, разминувшись с большим

встречным грузовиком, выехала на относительно широкую улицу с вросшими в брусчатку трамвайными путями, загремела покрышками по булыжнику. Затем нам навстречу попала бронемашина с открытым верхом, в которой, судя по торчащим головам, сидело человек пять, и на турелях стояли аж три пулемета.

– Классный «скаут», ленд-лизковский. А мужики в нем – разведбат, – пояснил Федор с уважением, – В рейды хрен знает куда катаются, самая белая кость в городе. Но туда попасть – такой отбор пройти надо, что лучше и не рыпаться.

– Опасно?

– Естественно, они на самые границы Тьмы ездят, те же меняются постоянно, – ответил Федор, а затем спросил: – А сам по работе что думаешь?

– Ну ты спросил, – усмехнулся я, – Откуда я знаю? Какие тут вообще работы бывают?

– Разные, почти как в нормальном мире. Почти. Ты вот сам как думаешь, что лучше? Спокойно и денег поменьше, или с проблемами, но побольше? Ну и свободы побольше тоже?

– А что предлагаешь? – уточнил я, поняв, что он к чему-то клонит.

– Да пока не предлагаю, но вот если ты в технике шаришь, то можно на завод пойти. Или в мастерские куда. Но если не специалист, то хорошего оклада не будет, ученик, считай. Работа каждый день, охрана, безопасность, все такое. Ты не военный? – вдруг спросил он.

– Нет, только срочку служил.

– Ага, да и служба дело такое, на нее сразу не берут. Я сам в разведроту пытался, так даже слушать не стали. А у нас вот сутки отпахал, потом трое гуляй. На все времени хватает. И платят как мастеру на заводе. Ну, чуток меньше.

– А минусы?

– Без башки остаться можно – это главный минус. Недостаток, можно сказать.

– С высокой вероятностью?

Он помялся, скорее сам задумался, затем сказал:

– Если сразу не влип, то потом долго проживешь. Я уже два с половиной года фонащиком, и живой, как видишь. Если без ума куда не надо не лезть, действовать по инструкции, то жить будешь. Опять же патронов нам не жалеют, с оружием нормально. По местным реалиям мне нравится. Ну и уважение, и все такое.

– И повеселее, наверное? – спросил я, прикинув, к чему клонит Федор.

Я задумался. Не то, чтобы сразу на все согласен, но Федор мне кажется парнем нормальным. А заодно он мой единственный знакомый в этих краях, все какая-то подмога. Да и сам я такой, мне лучше с риском, например, но чтобы и денег побольше, и с тоски не помирать. Хотя, тут помереть скорее не с тоски можно, а как раз наоборот.

– А чего за работа-то вообще?

– Зброшенные дома освещать как можно чаще, – взялся мой спутник за объяснения, – А то в тени всякое завестись может, если долго не проверять, увидишь – сдуреешь. Ну и мы ездим по графику бригадой, светим. Или если пробой где случается, ликвидируем.

– Что за пробой?

– Ну... ну вот подвал какой-нибудь, о котором никто не знает, – Федя изобразил при этом злоеущее лицо, – И там темно с начала времен. И если там какие-то причины сложатся, то в подвале такое заводится, что не знаешь как спастись. А то и просто канал в Тьму оттуда получается, как туннель. Вот мы и прикрываем район. Воюем тогда уже всерьез.

– Погодь, а ночью, когда везде тьма?

– Ночью тень, – поправил он меня, – И время Тьмы. Тьма приходит через тень.

– А в чем разница?

Он чуть растерялся, затем сказал:

– Если коротко, то тень – это отсутствие света. А Тьма – это противоположность Свету. Свет светит, а Тьма... темнит, например. Увидишь когда-нибудь, я не умею толком объяснить.

– Ага... – сказал я, кивнув, просто потому, что не видел смысла пытаться его дальше. – Слушай, а почему нельзя дома пустые взорвать, например?

– Смеешься? – удивился он вопросу.

– А че?

– Как это че? – засмеялся он, – Если их взрывать, то только так, чтобы даже подвал открытым остался, а это уже никакого тола не напасешься. Если просто дом завалить, то добьешься только того, что в подвале вечная тень заведется. И Тьма придет. А ты хрен чего сделать сможешь, потому как все завалено и это место не просветишь. Сам себе навредишь. Так, разбираем старый жилфонд помаленьку, но это надолго.

Во как... и верно. Ступил я чего-то. Ну мне простительно, я вообще пока не уверен, что все вокруг – реальность. Может быть меня там током дернуло, и я в коме где-нибудь в больнице? Как знать, как знать... Иначе придется смириться с мыслью, что угодил в фильм ужасов. А Елена сейчас милицию вызывает, куда пропал мужик вместе с сараем... Ой, ой, ой... об

этом и подумать-то страшно. Как бы с ней чего не случилось от такого явления.

– Ты чего? – скосил на меня глаза Федор.

– А что?

– Да как-то ты в лице переменялся.

– Да прикинул, что там сейчас дома...

– Жена, дети?

– Почти жена. Вторая. Дите взрослое уже, и с первой женой живет. В разводе мы.

– Это у тебя. А тут и детных отцов-мамаш хватает, прикинь, каково им было? Но справляются как-то, куды денешься. Вон, граница жилого сектора впереди.

Жилой сектор заметно отделялся от нежилого. Хотя бы тем, что включал в себя, как я понимаю, все каменные дома Углегорска, а также тем, что вокруг него была самая настоящая полоса отчуждения. Не поленились, снесли дома до земли метров на сто от серьезного забора из колючей проволоки, напоминающего скорее ограждение перед окопами у Вердена. Не жалели колючки.

– Откуда столько проволоки? – не выдержав, спросил я.

– Здесь делают, металлисты. Чуть не основная продукция.

Проволочный забор прерывался настоящей крепостью. Вполне серьезный дот с бойницами для пулеметов на уровне второго этажа, с площадкой для караульных на крыше. По краю прожектора, снизу ворота стальные. Дальше, за ограждением, стоит небольшой танк или бронемашина со спаренными ДШК в башне. Последний довод, наверное.

Грузовик неспешно заехал в отстойник КПП, ворота сзади закрылись, а спереди пока открываться не спешили. Из дота вышел офицер в форме и фуражке, с таким же ППШ на плече, как у Федора. Я обратил внимание на форму – все вроде похоже на нашу старую, но с отличиями. И бриджи не такие широкие, и гимнастерка до самого низу расстегивается, и лейтенантские погоны мягкие, тряпочные, откидные на пуговице, и воротничок отложной, без петлиц. И солдаты не в пилотках, как у нас принято, а в таких как у Федора небольших кепочках-фураньках.

Офицер подтащил от стены небольшой фонарь на витом шнуре, затем махнул нам рукой, скомандовав:

– Из машины. Досмотр.

Судя по спокойной реакции Федора, процедура была рутинной. Да и логичной, если по рассказам судить, так что трепыхаться не стал, а послушно выбрался из машины. Офицер посветил каждому фонариком в

глаза, заставив морщиться, затем проверил у Федора документы, а когда обернулся ко мне, шофер сказал:

– А это попаданец очередной. Провалился часа три назад.

– Да? – спокойно, даже не удивившись, переспросил офицер, – Тогда поздравляю с попадаловом. Откуда родом?

– Из Москвы.

– Земляки, – кивнул он, – Хотя и не уверен. Москвы бывают разными и их бесконечно много. В курсе уже?

– Ага.

– Ну и хорошо. Проходите на блок, отправим вас на распределение.

Я оглянулся на Федора, почувствовав, что словно теряю спасательный круг в этом сюрреалистическом месте, но тот, забираясь в машину, сказал:

– Мальцев мое фамилие называется. Просись в Горсвет, тогда в одну общагу устроят. Давай, с тебя поляна в честь заезда, сразу как подъемные получишь.

– Давай, езжай, – махнул ему лейтенант.

Федор помахал рукой, тронул с места свой чадящий агрегат и провел его в раздвинувшиеся ворота. А я, сопровождаемый молодым крепким солдатом в накинутаой поверх формы плащ-палатке, вошел в низкую дверь в бетонной стене дота, оказавшись в небольшой комнатке. У стены стояла длинная лавка, больше ничего не было. Я сел.

– Сейчас поедem, – пояснил боец, останавливаясь в дверях, – Сержант только машину подгонит.

– А чего, далеко отсюда?

– Нет, но чего ноги топтать?

– Тоже верно.

Среднего роса, белобрысый, лет двадцать пять. Форма как и у лейтенанта, вроде все привычно, но тоже с отличиями. Я обратил внимание на его карабин, небрежно висевший на плече стволом вниз. Сначала мне показалось, что это обычный СКС, только с пламегасителем. Затем на минуту почудилось, что это американский карабин М1 военной поры, какой я на картинках видел многократно. А потом, уже всмотревшись внимательно, я понял, что это все же наш СКС, но с отъемным магазином. Да и вообще непривычный какой-то, без откидного штыка. Штык у бойца на ремне в ножнах висел.

– Это что за ствол у тебя, если не секрет? – спросил я, не удержавшись.

– Самозарядный карабин Симонова образца сорок пятого года, калибра шесть с половиной миллиметров, – ответил тот, а затем спросил у

меня сам: – У вас такие были?

– Похожие, но не совсем такие, – сказал я всматриваясь.

Магазин что-то очень прямой, необычно. Да и емкость непонятная у него, если по размеру судить. А СКС у меня самого дома есть, охотничий, так что я в курсе, что к чему.

– Сколько патронов?

– Пятнадцать. С американского карабина, как говорят, взяли компоновку, – пояснил солдат. – Американские здесь попадают, они тоже на пятнадцать. Правда наш мощнее намного, и на холоде надежней.

– А что за патрон шесть с половиной?

– А черт его знает, – пожал плечами боец, – Я не в курсе. Тут шесть с половиной основным калибром, что у карабина, что у пулемета ручного. Шесть и пять на сорок четыре. Да на вот, глянь...

Он вытащил из подсумка один магазин, выщелкнул верхний патрон и кинул его мне.

Ага, гильза чуть менее под конус, чем наша калашовская, и подлиннее. Пуля тоже заметно остроконечней, чем привычная семерка и потощей будет. Откуда калибр такой? Если бы про нас разговор, то сказал бы, что от японской «арисаки» пошел, только укоротили гильзу... а может так и было? Как тут история развивалась, черт ее знает. У нас в первую мировую и «арисаками» пользовались, и под патрон для нее Федоров автомат изобрел. Первый в истории. Почему нет?

– А чего пламегаситель такой странный? – спросил я, кинув патрон обратно.

– Чтобы гранатами стрелять, – ответил боец и снова полез в подсумок: – Вот, гляди, на пять холостых патронов магазин, боевой в него не всунешь.

Действительно, в руке у него появился короткий магазин с наглухо сходящимися впереди губками, патрон с пулей в него не втолкнешь – не влезет, только холостой с замятым дульцем.

– А вот граната, – добавил собеседник и вытащил из длинного брезентового подсумка нечто вроде маленькой минометной мины с длинным тонким хвостом, – Насадил на ствол, газоотвод перекрыл, холостые вставил – и бах! Знаком с такими?

– Нет, у нас не было, – покачал я головой.

– Из разных мы с тобой мест, – заключил он, – У нас были. Хорошая штука, можно метров за двести стрелять.

– У нас подствольные гранатометы.

Он ничего не ответил, лишь пожал плечами. Подозреваю, что попытки определить кто откуда тут вроде как стандартная процедура знакомства.

В комнатку заглянул младший сержант, рыжий и усатый, сказал:

– Давай, попаданец, отвезем тебя куда полагается.

На улице прямо возле дота стояла знакомая по фильмам «полуторка», маленький неуклюжий грузовичок, у которого на деревянном борту кузова большими белыми буквами было написано «Комендатура».

– Давайте оба в кузов, – сказал сержант, забираясь за руль машины.

Карабкаться было невысоко, да и задний борт был откинут. У борта переднего имелась лавка, на которой мы вдвоем с бойцом и уселись.

– Давно ты здесь? – спросил я его.

– Года два, – ответил он, и что-то прикинув, добавил: – Чуть больше, два и месяц.

– И как?

– Да нормально, могло быть и хуже, – пожал он плечами, – Живем – хлеб жуем. Пока цел, служба идет. Да не ссы, все пучком будет, все равно отсюда никуда не денешься.

Фыркнув мотором и душераздирающе проскрежетав коробкой, «полуторка» дернула с места чуть не прыжком, так, что я с лавки едва не свалился, но дальше покатила неторопливо, не набирая, судя по всему, и сорока километров в час. В лицо опять сыпануло мелким дождем, я поплотней завернулся в дождевик, чувствуя, как промозглая сырость забирается и под него, и под толстый свитер.

Потянулась прямая грязноватая улица с высокими тополями по бокам, прикрывающими обшарпанные стены домов, покрытые осыпающейся штукатуркой, крашенной в желтоватый цвет. Тянулись дома жилые, какие-то учреждения, школа с барельефами в виде глобусов, планеров и пионерских галстуков по фасаду, какой-то сквер с памятником не пойми кому. Появились пешеходы, одетые все больше или в допотопную военную форму, или в какую-то ее комбинацию с гражданской одеждой. Впрочем, была одежда и просто гражданская.

– Слуш, а чего столько народу по форме-то, а? – спросил я.

– А что тут еще носить? – удивился он вопросу. – В магазинах здесь по одежде голяк, а если где и есть что, то такого вида, что смотреть страшно, разве что под машиной валяться. А на складах таких галифе с гимнастерками на целую ударную армию хватит. Или две. Вот и выдают. Ну еще тетки свитера вяжут, продают на базаре, а остальное все такое вот... Куртки кожаные кто-то наладился делать, где-то шить начали, но пока мало и дорого. Да и все, в общем.

Он покачал носком кирзового сапога, выставив его вперед. Кирзачи были виду самого привычного, знакомого с юности, так сказать.

– А тут правда война только закончилась?
– Да вроде как, – кивнул боец, – Но тут ее не было, фронт не дошел, как я понял. Верст двести сюда не дошел. Зато складов военных здесь до черта, вроде как поближе к фронту везли. Или с фронта.

– У вас... ну, откуда ты сам, война была?
– Ага, еще какая, – кивнул он, – В сорок шестом закончилась. Перемирием.

– А началась?

– В сороковом.

Я присвистнул мысленно. У нас все же на два года меньше тянулась. Интересно, что там у них творилось, в реальности, откуда провалился в эти мрачные места мой конвойный. Но спрашивать не стал.

Чем ближе к самому центру, тем людней было на улицах. Были вооруженные люди, а были и безоружные, на первый взгляд. Я даже не выдержал и уточнил:

– А днем тут безопасно, точно?

– Ага, Горсвет тут все просвечивает, не успевают заводиться... всякие. А через периметр мы не пускаем. Вот с заходом уже стремно на улицу соваться. Если ты не дома, то лучше сиди где сидел, или в гости к кому иди.

– А если не к кому в гости?

– Так не бывает, а вообще можешь куда-нибудь в учреждение сунуться, там всегда дежурные есть. На улицу нельзя.

– А на машине?

– Смотря на какой, – усмехнулся он. – Если на танке, то без проблем.

– А есть танки?

– Есть, куда они денутся. Только запчастей и горючки на них не напасешься, так что если что и пользуем, так только легкие. А так всяких хватает. Правда их еще и завести проблема обычно, стоят-то уже сколько лет.

– А у дота что стояло такое, ну, с двумя пулеметами? – поинтересовался я.

– Т-90, легкий, с двумя «дашками». Серьезный агрегат, как сыпанет, так и в клочья.

– Кого в клочья? – уточнил я, восхищенный метафорой.

– Да пофиг кого, – отмахнулся небрежно боец. – Кого хочешь.

– Понятно, – с уважением кивнул я.

Полуторка объехала по кругу площадь с заросшим сквером посередине, которая называлась, как и следовало ожидать, площадью Ленина, и которую здесь звали, со слов бойца, площадью Крупского, или

просто «Крупой», ну и памятник, стоявший посреди сквера, оказался как раз ему и посвящен. Лысый вождь стоял чуть наперекосяк, призывно вытянув руку и указывая ей на сгоревший верхний этаж здания напротив, словно указывая на непорядок.

– А че там горело? – полюбопытствовал я.

– Да фонарщики какой-то шкаф на чердаке прошляпили, оттуда и вылезло. А в здании только ночной дежурный был, так чтобы отбиться, бумаги в шкафах поджег. «Да будет свет!» вроде как сделал. Этаж и сгорел, – все столь же туманно пояснил провожатый. – А сам не в курсе, что гадам этим свет, если уже полезли, по-барабану совершенно.

– И чего с дежурным?

– В окно сиганул, упал в кусты, только ноги поломал. А тут и фонарщики подъехали.

Полуторка остановилась у обшарпанного крыльца, пофыркав двигателем. Боец совсем не изъявил желания вылезти, выбрался только сержант из-за руля, призывно махнувший мне рукой и сказавший:

– Слезай, приехали. Щас тебя посчитают и к делу определяют.

Под конвоем сержанта и словоохотливого солдата я поднялся по крыльцу и оказался перед дверью, справа от которой на стене висела табличка гласившая: «Администрация Углегорска. Районный отдел приема поселенцев (РОПП)». Дверь, крашенная бурой половой краской, отворилась со скрипом на тугой пружине. Мы вошли в полутемный маленький вестибюль, где вдоль стены вытянулся ряд кресел с откидными сиденьями из потрескавшегося дерматина, вроде как в кинотеатрах раньше бывали, а напротив кресел, за стойкой, отгороженной решеткой, сидел сержант с красной повязкой «Дежурный по отделу» на рукаве.

– Здорова, ропперы! – громогласно, вызвав гулкое эхо, поздоровался рыжий. – Митя, поселенца привезли, оформляй.

И с этими словами рыжий протянул в окошко какую-то бумажку.

– Это хорошо, – кивнул дежурный, делая в бумаге какую-то пометку и возвращая ее обратно, – Больше народу, крепче стоим. А то что-то в последнее время мало провалилось, мы уже опасаться начинаем. Как зовут?

Это он уже ко мне обратился, заодно подтягивая большую амбарную книгу и открывая ее на заложенной странице.

– Бирюков Владимир Васильевич, – представился я.

Сержант сначала посветил мне в глаза, затем тщательно, каллиграфическим почерком записал в книгу мои данные, не забыв спросить даже домашний адрес, затем сказал:

– По коридору направо, кабинет номер два. Бочаров Сергей

Геннадьевич вас примет, теперь все вопросы к нему.

Рыжий пожелал мне удачи, попрощался с дежурным, уткнувшись в какую-то книжку, и вышел на улицу. А я направился куда велели, в темный коридор, в конце которого в кронштейне торчала керосиновая лампа, дававшая тусклый и мерцающий свет. Двери выходили в обе стороны, так что окон в коридоре не было, свет с улицы не попадал. Номера на дверях прочитывать было почти невозможно, приходилось чуть не носом упираться в них, и еще на цыпочки приподниматься. Кабинетом номер два оказалась вторая дверь по счету. Я постучал, дождался ответа «войдите», и, соответственно, вошел.

– Добрый день, – с ходу поприветствовал меня средних лет невзрачный и лысоватый дядек в большой не по росту полушерстяной гимнастерке без погон, но с портупеей через плечо.

– И вам добрый, – кивнул я, оглядываюсь.

Стол под выцветшим зеленым сукном, простой и потертый. Карандаши. Чернильница. Бумага. Все как из кино, полное ощущение нереальности.

– Чего уставился? – буркнул мужик. – Компьютеры ищешь?

– Ну... типа того, – кивнул я. – А то странно как-то, типа в театре. Или музее.

– Ага, а я экспонат, – кивнул тот. – Нет тут ни хрена, ни компьютеров, ни даже электричества в здании. Чернилами пишем, из непроливаек. И суем в них стальные перья, и ставим на бумаге кляксы. Бумага, кстати, дерьмо дерьмом, пером из нее аж щепки цепляются.

Мужик вздохнул, бессмысленно передвинул чернильный прибор, изображавший рабочего с молотом и колхозницу со снопом спелой ржи, кривовато отлитых в бронзе, затем спросил, попутно указывая на стул напротив:

– Давай, рассказывай, как сюда попал.

– Как все, наверное, – пожал я плечами.

– Точно, – кивнул тот, – Темнота, очнулся – гипс.

– Гипса не было.

– Да знаю я. Понял хоть, где очутился?

– Ну... просветили немного добрые люди.

– Сюда как попал?

– Да парень один подвез, – неопределенно махнул я рукой куда-то в сторону окна, – В Горсвете работает, как рассказал.

– Это кто там? – слегка заинтересовался Бочаров. – Я вроде всех оттуда знаю.

– Да Федором зовут, но говорит, что даже на Теодора согласен. Мальцев фамилия.

Бочаров вздохнул, затем сказал:

– Знаю я сего Теодора. Лоботряс. Но парень смелый, не скажешь ничего. Ладно, к делу давай.

– Давайте, – согласился я. – А то я пока вообще не знаю, что мне дальше делать, как жить и куда. Кстати, а обратно отсюда точно никак?

– Точно, – кивнул он. – Было бы «как» – ты бы здесь ни души бы не встретил. Хотя..., – тут он замялся, – Хотя всяко бывает. Кто-то и прижился уже, обратно так и не захочет. Иные в авторитет вошли, а дома никем были. Ладно, давай с главного: голодный?

– Ну... есть малехо, – проявил я честность. – Но терпимо, можно и подождать.

– Тогда терпи, с остальным закончим.

Бочаров встал, одернув гимнастерку, которой это совершенно не помогло, складки собирались под широким кожаным ремнем самыми причудливыми сочетаниями, задирая полы и образуя что-то вроде балетной пачки. Подойдя к старинного вида сейфу, открыл его, вытащил оттуда бумажный конверт. Вроде как подумав, передал его мне:

– Тут талоны на питание. Тридцать дней три раза в день. В центральной столовой, это вон там, за углом, – он указал направление рукой и уселся обратно на свой скрипнувший стул. – С голоду уже не помрешь. А в остальном как дальше жить планируешь?

– Да я и не знаю ничего толком, – удивился я вопросу, – А какие варианты?

– Ну, можешь просто идти сам себе дело искать, частника мы не зажимаем, – сказал собеседник, – А можешь на работу устроиться. Что и рекомендую, собственно говоря. Зарплата, общага, там осмотришься.

– Ну... чего я сам шариться буду? На работу надо. Если место дадут, куда свои кости бросить.

– Дадут, дадут, – вздохнул он. – Вот смотри, список вакансий, куда народ на сегодня требуется.

Он открыл большую картонную папку, лежащую перед ним, и подвинул ее мне. Я увидел отпечатанный на машинке лист позиций из двадцати. Пробежал по нему глазами, отметил «Комендантскую роту» и «Горсвет», затем на Бочарова взглянул:

– А правда, что в Горсвете работа суточная?

– У фонарщиков выездных, – ответил Бочаров. – Это которые в поле работают. А что, Федька агитировал?

– Ну... да, он, – подтвердил я. – Все равно ни черта не знаю, а там, говорят, и платят неплохо, и время свободное есть.

– А насчет профессионального риска предупреждал? – уточнил собеседник.

– Вроде как, – пожал я плечами. – Только я пока не верю еще ни во что. Точнее, верю, но ни хрена не понимаю.

– В Горсвете поймешь, – усмехнулся тот. – Отговаривать не буду, если тебе лихость природная жить не дает – там тебе самое место. Да и люди там во как нужны, народу страсть за месяц у них накрылось.

Это он добавил с неким оттенком злорадства в мой адрес, мол, надо было раньше думать, прежде чем проситься. Не могу сказать, что пропустил мимо ушей, но задний ход давать не стал, неудобно уже переобуваться. Да и вообще...

Он вырвал из другой папки какой-то разлинованный бланк, в котором начал что-то быстро писать, постоянно макая простенькую ученическую ручку с пером в чернильницу и немилосердно пачкая бумагу кляксами. Да еще и тихо матерясь при этом. Покончив с писаниной, он помахал листочком, чтобы просушить чернила, затем протянул его мне.

– С этим в Горсвет пойдешь, в отдел кадров. Там тебя в штат зачислят, аванс выплатят. Это вот так, по улице, пока зеленый забор с воротами не увидишь справа, а за ним – желтый дом трехэтажный, – он ткнул пальцем куда-то в стенку. – Это Советская тридцать два, бывшее здание почтамта. Сегодня у нас... – он заглянул в календарь, – Четверг у нас сегодня. В понедельник в девять утра жду здесь, на лекции для новичков. Это обязательно, с работы отпустят. Понял?

– Понял.

– Тогда шагай прямо туда, а то конца рабочего дня всего полтора часа осталось. Не успеешь что-нибудь получить, тоже понедельника ждать придется.

– Ага, спасибо.

– Не за что, поаккуратней здесь, в темноту не лезь.

– Вообще?

Он чуть удивленно глянул на меня, подняв мохнатые брови, затем спросил:

– На этот счет тебя так никто и не просветил?

– Нет, – чуть растерялся я.

– Тьфу, блин, – досадливо поморщился он. – Тут правило такое: не знаешь места, сперва туда посвети. Если больше суток где-то темнота была, там уже что-то завестись может. Но полная темнота, когда ни лучика света

туда. Видал?

Он указал пальцем на шкаф с папками для бумаг. Я обратил внимание, что дверцы в нем просверлены во многих местах, грубо, дрелью.

– Вот так надо, где можно, – добавил он, – Чтобы как можно меньше мест для тени оставалось, понял? Пусть хоть лучик, и уже все в порядке. Если увидел вроде как траву, но такую, черную, и легкую как пепел – осторожно, это уже прорасти Тьма туда начала.

– И чего делать? – чуть опешил я.

– Свет нужен. Любой, керосинки хватит. Ладно по остальному тебя в общаге просветят, а главное я сказал – во тьму ни ногой. Понял?

– Понял.

– Иди давай.

На этом разговор наш и закончился. Я прошел через пустынный вестибюль мимо кивнувшего мне дежурного сержанта за решеткой, и оказался на улице. Встал на крыльце, огляделся.

Дождь вроде как еще усилился, стало еще ветренней, но сам я немного если не успокоился, то ощутил себя стоящим ногами на земле. Люди все же вокруг, уже легче чуть-чуть. Но все равно... Помотал головой, пытаюсь отогнать назойливый бред, но ничего не вышло. Бред, или не бред, продолжался и развеиваться не собирался. Поэтому я направился туда, куда сказали.

Улица Советская была, по всему виду, самой центральной еще в том Углегорске, до того, как он переселился в Отстойник, потеряв где-то все население, да и сейчас таковой осталась. Несмотря на обшарпанный и затрапезный вид, осыпающиеся фасады домов и разбитые тротуары, неровную брусчатку там, где были когда-то трамвайные пути, она была оживленной. Ну, на том фоне, что мне довелось наблюдать проезжая по другим улицам. Были открыты какие-то магазинчики, приметил шашлычную, а затем и хинкальную, логично подпертые пельменной и просто пивной. Где-то негромко и хрипло играла музыка, причем старая и очень знакомая... точно, Русланова, да еще и «Валенки». Это как так?

Потом сообразил, что вряд ли кто с ди-ви-ди плеером сюда провалился, а тут, небось, одни патефоны были. Вот и слушают то, что есть. Тут еще круглых черных тарелок радиоточек ждешь, но пока на глаза не попадались.

Был у меня когда-то патефон, я его на даче, на чердаке нашел, когда еще совсем сопляком был. Копался в старом пыльном хламе – и вытащил. Патефон и квадратный черный чемоданчик с удивительно тяжелыми, толстыми и одновременно хрупкими пластинками, с красными и синими

бумажными «яблоками» в середине, которые крутились очень быстро, и у которых на каждой стороне было записано по две песни, звучащих словно с того света. Но мне этот агрегат с пружинным приводом очень нравился, и я с удовольствием слушал «Утомленное солнце», «Брызги шампанского» и «Гоп со смыком».

Затрещал двигатель, мимо прокатил мотоцикл с коляской, за рулем которого сидел человек в танковом шлеме и в зеленой плащ-палатке. В коляске, против ожиданий, пулеметчика не было, а лежал большой мешок, на котором мне удалось разглядеть надпись «Сахар». Ага, добыл где-то. Тоже молодец.

Из шашлычной «Телави», когда я проходил мимо нее, потянуло вкусно и так остро, что я слюну сглотнул, перехватив любопытствующий взгляд толстяка кавказской наружности, стоящего на крыльце со сложенными на груди толстыми руками. Я лишь ускорился, успев с сожалением вспомнить, что у меня в кармане только талоны на бесплатное питание, а уж они наверняка шашлычного человека не интересуют. Почему-то я в этом уверен.

Бочаров не соврал, идти оказалось недалеко. Вскоре я увидел высокий забор, в нем – серьезные зеленые ворота с красными звездами, выглядевшие непривычно ухоженными на фоне всеобщего запустения, а забор превратился затем в стену дома с высоким крыльцом.

«Горсвет». И все, никакой расшифровки, вроде как у «ропперов», или как там назвал тружеников по приему поселенцев рыжий сержант. Скромно, но со вкусом.

Вестибюль с дежурным в мощной клетке был просторным, из бывшего приемного зала почтамта переделанным. Колонны с барельефами вверху, на стене мозаика – вдохновенный горняк демонстрирует свой отбойный молоток восхищенной колхознице. И все это на фоне трактора и спелой нивы. Как на это поле попал шахтер, я так и не понял. Докопался, наверное. И деву напугал, вид у нее и правда какой-то неуместно экзальтированный.

В отличие от пустынного вестибюля РОПП, здесь было шумно и суетно. Сновали туда-сюда люди, кто-то громко говорил в коридоре, где-то звенели телефоны, что поначалу удивило – свет был от керосинок. Но потом заметил у дежурного полевую «вертушку» и удивление растворилось. На меня внимания никто не обращал, лишь дежурный, пропуская меня через клетку-шлюз, уже привычно направил мне в глаза фонарь-переноску, забрал у меня бумажку, прочитал ее внимательно, а затем вернул, сказав бесцветным голосом:

– Отдел кадров напротив, туда пропуск не нужен, – и указал рукой на дверь у меня за спиной.

Действительно, там была обитая дерматином дверь с требуемой табличкой. «Горсвет, Отдел кадров. Зам.н. О.К. Березаев Павел Демьянович». Стучать в такую дверь было бесполезно, все равно не услышат, так что я ее просто потянул на себя и вошел.

Отдел был представлен одним единственным человеком – седым и лысоватым дядьком годам к шестидесяти, росту такого, что его едва было видно из-за стола, одетого, к моему удивлению, в костюм, хоть и без галстука. Правда костюм был такого удивительного цвета, что я заподозрил, что портной украл сукно для его пошива с бильярдного стола.

Дядек был не лишен чувства юмора – на стене висел плакат с надписью, гласившей: «Приходи редко, проси мало, уходи быстро». При этом не похоже, что он был работой перегружен.

– Садись, – сказал дядек, после того как мы обменялись приветствиями, и указывая на неудобный как «кресло грешников» стул с прямой спиной и бурым дерматиновым сиденьем системы «але геморрой».

Точно, на таком долго не засидишься, уйдешь быстро и просить ничего не захочешь. Это я осознал сразу, едва усевшись.

– Давай направление, – сказал он, протягивая руку с вытатуированным на тыльной стороне ладони якорем.

Читал он его недолго, хмыкнул пару раз над какими-то своими мыслями, затем аккуратно подшил в папку, которую, не вставая, извлек из шкафа. Затем сунул мне ротапринтную анкету на трех листах, спросив попутно:

– С чернильницей писать умеешь, или карандашик дать?

– Лучше карандашик, – честно ответил я.

– Держи, только очинен худо, – сказал Березаев, прокатив по столешнице просто карандаш, действительно заточенный кое-как, словно топором. – Документов-то никаких, небось?

– Откуда? – чуть преувеличенно удивился я, – Во двор на минутку вышел.

– А где тебя закрыло?

– В сарайчике.

– А я в подвал за огурцами полез, на даче. Новый год справляли. То-то думаю гости удивились, куда хозяин пропал, – вздохнул дядек. – А жена так в особенности, решила небось, что к любовнице сдернул.

– А давно было, Пал Демьяныч? – вежливо поинтересовался я.

– Да девять лет уже как. Ты пиши анкету, времени мало, мне тебе

документы выписывать, а потом бухгалтерия, замбой, в общем – хватает дел.

Анкета оказалась хоть и длинной, но простенькой, касалась больше бывших мест работы да полезных навыков. Березаев, почитав ее бегло, отчеркнул красным карандашом пункты про срочную службу, военную кафедру, охоту и рыбалку, чуть подняв брови, обвел в яркий овал мою запись о долгом стаже за рулем мотоцикла. Даже спросил:

– Мотоцикл точно водишь?

– Точно вожу. А что?

– Да мало кто умеет у нас. – сказал тот, опуская глаза в анкету, – Мы же не французы сюда ссылаемся, климат сам знаешь какой, вот и получается, что мотоциклов тут много, вроде как, а мотоциклистов мало. Учим, естественно, но все равно это уметь надо.

– Ну... могу, если надо, – пожал я плечами, – Только у вас тут что за климат?

– Обычный. Но с коляской и зимой гоняем. Как в войну ездили, так и у нас ездят.

Я немного опешил, но потом вспомнил, что вроде как в той же хронике мотоциклисты круглый год катались. Да и что это за транспорт на войне, если он сезонный?

– А у вас тут что, «цюндапы» какие-нибудь трофейные? – заинтересовался я.

– «Харлеи», нас на снабжение с ленд-лизовского склада поставили, так что иного не полагается, – сказал Пал Демьяныч, отодвигая анкету в сторону. – Претендуешь?

– С коляской?

– С ней самой, – подтвердил тот, – И с приводом на коляску.

– Я с коляской не ездил, – чуть растерялся я.

– Поездишь, – резонно возразил Березаев, – У нас тут и без коляски поначалу никто не ездил, а вот пожалста. Привыкнешь. Плащ тебе дадим трофейный, кожаный, от самокатчика немецкого, все девки твои будут.

Я покосился на его костюм, подумав, не явился ли именно этот критерий основным при выборе цвета сукна, но затем все же усомнился, Пал Демьяныч на ловеласа никак не тянул, да и от колера такого дамы скорее разбегутся.

– И чего мне, кататься взад-вперед? – уточнил я. – Что за работа-то?

– У нас служба, а не работа, – поправил меня Березаев, – А вообще в мобильную группу. И посыльным, и разведкой, и вообще на всякий случай. Хорошая служба.

– Ну... как скажете, я согласный.

– Ну и хорошо, раз согласный, тогда помолчи пять минут, пока все отношения заполню.

Справился он минут за десять, а не за пять, как обещал, заполнив несколько отпечатанных бланков, в каких и предложил расписаться. Расписываться пришлось деревянной ручкой с пером, макая ее в двойную чернильницу, похожую на те, что раньше на почтах стояли, в результате одна подпись расплылась, а на вторую я посадил кляксу, и пришлось подписываться второй раз. Но справился.

– Ага, молодец, можешь когда хочешь, – прокомментировал мои усилия Березаев.

* * *

Дальше все пошло удивительно быстро. Сначала он сообщил мне, что я обязан сфотографироваться на документы, затем отправил меня в бухгалтерию, всучив пачку бумаг, где мне пришлось посидеть минут десять, пока меня вносили в какие-то ведомости, и после чего я получил на руки нечто интересное – «Расчетную книжку» с отрывными страницами вроде чеков, на каждой из которых стоял синий штамп, обозначающий номинал чека, и чья-то небрежная подпись.

– И что, не подделают? – удивился я такой простоте местного расчетного средства.

– Да кто подделает? – спросила толстая девушка с усами и кудрявыми черными волосами, сидевшая за столом напротив. – У нас тут в городе семнадцать тысяч населения, зарплата на счету организации, все предъявленные к оплате чеки мы проверяем. Или попадется, или дело того не стоит. Пока проблем не было.

– Ага, хорошо, – кивнул я, убирая книжку в карман джинсов.

– Идите в вещевую службу, там ждут.

В отличие от бухгалтерии, сидевшей на втором этаже, вещевого склад размещался в подвале. Заведовала им тетка слоновьей комплекции, затянувшая свой необъятный бюст в гимнастерку самого последнего размера. Несмотря на суровый вид, меня приняла доброжелательно, сразу восхитившись моим имеющимися гардеробом.

– Повезло тебе! – объявила она. – А я сюда в ночной сорочке и босиком, хорошо что лето было.

– Это как?

– В уборной лампочка перегорела, – пояснила она, начиная заполнять вещевого аттестат на меня. – Получаешь пока летнее обмундирование и... ага, спецодежду. Танкошлем, плащ кожаный... ох ты... а надо посмотреть, остались еще или нет... Плащи раздает направо и налево, это где их напасешься на всех... так, ага... ну это есть, это не проблема.

Почему то я такой тираде на пункте «плащ кожаный дефицитный» не удивился ни разу. Не знаю почему, но вот такое предчувствие у меня сложилось сразу же, как Березаев про него упомянул. Понятия «вещевой склад» и «безвозмездная выдача кожаного плаща» никак в моей вселенной не могли ужиться вместе.

С остальным проблем не возникло. Даже сапоги дали померить сразу

несколько пар, причем вполне добротные, юфтевые, не кирзачи. Предупредив, правда, что если их изорву до окончания срока носки, то потом уже кирза достанется. Гимнастерку выдали хэбэшную, сдавленную по сгибам так, что о складки порезаться можно было, словно ее с помощью пресса упаковывали. Выдали непривычно не слишком широкие галифе, отмотали портянок. Затем мне досталась уже знакомая кепка-фуражка без всяких кокард и эмблем, которую я уже мысленно перекрестил в «фураньку», классический советский вещмешок с завязкой, памятный еще по собственной службе, мотоциклетные перчатки с крагами, добротностью натолкнувшие на мысль, что это трофей, а вот про плащ тетка забыла. А я напомнил.

После напоминания она суетливо повздыхала, удалилась на свой склад, где долго хлопала дверцами каких-то шкафов и что-то недовольно бормотала, затем вынесла мне куртку. Добротную такую брезентовую куртку с воротником из искусственного меха на манер тех, что у нас офицеры-танкисты раньше носили. Только у них была синяя, а тут защитного цвета, и воротник серый как ушанка.

– Вот, держи, английская, – пояснила она. – Для танкистов. А плащей нет, это Пал Демьяныч че-та попутал. И вот шлемы есть, все как в аттестате, – добавила она, выкладывая ребристый матерчатый танковый шлем темно-серого цвета. – Белья не выдаем, мало, на базаре сам покупай. Да оно там и лучше.

За плащ я решил не воевать, куртка мне тоже понравилась. А то, что с одеждой проблемы будут, я уже усвоил, так что любому запасу был рад. Разве что насчет зимнего поинтересовался, на что получил ответ:

– Рано еще, через пару недель выдавать начну.

Потом со склада вещевого отправился в оружейный, который так и назывался тут, а вовсе не склад РАВ, чтобы узнать, что оружие на меня запишут, но выдадут после того, как на меня будут оформлены все документы, и как я сдам норматив по стрельбе.

– А иначе хрен тебе, – емко сказал из-за решетки немолодой мрачный дядька с черными усами, командовавший складом. – Будешь учиться сперва.

– А где сдавать?

– На стрельбище. Это здесь, но уже темно, завтра отстреляешься. И сборку-разборку сдавать тоже будешь. Так что наставления учи, я тебе их тоже выдам. Стой здесь.

– Стою.

Дядька направился в склад, откуда и вынес нечто, меня удивившее. Я ожидал такого-же ППШ, как у Федьки-Теодора, или СКС, как у солдат, но

мужик выложил на столешницу недлинную винтовку с торчащим вперед стволом без пламегасителя и с не слишком широким магазином, который он присоединил прямо у меня на глазах.

– Карабин Эм-Один, американский, – прокомментировал он, – Никто их не хочет, но ты, как новичок, получишь. Все равно ничего другого нет.

– А чего не хотят?

– Патрон слабоват для карабина, эскаэс его как бог черепаху кроет, – пояснил мужик, – А пэпэша очередями шьет. Но ты не бойсь, на самом деле нормальный карабин, очень легкий, прямо игрушка, стреляет метко. И кстати, тут эскаэс таким как раз с него сделали, приказом наркома вооружений. Тоже магазин на пятнадцать, отъемный, тоже самозаряд. По проекту на десять патронов был, из обоймы, а как по ленд-лизу от американов эти карабины пошли, так приказали переработать.

– А вы чего, местный?

Это я, задумавшись, сморозил глупость. Но мужик не удивился, видать, на новичка поправку сделал, и сказал:

– Тут местных нет, мы сюда с приятелем пять лет назад попали, когда проводку в гараже чинили. Здесь людей нет, а бумаг выше головы. Вот и почитал приказы.

– Ага, понял...

– Револьвер еще получи, – добавил он, выкладывая на стол «наган».

– Это ленд-лиз? – удивился я.

– Нет, но других нет. Сейчас нет, – пояснил он, когда заметил мой взгляд, направленный на его кобуру.

Вне всяких сомнений, там покоился «кольт 1911», рукоятку ни с чем другим не перепутаешь.

– Девять миллиметров...

Тут я поразился малость,

– Шесть патронов...

Удивление окрепло,

– Гильза с дульцем...

Я понимающе кивнул,

– Барабан, понятное дело, не откидной, – подвел он итог описательной части.

– Ага.

Ну, наган как наган, разве что в калибре миллиметров больше, в барабане патронов меньше, ну и вид чуток отличается. В рукоятке что-то, долы... да и все, пожалуй. А так вполне обычный наган.

– Кобура дерьмо, или переделывай, или на рынке купи, умельцы уже

делают, – добавил мужик. – Ленд-лизовские хорошие, особенно если крышку на ремешок заменить, но под наган они никак.

– Понял, – кивнул я, затем спросил: – А с патронами чего?

– А на хрена они тебе сейчас? Я же все равно ствола тебе не выдам. Гуляй так куда. Один просто не шлейся по темноте и к людям держись поближе. Заодно слушай побольше, чтобы не схарчил кто, или не вселился. И все будет как надо, не менжуйся. Противогаз можешь взять. Хочешь – носи, а хочешь – сумку от него пользуй, он тебе по должности положен.

– Ага, спасибо, – засмеялся я, принимая дар в зеленой брезентовой сумке.

К Березаеву попал уже после окончания рабочего дня, он специально меня дожидался. Сидел в полутьме, разгоняемой керосинкой, попыхивал трубкой, задымив кабинет так, что я чуть не закашлялся. Какой-то ядреный у него табак, как кислотой по обонянию.

– Закончил? – спросил он у меня, начиная убирать бумаги со стола.

– Ага, вроде всех обошел, – ответил я, демонстрируя тюк с одеждой.

– Ну и молодец. Тогда держи направление в общежитие. Улица Засулич, дом четырнадцать, в бывшем здании музыкальной школы.

Приняв от него серую бумажку с кривовато отпечатанным текстом, я уточнил:

– А добираться как туда? Я пока ориентируюсь так себе, то есть вовсе никак.

– Пешком не надо уже, темнеет, – указал он черенком трубки на окно. – Так успеешь до заката, в принципе, но если запутаешься... На «пепелаце» езжай.

– На чем?

– Автобус, развозит сотрудников..., – он глянул на часы. – Через двадцать одну минуту пойдет, как раз по двум адресам, ну и ты с попутчиками. А там сразу к коменданту с направлением, понял?

– А он еще работает? – спросил я, тоже посмотрев на часы, но уже с сомнением.

– Не работает – так дежурный за него. У нас везде дежурные, жизнь такая.

На сем наша беседа и закончилась. Пристроив тюк с одеждой на подоконник в вестибюле, я стоял у серьезно зарешеченного окна возле компании из нескольких молодых мужиков, немилосердно куривших, и глядел на улицу через запотевающее стекло. Попутно отметил, что мужики сплошь вооруженные, кто с кобурой, а кто и с чем побольше. У кого ППШ, к виду которых мне никак не получалось привыкнуть, а у кого

американские карабины вроде того, что мне только что почти выдали.

Болтали они о чем-то веселом, много смеялись, запуганными или прибитыми жизнью не выглядели, так что я решил, что если бред у меня не закончится, то я здесь тоже как-нибудь проживу. Пока дорогу назад не найду.

– О, «пепелац»! – сказал один из мужиков, и вся компания потянулась к выходу.

Ну и я за ними, подхватив вещмешок и узел.

«Пепелацем» оказался довольно дряхлого вида трехосный грузовик ЗиС, громыхающий и одновременно с тем чихающий двигателем, у которого вместо обычного бортового кузова стояло что-то вроде автобусного салона. Дверь со скрежетом распахнулась, сидевший за рулем мужик в замасленном комбинезоне крикнул:

– Можно садиться. Говори, кому куда.

Остановок оказалось всего две, как Березаев и обещал, «Жилой городок» и «Общага». Водила покивал, и когда все уселись на жесткие дощатые лавки с такими же жесткими спинками, тронул свой «пепелац» с места. Тот заныл натужно, завонял выхлопными, но достаточно бодро покатил по улицам.

– Новенький? – спросил меня усевшийся рядом со мной парень, высокий, худой, но плечистый и жилистый.

– Ага, сегодня провалился.

– Не повезло, – усмехнулся он, – А я уже четвертый год здесь. Откуда сам?

– Из Москвы, если ты про город.

– Про город, – подтвердил он. – Со слоями реальности тут разбираться бесполезно, с ними все очень сложно. Как сюда?

– В сарае закрыло.

– А я у любовницы в доме в шкафу от мужа спрятался, прямо как анекдоте, – усмехнулся тот. – Как представлю лидкину морду после того, как мужика своего спровадила, а я куда-то исчез, так до сих пор смех разбирает.

– В портках хоть был? – засмеялся и я.

– Ага, в мужниных. Я их с перепугу в руки с вешалки схватил. А кроме порток ничего и не было. И выкинуло среди зимы.

– И как ты? – удивился я.

– А меня прямо в городе выкинуло, в пустом доме возле самого периметра. Повезло. Паша меня зовут, Павел в смысле.

– Володя.

– Будем знакомы, – пожал он мне руку. – В общагу, как понимаю?

– Ага.

– Значит, у нас работать будешь. В фонарщики определили, естественно?

– В фонарщики. Только объяснить забыли, что делать надо.

– А тут и объяснять нечего, – засмеялся он. – Ездишь по графику по пустым домам, и те места, куда свет не попадает, фонарем освещаешь. Ну и отбиваешься от того, что там успело завестись.

Я лишь вздохнул, потом прокомментировал его объяснение:

– Мне бы еще просветиться насчет того, что там обычно заводится.

– Да тварь всякая, – отмахнулся он. – Бывает с крысу, бывает с собаку, бывает и с медведя. Еще нетелесная бывает, та и вселиться может. Причем всегда через глаза, так что без очков никак нельзя. Вот это все и надо истреблять. Заодно травку темную, но она от света сама пеплом распадается, а бывает еще и по вызовам гоняем. На манер пожарных.

– Ага, понял. А потери в личном составе как?

– Ну как тебе сказать..., – задумался он. – Зимой больше, Тьма крепнет, летом меньше. Бывает, что просто не везет, две мобильных группы за последнее время здорово подвыбило, а бывает, что несколько месяцев никакой убыли в личном составе.

– А вот эта вся разведка, комендачи и прочие – они к таким делам никак? – задал я уже давно крутившийся на языке вопрос.

– Помогают, бывает, но у них и других дел хватает. Разведка вне города действует, у комендачей периметр, патрулирование и с людьми война.

– С людьми? – опешил я. – А чего это? Заняться больше нечем?

– А ты как думал, тут все ангелами становятся? – иронично спросил он. – Тут и конфликты интересов, и за ресурсы война, и вообще какая-то непонятная движуха пошла, говорят, последнюю пару лет. Вроде как секты завелись. Живут не пойми где, и вроде даже Тьмы не боятся. Не трогает она их, вроде как.

– В глаза светят из-за них?

– И из-за них тоже, – подтвердил Паша. – И у одержимых глаза чернеют, правда у всех по-разному. Но это увидишь, как пойдет инструктаж, так все на картинках тебе покажут.

– А чего хотят секты-то?

– А хрен его знает. Хотят, «чтобы всем». И все тут. Им типа свет истины открылся. Ну, тьма истины, если по-нашему говорить. Ну ты сам прикинь, тут же мир такой, как и там, по ту сторону. Тут и Америка где-то

есть, и Германия, и Китай с Антарктидой. И всюду проваливаются. Как тут проблемам не быть?

– Это точно?

– Точно, разведка-то катается, до других областей добирается. А те, в свою очередь, еще до других. Так информация и расходится.

«Пепелац» подскочил на колдобине так, что народ чуть со скамеек не послетал. Послышались веселые матюги и всякие пожелания водителю. У меня тюк улетел под переднее сиденье, пришлось доставать.

– Паш, ты вот что скажи: в общаге этой самой поесть можно или как? – побеспокоился я. – А то с утра не жрамши, в желудке волки воют.

– В буфете. Хоть пожрать, а хоть и выпить.

– В общаге выпить? – удивился я, вспомнив студенческую молодость.

– А что? По вечерам шляться не очень принято, вот и разрешают. А не разрешали бы, так по комнатам бухали, какие проблемы? Свинья грязи, а человек водки всегда найдет.

– Но пожрать точно можно.

– Точно, – уверенно ответил Паша. – Разносолов не обещаю, но бутерброды найдутся или пирожки какие, ну и чай там, молоко, или чего покрепче. Ага, первая остановка.

«Пепелац» медленно и тяжело затормозил, дверь открылась прямо напротив ярко освещенной, уже электрическим светом, проходной. Где-то в отдалении тарахтел движок, и я сразу вспомнил предложение Федора. А генераторы ведь точно здесь нужны.

Несколько человек, поднявшись со своих мест, пошли к выходу, быстро выходя из салона машины в освещенный круг света. За окном совсем уже стемнело.

– Тут семейные живут, у них вроде как квартирки, – пояснил Паша. – А мы, холостые, по-спартански.

– Общага мужская? – любопытствовал я.

– Ага, мужская, женская в соседнем корпусе. Но тут запретов нет, разве что Нурик, комендант, от такой распушенности душевно страдает. Он у нас другого воспитания. Все в инстанции пишет, чтобы, значит, проход девкам запретить. Даже сам пытался, но по репе схлопотал от населения, задний ход дал.

– А зачем ему?

– Завидно, наверное.

Машина снова тронулась с места, подсадив попутно двоих молодых парней.

– Кстати, мне бы бритву еще купить надо, и там щетку зубную..., –

вдруг вспомнил я.

– Это без проблем, прямо в буфете торгуют, – сказал Паша, после чего добавил: – Ну вот, три минуты, и мы на месте.

Так и оказалось. Ровно через три минуты машина въехала в открытые ворота, ведущие в типичный школьный двор, сейчас довольно ярко освещенный до самого крыльца с балюстрадой. Три этажа, примитивные барельефы со всякой музыкальной символикой, надпись под крышей, заметная даже сейчас: «1-я городская музыкальная школа имени Второго Коминтерна». Я попытался вспомнить, когда был Коминтерн первый, и не вспомнил.

– Все, выходим, – поднялся Паша, подталкивая меня к выходу.

На улице было по-прежнему холодно, промозгло, поэтому все сразу резко почесали к дверям, втягивая голову в плечи, хотя в салоне «пепелаца» жарко тоже не было, отапливать его никто не планировал.

Я взбежал по выщербленным ступенькам, толкнулся в стальную тяжелую дверь, пытавшуюся вернуться на свое место на пружине, и словно в своей школе оказался, в которой до десятого класса учился. Вестибюль, колонны, за ними коридор, правда, отделенный серьезной решеткой от вестибюля. По бокам у нас раздевалки были, а здесь такая только с одной стороны. С другой привычная уже клетка-дежурка, рядом с ней дверь с табличкой: «Комендант комплекса. Оразбердыев Нурберды Овесдурдыевич».

– О как, – только и сказал я, прочитав табличку.

Слышавший звук дежурный, сидящий над кроссвордом, негромко хмыкнул.

– На месте комендант? – спросил я его.

– Ага, пока на месте. Заходи.

Постучавшись, ждать ответа не стал, а толкнул дверь, попутно вытаскивая из кармана предписание на заселение.

– Товарищ Оразбердыев?

Среднего роста коротконогий сухощавый мужик с длинным лицом и восточными глазами обернулся ко мне от шкафа, в котором что-то искал, и спросил:

– Чего хотите?

– Пожить типа, – доложил я, протягивая бумагу.

Тот кивнул, взял ее, прищурившись, поднес к свету. Я попутно разглядел его повнимательней. На нога сапоги хромовые, с глаженными голенищами, синие комсоставовские бриджи, дорогая и наглаженная до хруста коверкотовая гимнастерка без погон. Подворотничок на фоне

темной шеи пугает белизной. Есть подозрение, что большую часть своего времени комендант уходит за собой посвящает. И одеколоном от него немилосердно шибало.

– Ага, фонарщик, – удовлетворенно заключил он, складывая бумагу. – Оружие получил?

– Нет пока.

– Как дадут, сразу дневальным заступишь, – объявил он мне радостно.

– Чего это?

– Дневальный все ходят, – объяснил он. – Только без оружия такой дневальный как овца, кушай его кто хочет.

– Понял, Нурберды Овец...

Тут я растерялся и почувствовал желание повторно взглянуть на табличку. У меня уже и фамилия коменданта из головы успела выветриться, не то что невыразимое отчество.

– Э, Нурик зови, не старый, да. – сказал он, небрежно, но вполне величественно махнув рукой. – Овец не зови, баран не зови. Ты какого года?

– Шестьдесят пятого.

– Вот, ровесники. Я шестьдесят восьмого даже, но тут уже три года, – блеснул он знаниями математики. – Сам откуда?

– Москва.

– Я из Ашхабад. В Москву командировка приехал, бритоголовые погнались. Я от них в темный подъезд спрятался, они за мной. Там дверь подвал. Спрятался там, а потом прямо сюда вышел. Теперь комендант, – погордился он напоследок.

– Повезло, – позавидовал я.

– Что повезло? Везет баран, когда не его на шашлык пускают, а другого. А меня за заслуги назначили, сам глава администрация приказал.

– Ух ты... – только и сказал я, тщательно изображая зависть.

– Ладно, третий этаж тебя заселю, вторая комната, второй пенал.

– Чего второй?

– Комната.

– А после комнаты?

– Пенал, – пояснил комендант Нурик с интонацией, с какой с детьми говорят. – Ты что думал, тут гостиница такой? Горничный-морничный завтрак носит? Школа был, классы большие, их поделили. По трое живут, но вас пока двое будет, один сосед твой погиб недавно. Тоже фонарщик был. Ключи держи, пошли в каптерка, я тебе белье дам. На неделя, аккуратно надо, понял? Тут как армия.

Как в армии и было. И одеяло шерстяное с тремя полосами, и плоская подушка, и два вафельных полотенца, и даже тапочки «ни шагу назад» с номером на них, нанесенным по трафарету. Со всем этим бараклом поднялся по лестнице, прислушиваясь к звукам и запахам вечернего общежития – откуда-то явно тянуло жареным мясом, вызвав очередной приступ слюноотделения. Ладно, если буфет открыт, то недолго терпеть осталось, аванс мне выдали.

В коридоре третьего этажа столкнулся с каким-то голым по пояс парнем, на бегу вытиравшим мокрые волосы и поздоровавшимся со мной, хоть и не были знакомы, затем нашел нужную комнату. Быстро нашел, потому что она от лестницы как раз второй по счету и была. Обратил внимание на женский смех из-за следующей двери, вошел внутрь.

Сразу вспомнился старый фильм «12 стульев», еще с актерами Филипповым и Гомиашвили. Там тоже была такая вот квартира, где большой-большой зал был поделен на деревянные клетушки. Здесь, правда, перегородки были до самого потолка, и даже оштукатуренными, но все же ассоциации вызвали.

Достал из кармана ключ, но услышав за дверью возню, просто повернул ручку. Вошел и сразу же поздоровался с Федором, сидящим с книгой на кровати.

– О! Вова! – обрадовался он мне. – Сюда подселили?

– Вроде того, – подтвердил я, вываливая на пустую металлическую кровать свои вещи.

Выбрал из двух пустых ту, что стояла ближе к окну. Койки были разделены ширмами вроде медицинских, для вящей приватности, но если кто храпит, то всем хана, звуку они не препятствуют. Окно, возле которого стояла койка, кстати, было заметно меньше того, которое в свое время украшало фасад музыкальной школы имени Второго Коминтерна. Его тщательно заложили кирпичом эдак на три четверти, оставив вместо бывшего огромного вполне скромное, да еще и с решеткой по типу тюремной.

– Федь, буфет открыт, не в курсе? – сразу перешел я к главному.

– Открыт, куда он денется, до полуночи работает. Голодный?

– А ты как думал? Как на том свете чашечку кофе в себя залил с утра с печеньищем, так и все.

– Ну так в чем проблема, пошли, – сказал он, резко откладывая книгу и поднимаясь с кровати. – Я и сам не против чайку. Можно и покрепче за знакомство, но я перед дежурством ни-ни, а завтра на смену. Вот после – это с моей великой и полной готовностью, куда там юным пионерам.

– Ну, сегодня я и сам не готов, наверное, – не очень уверенно сказал я. – И мне тоже завтра в Горсвет с утра пораньше, да еще и сфотографироваться можно.

– А чего, сто грамм фотографию засветят? – гыгыкнул он.

– Сто не засветят, но у меня друг был фотографом, как раз на документы снимал, – принялся объяснять я. – И вот мы с ним поддали плотно прямо в ателье у него, здорово так, после работы, а тут я вспомнил, что шел к нему за фото на служебный паспорт, меня в загранкомандировку отправляли, впервые в жизни.

– И чего? – заинтересовался он.

– Ну вот и снял в дрова пьяный фотограф в дымину пьяного клиента. Сразу отпечатали, утром сдал куда надо снимки.

– И?

– И потом ни один паспортный контроль по этому документу нормально пройти не мог. Все в отказ сразу шли, не ты, мол, и все, езжай откуда приехал. Хоть волком вой. И под смех трудящихся вынужден был каждый раз убеждать, что это я, просто напился до синевы. И даже рожу похожую корчить.

Федя поржал. А я между делом кровать заправил, вспомнив еще армейские навыки. Ничего так, навсегда, похоже, вколотили. Затем мой взгляд упал на балалайку, висящую над фединой кроватью. Не удержался, спросил:

– Умеешь?

– А то! – гордо сказал Федя, потянувшись к инструменту.

– Где взял?

– Да тут и нашел в подвале. Музучилище же бывшее.

Струны бренькнули у него под пальцами, и он ловко и быстро заиграл частушечный мотивчик, напевая:

– Эх раз, еще раз, «Фендер Стратакастер»,

Я и песни петь могу, и ябацца мастер!

Девки, в кучу! Хер нашел!

Вы ябитесь, я пошел!

Все это завершилось кратким, но удивительно залихватским соло на струнных, равно как сопровождалось лихим притопыванием тапочками в пол.

– Ну ты и Хендрикс! – восхитился я дарованием.

– Ага! Дамы млеют, – легко согласился Федя, поворачиваясь и вешая балалайку на подобающее почетное место.

– Оно и понятно, настоящий талант никакие матюги не испортят.

– Хочешь научу? – поинтересовался он.

– Ага, спиши слова. Слуш, я бы еще в душ бы сходил, – сказал я, тормознувшись и подумав про то, что лучше сперва ножки-то помыть, прежде чем в одних тапочках идти в место, где люди едят. Не зря же в резиновых сапогах марш совершил.

– Ну давай, до конца коридора, там увидишь, – легко согласился он, заваливаясь обратно на кровать и хватаясь за книжку. – Я подожду.

* * *

Утром разбудил всех громкий школьный звонок, который, как заранее предупредил Федя, был тут вместо гудка заводского. Кому надо, тот по нему вставал, а кому не надо, засыпал обратным порядком. Такое желание было и у меня, потому что проспять удалось всего часа два. Нет, в буфете я не хулиганил и пил чай с сочными, и страшноватого вида опасную бритву купил, и щетку, и коробку зубного порошка, затем изучал, даже наизусть учил наставление по американскому карабину, но вот потом, как задули керосинки и улеглись, тут-то и началось. Как навалилось осознание того, что я и вправду провалился черт-те куда, и что там бегают заполошно почти жена Елена, вызывающая, наверное, милицию. Те задают вопросы, осматривают место, где стоял сарайчик с генератором.

А партнеры? Если меня месяц на работе не будет, то можно уже не возвращаться. Не то, чтобы они люди плохие, просто соблазнов очень много, а человек по природе своей слаб. Трудно удержаться от того, чтобы не оприходовать жирный, и по всем приметам бесхозный кусок...

Мысли неслись в голове как десятки шаров для боулинга, спущенных под откос, тяжело сталкиваясь и разлетаясь в стороны под самыми неожиданными углами, в закрытых глазах мельтешила череда образов, один причудливей другого, там были и черные глаза с вертикальными зрачками, неожиданно появившиеся у моего партнера по бизнесу Димы Семиряхина, и зловещая тьма, окутавшая сортир в моем доме, куда я боялся подойти, и какие-то черные птицы вроде гигантских ворон, летающие над головой и выкрикивающие невнятные угрозы. Сон ли был это, или грезил я наяву – точно не скажу, но спать это все мешало чертовски. И когда я все же сумел заснуть, чутко и беспокойно, чертов звонок мотопилой резанул прямо по сведенному судорогой мозгу.

– Ох, е... – протянул я, поднимаясь и по привычке шаря возле кровати в поисках бутылки минеральной и не находя ее, естественно.

У меня из-за сильно перебитого носа была привычка дышать ртом во сне, отчего утро глушило сушняком. Но сегодня я озабочен не сумел, не нашел подходящей емкости под воду.

Федя же вскочил легко, натянул бриджи, и сунув ноги в тапочки, вышел в коридор, размахивая полотенцем и напевая:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,

Просыпается с рассветом
Вся Советская земля!

– Ага, мне бы тоже проснуться, – прохрипел я, мотая головой и пытаюсь вырваться из-под навалившегося как пыльная перина сна.

Кое-как удалось, тоже поплелся умываться, почему-то в мыслях сбившись на «Марш авиаторов», видать Федей и антуражем навеяло.

Потом пришлось вспомнить, как мотать портянки. Приодеться в обновки решил, оставив на себе лишь старый свитер. Нечего из рядов выделяться, да и пригодятся мне еще, чувствую, мои резиновые сапоги. Тут с ними, кажется, тоже дефицит, поберегу.

Английская танковая куртка вызвала у Феде завистливый взгляд и шквал расспросов. Узнав, что меня назначают на мотоцикл, он и вовсе обзавидовался.

– Везет тебе, Вовка! А я все в атаке охреневаю. А водила наш сидит курит, пока мы с фонарями по развалинам лазим. А сколько за баранку просился.

– Так мне сказали, что мотоциклы пустые, ездить некому! – удивился я.

– Не, мотоциклов чета боюсь, – признался он. – Мне бы на машину.

Надев пояс с кобурой, причем весьма продвинутого вида, самоделкой, видать, он извлек оттуда легко узнаваемый ТТ, выкинул магазин из рукоятки, оглядел, заглянул в патронник, после чего зарядил оружие, поставив его на предохранитель. Какая-то деталь словно по глазам резанула, очередная мелкая неправильность.

– Федь, что не так с твоим стволом?

– В смысле? – не понял он.

– Чем от нормального отличается?

– Ну ты спросил! – удивился он. – Откуда я знаю, как там у вас было?

– А откуда ты «Фендер Стратакастер» знаешь? – требовательно спросил я. – Из моего слоя песенка.

– Да здесь от кого-то слышал, – оправдался он. – А «Стены древнего Кремля» у нас тоже пели.

– А ствол?

– Да сам глянь, только не пальни случайно, патрон в патроннике.

Разницу долго искать не пришлось. Рукоятка отличалась формой, больше заваленная назад, так, что пистолет было держать удобней, и патроны оказались совсем другими, в девять миллиметров, с довольно длинной гильзой, вполне тэтэшной. И вес у ствола солидный, от нашего ТТ отличный вроде. Серьезный агрегат.

- Ты гля..., – удивился я. – И как?
- Шьет любую тварь насквозь, – ответил Федя.
- А пэпэша твой под такой же патрон?
- Ага, под такой.

Ага, то-то магазин в его автомате не такой изогнутый, как в том ППШ, что в нашей реальности в пользовании был. Заодно я обратил внимание, что назвал оружие «автоматом», как было принято у нас во время войны, и как тут, похоже, его именуют. Да я и не против, у меня от сочетания «пистолет-пулемет» язык в трубочку заворачивается.

Народ внизу толпился у «пепелаца», так и оставшегося на ночь во дворе, но мне Федя предложил пойти пешком.

– Тебе же фотографироваться? По пути ателье. Срочную съемку закажешь, в обед карточки заберешь. К вечеру документ выпишут.

- Ага, нормально, – обрадовался я. – Пошли тогда.

Дождя сегодня не было, но стало еще холодней. Сырость висела в воздухе, озноб забирался под одежду, заставляя радоваться приобретенной куртке и сохранившемуся свитеру. «Фураньку» я, кстати, тоже натянул на голову, а танковый шлем нес подмышкой, полагая, что меня наверняка сегодня захотят посадить на мотоцикл. А раз уж нормальных шлемов здесь нет, то хоть такой защитит, случись повернуться. А случится повернуться обязательно, потому что любой мотоциклист знает – невозможно кататься и не падать, рано или поздно ты со своего стального коня полетишь.

Мы шли по улице не одни, много народу спешило в разных направлениях, все по своим делам. Хватало и машин, на которые я глядел с настоящим восхищением – прямо музей на свободу вырвался и здесь катается. Видел и «виллис», и «бантам», и наш ГАЗ-67, и «Додж ¾», и знаменитый «Студебеккер» пронесся мимо нас, разбрызгивая лужи колесами. Протарахтел мимо трофейный серый «Кюбельваген», пронеслись два советских мотоцикла М-72, в каждом по водителю и бойцу с пулеметом в коляске. Много было «полуторок», который тут, похоже, были за основное развозное средство, вроде «газели» у нас, некоторые машины я просто не знал. Может их не было в моей реальности, а может просто не видел, я специалист в них не великий, знаю только то, что любили в хронике и в кино показывать.

Хватало тентованных грузовиков, которые везли, судя по одежде, рабочих. Уточнил у Феди, тот подтвердил:

– Ага. На перегонный, на угольный разрез, на электростанцию, на металлургический. Там всех всегда с доставкой и охраной, чтобы не вышло чего дорогой.

– А чего так?

– А за периметром почти все. Дорога тоже под охраной, в общем, но все же бывают инциденты. Но с работягами никогда, их от КПП под охраной брони повезут еще.

Я продолжал глазеть и вскоре меня особенно восхитила высокоосная и явно полноприводная машина, эдакая смесь представительской и внедорожника, с запаской на водительской дверце и запасными канистрами на бортах. Не удержался, спросил у Федора.

– «Додж» пятьдесят третий, который «Карри Олл», «Вези все». Это, кстати, начальник Горсвета проехал, наш босс, так сказать.

Действительно, помимо водителя внутри можно было разглядеть мордатого мужика в фуражке и серой шинели. Прямо генерала на фронт повезли.

– Симпатишный экипаж, – прокомментировал я.

– Ага, – согласился Федя, но добавил: – Но мне для моих дел «Блиц» куда лучше. Кстати, когда за генератором поедет? Это же золотое дно, у тебя его с руками оторвут.

– А когда лучше?

– Ну... послезавтра? Если тебя на сутки не поставят, ты все равно выходной, и я сменюсь. Оружие-то не выдали?

– Пока нет.

– За периметр без него не надо. Нельзя даже. Купить можно, но в продаже ничего такого особого нет, «болты» одни. «Мосинки» и немецкие «маузеры», и ничего больше обычно. Да и дорого. И все равно документы нужны.

– Кстати, Федь, народу со стволами много, до стрельбы дело не доходит в городе? Друг в друга, в смысле.

– Доходит. Но редко очень.

– А чего так?

По моим прикидкам где народ нервный, а при такой жизни под Тьмой им точно станешь, до пальбы должно доходить легко, и главное – часто.

– У нас за это расстрел, если первый начал и кого-то подранил хотя бы, усмехнулся Федя. – Если просто не по делу, от избытка чувств пострелял, лихость показать, или спьяну, то на общественно полезные работы. А общественно-полезные у нас конкретно стремные.

– Это какие?

– Дома разбирать за периметром. Не, фонарщики там профилактику постоянно делают, но не везде успевают. Так что могут быть проблемы. И бывают регулярно. Больше года не дают, считают, что за год точно

соображать научишься. Кстати, тебе ствол пока не выдали?

– Да обещали выдать, если какой-то там экзамен сдам и документы будут готовы.

– Экзамен несложный, а документы... ну вон ателье, пришли уже.

Фотоателье словно в кино или воспоминания детства меня окунуло. Тогда тоже были такие большие деревянные фотоаппараты на треногах, и фотограф с головой накрывался черной тканью, а тебе надо было чинно глядеть в объектив. Пахло химикатами, запах которых ни с чем не спутаешь, я в свое время увлекался фотографией сам, пытаюсь щелкать «Сменой» все подряд, честно проявляя пленки и печатая, а потом сваливая получившиеся скручивающиеся фотографии в коробки из-под обуви. Скручивались они потому, что у меня не было глянцевателя, еще одного страшно необходимого прибора.

На стенах ателье висели фотографии с незнакомыми людьми, в углу стояла даже пальма в кадке, заметно пожелтевшая с одной стороны. Фотограф тоже был словно из кино, немолодой усатый дядька в жилете с кармашками и мятых брюках.

– На документы? – с ходу спросил он, едва глянув на нас.

– Так точно, – подтвердил я.

– И срочно, чтобы в обед забрать? – уточнил он.

– Именно так.

– Два рубля тогда с вас, авансом.

С расчетной книжкой я был пока знаком плохо, поэтому пришлось искать, где там пропечатаны «рублевые» листочки. Фотограф терпеливо дожидался, кивнул, когда я нашел нужное и аккуратно вырвал по перфорации, затем пригласил садиться. Я почему-то ждал, что он помянет вылетающую птичку, но все случилось молча и быстро. Он со скрипом посовал свою треногу по полу, затем раздался громкий и какой-то деревянный щелчок, затем он вынырнул из-под своего покрывала и взялся выписывать квитанцию.

В Горсвете, когда я уже отмечался на проходной. Дежурный, заглянув в какие-то записи, сказал мне:

– Иди на второй этаж, в ПБУ, там представишься и доложишься.

– Понял.

Федя лишь сказал:

– В четвертую группу просись! – и побежал куда-то по коридору.

А я пошел куда сказали. На лестнице было даже тесновато, народ валил на службу. За дверью с надписью ПБУ оказалось человек пять, все в военной форме, но без знаков различия, так что я растерялся – кому тут

представляться?

– Новый? – спросил один мужик лет пятидесяти, худой, носатый, с залысинами на темных волосах над высоким покатым лбом.

– Так точно! Представляюсь по случаю прибытия, но не знаю...

– Антонов, – протянул он мне руку. – На «харлея»?

– Вроде бы, – осторожно кивнул я.

– Жди момент, – сказал он и отошел к столику, на котором стоял полевой телефон. Покрутил ручку, затем сказал кому-то:

– Инночка, Антонов, дай зампотеха, – затем после паузы заговорил с кем-то еще: – Антонов здесь. Петрович, мотоциклиста тебе посылаю, дай команду с матчастью знакомить, ну и пусть покажет, что умеет. Ага, ага... давай. Давай. Лады. Все.

Обернувшись ко мне, сказал:

– Тебя в штат на должность мотоциклиста-разведчика зачислят, если матчасть знаешь и на оружие норматив сдашь. Придадут второго номера, пулеметчика. А пока по коридору до конца, там по переходу в соседний дом. Спускаешься на первый этаж, находишь дежурного по парку, зовут Василь Ивановичем, как Чапаева. С ним и говори, он в курсе. Понял?

– Так точно.

– Давай.

На этом разговор закончился, Антонов подошел к висящей на стене огромной карте, утыканной разноцветными флажками.

– Сергей Альбертович, – обратился к нему крепкий мужик с волосами ежиком, затянутый в кожаную куртку. – Получается, что одной мотомангруппы тут мало будет, надо сразу две посылать. А тогда не успеваем во второй сектор...

Дослушивать я не стал, понимаю, что вскоре все эти «неуспевания в сектор» свалятся и на меня в том числе, и тогда уж я точно все пойму, что тут происходит.

Натертый мастикой старый разболтанный паркет звонко стучал под каблуками, из открытых дверей кабинетов доносились голоса, было слышно через окна, как на улице прогревались моторы, и чей-то истеричный голос кричал: «Опять на ночь воду не слил, а? Да я тебя под трибунал! А если заморозки? Машина встанет, к жопе телегу прицеплю и будешь за грузовик здесь работать!»

Коридор превратился в крытый переход, в котором почему-то оказалось неожиданно холодно, затем переход стал лестницей, ведущей вниз. Спустившись по ней, оказался в огромном кирпичном ангаре, в котором на смотровых ямах стояло несколько машин. Классический

ведомственный гараж тех времен, когда машины гонять на ремонт в сервис принято не было, справлялись везде своими силами.

Остановив какого-то малорослого и невероятно чумазого парня, спросил у него:

– Василь Иваныча где найти смогу?

– Вон там, за «бюсингом», – махнул чумазый рукой в сторону большого грузовика, стоящего на подпорках вместо колес, – В кондейке чай гоняет.

– Понял, спасибо.

Пошел куда сказали, обходя машины и прочие препятствия, но кондейку, тесную, с большим окном, выходящим в гараж, нашел пустой, лишь на столе. На расстеленной газете стояла исходящая паром кружка чаю, а рядом с ней лежал бутерброд с колбасой. Судя по всему, обитатель кондейки куда-то вышел, может даже по уважительной причине. Поэтому суетиться не стал, а так и решил подождать в дверях, привалившись к косяку, наблюдая за суетой во дворе, который хорошо просматривался через открытую калитку в больших воротах. Там суетились, какой-то большой самосвал, с горой груженный углем, завывая двигателем, сдавал задом. В общем, работа уже кипела.

Ждал недолго, минуты три. В калитку почти что забежал невысокий пожилой дядька, бородатый, хоть и лысый, в колушке-безрукавке, надетом поверх грубого свитера. С ходу протянул мне руку, спросив:

– Бирюков? На мотоцикл?

– Так точно.

– Тогда чего время тянуть, пошли сразу, – решительно сказал Василь Иваныч, разворачиваясь и направляясь обратно, на выход.

Я потопал за ним, оказавшись во дворе, уставленном разнообразными машинами, часть из которых явно была на ходу, а вторая явно нуждалась в ремонте. Привлек внимание ряд машин, здорово смахивающих на ГАЗ-51, но с эмблемой «Шевроле». У некоторых в кузове стояли зачехленные пулеметы на треногах.

– Говорят, вас от ленд-лиза снабжают?

– И трофеями тоже, «кюбели» вон стоят, – он указал рукой в дальний конец двора, где в рядок стояли три серых «кюбельвагена». – С нашими машинами проблем побольше, тут американцы во главе всего. А у нас работа знаешь какая, чиниться через сто верст некогда. А вообще тут автопарк, – пояснил мой провожатый. – Броня с обратной стороны, нам туда.

– Бронетехника? – удивился я. – А мотоциклы причем? Они у вас

бронированные, что ли?

– Темнота! – сказал как припечатал Василь Иванович. – Историю учить надо, мотоциклы всегда были в составе танковых частей. И подчинялись управлению бронетанковой техники. У нас, по крайней мере. И в Отстойнике тоже.

– А как у нас – я без понятия, – соскочил я с темы. – Может и не так.

По пути он заглянул в какой-то склад, откуда вышел с десятилитровой канистрой и воронкой, сразу сунув все это мне.

Калитка в заборе, дежурный с ППШ, с виду бдительный, но ничего не проверяющий, за забором еще двор открылся, засыпанный гравием. По обе стороны вытянулись кирпичные боксы, явно недавней постройки, некоторые из них были открыты. В крайнем стояла загадочная машина, напоминающая стальной зеленый ящик на узких гусеницах, из которого бивнем торчал вперед ствол пулемета, внутри самого ящика стоял еще один – ДШК на треноге.

– Это что, Василь Иванович?

– Английский легкий тягач, – ответил тот. – «Карриер» называется, второй модели. Хорошая штука, и лезет везде, и тащит что хочешь, и личный состав возит. Как хочешь, так ее и пользуй. Правда, они у нас не часто на выезде, и траки бережем, и ресурс, и дороги в городе. Это если только где прорыв. Если гусеничную по городу начнешь без нужды гонять, глава администрации башку снимет. Ну, с работы точно слетишь, город и так в грязи топнет.

– А так на чем выезжают?

– Да по-разному, но больше на двух машинах, – взялся тот объяснять. – «Шевроле» полуторка с пулеметами в кузове, там и личный состав, и огнем поддержка случай чего, и вторая машина, с генератором на прицепе. Но вторая группа на трех «Шнауцерах» катается, а в четвертой «Мерседес» полуторка в версии для перевозки личного состава. Теперь вот мотоциклы пригать собрались, и разведка на маршруте, и сгонять куда по-скорому.

– То есть моя работа, – уточнил я.

– Если водить умеешь, – уклончиво сказал Василий Иванович.

В парке бронетехники было куда тише и спокойней, чем там, где стояли машины. Заметно было, что там жизнь кипит, а тут вроде как все про запас стоит, хранится – и ладно. Возятся двое-трое механиков, да и все. Или может даже из экипажей кто.

– Сюда нам, – сказал Василь Иванович, брякнув большой связкой ключей, которую тащил в руке. – Навались на воротину, чтобы я замок выдернул.

Я прижал увесистые ворота, и дежурный по парку ловко снял навесной полукруглый замок, повесив его дужкой на ручку.

– Давай, потянули.

Ворота на смазанных петлях распахнулись, открыв нашим взглядам не слишком просторный бокс, в котором тесно стояли аж четыре крашенных в матово-зеленый цвет мотоцикла с колясками.

– Вот этот крайний и бери, – сказал Василий Иванович, постучав по резиновой рукоятке руля.

– Ключи?

Он посмотрел на меня с недоумением, затем вздохнул горестно. Сказал:

– Машина военная, вон, тумблер поверни и стартер ногой запускается. Кто же их с ключом делать будет?

Я подумал, что у нас грузовики с ключами катались, и ничего. Но вслух говорить ничего не стал. Обошел вокруг, оглядел.

Большой. Увесистый. Два сиденья раковинами, заднее – с рукояткой, чтобы пассажиру держаться. В коляске совсем простенькое, обитое неизменным дерматином. Две фары, одна со светомаскировкой, поменьше, вторая большая, нормальная. Надо же, на два фонаря не поскупились, а на грузовиках военных всего одной фарой обходятся. Тут еще блюдце сигнала как третья фара. Спидометр на баке, как у уважающего себя чоппера. Тоже «харлей», уважаю. И движок уже классика, двухгоршковая «рогатка».

У переднего колеса инструментальный ящик, сумки из толстой кожи у заднего, с обеих сторон. Маленький багажник под запаской в коляске, но все же пара канистр и пара цинков патронов туда влезет.

Присел, заглянул под низ. Ступица заднего колеса явно переделана недавно, от нее привод идет на колесо коляски. Показал пальцем, спросил:

– Сами делали, что ли?

– Сами, – подтвердил Василь Иванович. – Как у «ураля» сделали, зато теперь зверь-машина, везде лезет. Катался на «урале»?

– Не, на «урале» не довелось, а так на многих приходилось.

– У «цюндапов» и БМВ трофейных на коляску привод, но нам их не дают, так что через мастерскую вопрос решили. Ну и тормоз туда завели, так что дави сильнее.

Я еще посмотрел на привод, отметил тщательную работу. А вообще ничего сложного, в любой мастерской такую штуку сварганить можно, лишь бы форма коляски позволяла, как здесь.

– А чего, коляска без амортизации? – удивился я.

– Сама люлька на рессорах на раме сидит.

– Ага, вижу... все равно странно.

– Бывает.

– Заправляем? – спросил я, поднимаясь с корточек.

Завелся «харлей» почти сразу, я всего-то раз пять толкнул ногой рычаг стартера, вытянув подсос. Мотор рыкнул утробно, одинокая выхлопная труба выбросила облако сизого дыма, машина завибрировала немного начала быстро прогреваться, так что пришлось заслонку почти сразу прикрывать.

– Ну что, вези давай, – заявил Василь Иванович, забираясь в коляску. – И посмотрим на таланты твои, и меня покатаешь заодно.

Ну, поехали, разберемся на ходу с коляской. Сам-то мотоцикл меня не пугает, а вот эта штука сбоку – странно как-то. Тормоз один, задний, педалью, сцепление под левой рукой. Запомнить, передний не искать, хотя я им одним тормозить привык. Сцепление тугое, но ничего. Сиденье с амортизатором, кстати, и довольно удобное. Как зимой на нем будет – не знаю, но до зимы еще дожить надо.

Тяговитый мотор легко стронул мотоцикл на первой, поехал он прямо, хоть ожидал, что вправо потянет. Поворот налево тоже прошел без затей, коляска описала полукруг.

– Куда? – спроси я пассажира.

– Да в ворота давай, по улице прокатимся.

Караульные выпустили нас без проблем, и мы оказались на главной, Советской улице, той самой, по которой я вчера шел сюда из РОППа.

– Давай направо, до КПП сгоняем, и сразу обратно, – скомандовал Василь Иванович.

– Сделаем, – уверенно кивнул я, и чуть не заорал с перепугу, когда мне показалось, что мотоцикл собрался задрать коляску и прилечь набок, хотя ничего такого, вроде бы, не произошло.

Василь Иванович ехидно ухмыльнулся, заметив мою растерянность, но ничего не сказал.

Разгонялась машина без напряжения, передачи отщелкивались легко, прогретый мотор работал ровно, даже дыма почти не стало. Длинная подвеска глотала неровности хорошо.

Попробовал притормозить, и снова испугался. Задний тормоз, как ему и подобает, оказался слабоватым, да еще и вбок машину потащило, хоть и удержал. Затем разогнал мотоцикл снова и снова притормозил. Ничего, можно приноровиться, не трудно.

А ну-ка, попробуем еще раз направо повернуть, только скорость побольше поддержим. Выбрал переулочек, свернул в него, заранее готовый к

тому, что коляска попытается задраться. Ощущение такое появилось, хотя колесо катилось по земле не отрываясь.

– Ну как? – спросил пассажир.

– Да нормально, денек покататься здесь кругами, и хоть куда можно катить, – ответил я уверенно. – Гонять тут все равно не придется, а так машина тяговитая. В грязи бы еще попробовать.

– А вон туда поверни, там пустырь на месте сквера, и грязи сколько хочешь, – оживился от такой перспективы Василь Иванович.

– Как скажете, – согласился я.

Насчет грязи он не обманул, было ее хоть и не по уши, но хватало с запасом. Я даже притормозил, испугавшись в нее лезть. Подумал, затем все же плюнул на страхи, сказал сам себе: «Вытолкаем, случ чего» – и врубил первую.

Привод на коляску не обманул, «харлей» поехал по раскисшей под дождем земле легко как квадроцикл, при этом даже не стараясь развернуться в сторону правого колеса. Если бы не привод, то оно бы как тормоз сейчас работало, а так – только в путь. Правда вот не знаю, если долго так ехать, движок не перегреется? Что я о «немцах» читал, помнится, так это то, что там специально с этим боролись.

– Нормалек, Василь Иванович! – проинформировал его я.

– Это ежу понятно, – кивнул он. – Для того привод и переделывали, нашелся сообразительный. Давай обратно, умеешь, вижу. Сдал экзамен. А в остальном правила движения здесь такие же, как и по ту сторону, так что проблем не будет.

– Понял, – кивнул я, резко свернул и все же умудрился задрать люльку вместе с седоком, хотя на этот раз уже умышленно, из чистого хулиганства.

* * *

– Карабин пристрелян по центру, пристреливал сам, лично. Дистанция примерно сто метров, то есть детская, – сказал усатый замбой, после того, как мы на «харлее» выехали аж за КПП.

Норматив по стрельбе из «нагана» я сдал в тире, что в подвале учреждения, там же и разборку со сборкой, а вот для стрельбы из американского М1 выехали аж за городской периметр, пристроившись прямо на полосе отчуждения. Стрельбище оказалось очень уж импровизированным, но я решил не роптать. Тем более, что мы были под присмотром из дота КПП, так что я заподозрил, что замбой выбрал это место из соображений безопасности, прикроют в случае чего.

– Окно на первом этаже видишь? Ты мне пять из пяти попади в раму. Слева, не выше перемычки. Видишь?

– Темновато уже, – пробормотал я, затем спросил: – С упора?

– Эти пять с упора, – сказал замбой.

За упор отлично выступило заднее сиденье мотоцикла. Карабин был не тяжелый, в руках ухватистый, для диоптра света все же пока хватало, так что первые пять отстрелял без проблем, совершенно разломав сухую деревяшку.

– Нормально, – кивнул тот. – Давай еще пять с колена, в соседнее окно.

С этим тоже проблем не возникло, насчет хорошей пристрелки он не наврал, да и рама была широкой. И стрелок я неплохой. Не снайпер далеко, но вполне на уровне, охотник все же. В общем, раму тоже доломал. Как и ожидал, последним упражнением была стрельба из положения «стоя», но и норматив был попроще, щадящий, так что и его сдал.

В довершение всего из укрытия метнул гранату, немецкую «толкушку» на длинной деревянной ручке, чем окончательно сичерпал список предъявленных ко мне требований.

Усевшись в коляску, замбой заявил:

– Документ готов?

– Уже должен быть готов, фотографии еще в обед сдал, – сказал я.

– Как получишь, сразу ко мне. Оружие запишу, боекомплект получишь.

Мотоцикл проехал через ворота накопителя, мы покатали дальше по грязной улице. Не удержавшись, спросил:

– А как-то просто у вас с оружием, нет?

– В смысле?

– Ну, пришел человек только вчера, никакой проверки, и сразу ствол выдали.

– Чудак человек, – засмеялся усатый. – Ствол тут и так пруд пруди, так что тут вопрос доверия не стоит, разве что ты его на базаре продашь. Проверка тут только на умение, что ты соседа случайно не подстрелишь и себе в ногу не закатаешь.

– А вообще проверка?

– Вообще? – покачал он головой. – За это ты не волнуйся, будет она еще. За тобой сейчас все время приглядывают. Важно то, что ты не под воздействием, к Тьме не склонился, если только в пользу какого дальнего города шпионить можешь. Но чего в Горсвете шпионить? Такие везде есть и у всех одно и то же. Так что все нормально, не бойсь.

Я прибавил газу, разогнав машину. К вечеру я уже владел «харлеем» вполне нормально, все оказалось не так уж сложно. И к правым поворотам приновился, и к вялому тормозу, а в остальном даже нравилось. И вроде уже при деле был.

Вообще день был суетной. Пока добыл руководство на мотоцикл, пока инструмент получил, который запасливый Василь Иванович выдавал под учет, пока мне шкаф выделили, где я все мотожелезо сложил – время так и шло. Попутно раздобыл мотоциклетные очки и синий рабочий комбинезон, который, со слов механиков, был куда как нужен. Техника по надежности до современной не дотягивала, в том же мотоцикле что-то постоянно требовало регулировки, а уж с машинами побольше возились постоянно.

Обедал бесплатно, за талоны, в столовой, куда тоже сгонял на мотоцикле, да еще попутно двух мужиков с работы туда подвез.

Кормили неплохо, хоть и без изысков, вроде как в обычной рабочей столовой. Пюре жидковато, котлета суховата, суп терпимый, компот вроде ничего, но в принципе все съедобно. Фанатом такой жратвы не станешь, но и отплевываться до вечера потом не придется.

Замбой не обманул, и когда я приперся к нему с документом, больше всего напоминающим не паспорт, а военный билет, он тщательно вписал туда тушью номер карабина и револьвера, после чего я получил оружие на руки, а заодно и боекомплект – тридцать патронов к револьверу и сто пятьдесят к карабину, а заодно четыре пятнадцатизарядных магазина к нему. Еще выдали кустарного вида брезентовую подвесную, скорее даже разгрузку. Не ах, но нормально, будет куда магазины и прочее рассовать, даже рюкзак небольшой имеется.

Гранат никаких не дали, замбой сказал:

– Гранаты, каски и прочее – в оружейке, выдают дежурным мотомангруппам. А это забирай.

– А как потом со всем, когда домой пора? – чуть растерялся от неясности.

– Можешь на склад сдавать, можешь с собой уносить, – пожал он плечами равнодушно. – Оно на тебе числится, ты за него и в ответе. Большинство карабины с автоматами сдает, а короткоствол с собой уносит, с ним в общественные места ходить не запрещается.

– Так..., – кивнул я, выслушав его. – А теперь мне куда?

– В ПБУ иди, к Антонову, тебя еще к группе прикрепить должны. А дальше уже сам все поймешь.

– Понял, спасибо.

Дальше я как по рельсам покатился. На ПБУ было все так же суетно, да еще и накурено, даже открытые окна не справлялись с оттоком табачного дыма. Кто-то ругался по телефону, двое переставляли флажки по карте, а один громко читал им какой-то список с адресами, Антонов же изучал какие-то бумаги в паке. Увидев меня лишь спросил, получил ли документы и оружие, а затем отправил меня вниз, на первый этаж.

– Караулка дежурной мотомангруппы, с караулом Горсвета не перепутай. Командира зовут Серегой Власовым, ему представишься. А остальное уже объяснят. Да, к слову, ты сегодня никуда не уходишь, так с группой на сутки и остаешься. Понял?

– Так точно.

– Тогда подгоняй мотоцикл к их сектору, там покажут, где машины дежурной группы, и дуй к ним.

– Есть.

На первом этаже обнаружилось аж две караулки, находившиеся рядом. Я вошел в ту, в которой на двери были написаны буквы «ММГ», и наткнулся на Федора Мальцева.

– О! Вован! – поприветствовал он меня. – К нам определили, что ли?

– Похоже на то, с вами на сутки остаюсь.

– Нормалек! – обрадовался он. – Я к Антонову бегал, просил, чтобы с нами поставили.

– А Власов здесь кто? – спросил я. – Мне бы доложиться надо.

– Я Власов, – сказал среднего роста круглолицый мужик, подходя к нам и протягивая руку. – Мотоциклист?

– Ага.

– Отлично, ввели в штат, значит. Пойдем, покажу где что и с пулеметчиком познакомлю.

Караулка, как оказалось, состояла аж из трех комнат. В первой, в которую вошел, народ отдыхал и книжки читал, во второй спали, хоть бодрствующей смены здесь не было, на вызов кидались всей толпой, оставляя одного дежурного на телефонах, а третья комната была тесной, закрывалась решеткой и была оружейкой.

– Карабин при себе держи, он твой постоянный, – объяснял Власов, – В вот гранаты, очки, шлемы, пулеметы – это все здесь хранится и переходит от дежурной группы к сменяющей.

Он обвел рукой целый ряд незапертых оружейных пирамид, затем открыл одну из них.

– Видал? Тут гранаты к карабинам..., – он указал на плоские ящики, – А, у тебя «американец», гранат не предусмотрено, бери ручные. В той пирамиде пулеметы, очки из шкафа берешь... а, у тебя свои есть, хорошо. Без очков на выезд нельзя, можно нарваться. Подвесную получил?

– Ага.

– Три «лимонки» и три немецких «толкушки» берешь, и вот так их распределяешь, – показал он на себе. – Загружайся, потом пойдем и пулеметчика покажу.

Пулеметчиком оказался Паша, тот самый, что ехал вчера со мной в «пепелаце». Обрадовался, поздоровались.

– Мобильную огневую точку решили добавить, а то иной раз не хватает поддержки с фланга, например, – объяснил он суть нашей совместной службы. – Все пулеметы на грузовиках, а если кто серьезный полезет, или сразу кучей, то прикрыть некому. Ну и разведка по маршруту.

– Какой из меня разведчик, если города ни хрена не знаю? – поразился я.

– Я знаю, буду подсказывать. А вообще надо учить где что, в нашем деле чуть не самое важное. Чай будешь?

Я покосился на внесенный откуда-то самовар и решил не отказываться.

– На будущее, ты обзаводись теперь своей кружкой, вилкой-ложкой и прочим, мы с дежурства не отлучаемся, тут едим. Ты с сахаром пьешь?

– Две ложки.

Паша кивнул, сыпанул в алюминиевую кружку пару ложек сахара, плеснул заварки, залил все кипятком из самовара.

– Держи.

– Ага, спасибо.

– Вон диваны, вон полка с книгами, в общем, располагайся. Сухари к чаю вон, в вазе. Нам до десяти утра дежурить.

– А вызовы часто?

– Часто, так что не расслабляйся. А чем ближе зима, тем больше вызовов.

– За периметр? – спросил я, усаживаясь на большой диван из неизменного бурого дерматина, и отхлебывая чаю.

– Смеешься? – удивился он вопросу. – За периметром все дела днем делаются, там только плановые. А мы по экстренным вызовам, то есть внутри периметра.

– Так вы же здесь все светите вроде? – удивился я.

– Все не просветишь. А бывает так, что за сутки пробой в какой-нибудь подвал. То может месяц простоять без проблем, разве что травка пойдет, а то сутки, и какая-нибудь страхолюда лезет.

– Народу много гибнет? Ну, в городе, в смысле, гражданских.

– Не очень, – ответил Паша, присаживаясь на диван напротив. – Тут к такой жизни привыкли, так что не нарываются. Бывают уж совсем дураки из новичков, чаще всего, что могут ночью гулять пойти, такие долго не живут. Дома везде как крепости, подвалы даже просвеченные все равно запирают хорошо, так что мало гибнет. Мало. Ну и мы реагируем быстро.

– В частном секторе никто не живет?

– Почему же, живут. Колхозники, например. Жратва-то откуда? Но они же тоже знают что к чему. Каждый день обход с фонарями по всем закоулкам, деревни строят тесно, огородами наружу, а между домами заборы с колючкой, вроде как замыкают периметр. Привыкли. Кстати, пробоев никогда в трюмах не случается.

– В трюмах? Каких трюмах? – не понял я.

– В обычных, судовых. Если судно на воде стоит, правда, и к пристани не вплотную. Хоть метр промежутка, и можешь про фонари забыть, ни одна тварь не заводится и даже травка не растет. И чтобы дна не касалось, если на сваях – то уже не работает.

– А чего не живут? – удивился я.

– А на кой ляд? Переселись на реку, про город забудешь, а тут тогда такое разведется, что хоть не возвращайся, будет как в пустых городах, на каждом шагу дрожишь. На реке ведь всю жизнь не проживешь. Ну а пока здесь живем, то вынуждены чистить, ну и какой-то порядок поддерживается. Расслабляться просто не надо.

– Правильно, наверное, – согласился с ним я.

И верно, начнешь от опасности уходить все время – в привычку войдет. Это правило всего касается, не только местной ситуации.

В комнату вошел Федя, спросил:

– Чего, знакомы уже?

– Вчера познакомились, – кивнул Паша.

Федя хотел еще что-то сказать, но тут под потолком заливисто заголосил школьный звонок и замигала красная лампа. А вбежавший в комнату Власов, крикнув: «Тревога! По машинам, в подвале «Победы» пробой, кто-то вылез. Предположительно «пионеры»!»

Тут все замельтешило, загрохотали сапоги по полу. Побежал вместе со всеми по коридору, на ходу закидывая карабин за спину и надевая шлем. Двор встретил нас холодом и темнотой, разгоняемой к забору светом электрических фонарей. Машины влажно блестели, намокшие под мелким дождиком. Не обращая ни на кого внимания, я щелкнул тумблером зажигания, топтанул рычаг стартера. «Харлей» послушно завибрировал, готовый нестись куда угодно. Подбежал Паша с пулеметом в руках и большим рюкзаком за спиной, сам на себя не похожий в больших летных очках.

– Это, Володь, определяй боекомплект, – сказал он, сваливая тяжелый рюкзак на коляску.

– За запаску тяни, там багажник.

Пулемет у него был знакомый, самый обычный РПД, какой у нас появился сразу после войны, только вместо круглого барабана с лентой под ним висел мешок из толстого брезента с обитой металлом горловиной. Патронов на двести, не меньше, если прикинуть. Сошки с лязгом водрузились на вертлюг, Паша уселся в тесную коляску, выругавшись.

– А что ты хочешь? – удивился я. – Тогда народ поменьше был, средний рост метр семьдесят. А ты вон вымахал.

– И теперь мучайся. Хреновая была идея меня с тобой посадить, надо кого поменьше.

Взревели моторы грузовиков, распахнулись ворота из парка на Советскую.

– Давай вперед и сразу налево, – сказал Паша.

Мотоцикл утробно рыкнул движком и дернул с места, проскочив в ворота. Следом покатыл испятнанный камуфляжем «Мерседес», переделанный под перевозку личного состава. Он был словно очень большой легковой кабриолет с несколькими рядами сидений, высокий, длинный и массивный. В нем сидело человек восемь, а сверху над ним возвышалась турель с трофейным МГ-42. Замыкал маленькую колонну второй грузовик, со странной угловатой кабиной, где лобовое стекло словно было завалено вперед, то ли чтобы бликов не давать, то ли зачем-то еще, я так и не понял. В кузове у него пристроился еще один пулемет, на этот раз старичок «максим» на треноге, способный тарахтеть часами, лишь

бы воду меняли, а на прицепе за грузовиком болтался передвижной генератор.

– Это что за машина замыкающей? – спросил я у Паши.

– «Осветительной» называют. – крикнул он.

– Не, это я понял, марка какая?

– «Шевроле» канадский какой-то, забыл индекс.

– А че колесной брони у вас нет?

– Мало ее, все гусеничная больше, а сам понимаешь – начнешь на ней по городу гонять, и хана всем улицам. Да ничего, так обходимся, броня нужна больше, чтобы с людьми воевать. Вон там направо сворачивай.

Улица была совершенно пустынна, разве что из-за отдельных зарешеченных окон в домах наружу пробивался тусклый свет. Светило там явно не электричество, а как и везде, керосинки.

– А что за «Победа» такая, куда мы едем?

– Кинотеатр. Там работников мало, а подвалы под ним здоровые. То ли ленятся ежедневно с фонарем обходить, то ли страшно там кому-то, такое тоже бывает. Вот и заводится у них. А потом ночной сторож в панике трезвонит.

– А что за «пионеры»?

– Да твари какие-то мелкие, с десятилетнего ребенка. Их впервые на территории Дворца Пионеров увидели, вот и прозвали.

– Опасные?

– Естественно, – усмехнулся он. – Все, что из Тьмы приходит, для человека опасно, по-любому. У него, собственно, иной цели и нет, кроме как на людей нападать.

– А животные?

– Редко. Бывают какие-то твари, что сожрать могут и корову, например, но редко и не в городе. Они же людьми не питаются, там что-то другое.

– Что? – не понял я.

– Да пес его знает, похоже, что просто война у них с нами, – сквозь зубы сказал Паша. – Некоторые говорят, что питаются они вообще душами, от этого не жрут, а просто рвут в клочья. Вон там, за кафешкой, опять направо. Тут близко уже, минута от силы.

Свет от двух фар – на коляску за сегодня смонтировали еще одну, на поворотном кронштейне – выхватил из темноты надпись «Кафе», решетчатый забор, деревья какого-то скверика, затем в пятне света снова запрыгала грязная дорога.

– Вон там, четырехэтажный дом, видишь? Он и есть «Победа», вплотную не подъезжай. И про очки не забывай, вообще их сейчас не

снимай.

Сам Паша при этом выглядел очень настороженным, руки от пулемета далеко не убирал. На «Мерседесе» за спиной тоже включили сразу два прожектора, пошарив лезвиями их лучей сначала вокруг, потом направив на здание. Я заметил, что один из прожекторов спарен с пулеметом. Тоже разумно, как заметил что, так и жми на спуск.

Грузовик с генератором объехал их слева, остановился, два бойца замерли у «максима», тоже с подсветкой, еще четверо спрыгнули, настороженно оглядываясь и начали быстро устанавливать легкие треноги с лампами. Затарахтел генератор, вспыхнул свет, осветив все подступы к нашей стоянке.

– И что, оно на свет не лезет? – задал я очередной наивный вопрос.

– Свет им уже похрен, ну, разве что неудобство малое, – ответил Паша. – Просто мы их заметим, если кинутся.

– А я думал, что «фонарщики» только светом воюют.

– Светом профилактику делают, Тьму не пускают. А если прорвало, то уже простыми средствами. Так что, уважаемый, будь готов к ведению огня, понял?

– Как скажешь, – сказал я, глуша двигатель и перетаскивая карабин из-за спины.

Растерянным выглядел один я, остальные действовали четко, как будто дирижер всеми командовал. Две машины образовали настоящее укрепление, уставив в стороны стволы пулеметов, три пары автоматчиков выстроились перед ними. Я обратил внимание, что у каждого под стволом было по довольно серьезному фонарю, скорее даже мини-прожектору, кабель от которого тянулся за спину, в ранец каждому.

– Паш, а че у них за кабели от фонарей?

– Батарейки у нас паршивые, кустарщина, садятся быстро, так народ большие носит, в рюкзаках, аккумуляторы настоящие, чтобы надолго хватало и луч сильный.

– Паш, а «пионеры» эти самые точно здесь? Чего им по городу не разбежаться?

– Если утра дождутся, то разбегутся точно, а поначалу твари чаще всего у места входа крутятся, – ответил он, продолжая осматриваться по сторонам. – Но вот поблизости засаду устроить уже могут вполне. Увидишь что темное идвигающееся, и не со стороны кинотеатра – стреляй сразу, людей в это время на улицах нет и быть не может. Одни патрули, но они на машинах и со светом. От «Победы» кто-то из наших подойти может, так что сперва разгляди.

– Понял, – кивнул я, преисполнившись серьезности момента.

Пары «стрелков-фонарщиков» двинулись в сторону кинотеатра. В головной топал Федя Мальцев. Власов, как я заметил, с ними не пошел, стоял в «опеле» возле пулеметчика.

– Паш, а мне такой фонарь не нужен?

– А хрен его знает, потом у Сереги Власова спросишь. Нужен, наверное. Мне вот фары пока хватает, я на прикрытии, вперед не рвусь.

Он ухватил фару-искатель за маленькую круглую рукоятку на корпусе, пошевелил из стороны в сторону.

С грохотом распахнулись большие входные двери в кинотеатр, группа вошла внутрь. Сразу же еще два бойца потащили в ту сторону треноги с фонарями, за которыми разматывались с катушек линии кабелей. Установили их сразу же за дверями, осветив вестибюль. Меня окликнул Власов:

– Бирюков, слезай с коня, двигай к тем двоим, что с фонарями, поможешь, случись чего.

– Есть, – сказал я, поняв, что отсидеться в тылу не получится.

Первый фонарь освещал небольшой зал, где были окошки билетных касс. Из этих самых окошек тоже светило, и в одном я увидел испуганное лицо средних лет мужика. Он, видать, и был местным сторожем, помещение у него вполне безопасное – в окошко человек не протиснется, да и оно в решетки взято.

Дальше был зал посерьезней, длинный, мощности установленных фонарей хватало, чтобы осветить его примерно до середины, дальше уже начиналась настоящая мешанина теней, в которой было уже ничего не разглядеть. Один из бойцов у фонарей обернулся ко мне, сказал:

– От осветительной прожектор сюда еще притащи, будь другом, а то не хватает. Хотя нет, стой за меня, я сам.

Я встал на его место прямо за фонарем, рассудив, что он прав, а то хрен его знает, где этот прожектор брать и куда тащить. Вообще меня несколько удивляла такая манера обучения нового сотрудника. Понятно, что лучший способ научить плавать – бросить в воду, но это при условии, что утонет сам, а не потопит кого-то еще. Если я склонен к панике, например, то могу открыть пальбу куда не надо, и попасть по своим. Или это из-за того, что меня водилой взяли, и воевать я вроде и не должен? А Власов решил меня обкатать немного, а заодно и присмотреться. Место тут все же не на острие главного удара, попроще.

Боевая группа стояла у дверей в зал, явно чего-то ожидая, словно сигнала какого-то. Вернулся отошедший «осветитель» с прожектором на

треноге, установил его. Мощный луч света осветил зал ожидания до самого конца, где был буфет, судя по всемирным теням метнулись в стороны. Боевики засуетились, двери в зал распахнулись и их группа быстро и бесшумно вошла внутрь. Было тихо.

– Точно ведь в подвал лезть придется, – вздохнул один из осветителей, молодой парень с модной бородкой «готи». – А не хочется...

– Точно, подвал здесь хоть куда, на все здание, – кивнул второй. – А на хрена кинотеатру такой подвал? Что они там хранить будут, коробки с фильмами?

– Старое здание, сначала для чего-то другого его строили, – сказал я, оглядевшись по сторонам. – Подвал в наследство остался.

– Может быть.

– Кстати, а тут электричества почему нет? – спросил я. – Они кино как показывают, свечку в проектор вставляют?

Мужики переглянулись, тот что постарше ответил:

– Этот, – ствол его карабина указал на окошко билетной, – этот сказал, что генератор позавчера на ремонт увезли, кино два дня не крутили. И фонарь, с которым подвал обходили, у них тоже от генератора. Вот и зассали в подвал лезть.

– А вызвать фонарщиков их жаба задавила? – хмыкнул молодой.

– Это деньги платить надо, – пожал плечами старший.

– Деньги? – удивился я. – У нас тут чего, платная операция?

– Не, мы на халяву работаем. Платное тогда, когда ты сам можешь сделать, а не делаешь, вызываешь. От других, важных работ отвлекаешь и все такое. Тогда плати.

– А наверху что? Туда эти самые «пионеры» убежать не могли?

– Там люди живут, решетки, и тревоги никто не поднимал. Вахта на месте сидит, докладывает, что там никто не пробежал. В наши дома так просто не прорвешься.

Это точно, я уже по общаге своей убедился. Заходишь через накопитель, вестибюль решеткой отделен, которую с темнотой запирают. На случай тревоги можно еще каждый этаж отдельно заблокировать. Не пошалишь особо.

Мирная беседа оборвалась резко, из зала затрещали автоматные очереди, раздался чей-то длинный и пронзительный визг, явно нечеловеческий, от которого меня, непривычного, мороз по коже продрал. Кто-то закричал команду, затем грохнула граната, судя по несильному взрыву – германская «толкушка». Потом стрельба затихла, снова вспыхнула – и снова заткнулась.

– Хана киношке, все разнесут, – сказал молодой, подняв приклад к плечу и настороженно оглядываясь.

– Похоже на то, – согласился с ним старший, после чего обернулся ко мне: – Новый, смотри в вестибюль, если какая тварь выскочит, то это уже наша работа.

Чтобы не перекрывать сектора, я опустил на одно колено, взяв карабин на изготовку, напряженно вглядываясь в зал. Спросил, не выдержав:

– А из наших сюда никто выскочить не может?

– Не должны, – с неким оттенком сомнения сказал старший. – Знают, что пальнуть можем.

– А в подвал вход где?

– За сценой, прямо в зале, – указал оружием старший, – Было бы все как у людей, было бы проще, а тут не пойми как построено.

– Да точно это не кинотеатром было, вот и получилась такая фигня, – сказал я. – Подвал-то для всего дома, а первый этаж под киношку потом выделили. Ну вход и переехал куда не надо.

– Эй, мужики! – послышался из кинозала голос Федьки. – Слышите?

– Чего? – насторожился старший.

– Мы в подвал полезли. Двух «пионеров» мы грохнули, но еще несколько вниз ушло, дверь открыта почему-то! Так что вы там повнимательней, ага?

– В зале кто остается?

– Некого оставлять, иначе в подвале не справимся. Выход оттуда только перекроем, и на противоходе вдругорядь зачистим, ага?

– Ясно, – ответил старший осветитель, помрачнев.

Затем он обернулся к выглядывающему из окошка билетной сторожу и спросил злобно:

– Какого хрена дверь не заперта, а?

– Да запирал я, на засов! – обиженно заголосил тот. – Там засов в конский хер толщиной, никак они оттуда выбраться не могли!

– А выбрались как? – с ехидством уточнил осветитель.

– Да откуда я знаю! Я перед заступлением специально дверь проверял, все на месте было, и засов, и замок!

Молодой толкнул слегка старшего, сказал:

– Чуешь, Федулыч? Опять такая же фигня. Что у первой группы месяц назад, когда на вещевом складе, что на Крылова, задняя дверь открытой оказалась, какую уже лет десять никто не открывал, что у Тимохи, помнишь?

– Точно, что-то новенькое... – подумав, ответил старший. – Двери сами открываться стали, если сторож нам не врет. А не брешешь, харя? – крикнул он сторожу.

– Да пошел ты! В жизни не врал. – закричал из окошка оскорбленный хранитель кинотеатра.

– Ну это ты гонишь, – усмехнулся Федулыч. – Святой нашелся. С вами еще разберутся, с генераторами вашими, с обходами помещений, с тем, как вы на фонащиках экономите...

Сторож надулся и скрылся в своей билетной, не желая продолжать так обидно поворачивающийся для него разговор. Мы тоже замолчали, продолжая вглядываться в вестибюль, в котором все равно оставалось множество непросматриваемых мест. Вскоре до нас донеслась активная, но приглушенная стрельба, вскоре затихшая.

– Еще кого-то накрыли, – пробормотал молодой с бородкой.

– Накрыли, – кивнул старший с чуть преувеличенным оптимизмом, явно старательно избегая продолжения в виде «или кто сам накрылся».

– Я может глупость спрошу, но у меня образование сами понимаете, из фильмов ужасов, – заговорил я шепотом. – Эти самые «пионеры», они от пуля нормальнодохнут? Не надо там только в определенное место, или еще как?

– Нормально, только не так нормально как люди, – ответил старший. – Где тебе пуля нужна, им не меньше трех. Но если в башку изловчишься, то и одной хватит, это уже как у всех. И еще момент такой – пока он не свалился и не сдох – он опасен.

– А чем нападает? Ну, зубами там, в смысле, или топором каким?

– А хрен его разберет, если честно. – подумав, ответил собеседник. – Когтями вцепляется так, что мало точно не покажется, и полосует как кот, но по ходу че-та еще делает, прямо жизнь тянет. Кое-кому доводилось с такими в рукопашной сойтись, говорят что в глазах сразу темнеет, начинаешь сознание терять, в общем, если сразу не отбился, то секунд через пять ты уже не боец.

Мне показалось, что я увидел какое-то движение. Вдали, у самого буфета, но такое смутное, что я даже не был уверен, показалось ли на самом деле, или я просто подумал, что мне что-то показалось. Огляделся на соседей, но они ничего не заметили.

Нет... вроде как движется. Наверху. Я не движение вижу, а край тени, скользящий по торцевой стене. Что-то перемещается прямо по потолку, скрытое от нас перекрытием прямоугольной арки, какие рассекали гладкий потолок вестибюля в нескольких местах.

До этой секунды я воспринимал все отстраненно, словно меня здесь и нет, мозг пока не свыкся с реальностью происходящего вокруг, но вот это малозаметное движение словно какую-то заслонку в голове открыло. Я почувствовал, что все это на самом деле. Дыхание зачастило, спина похолодела, даже руки задрожали слегка. Просто страшно стало. Банально страшно, без всяких примесей, чистый, сильных и давящий страх.

– Че-то есть там, – сказал я негромко, переведя дыхание.

Федулыч с молодым молчали минуты две, всматриваясь, но так ничего и не увидели. То, что двигалось, а я уже был уверен, что так и было, замерло.

– Не, нет ничего, – сказал молодой тихо.

– На потолке, – уточнил я. – Эти самые «пионеры» по потолкам умеют лазить?

– Никто не умеет, – решительно сказал старший. – Они как люди, некоторые – как обезьяны. Если есть за что зацепиться, то могут залезть куда хочешь, но по гладкому потолку – без вариантов.

– Семин говорил, что вроде видел, как «мартыхай» по стене на потолок забрался, помнишь? – спросил молодой.

– Семину верить – себя не уважать, – отмахнулся старший. – Второго такого трепача на весь отстойник не найдешь.

– Это верно, – не слишком уверенно согласился младший.

А я задумался. С одной стороны со мной люди опытные, знают, что говорят. Если бы была вероятность того, что там что-то есть, то сходили бы проверить. Или еще что сделали. Но тут такой момент: если что-то сидит на потолке, а все уверены, что так быть не может, то... ну пойдет Федя со своими обратно, а что-то им свалится прямо на голову. Или что другое. Или оно затаится, а потом сбежит в город.

– Может, проверим все же? – спросил я.

– Мы от фонарей отходить не имеем права, – сразу отговорился старший. – Ни на шаг. Бывало уже, что твари старались нас без света оставить, а если так выйдет, то у нас шансов ноль.

Чувствуя, что совершаю глупость, но не в силах удержаться, я сказал:

– Я бы сходил, если прикроете.

Так вот, правильно, борьба со страхом путем парадного марша ему навстречу. Идиотизм в чистом виде, решение, принятое воспаленным мозгом, в котором все смешалось в кучу, а потом переварилось в кашу. И теперь я вдруг вызываюсь добровольцем. Молодец. Медаль мне и орден Сутулого, с закруткой на спине. Инициатива поимела инициатора.

– Прикроем, – с готовностью сказал старший, поудобней укладывая

прямо на фонарную треногу свой карабин. – Шагай. Не бойсь.

В его голосе слышалось заметное облегчение, и я заподозрил, что от фонарей им отходить все же можно. И, возможно, даже нужно, просто они не очень хотят это делать.

– Ага, прикроем! – засуетился и младший.

– Ну... схожу, – кивнул я, чувствуя, что сам себя загнал в безвыходное положение, и деваться уже некуда.

Пошел я медленно, вслушиваясь в каждый свой шаг, удерживая приклад у плеча и водя стволом «американца» из стороны в сторону. Шаг, еще, десяток шагов, два десятка... Каменный пол слегка поскрипывал под резиновыми подошвами сапог. Фонари светили в спину, и моя длинная тень расчертила собой все свободное пространство впереди, шевелясь в такт движениям.

Действительно, чего полез? Сказали же русским языком, что по гладкой поверхности ничего карабкаться не может. Ну сам себе попробуй объяснить, кто и как может зацепиться за гладкий потолок у меня над головой? Муха разве только. Люстры на нем висят простенькие, маленькие, за такую кошка уцепится – сразу на пол грохнется. Нет, погнался я что-то со своими подозрениями, надо было на месте стоять, и никуда не ходить.

Стоп, стоп, что-то я очень удачно самому себе все объяснил и сам себя уговорил. Если пошел, то иди. Если там ничего не может быть – так иди тем более, чего ты тогда боишься так, что волосы шевелятся. Я даже дышу через раз, с присвистом. А почему? Потому что где-то в глубине самого себя уверен – там что-то есть. И оно меня ждет.

Вернуться? А если оно кинется на выходящих, то они отобьются, народ там опытный, вооруженный, чего сразу я? И не молчал, сигнализировал, а вот старший и опытный товарищ верить отказался. Не принял во внимание, отнесся халатно. И моя хата с краю.

А если кого-то порвут? Это же прямо на голову, там тоже дверь и они там выйти могут. А если именно Федьку, который у меня пока здесь за единственного товарища? А я «сигнализировал»?

Еще пара метров позади, и еще... Вперед продвинуться, как раз до уровня открытой двери, там присесть, и я, пожалуй, сумею разглядеть, что там за перекрытием арки. И совет помню стрелять по всему, что увижу.

Я даже начал на ходу сгибать колени и пригибаться, стараясь оказаться как можно ниже, почти в полуприседе шел уже. Еще чуть-чуть, немного... нет, пока не видно. Вижу темный зал кинотеатра, освещенный лишь бликами от наших фонарей. Длинные ряды сидений, уходящие в темноту. Фанерные боковины с кривовато написанными номерами рядов, поднятые

сиденья.

Как-то неудобно оставлять эту дверь сбоку, а то и за спиной. Кажется, что стоит ее пройти, и из темноты появится непонятная злобная тварь, и бросится на спину. Как это они умудряются «саму жизнь тянуть»? Бр-р, даже представить не получается, плечи сразу зябко передернулись.

Ствол влево, на арку, затем направо, на дверь в зал. Если кто-то лезет по потолку в вестибюле. Почему он не может лазить по потолку темного зала? Боевые группы могли туда и не глянуть, наверное. Вернуться? Затребовать помощь? Крикнуть, чтобы кого-то прислали?

Кричать страшно. Крикнуть хочется так, что в голове звенит, но кажется, что стоит нарушить воцарившуюся тишину, и это как сигнал будет – на меня бросятся со всех сторон.

В полной растерянности я продолжал крутиться на одном месте, не в силах хоть что-то решить. Куда дальше? Что делать?

Тень шевельнулась. Опять шевельнулась там, за аркой, почти незаметно. Словно выпуклость на темной грани тени, отбрасываемой аркой на дальнюю стену, сдвинулась. Но сдвинулась на этот раз явственно, по-настоящему, там что-то есть, и это что-то шевелится.

Назад, пятясь, плевать на храбрость. Возвращаюсь к фонарям, а уже там поднимаю шухер. Стрелять начну в конце-концов в ту сторону, постараюсь спугнуть, заставлю себя проявить, «пионер» оно или вовсе «октябренок» со звездочкой, где козлиная голова в пентаграмме.

Чуть повернувшись, я боком, по-крабьи начал медленно пятиться назад, ожидая крика от фонарей: «Зассал, новенький?» – но там молчали. Где-то в самом верху моего поля зрения что-то неуловимо изменилось, что-то произошло, что я уже увидел, но не смог с помощью набора шаблонов, хранящихся в моем мозгу, хоть как-то классифицировать. Поэтому мозг выдал сигнал «Опасность!» со значительным опозданием.

Рука. Я даже не сразу понял, что это именно рука. Оно было черным и словно окутанным облаком черного как сажа дыма, сразу растворяющегося в воздухе бесследно. Эта рука ухватила за верх двери с неправильной стороны, тут-же вторая, подтягивая за собой нечто столь же темное, дымное, непонятное. Оно перелезало через притолоку как через забор, с потолка или стены зала на потолок вестибюля. И замерло, уставившись на меня.

Я не видел лица, не видел глаз, не видел ничего, кроме смутного черного «клубящегося» силуэта, но я понял, что оно не просто смотрит на меня, оно смотрит в меня, внутрь, на что-то, чего оно бесконечно и жадно алчет. Как душу, действительно, тянет этим взглядом.

Дальнейшее произошло быстро. Я вскинул ствол карабина, а тварь, подобравшись, распрямилась пружиной, оторвавшись от стены, и причудливо изогнувшись в воздухе, словно изменила верх и низ, прыгнув сверху, но падая уже вниз, на меня.

Я не выстрелил, потому что не успевал. Я лишь изо всех сил прыгнул назад, наткнувшись на что-то ногами, споткнулся и завалился назад. Это, кажется, меня если и не спасло совсем, то уберегло от первой атаки твари. Сильный удар выбил карабин из рук, затылком я приложился о что-то твердое, так, что искры из глаз посыпались, потом свалился с чего-то на пол, увидев как темная фигура отскочила в сторону, снова собравшись в темный ком, напружинившись. Дохнуло могильным холодом и... Тьмой. Я не знаю, как я понял, что это именно она, просто осознание контакта пришло мгновенно, ясно как вспышка, когда я даже не успел свалиться окончательно на каменный пол.

«Да стреляйте, суки!» – хотел крикнуть я, но не крикнул, все равно эта длинная как эшелон фраза не могла бы уместиться в тот крошечный отрезок времени, который был мне отпущен на то, чтобы дожить остаток жизни, или попытаться ее продлить.

Я ощутил, как правая ладонь упала на кобуру револьвера, пальцы судорожно заскребили крышку, чувствуя, как не дается, как не идет ко мне тяжелое стальное тело «нагана», такое сейчас желанное.

Темная тварь прыгнула снова, перемахнув через низкий столик, о который я споткнулся. Но я все же исхитрился принять ее на ноги, отталкивая в сторону.

Она была не тяжелой. Как ребенок, как... пионер, черт бы ее взял. Холод, волна могильного ужаса, пронзительное шипение уходящее в ультразвук, но тварь кубарем покатилась в сторону, подскочила по-кошачьи ловко, приземлилась на четвереньки, но моя правая рука уже рвала из кобуры наган. Вновь прыжок, молниеносный, стремительный как черная молния, но я опять успел лягнуться ногами, остановив атаку, хоть отшвырнуть тварь не удалось. Она поднялась на ноги, поднимая вверх передние конечности, но что должно было случиться после этого, я уже так и не узнал.

Когда ствол револьвера выбросил первую вспышку, я даже не понял, что именно произошло. Еще выстрел, еще, рукоятка толкалась в руку, тварь заваливалась назад, пронзительно визжа, а я даже не понял, что стреляю я сам, мое тело защищает меня. владельца тупого и медленного мозга, который так плохо и неправильно соображает.

Какой-то момент схватки совершенно выпал из памяти. Я помню

только себя, бросившего пустой револьвер и подцепившего с пола карабин, пытающегося убежать от дергающегося «пионера», или кто бы это ни был.

Мне кричали, но сознание даже не фиксировало крики, лишь подталкивало к продолжению бегства. Откуда-то я уже знал, что вторая тварь свалилась с потолка и стремительно приближается ко мне, а я даже не могу остановиться и оглянуться.

Вспышки выстрелов, звук сломанных сухих досок, испуганные лица Федулывча с молодым, палящих из карабинов. Я все же остановился, оборачиваясь, вскинулся на колени, поднося приклад к плечу, увидел, как пули осветителей выбивали темные облачка из корчащегося тела.

Вторая тварь проявилась через мгновение. Она скакала по стене. Скакала на четвереньках, как по полу, отрываясь мощным и длинным прыжком от вертикальной поверхности, презирая законы тяготения, и туда же возвращалась, чтобы оттолкнуться и прыгнуть снова.

На этот раз я помнил, как вскидывал оружие, и делал это уже осознанно. Откуда-то из глубины души поднималась какая-то веселая злость, загоняя под лавку страх и панику. Я даже позволил себе роскошь прицелиться, прикинув, где завершится следующий прыжок, и когда «пионер» коснулся стены, нажал на спуск.

Карабин часто забился у плеча, с дульного среза срывалось тонкое пламя, пули выбили куски штукатурки вперемишку с облаками тьмы, сбили прыжок. Тварь свалилась на пол, на наш, понятный и нормальный пол, тот, что под ногами, перекатилась в сторону, собрав на себе целый рой пуль, выпущенных из трех стволов, задергалась уже в агонии, и приняла в себя остаток магазина, который я выпустил в нее за секунду, наверное.

Потом я побежал к фонарям, чуть не столкнувшись лбами с Пашей, ворвавшимся со своим РПД наперевес. Затем были крики, с улицы заскочило еще двое бойцов и с ними сам Власов. Потом снова была стрельба по смутному темному силуэтам, метавшемуся в конце зала, за буфетной стойкой, которая разваливалась на глазах под нашим огнем.

Затем была зачистка самого кинозала, с гранатами и стрельбой, но я уже в ней не участвовал. Я стоял в вестибюле, на том самом месте. Где подобрал выброшенный наган, и следил за дверями, а рядом со мной с сопением устанавливали свои осветительные треноги Федулывч с молодым.

Когда все завершилось окончательно, я подошел к убитой твари, той самой, что бросилась на меня первой. Присел, разглядывая.

– Даже не пытаюсь детали разглядеть, – сказал Паша, подошедший ко мне. – Они по сути своей Тьма, и она их укрывает.

Действительно, тот самый слой клубящейся темноты так и прикрывал

тело, не давая разглядеть ничего, только размытый силуэт. Руки, ноги, почти человеческое сложение, но все чуть-чуть другое. И все, больше ничего не видно. Я даже помахал рукой, пытаюсь разогнать клубы темноты как дым, но лишь ощутил холод, увидеть что-то под этим покрывалом не получилось.

– А потом?

– Он скоро развалится. Развоплотится даже. Превратится в такой вот дымок, который разойдется без остатка, а на этом месте будет темное пятно, которое ничем не отмоешь.

Стало шумно, суетно. Привезли испуганного и явно только что разбуженного директора кинотеатра, крутились еще какие-то люди, которых Паша назвал дознавателями, и который явно побаивался директор. Приехал кто-то еще, облаченный еще какой-то властью, которую требовалось применить именно здесь и именно сейчас, а нам Власов дал команду сворачиваться.

У мотоцикла ко мне подошел Федя, возбужденный. Весь какой-то на шарнирах, дерганный, нервно посмеивающийся и жадно курящий папиросу:

– Видал, а? Ты такое когда-нибудь видал?

– Где? В Москве? – криво усмехнулся я.

Меня самого здорово трясло, аж ноги подгибались, отходняк был серьезный.

– А, ну да... – кивнул он, вновь жадно и глубоко затянувшись. – Они в подвале на нас с потолков тоже кидаться начали. Хорошо, что вы палить начали, «пионеры» задержались, напали рано, ну мы их и покосили, первых. А потом гранатами. А если бы чуть дальше прошли – трындец группе, никто бы оттуда не вышел.

– А смотреть на потолок?

– На тебя хулиганы когда-нибудь с потолка нападали? – чуть возмутился он. – Когда по плохому району идешь, на стены смотришь, чтобы кто-нибудь не прыгнул? Нет? Ну вот и мы нет, я на сотне таких зачисток был, всяких тварей видел, но по стенам и потолкам ни одна не скакала.

– Мальцев, потом побазаришь! – крикнул из «мерседеса» Власов. – Давай на место.

– В караулке дотрындим! – сказал мне Федя и побежал к командиру, выбросив окурок в лужу. Тот коротко прошипел и погас.

* * *

В караулке поговорить тоже не удалось, едва вошли, как последовал второй вызов. Снова была беготня, открывающиеся ворота, езда по темным улицами, где отблески фар скользили по грязной земле и мокрым и обшарпанным стенам домов, затем какой-то флигель с большим подвалом, куда полезли боевые группы.

После тщательного досмотра местности Власов признал тревогу ложной. Ничего не нашли, но время это заняло. На всякий случай прочесали окрестности, нас с Пашей заставили покататься кругами по прилегающим кварталам, и мы честно катались, наводя фару-искатель, а заодно и пулемет на все подозрительные места, но так ничего и не обнаружили.

– Это нормально, таких вызовов три из четырех, – сказал Паша, когда мы снова катили в Горсвет во главе колонны. – Считается, что лучше перебдеть, чем недобдеть. Тем, кто вызывает по ошибке, за это ничего не бывает, если, конечно, не выяснится, что это чистое хулиганство.

– А если выяснится?

– Да по репе наступим, чтобы впредь думал.

– А так, чтобы вызовы накладывались, бывает?

– В смысле? – не понял он.

– Ну, одновременно еще где-то твари лезут.

– Естественно, – удивился он вопросу. – Три группы дежурят ведь, не только наша.

– А я и не знал.

– А еще две караулки с другой стороны территории, во флигеле. Увидишь еще, мы и там тоже сидим.

Помолчав, он добавил:

– Гляди, светлеть вроде как собирается. Скоро смене конец.

– Будут еще вызовы? – спросил я.

– Не знаю, но... не думаю. Мы в очереди первыми были, так что если случится что, то другие группы поедут. Будем в караулке чай пить.

Я усмехнулся, прислушался к себе, понимая. Что отходняк после пережитого никуда еще не делся, и сказал:

– Мне бы не чаю лучше, вот те крест.

– Ну, от ста граммов мало кто откажется, но это уже потом, – ответил он. – Тебе, кстати, вообще проставиться бы надо, да и суббота накатывает.

Давай, с Федькой договаривайся, сходим куда-нибудь.

– А куда? – спросил я, заворачивая в открывшиеся перед нами ворота Горсвета.

– Да вон, в шашлычку или хинкальню, которые на Советской. Там нормально, тебе понравится. Не Москва, естественно, но... увидишь, в общем. Главное что вкусно.

– Это точно главное, – согласился я сразу. – Ну и водка чтобы терпимая была.

– Водка хорошая здесь. Один сорт всего, называется «Водка», но хорошая. С низовьев реки везут, там места хлебные, там и гонят.

Паша оказался прав, больше вызовов для нас не было. Все расслабились, половина дремала, остальные просто попивали чаек да двое, Федулыч и еще какой-то дядька средних лет, играли в шашки.

– И охота вам под утро? – удивлялся, ерничая, Федька. – Тут адреналин кипит, мы всю ночь монстров душили, душили, душили... А тут в шашки. В «Чапаева» давайте лучше, на вылет, гамбиты только выучите, чтобы перед гроссмейстером не облажаться.

– Отвали, трепло, – отмахнулся от него Федулыч и Федька отправился искать другую жертву.

К утру прибрались, полы вымыли. Смена пришла в десять, приняла от нас имущество и оружиеку, их старший присвистнул, прочитав записи в журнале. Когда уже начали расходиться, Власов остановил меня, сказал:

– Зайти в ПБУ в воскресенье с утра. К десяти, понял?

– Понял, а чего? – удивился я, поскольку меня проинформировали, что после суток я свободен как ветер, и привлечь меня могут только в том случае, если толпы «пионеров» и прочих тварей пойдут на Углегорск приступом.

– Летучка будет по новым привычкам «пионеров», – сказал он. – Ты их засек первый, так что заходи. Это не надолго, через час свободен будешь.

– Хорошо, – согласился я.

Карабин по совету Федьки я сдал, а вот револьвер в кобуре оставил. Спросил у своего приятеля только:

– Нурик меня в дневальные хочет загнать, говорит, что оружие надо. Нагана-то хватит?

– Там три винтовки стоят в дежурке, так что вполне. Да и не случается ничего в общаге, по большому счету.

– Да, и кобуру бы мне нормальную, чтобы ствол быстро извлекать, – вспомнил я. – Где взять? А то если бы я на еще секунду дольше свою лапал, меня бы на английский флаг порвали.

– На базар сходим, не проблема. Под наганы много чего есть, там подберешь. Кстати, Паша намекал, что ты проставиться сегодня желаешь? Вроде как страдаешь и кушать не сможешь, пока боевым товарищам не нальешь, а те все до капли не выпьют?

– Насчет страданий ты карман держи шире, не страдательный я, и вообще трезвость – норма жизни, – обломал я его в общем плане. – Но сегодня проставлюсь. За уцеление и за первый день.

– Ну так а я о чем? – засмеялся он. – Вот перед этим делом..., – он пальцем изобразил у шеи «это дело», – ... как раз и на базар зайдем. Мне там для «опеля» поискать кой-чего надо.

Мы вышли на улицу. Было уже не так холодно, как ночью, но не менее промозгло и стыло. Мерзкая погода какая.

– Федь, а у вас тут такая погода подолгу?

– Да вся осень до конца ноября, – кисло сморщился он. – Пока снег не пойдет. Потом до середины апреля дубак стоит. Это тебе не Сочи, климат паскудный.

Мы пошли в сторону общаги по пустынной в честь выходного дня Советской. Народ отсыпался после рабочей недели, пока никуда не спешил.

– Федь, кстати, а где ты свой грузовике держишь? А то что-то я его не вижу.

– Да за общагой ставлю, тут же не украдут, чего бояться? А так весь город четверть часа пешком в любом направлении, что их без толку гонять? А так у многих есть. Себе-то колеса не хочешь?

– Я домой хочу, если честно, – вздохнул я. – Легко бы согласился отправиться туда без всяких машин.

– Об этом, Вов, забудь, – сказал Федя жестко. – Все, считай, что ты для того света помер, нет тебя больше. Скоропостижно скончался. Судороги, понос и смерть там с тобой случились. А обратной дороги из таких ситуаций, как сам понимаешь, нет. Так все же?

– Что все же?

– Насчет машины.

– Есть предложения? – все же немного заинтересовался я.

– Ну... да, можно и так сказать, – подтвердил Федя. – Я же тебе рассказывал, по-моему, про трофейный склад в... одном месте.

– Было дело, – подтвердил я. – А что, не все еще растащили?

– Там место поганое, народ старается не соваться. Ну а мы, фонарщики, вроде как привычные, можем себе позволить.

– А тебе какой интерес голову под пресс еще раз совать?

– За хорошие машины город и платит хорошо. У меня товарищ был,

Сергея, с каким планировали, да погиб он с месяц назад. А так бы одну вытащили тебе, потом парочку для города, читсо на карман. Или даже в Сальцево бы продали, есть там надежный человек. Махнули бы на трофейные стовлы, их там много, а потом через Длинного бы на нашем базаре продавали, копейка бы и капала. Да и вообще товарищ нужен. Там дальше ЛЭП нетронутая, например, лезть бояться, а за высоковольтный провод город тоже платит отлично, у нас пока кроме колючки, ничего другого катать еще не наловчились. ТЭЦ вроде есть, уголь есть, а светим везде керосинками. Грузовик есть, напарника теперь нет, а так бы халтурили на пару. С таких ходок можно еще две зарплаты в месяц поднимать, а то и больше.

– Что за Сальцево? – споткнулся о непонятное название я.

– Да городишко тут неподалеку, верст сорок к югу. Там народ обживается, которому тутошние порядки не по нраву. Тоже населения тыщ десять уже, не меньше. Веселое место, если можно так сказать, ходи да оглядывайся, чтобы не облапошили. Но базар там хороший.

– А генератор? – напомнил я ему о его давешней идее фикс.

– За генератором гнать надо завтра, в долгий ящик не откладывая. Генератор – это навроде дара небес здесь. Где есть генератор, там, считай, уже безопасность, можно новый дом даже осваивать.

– А чего, здесь не делают? – удивился я. – Моторов же много, трудно ротор со статором соорудить?

– Нетрудно, но дорого, да и не продают их просто так, каждый движун на счету. Кустарям надо много чего добыть, чтобы потом свой генрик завести.

– Генрик?

– Генератор, в смысле, тут его так окрестили.

– Меня на завтра на летучку призывают, – напомнил я.

– Это я слышал, – отмахнулся Федя. – Там ненадолго, а мы потом самое большее за четыре часа обернемся, до темноты запросто успеем. Я прямо туда за тобой заеду, все равно автомат из оружейки брать, я с одним тэтэшником за город не поеду.

– Как скажешь, – кивнул я.

Общага встретила шумом, волейболом во дворе, несмотря на дождь. Под навесом между двух корпусов, мужским и женским, большая компания жарила шашлык, тянуло дымом. Там смеялись, тренькала гитара, в общем, народ учился развлекаться без телевизора.

В самом корпусе тоже было суетно, в буфете, в который мы заглянули на чашку чаю, народу тоже хватало. Играл патефон, с хрипом извлекаая из

заезженной пластинки какой-то вальс, еле пробиваясь через гул голосов.

– Что-то людно для субботнего утра, нет? – удивился я, увидев такую картину.

– А тут буфет вроде как клуб. Если с темнотой на улицу не выйдешь, где еще собираться? Поэтому такие есть везде, и население в них ходит.

Взяли по стакану чаю с парой ватрушек у молодой задастой и грудастой буфетчицы, улыбавшейся всем в тридцать два зуба, отошли за столик у зарешеченного окошка.

– А шашлычные как же существуют со всякими хинкальными, что на Советской? По вечерам пусто?

– Ага, пусто, они с закатом прикрываются, – подтвердил Федя, размешивая в своем стакане не меньше пяти ложек сахара. – Кабатчики чаще всего и живут в этих домах.

– А если кто засиделся?

– Ну, у нас добежать до дому проблема небольшая, и ближе к ночи «пепелацы» объезд делают по улицам, подбирают тех, кто застрял. Кто-то на машинах ездит, тогда проще. Мы на «блице» покатым, так что без проблем.

– А если в темноте на улице оказался, то вероятность не дойти до дому какая?

Федя задумался, глядя в потолок, затем все же сказал, явно с сомнением:

– Ну, не так чтобы очень большая, скорее всего дойдешь, но... понимаешь, смерть очень уж плохая, если на тварей нарвешься. Это хуже чем собаки разорвали. И все равно – десять раз дойдешь, а на одиннадцатый нарвешься. Ты вот «пионеров» видел, так? А это ведь тварь обычная, не из гнусных.

– А что гнусное?

– Много чего. Призрака встретишь, например. Потом дойдешь до дома и там такое устроишь... Вон, месяца три назад на Свердлова мужик семейный жил себе, задержался где-то, пришел домой. Топором жену и ее подругу зарубил, второй на улицу выскочить успел, и еще соседа изувечил, который на шум прибежал.

– А с ним что? Убили?

– Нет, живым взять удалось. Случайно почти, он еще за одним мужиком по подъезду погнался, споткнулся и скатился вниз. А тот, не будь дурак, навалился на него. Ну и вышло, что отпустить страшно, а вязать нечем, да и не получится. Так и держал, пока еще люди не набежали, стали ремнями вязать. Сразу-то не видели, что он троих положил.

– А потом?

– Потом уже мы прибыли, ну... не наша группа, в смысле, а вообще из Горсвета, коллеги, в общем.

– И чего?

– Приказ у нас конкретный, если есть хоть какая-то возможность брать живьем – брать.

– И куда потом?

– В НКВД, в подвал.

– В НКВД? – чуть удивился я.

– Ну, у нас там все сразу, и администрация, и безопасность местная, и научный отдел, и даже минздрав местный, просто сидят на Крупе, в здании местного ОблНКВД. Здоровый дом, крепкий, вот и заселились. Там и камеры есть в подвалах, вот в них таких одержимых и держат. Кстати, даже расстрельная есть, говорят, пробкой обитая. Все стенки пулями покоцаны, видать, не простаивала.

В зале появился Паша, помахал нам рукой, но присоединяться не стал, подсел к двум молодым женщинам за столик у дальней стены. Те радостно его приветствовали, а я обратил внимание, что обе очень симпатичные, особенно одна, сидевшая ближе к стене, с гладкой прической, убранный в хвост, и с тонким профилем породистого лица. Еще отметил, что целовался Паша с другой, не с ней. Так просто отметил, без причины, но галочку где-то на подкорке поставил.

– Ну чего, – сказал Паша, отставляя пустой стакан. – Я спать пошел. На базар потом еще идти.

– Ага, я тоже, – закивал я, дожевывая ватрушку и заливая в себя последнюю пару глотков чаю.

Бросив последний взгляд на понравившуюся женщину, я пошел следом за Федькой. И вправду, дел еще полно, а завтра вообще день суетной ожидается, надо бы выспаться. Да и колбасить меня продолжает после ночных приключений. То на говорливость пробивает, то на смех дурацкий.

Выспаться всерьез за оставшиеся четыре часа не удалось, ну да ладно, мне не привыкать, да и вообще я спать не люблю. Жалко времени, ты спишь, а жизнь проходит. Так что с этим все в порядке было. Посидел на койке, помотал головой, отгоняя дрему, потом ополоснулся под прохладным душем – да и проснулся.

Федька, когда я вернулся в комнату, тоже возился у себя за ширмой, уже что-то напевая, и когда я вошел, спросил:

– Готов? Двинули?

– Без проблем.
– На машине поедem, – объявил он.
– Потому что на базар?
– До базара два шага. Потому что в кабак, затемно домой возвращаться будем. На колесах побезопасней.

Решив, что слова «попойка» и «безопасность» связаны слабо, в случае если кто-то садится за руль, я предпочел этот момент прояснить. На что получил логичный ответ:

– Тут все равно не погоняешь, ну и дэпээсников нет на улицах. Так что проблем не ожидается. А если опять на «пионеров» наткнемся, или «мартыхаев», то можно там путь свой и завершить.

Ладно, ему виднее. Если в таком разрезе рассуждать, да еще ехать не маленьких жестяных жигулях, а на большой железной трехтонке, то выглядит такая идея не слишком уж страшной. Можно и прокатиться, встреча с забором сулит печальную судьбу все же забору, а не нам.

По дороге налили воды в большую канистру, которую прихватили с собой. Во дворе общаги было еще шумней, волейбол прекратился. Но шашлычничали уже две компании, а под навесом уже пели хором, причем что-то жутко советско-попсовое, вроде «Миллион алых роз», который в исполнении не очень трезвого, но очень громкого нестройного хора звучал просто потрясающе. На дереве висели две самодельных доски для дартс, правда, заметно отличающиеся от привычных мне. Видать, из какой-то другой реальности сюда занесло.

Машина стояла совсем рядом, мы только за угол завернули. Рядом с ней в переулке стояло еще с пяток. И судя по следам, несколько машин куда-то уехали, так что Федька не оригиналом был с частным транспортом.

Сначала перелили воду из канистры в радиатор, потом забрались в кабину, а вот затем произошло нечто, меня озадачившее. Завелась машина непривычно – сначала Федька отпер своим ключом какой-то рычаг, скинув с него стопор, а затем этот рычаг потянул на себя. Что-то свистнуло под капотом, раздался звук быстро раскручивающегося стартера, потом мотор чихнул пару раз и завелся.

– Че-то не понял, – честно заявил я. – Тут машины как заводятся?

– Воздухом, – сказал Федя, вылезая на подножку с тряпкой в руке и протирая лобовое стекло. – Аккумуляторов-то тут хрен-ма, а если и есть, то их для военной техники под таким контролем берегут, что лучше даже не мечтать. Вот вместо них баллоны ставят, куда воздух подкачивается, вроде как тормоза на грузовиках бывают, в курсе?

– Ага, помню, на зилах такие были, я еще мелким удивлялся, чего это

ЗиЛ как встанет, так обязательно свистнет или пыхнет.

– Именно, – кивнул он, возвращаясь в кабину и откидывая грязную тряпку под сидение. – А если нет воздуха, или система сломалась, то хватай кривой стартер, качай мышцу. Ладно, поехали.

«Блиц» рыкнул, лязгнул коробкой передач и медленно тронулся с места.

* * *

Рынок был настоящим. В смысле, место, на котором он находился, и раньше было рынком. Над воротами его так и было написано: «Колхозный рынок». И за воротами все было так, как с детства и памятно: грубые деревянные прилавки под навесами, грязь и окурки под ногами, продавцы, кутающиеся в фуфайки и ватники, смолящие папироски и лениво перебалтывающиеся друг с другом, серые мешки с перепачканной в земле картошкой, кочаны хрусткой капусты, выложенные горками. Еще были яблоки, пара сортов. Сушеные грибы на нитках.

Откуда-то несло знакомыми запахами соленьев, перекрывающими запах гниющих овощей, и действительно, в крепком деревянном лабазе, что расположился у забора, виднелись кадушки, из которых тебе дородная тетка в грязном халате могла навалить хоть помидоров, хоть капусты, хоть огурцов. На них, в сущности, список разносолов и заканчивался. В общем, все как в упомянутом детстве в средней полосе России, в самом что ни на есть Нечерноземье. Импортных ананасов тогда на базарах не продавали, да и колхозные узбекские персики не в каждый город доезжали.

Дальше в рядах была рыба, вяленая, копченая и свежая, было мясо, но уже остатки, привлекательные разве что для собак – свежатину в шашлычную субботу раздергали наверняка с утра. Ну и молочное, сыр да творог, простокваша в банках из зеленоватого стекла.

Народу тоже хватало. Были и мужчины, и женщины, старые и молодые, все с сумками и мешками. Звякали весы с широкими тарелками, на которые торговцы быстро выкладывали чугунные черные гирьки, товар перекалывался в сумки. У павильончика с вывеской «Картошка» была небольшая очередь, мешки приставлялись к горловине деревянного желоба, и туда с гулом и грохотом катились земляного цвета картофелины, распространяя вокруг запах сырой земли.

Краем глаза отметил, что много людей было вооружено. Не все, и даже не половина, но все же многие. У кого пистолет в кобуре, у кого и вовсе обрез, причем не только у мужчин.

– Че смотришь как царь на жида? – толкнул меня в бок Федя. – Так и живем, и ничего, что пожрать находится.

– Да не, все нормально, – отмахнулся я от несправедливого подозрения. – Просто воспоминания накатили, как с бабушкой ходил, совсем пацаном еще. Ох они и торговалась! Любила это дело. Она

хохлушка, хоть в России лет двадцать прожила, но даже язык толком не выучила, гнала на суржике.

– Со вкусом торговалась? – усмехнулся Федька.

– Не то слово. Кстати, родители-то на работе были, а я с ней, так до третьего класса, примерно, у меня такое украинской «Г» в разговоре было, что даже я его сейчас сам помню.

– Это как?

– А я однажды очень удивился, обратив внимание, что все остальные его по-другому произносят. Ну и я попытался.

– Получилось?

– А че, не слышно?

– А я не вслушивался, была охота. Ладно, нам дальше надо, – он указал на длинный кирпичный дом, кривовато выложенный и осевший в землю хлипким фундаментом, на котором вывеска потресканная вывеска «Уцененные товары».

– Ох-е..., – покачал я головой. – Тоже в наследство осталась?

– Ага. Так его и знают, хотя уценки хрен дождешься. Тут все сразу в одной куче, несколько торговцев в складчину снимают. И мне туда, и тебе.

Покосившееся и кривоватое крыльцо в «Уцененные» было выложено из вытертого желтоватого кирпича, дверь открывалась на чудовищно тугой пружине, а потом, выпущенная из рук, с грохотом захлопывалась. Я еще подумал, как торговцы все это в течение дня выдерживают.

Торговцам на первый взгляд стук был пофигу. Они стояли кучкой, вполглаза поглядывая за посетителями, копавшимися в товаре, и трепались о чем-то своем. Один из них, короткий, темноволосый, с густой черной щетиной на толстых щеках, одетый в длинный черный кожаный плащ с пелериной и застежками на рукавах, живо напомнивший мне расстроенную моими требованиями заведующую вещевым складом в Горсвете, развел руки приветственно, сказал громко с сильным акцентом:

– А, Федя! Что привез?

– Мамед, ничего не привез, за покупателя сегодня, – покачал головой Федька и добавил: – И вообще не к тебе, а Петру.

– Петя заболел, живот болит, меня за себя оставил тоже, так что ко мне, – засмеялся торговец. – Надо было забиться с тобой на сотню, и торговать сегодня не надо.

– Тогда ищи свечи мне на «Блитц», вот такие...

Федька полез в карман, вытащил свечу зажигания, завернутую в клочок газеты, протянул Мамеду, а мне сказал:

– Вон, к Славе иди, он тут по оружию.

При этом рукой показал на молодого, очень высокого и очень сутулого парня с длинными светлыми волосами. Тот как раз прислушивался к разговору, поэтому сразу спросил у меня:

– По оружейной части?

– Да кобура нужна, – сразу заявил я, чтобы не внушать излишних надежд. – Для нагана. И все.

– Без проблем, – сказал он решительно. – Давай в мой отсек. Во, гляди, Бэ Че номер шесть, чего сыздил – должен съесть. Выбирай.

Отсек, отгороженный от остальных двумя листами вертикально стоящей фанеры, был маленьким, зато плотно забитым товаром. На стене висели винтовки, все сплошь не самозарядные, наши «мосинки», длинные и короткие, и немецкие «маузеры». Было несколько двустволок, причем совершенно одинаковых, только разной степени потрепанности. Была пара итальянских «каркано» с огромной надписью возле них «Большая скидка!». Ну да, калибр-то...

К удивлению моему, увидел и пару вполне пристойного вида СВТ-40, хотя Федя сказал, что в продаже обычно одни «болты». Ошибся Федя.

На прилавке под толстым стеклом лежали пистолеты. На них, признаться, глаза немного разбежались.

Незнакомых не было, тут альтернативная действительность сильно не нахулиганила. Глаз сразу задержался на компактном «Вальтере ППК», с него перескочил на его армейского родича «ПЗ8» – мечту моего детства. Рядом красовались собой два «парабеллума», с длинным стволом и обычный. Был и большой «девяносто шестой» маузер, и маузер компактный, для карманного ношения, и такой же маленький «зауэр». Были и наганы, такой как у меня, и с коротким стволом, как сказал Слава – «милицейский, типа угрозыск такие носил».

– О, и вот чего есть... – тормознулся я на традиционного вида пистолете. – «Хай Пауэр»?

– Ага, канадского образца, «ленд-лиз», – сказал продавец, вынимая ствол из прилавка и протягивая мне. – Почти не битый, тринадцать в обойме, одна запасная, кобура в подарок.

– В магазине. – поправил я его.

– У нас обоймой звали, – возразил Слава.

– Значит неправильно звали, – приговорил я его действительность за неграмотность, после чего спросил: – И сколько?

– Только для вас – двести рублей.

– А если не только для меня? – уточнил я.

– Тогда тоже двести, но уже никакого ощущения эксклюзива, –

ухмыльнулся он, сверкнув дыркой в ровном ряду зубов. – Уровень удовлетворения намного ниже.

– За удовлетворением я бы в бордель сходил, а мне бы скидочку.

– Борделей тут нет, в ближайший сорок верст и все лесом, аж до Сальцева, а за скидочкой так еще дальше, – еще радостней объявил он, после чего добавил чуть серьезней: – Редкость, канадские браунинги в ленд-лизе вообще редкость, а кольты Администрация подмяла, так что смысла мне нет скидывать, все равно заберу. Он так первый день лежит, за пару дней точно продам. Тэтэшники тоже в городском арсенале, так что если нужно – у меня не ищи.

– Ладно, померла так померла, – отказался я от мысли о покупке и вернул пистолет Славе. – По-любому денег мало. Кобуру бы мне для нагана, чтобы выдерживать быстро.

– Выбирай, – сказал Слава, выставляя на прилавок большой короб. – Тут разные, от всяких мастеров, смотри что по вкусу, все сплошь для нагана, весь ящик. А вообще есть подешевле браунинга пистолы, если надо, тот же «парабеллум» отдам за сто двадцать. Или карманный какой возьми, девушке подарить, у нас это даже модно.

– Слуш, я только провалился, аванс пока выплатили, да и все. И девушки нет, она по ту сторону осталась. В другой раз зайду, когда денег прибавится.

– Как знаешь, – пожал он плечами.

Из ящика крепко пахнуло недавно выдубленной кожей. Я взялся копать, быстро убеждаясь, что качество товара даже несколько превышает ожидаемое. Они были все больше двух видов – мягкие и легкие, удерживающие револьвер клапаном и предназначенные для ношения подмышкой, и поясные, потверже и потяжелее, некоторые даже отформованные.

Одна приглянулась, из хорошо выделанной толстой кожи, рельефная, с удобным клапаном, который и выпасть не даст, и сорвется от рывка. И рука на нее удобно ложится, я наган достал и примерил. И сама прошита на совесть, видно, что проживет долго. И на ремне удобно села, разве что рукоятка непривычно высоко поднялась. Но это ничего, так, кстати, даже удобно тянуться, и из-под куртки не видно.

– Формовки по пятнадцать, плоские по десять, – сразу предупредил продавец. – Купил бы ствола, дал бы бесплатно.

– Не, ствол пока дорого, – покачал я головой. – Вот эту возьму.

– Еще надо что?

– Да не, все, экономить пока надо, – сказал я, вытаскивая из кармана

расчетную книжку.

– Будут лаврики – заходи, всегда что-то найдем, – сказал Слава, перекладывая деньги в карман и протягивая кобуру. – Ты же в Горсвете с Федькой?

– Ага.

– Тогда и деньги будут, Федька на жопе не сидит, шуршит как электровеник, и ваши покупают часто. Заходи, в общем, дорогу теперь знаешь.

В общем, недолго возился, Федька застрял, похоже, куда серьезней. Свечи лежали перед ним на прилавке, но Мамед теперь копался в каких-то шлангах, я особо не всматривался. Было на что и так глянуть.

Магазин еще и одеждой торговал, как раз в соседнем с оружием отсеке, и заведовала этой торговлей средних лет худощавая женщина с остатками краски на волосах, видать еще в той действительности красилась.

– Нужно что? – сразу спросила она у меня, стоило мне лишь глянуть на товар. – Зима на носу, запасаться пора.

– Выдадут, – сразу отоярился я от настойчивого маркетинга.

– Форму, – уточнила она. – А к барышням? Что-то приличное нужно.

– Барышень нет, так что не актуально, – сумехнулся я в ответ на ее заявление.

– Это упущение, мужик видный, – чуть добавила она кокетливости, которую я предпочел не замечать. – А тут вот какое-никакое шитье наладили, уже поприличней. Брючата вон шьем из тонкого брезента, не хуже джинсов получаются, куртки кожаные. Тулупчики завезли вон, как раз с утра развесила, видишь?

Она указала тощей рукой с обгрызенными ногтями на вешалки с вполне добротными тулупами, короткими и длинными. Были даже дубленые куртки вроде «бомберов», какие не стыдно было бы надеть даже «по ту сторону». Я даже задумался, как без такого зиму зимовать, лучше ведь и не придумаешь ничего.

Кстати, «брючата из брезента» мне тоже по детству моему вспомнились. Джинсов было не достать, да и денег за них спекулянты просили немерено, далеко не всем по карману, вот народные умельцы из «брезентухи» бурого и зеленого цвета наладили пошив некоего их подобия. Даже в моду вошли, помню, бурые еще и «вытирались» на манер пресловутых и желанных американских штанов.

К кое-каким, пошитым на манер «тактических», я даже присмотрелся, цену спросил, которая не отпугнула. На службу их даром не надо, к сапогам

лучше всего казенные галифе, а вот так, гулять, например... Буду же гулять. Ходить куда-то буду, наверное. В кабак вон. Или в кино, в котором ночью с «пионерами» бились.

– На кожу посмотри, куртки вон, даже штаны можно пошить, но это уже по мерке, – продолжала просвещать она меня.

Штаны для мотоциклиста хорошо, кто спорит, на «харлее» даром что щитки стоят, а грязь летит все равно. Пригодились бы тоже. Их даже изляпаешь, так тряпочкой протрешь – и порядок.

А вообще много чего пригодилось бы еще. Свитера вязанные, пусть из грубой пряжи, но теплые, лежали стопками. Были вполне серьезного вида бушлаты на вате, на манер армейских пошитые, и простеганные фуфайки со штанами. Нашлись и шапочки «гандонки», на манер вязаных подшлемников, некоторые еще и в маску раскатывались. Когда Федька, обернувшись, увидел, что я такую рассматриваю, он даже не удержался, сказал:

– Хрен ли думаешь, а? Бери, тебе на море кататься зимой никто на складе маску не выдаст, всю будку выстудишь. Их к сезону разбирают.

– Верно Федька сказал, – поддержал его прислушивавшийся к разговору Слава. – Без маски зимой жизнь не в жизнь.

Пришлось взять, расставшись с десяткой. Я, на самом деле, и сам это понимал, несложно представить результат езды на мотоцикле по морозу без нее. Сунул шапочку в карман, скрутив, решив больше ни на что не тратиться, а то черт его знает, какие счета здесь в кабаках выставят принято.

– Кстати, а с обувью как? – спросил я у продавщицы на всякий случай.

– Соседний флигель, там Оганесян-сапожник целый цех организовал, – указала она рукой куда-то на стену. – Хорошо шьет, особенно если фасон не сам придумывает, а ты ему говоришь, что нужно. Ну и лавка обувная там есть, хочешь – глянь пойд.

– Ладно, в другой раз загляну. Федь, закончил? – спросил я товарища.

– Ага, почти, сейчас пойдем, – кивнул он и обернулся к продавцу: – Мамед, мешок или пакет дай.

– Где я тебе пачет возьму? – слегка возмутился продавец, заодно проявив свою национальность произношением слова «пакет». – Нет у меня пачет, я тебе что, «Седьмой континент»? Мешок приноси.

– Да забыл я, – досадливо поморщился Федька.

– Мешок дам, другой раз принесешь.

– Давай, потом разберемся.

Федя купил какую-то увесистую железную деталь для машины, как он

сказал – про запас, но что именно, я не увидел, а в мешке не поймешь. Разве что вид у него довольный был, видать и вправду нужное.

– Ну что, до машины и в кабак? – уточнил он, когда мы вышли на улицу, на сырой и холодный ветер.

– А есть еще планы?

– Никаких.

– Ну и у меня никаких, – заявил я. – Не вижу ни одного повода, который мешал бы нам выпить.

– Я люблю тебя жи-изнь... – запел Федя – ... Что само по себе и не ново! Ну чего встал, пошли скорей, шланги горят и на старый стресс новый накладываться начинает. От «недопила».

– Ты сам шире шагай, – подтолкнул я его. – Давай, как в классике, «А я иду, шагаю по Москве».

– Это ты по Москве, – прервал он меня. – А я с других краев.

– Это каких? – удивился я.

– Пад го-оро-одом Горьким, где люди-и как волки, в рабо-очем поселке па-адруга живе-ет! – протянул он так громко, что какая-то тетка, не ожидавшая приступа Фединого вдохновения, шарахнулась в сторону, чуть не выронив авоську.

– Так это чего, сюда не все из Москвы сыпятся? – удивился я. – Или ты в другом месте вынырнул?

– Из разных проваливаются, – ответил он, поудобней перехватывая увесистый мешок. – Но из Владивостока или Парижа пока не случались, есть какие-то лимиты по радиусу. Так, все больше Средняя Россия, но совершенно вперемешку.

– Хм... – озадачился я. – А вообще какие-то закономерности есть?

– Есть... на жопе шерсть, – вздохнул Федя. – Толку-то с них? Тебе на лекцию идти надо?

– В понедельник надо, сказали.

– Так ты на работе предупредить не забудь, – напомнил он мне. – А вообще за все закономерности там тебе и расскажут. Наверняка кто-то из ученых будет, для этого и собирают, чтобы поведать, что у нас тут и к чему. И каким боком. Или раком.

– А больше все же боком или раком?

– Все больше раком, и выходит боком, – усмехнулся он. – Не было, говорят, поначалу у Тьмы такой активности, чем дальше, тем больше проблем от нее. И твари сильнее становятся. Никогда ведь по стенам не ползали, а сегодня, а?

У меня в мозгу намертво отпечатался стоп-кадр, в котором темная и

жуткая тварь ползет по потолку с твердым намерением распотрошить меня, наивного. Как вспомню, так мороз по коже.

– Кстати, в понедельник мы выходные, так что предупреждать некого. И незачем, – сказал я.

Машин у рынка немного убавилось, самое торговое время уже прошло, народ расходился понемногу. Сворачивались и торговцы. Несколько колхозников курили папиросы возле большого «студебекера», о чем-то разговаривая и посмеиваясь. На борту грузовика была крупная надпись белыми буквами «Колхоз «Раменское». Лучшая свинина!»

– По субботам мясом хорошо торговать, – кивнул на них Федя, попутно закидывая в кабину мешок с железякой. – А у раменских и вправду свинина самая хорошая, черт знает, что там у них за свиньи.

– Колхоз-миллионер? – усмехнулся я, вспомнив старые формулировки.

– А то! Получше многих живут. Свиньи у них, птицеферму открыли. Уважаемые люди. Отряд самообороны организовали.

– Кстати, Федь, я вот чего спросить хочу, – сказал я, забираясь на пассажирское сидение. – А вообще у вас тут что за государственное устройство?

– В смысле? – не понял он.

– Ну, Углегорск – город областной, так?

– Так, был раньше, до того как люди исчезли.

– А сейчас?

– Сейчас... сейчас он вроде как областной, только область куда меньше. Несколько деревень и городок Захолмье подчиняются, а Сальцеву на область класть вприсядку, сами по себе живут. А пара деревень так под ними числится.

– Не враждуете?

– Если явно, то нет, – сказал Федя, запуская стартер. – А так враждебность есть, как не быть. Главе Администрации такое пренебрежение как серпом по яйцам, он конкурентов вообще не любит, а по мне так и хорошо, что Сальцево есть.

– Это почему?

Машина тронулась с места и покатила со стоянки, пристроившись в зад какой-то потрепанной полуторке с вырванным задним бортом кузова, в котором горкой лежали пустые дерюжные мешки. На них сидел, опираясь на борт, крепкий бородатый мужик с трехлинейкой за плечом.

– Почему? – повторил вопрос Федька. – Да потому что так конфликтов меньше. У нас тут сам видишь, практически социализм, чуть не военный коммунизм. Ну и сбились в кучу здесь те, кто считает такую жизнь в

данных обстоятельствах правильной. А все кто не считает, не мутят воду, а перебрались в Сальцево, где живут по своей вере. Чем плохо?

– До драк не доходило?

– С сальцевскими-то? Нет. Мало нас, и так проблем хватает, куда тут воевать. А так всякое бывает. Разведбат постоянно то с бандитами, то еще с кем дерется. Не до Сальцево. Да и народ туда дорогу знает, у кого дела, кто и поразвлечься ездит, и базар там хоть куда.

– Мирное сосуществование, в общем.

– Именно. Сосущее-Ствовање. Непонятно только, кто в финале и у кого сосать будет.

– Дойдет до конфликта все же?

– Дойдет рано или поздно, два медведя в одном гнезде – сам понимаешь. То, что до сих пор не сцепились – ваще ни разу не показатель. Все впереди.

Езда была недолгой, только, вроде бы выбрались со стоянки на улицу, разогнались, пару раз повернули, и оказались на Советской, как раз у трехэтажного дома, у которого над дверью висела вывеска с надписью «Шашлычная «Телави». Это было единственным признаком того, что в доме находится пункт общепита, потому что во всем остальном дом напоминал больше всего небольшую тюрьму. И впечатление такое создавали, естественно, мощные решетки на окнах всех этажей, которые вкупе с потемневшим красным кирпичом выглядели мрачновато.

Перед кабаком в рядок выстроилось несколько машин, включая знакомую по фильмам «эмку» и полноприводный ГАЗ-67. Там же стояла полуторка с самодельным кунгом, на котором было написано «Трактиры Абуладзе».

Мы, выпрыгнув из кабины, решительно направились к двери кабака. Жрать уже хотелось откровенно, да и успокоительного принять после веселой ночи тоже требовалось.

С трудом оттолкнув массивную дверь, мы проникли в полутемный зал заведения, наполовину заполненный посетителями.

– О, отлично, пока стол еще можно выбрать, – сказал Федя. – А то скоро понабегут сюда, место популярное, к тому же суббота.

Я огляделся. Интерьер особыми изысками не поражал – массивные столы, лавки, стены местами кирпичные, местами штукатурка – не обветшание, а элемент декора такой. У дальней стены длинная стойка бара с высокими табуретами перед ней. За ней с сосредоточенным видом наливал пиво в высокую кружку толстый седой кавказец.

Сбоку от стойки виднеется окно в кухню, возле которого сейчас со

скучающим видом стояла крепкого сложения деваха с пустым подносом – явно официантка, ожидавшая заказа.

– Давай, куртки бросим, мол стол занят, и пойдем заказ сделаем, – сказал Федя.

– А официантка их не принимает?

– Не, как Шалва говорит, тут все по-грузински, как у них принято. Подошел, посмотрел на мясо с сыром, выбрал что нравится, там и заказал. А вот готовый уже принесут.

Ага, не знаю, из какой действительности был этот самый Шалва, но в моей так и было, вспомнилось, довелось мне в Грузии побывать. И во всех трактирах за городом, которые больше под открытым небом, такая система и была.

– Здравствуй Шалва, здравствуй дорогой! – с ходу заявил Федя, подходя к стойке.

– Гамарджоба[1], дорогой, – сказал толстяк, явно собираясь Федьку обнять, да вот стойка помешала, поэтому просто руку пожал.

Затем и я с ним поручкался. Хоть и толстяк, а ладонь крепкая. Заодно Федя представил нас:

– Шалва, это Володя, новый коллега, Вова – это Шалва Абуладзе, владелец данной шашлычной и соседней хинкальной, кулинарный бог нашего Отстойника.

– А, ты скажешь! – отмахнулся толстой волосатой рукой Шалва. – Володя, знакомы будем. Ты сегодня это... ра квия[2],... протавляешься?

– Именно так, – подтвердил я его догадку. – Рекомендаций ждем.

– У меня только вина нет, откуда его брать, а в остальном все хорошее. Сулугуни свежий, это друг мой в деревне делает, есть еще копченый, шашлык... я давай вам разный сделаю, лопатка, шейка, окорок... сколько вас?

– Трое, еще один сейчас подойдет.

– Пить что будете?

– Водочки нам, – сразу влез Федя, – Мы после ночного, стресс у нас.

– Хо![3]... Стресс надо водкой, верно. С зеленью теперь плохо, понимаешь, а остальное все принесем. Мужужи будут, хачапури... Садитесь, в общем, все принесем. Барышни ожидают?

– Откуда у меня барышни, второй день здесь всего, – засмеялся я.

– Федя вон не второй день, и ходок хоть куда, – Шалва кивнул на моего товарища.

– Не, таких планов вроде не было сегодня, если только кого знакомых увидим, – ушел в отказ Федя. – А так мужская компания, первое дежурство

обмываем.

– Ну тогда давайте, кутите, – сказал Шалва, просматривая, что он записал в блокнотик, пока нам меню диктовал.

– Пошли, Володь, все будет в лучшем виде.

– Часто здесь бываешь, – спросил я его, когда за стол уселись.

– Да частенько, – кивнул он. – Так по талонам питаюсь, тратить особо и некуда, вот с девушками и заходим. Сюда – поужинать, потом в «Би-Боп», джаз послушать. Других клубов тут нет, а так народ играет, и неплохо. Где Паша-то, обещал же не опаздывать?

Действительно, Паши пока не было. Хотя «дипломатический максимум» в пятнадцать минут пока еще не прошел, еще все в рамках приличий.

Официантка с подносом пришла почти сразу, принесла водку, кувшин морса и холодные закуски. Сноровисто расставила перед нами, подмигнула Федьке по-приятельски, и ушла. Тот вздохнул, глядя на водку, затем спросил задумчиво:

– Двое вообще одного ждут или как? Холодильников тут нет, в воде охлаждают, так что сам понимать должен.

Я взял бутылку в руки, осмотрел. Этикетки не было вообще, а обычная пробка, как в былые времена, залита бурым сургучом, который уже отколупали, чтобы облегчить нам доступ к вожделенному напитку.

– А точно водка? – спросил я. – А то ни надписей, ничего такого.

– Точно, бутылку такую только для нее делают.

– А паленой не бывало?

– А кто ее будет делать? Тут кто паленой торговать попробует – считай разорился. Это мы тут столица мира, семнадцать тыщ душ, все друг друга знают, а прикинь как в других местах? Да морду набьют, так что не очкуй, все пучком.

– О, Паша!

Действительно у дверей стоял Паша, оглядывался по сторонам. Я помахал ему рукой и он решительно направился к нам.

– Звиняйте, мужики, у самых дверей Власов перехватил, несли его черти мимо, – сказал он, скидывая кожаную куртку и усаживаясь за стол.

– А чего хотел? – любопытствовал Федя.

– Да я и сам толком не понял. Он датый малость, тоже расслабляется, нагнал чего-то про новый график дежурств.

– А, ну об этом уже год говорят. Давай, Володь, наливай, хрен ли напиток греть.

Ну, это я и без него сообразил. Друзей-приятелей у меня пока здесь

мало, так что больше никого из приглашенных не ожидалось. В общем, разлил, в руках согреть тоже не стали, Паша кивнул, сказал: «Ну, с первым боем, первой охотой! Ни пуха!» И после того, как мы хором заявили: «К черту!» – водка ушла по назначению.

– Слуш, а ничего так! – решительно заявил я, закусив дозу кусочком сулугуни, макнув его в острый сацебели.

– Я же говорил! – наставительно поднял палец в потолок Федька. – Водка здесь что надо. Шалва разве что без вина здесь помирает.

– Нет вина?

От хорошего «саперави» под шашлык я бы и сам не отказался. Но тут его точно не предлагали.

– А откуда браться? – хмыкнул Федька. – Так далеко на юг от нас никто не забирается. Есть яблочное, но сам понимаешь, кахетинцу это вроде оскорбления. Хотя по мне так и ничего, не из бояр, и девушки любят за неимением другого.

– А вообще как далеко забирался?

– В соседнюю область, по прямой двести верст, а если все пятна Тьмы объезжать так все пятьсот накапает. Халтура такая подвернулась. Но как все расходы и возможные проблемы подсчитал, то решил опыт больше не повторять.

– А не ты?

– Ну... из разведбата народ катается... да туда же, пожалуй. Дальше им и делать нечего. На север ездят тоже верст за триста, как я слышал, там и населения-то нет, так, пара хуторов неподалеку от Углегорска, да и все.

– А зачем?

– Тьма движется. Вот они и следят, куда движется и зачем. Ну и следят за тем, что оттуда появляется. Мрачные туда командировки, чуть не за штрафные считаются. Ни людей вокруг, ни зверья даже нормального, одни неприятности на свою жопу.

– Ну, туда вообще-то первый взвод посылают, самых опытных, – влез в разговор Паша. – И оклад и с выслугой им чуть не тройные, плюс всякие премии.

– Ну да, – кивнул Федя. – Хуже работы-то в городе нет, мы по сравнению с ними чистый детский сад. Утренник, блин, с зайчиками. Ладно, давай по второй сразу, а то слышал, что по данным Всемирной организации здравоохранения промежуток между первой и второй должен составлять от тридцати до сорока секунд, никак не больше.

– А если больше? – уточнил Паша, пока я разливал водку по стопкам.

– Тогда уже необратимый ущерб организму наносится, – решительно

ответил Федька и уточнил: – Какой – точно не знаю, но что наносится – чувствую прямо сейчас. Ладно, за нас с вами и хрен с ними. Поехали!

Звяк граненных стопок из мутноватого стекла, горячая волна по пищеводу, острая закуска, на этот раз крепкий бочковой огурчик, остро пахнувший чесноком.

– Дальше ходят по реке, – дополнил информацию Паша. – Я тебе говорил ведь, что там никакая тварь не образуется?

– Ага, было такое, – вспомнил я.

– Так что суда гоняют. Табак привозной же, водка тоже, зерно везут, у нас тут кроме картофана с морковкой и не растет ни хрена. Водка, опять же. Пиво. Кожи. Да много чего везут. Но суть в том, что так ходят и за тысячу верст. Можно и дальше, но там плотины, и прямо на границе тьмы, не пройдешь.

– А, ну да, ты же вроде раньше на судне работал? – вспомнил Федька.

– Точно, семь месяцев палубным матросом был, пока на берегу мартыхай не цапнул. Пока лечился, место заняли, ну и я в Горсвет устроился.

– Че за мартыхай? – спросил я.

– У Власова справочник возьми по самым распространенным тварям, тебе по работе знать полезно, – сказал Паша. – А мартыхай – это навроде обезьяны небольшой. Быстрый, скотина, нападает всегда стаями. Вот и наварлся прямо у пристани, на разгрузке, схоронилась тварь прямо под пирсом.

– А они чего, ядовитые? – уточнил я.

– Погодь, – прищурился Паша. – У тебя хоть какой-то ликбез был? Нет?

– Н-нет, – пожал я плечами. – Оформили, на следующей день мотоцикл, оружие и сразу на сутки отправили с вами.

– Идиоты, – вздохнул он. – Положен же инструктаж подробный, даже зачеты сдавали.

– Это потому, что его в гараж увели, – подумав, сказал Федька. – С водилами все обычно проще, они в битву не лезут, не прикинули, что он в группу чуть не дозорным. А там замотались.

– Да наверное... Потери были, народу не хватает, вот и обрадовались. Тем более, что на мотоциклах никого.

– Научить не трудно, если время есть, – сказал я. – Хоть сам возьмусь, без проблем.

– Поговори с Альбертычем... Антоновым, в смысле, он у нас вроде как за начштаба, а заодно самый толковый. Возможно, что так и сделаете,

будешь еще и людей готовить. За работу инструкторам приплачивают неплохо, кстати, имей ввиду. Да, к чему я... Все твари, что приходят из Тьмы, ядовитые, ты это имей ввиду. Или заразные, черт знает, как это правильно назвать.

– А в чем проявляется? – насторожился я.

– Ну... если в ногу, как меня, то нога холодеет, чернеет, следующая стадия, до которой я не дошел, появится как бы туман черный над ней. Туман есть – ты готов.

– Умер?

– Да щас. Сам тварью становишься. Причем человеком, каким и раньше был, только световой тест не проходишь.

– Это в глаза?

– Ага. Глаза совсем черные получают.

– А как лечить?

– В сущности светом, просто очень сильным и направленным. Ногу как в палатку из ламп суют, жар такой, что чуть не кожа пузырями. И так сидишь суток двое.

– И срабатывает?

– Со мной сработало.

Чуть подумав, спросил уже дополнительно:

– А первая помощь есть?

– Тот же свет, чем больше, тем лучше. Прямо на укусы и все вокруг. Чем ярче будет и чем больше тепла от него – тем медленней заражение.

– Понятно... – покачал головой я, причем в этой самой голове мелькнула мысль насчет того, стоило ли так горячиться и сразу наниматься на работу в Горсвет, или лучше было сперва расспросить подробней. Но потом решил не грузиться, что сделано, то и сделано.

Потом трепались ни о чем, причем Федька старательно обходил тему завтрашней поездки за генератором, видать, не хотел никого в долю брать. А может что и другое. Большими друзьями они с Пашей не были, насколько я понял, скорее коллегами по одной группе. Лучший Федин друг погиб недавно, насколько я понял, да и то он по разговорам был вроде делового партнера скорее, чем именно другом числился. Федька парень ушлый, по нему сразу видно, а вот без напарника хорошего зарабатывать не получается.

Ну, ничего, такой интерес тоже конструктивен, когда народ в делах друг без друга никуда. Я ведь тоже по жизни на одну зарплату существовать не привык, так что сам не знаю, чем бы еще трое суток между дежурствами занимал.

А вот Паша посolidней в поведении, кстати, посерьезней шелапутного и шумного Федьки. И вообще он такой, в себе и своих действиях уверенный. Дойди до больших проблем, я бы лучше такого рядом с собой иметь предпочел. Хотя, может я и не справедлив ни разу, несерьезность вовсе не означает ненадежность. По-любому Федька мне нравится, да и не войду я без него в курс местных реалий быстро.

Пришел Шалва с большим блюдом, заваленным дымящимся душистым шашлыком. Сказал:

– Аба[4], кушайте на здоровье. Хлеб-соль, как говорится. Водки еще принести?

– Водки обязательно, – кивнул я. – Тут еще на раз разлить, и можно считать, что пузырек приговорили.

– Привез человек эту... ра квия... хреновуху привез, первый день торгую. Хотите?

Я не нашелся что ответить, глянул на Федьку, который сказал:

– Дело хорошее, но фигле мешать? Давай в другой раз. А вообще дело хорошее, это Семыч, что пельмешку держит, где-то брать стал. Я пробовал, и водка и закуска сразу, аж в нюхало шибает.

Тут я с ним согласился, сел водку пить – воздержись от экспериментов, они до хорошего и правильного точно не доведут.

Блюдо с шашлыком, уже снятым с шампуров, плюхнулось на середину стола, испустив благоухание и поразив сразу во все нервные и вкусовые центры, мы, кто быстрее, потянулись туда вилками, перекидывая в тарелки мясо.

– Видал? – гордо сказал Федька, демонстрируя разрезанный кусок шашлыка. – Снаружи хрустит, внутри белый как курица. Шалва толк знает в своем деле. Эх, люблю повеселиться, особенно пожрать.

После чего демонстрационный экземпляр попал к Феде в зубы, где и исчез навсегда.

– Так жарит не он вроде, – уточнил Паша. – Шалва только заказы принимает.

– Шалва налаживает производство, что важнее всего! – прожевав, Федя многозначительно поднял палец к небу. – Правильное руководство – половина успеха. Даже больше. А жарит не он, точно, жарит Вахо. У них тут, можно сказать, грузинско-кулинарная мафия.

– Кстати, а хинкальная как? – я ткнул пальцем куда-то себе за спину, приблизительно в сторону упомянутого заведения.

– Шашлычная у нас типа высший класс, две звезды Мишлен, – взялся объяснять Федя. – Или три, сколько их там бывает. А хинкальная – почти

общепит. Ну и подешевле будет, само собой.

– Там даже просто пообедать не дорого, как в пельмешке соседней, – пояснил Паша и вдруг оживился, глянув в сторону входа: – О, смотри кто пришел?

– Кто? – обернулся туда же я и увидел двух женщин, стоящих у входа и оглядывающихся.

В одной из них я к тихому удовольствию признал ту самую, что видел сегодня в буфете общепита, как раз с Пашей. Точнее даже видел обеих, просто именно на нее обратил внимание.

– Володь, не возражаешь? – спросил меня Паша, и не дожидаясь ответа, замахал руками, приглашая.

Его заметили, женщины направились к нам. Та, что пришла с понравившейся мне, улыбалась Паше так, словно на праздник попала. Она же и сказала:

– Ой, Пашка, не ожидала. Вас сюда какими ветрами?

– Вот, товарищ проставляется, – сказал Паша, пояснив дополнительно: – Напарник мой. Знакомьтесь, это Лена, – он указал на среднего роста худенькую шатенку с короткой стрижкой, – Это Володя, Федор, мы все работаем вместе... Это Настя. Настя подруга Лены. К нам сядете?

– Паш, а как ты думаешь? – ехидно осведомилась Лена. – Надеешься, что в другое место пойду, мешать не буду? Даже не надейся.

Они и присесть не успели, как подбежал Шалва, на ходу вытирая руки передником, заулыбался:

– Мы шашлык едим, – словно внося последний штрих в вечную гармонию мира, сказал Федя, словно уже не прибавить и не убавить.

– И? – выжидательно спросила Настя, чуть склонив голову набок. – Это предложение или наоборот, просьба не претендовать?

– Это как вам совесть подскажет, – патетичным шепотом ответил Федя.

– Совесть подсказывает, что весь шашлык вам все равно не сожрать, делиться надо, – безапелляционно ответила Настя.

Во время этой словесной пикировки я просто разглядывал ее исподтишка. Как с утра понравилась, так и сейчас ничего не изменилось. Спортивная, среднего роста, улыбчивая, с ямочками на щеках и ровными белыми зубами. Глаза карие, ясные, под высокими тонкими бровями, волосы русые, гладкие и густые, убранные в густой тяжелый хвост на затылке.

Нет, не ошибся я с утра, правда хоть куда девица. На вид около тридцати, если присмотреться. Обе они, и Настя, и Лена, одеты в кожаные

куртки, брюки из серого брезента со множеством карманов и ботинки вроде туристических. Как понимаю, в нынешних условиях самый приличный из доступных стилей, спортивно-туристический, так сказать.

– Новенький? – спросила Настя уже у меня.

– Да, третий день здесь, пока осваиваюсь помаленьку.

– Как сюда угодил? И сам откуда?

Последовательно ответил на оба вопроса.

– О, а я из Подмосковья, из Мячково, – вроде как обрадовалась она.

– А сюда как?

– Из спортзала, в раздевалке свет погас. Когда выбралась наощупь, оказалось, что тоже в раздевалку попала, только шахтерскую и заброшенную.

– И как ты дальше?

– Повезло. Повезло, что уже переодеться успела, выбралась хоть не голой на холод, а в спортивном костюме, и даже куртку в руках держала. Ну и в том повезло, что шахта ближняя к Углегорску, «Имени 9 января» которая, поэтому как выбралась, так и сразу поняла, куда идти надо, там только через мост.

– И где сейчас?

– Я? – она словно чуть удивилась вопросу, затем кивнула, как будто осознав, что я тут новенький. – Пилот я, на По-2 летаю. Я же из Мячкова, чуть не выросла в аэроклубе, потом закончила училище гражданской авиации.

– О как! – посмотрел я на нее с уважением, да и пожалуй что с завистью. – В городе и авиация есть?

– В городе нет, у нас есть, – покачала она головой, наблюдая как вернувшийся от стойки Шалва расставляет стаканы и тарелки для них, и раскладывает приборы. – Городу вроде как недосуг заниматься, да и специалистов не было. Ну и у самолетов состояние тоже не блистало, браться за починку никто не хотел, так и плюнули.

– И?

– Единомышленников нашла, повезло. Очень летать хотелось, не могла представить, что здесь бросить придется. Начала искать людей, оказался в городе еще один летчик, только военный, из транспортной, потом и технарей подобрали. Там все несложное, так что за полгода довели все до ума, теперь с Администрацией общаемся на подрядной основе, летаем.

– Много вас, летунов?

– Четверо уже, двоих мы уже обучили, на «кукурузнике» проще

простого, – она даже четыре пальца оттопырила, показывая мне, чтобы я не ошибся. – И техперсонала с десятков.

– И куда летаете?

– Да куда угодно. С почтой в соседнюю область, по деревням и городкам, По-2 ведь на любую полянку садится. Хочешь прокатиться?

– Да с радостью! – чуть не подскочил я от радости, потому как появился легальный предлог продлить столь желанное знакомство. – А когда можно?

– Хотя бы в понедельник, – пожала она плечами. – Как выходные закончатся. Я там с девяти утра, подъезжай. Знаешь, где аэродром?

– Нет, не знаю, – покачал я головой. – За периметром где-то?

– Частично, в самом городе отсюда десять минут пешком.

– Я покажу, без проблем найдешь, – вмешался Федька. – Это как от нашей общаги не на Советскую, а в противоположную. И как упрешься – так и налево, там вообще рукой подать. На улице Краснопролетарской.

– Ага, спасибо, – поблагодарил я за целеуказание. – Сгоняю в понедельник, как раз после лекции. Часов... в двенадцать, не знаю, нормально будет? – обернулся я к Насте.

– Нормально, у меня на понедельник вылетов вообще нет, – ответила она. – Только одевайся потеплее, и очки прихвати, у вас же есть? Взлетим – холодно будет, ну и ветер. Главное. Чтобы погода уж совсем нелетной не была.

– А как тут с прогнозами? – заинтересовался я.

– А никак, – ответила Лена. – Откуда здесь прогнозам браться? Одни народные приметы, да и те врут. А так погода предсказуемая, осенью здесь осень, весной – именно весна, лето теплое, даже жаркое, зима такая холодная, что зуб на зуб не попадает.

– Зимой колотун здесь, точно, тридцатник не исключение, но вообще не Севера, так, десять, пятнадцать ниже нуля. Одеваться надо хорошо, потеплее. – дополнил информацию Паша.

Сидели еще долго, выпили немало, но всерьез никто не опьянел. Дамы, впрочем, на водку не налегали, а отдали должное тому самому яблочному вину, о котором Федя говорил. Мы же как и планировали, все по водке больше, и он помогла – напруг после ночи с темными «пионерами» и беспорядочной стрельбой все же снялся, что очень радует. Гостеприимный Шалва предложил организовать нам развоз по домам, потому что на улице была уже темень, а двери шашлычной закрыты на тяжелый засов, но мы отказались.

В результате мы вчетвером, Паша со своей Леной, которая, кстати,

работала в городском госпитале, где он с ней и познакомился, и с Настей, забрались в кузов. Хотя настроение было и немного шальное, но я заметил, что особо никто не расслаблялся. Вроде и болтали, сидя на скамейке и держась за борта, но были все настороже. Паша клапан на кобуре расстегнул, дамы тоже оказались вооружены – у «товарища красного военлета», как я уже повадился называть Настю, был в кобуре на поясе «парабеллум», да и Лена оказалась не с пустыми руками, в кобуре под курткой у нее нашелся «вальтер ППК», с ее слов – Пашин подарок. А что, нормально, даже со вкусом.

Ничего не случилось. Сначала довели женщин, Настя и Лена жили в одном и том же четырехэтажном доме по улице Урицкого, и даже делили двухкомнатную квартиру – отдельных здесь точно на всех не хватало, так что и коммуналок хватало, и вообще приспособлялись как могли. Пока они шли к освещенному подъезду, ждали, пока пропустит дежурный, посветив каждой в глаза, мы стояли рядом, вглядываясь в темноту. Ну чисто телохранители, в другой бы ситуации заржал уже, но тут не до смеха было, руку с гнутой рубчатой рукоятки нагана не убирал, ожидая, что из ближайших кустов выскочит «пионер».

«Пионер» не выскочил. Затем поехали было в общагу, но по пути нам с Пашей, так и оставшимся сидеть в кузове, показалось, что в темном и пустынном проходе между зданиями мелькнула какая-то быстрая тень нехорошего вида. Остановились, осветили фарами проулок – и вправду вроде как мелькнуло. Прошли несколько шагов вглубь, держа оружие наготове, никого не заметили, но дальше все же гоняться не стали – опасно, ни света переносного с собой, ни серьезного оружия.

Не поленились, заехали в Горсвет, где «сигнализировали» дежурному. Тот, не взирая на запах водки, распространяющийся от нас, принял все всерьез и сразу связался с ПБУ, после чего сказал:

– Скатается группа, посмотрит. Микояна двадцать два, верно?

– Ага, – кивнул Федя. – Как раз между двадцать вторым домом и двадцать четвертым, там проход такой, метра два, не больше. Но сам понимаешь, куда оно могло рвануть – мы без понятия.

– Понимаю, не маленький, – ответил дежурный. – Ладно, свободны.

Свободны так свободны. «Блитц», рыча мотором и громыхая бортами домчал нас до общаги очень быстро, а там мы лихой перебежкой перескочили в освещенный двор. Дверь, отстойник, не один, а уже трое в дежурке, отгороженной от нас решеткой, моргание на ослепительно-яркую лампочку, лязг открытого засова – нас запустили внутрь.

* * *

– Ну чего, как решили, так и сделаем? Изменения планов нет? – спросил Федька из-за своей ширмы, после того, как мы проснулись по будильнику – в выходные общий звонок жильцов общаги не беспокоил.

– А с чего они должны быть? – удивился я.

– Ну, алкогольная абстиненция, головушка бо-бо и все такое, – предположил он.

Я прислушался к себе и обнаружил, что похмелья почти что никакого нет, так, один лишь неназойливый намек на то, что вчера вечером все же не компот пил.

– Да нормально, – сказал я, натягивая брюки и сдергивая с вешалки полотенце. – Чайку попьем – и как новый буду. Кстати, что бы такое вроде тренировочного костюмчика тут купить, а? Так, по коридорам ходить.

– Нет тут треников, эластичных тканей нет и взяться неоткуда, – ответил Федя, высовываясь из-за ширмы. – Присмотрись в чем толпа шляется по этажам, вроде кимоно. А такое кимоно можно на базаре купить. Или в городе в лавке.

– Ага, точно, – кивнул я, вспомнив, что что-то подобное я видел чуть не на половине местных, только внимания не обращал, не до того пока было.

На завтраке в буфете было немногочленно, народ все же отсыпался в выходной день, это нам все покоя не было. Чай был горячим и даже неплохим, ватрушки явно только что выпекли, даже пальцы обжигали.

– Ты куда генератор везти думаешь? – спросил я у Федьки, с аппетитом уплетавшего выпечку.

– Да так специально не думал, – пожал он плечами. – Но вариантов масса, генрики всем нужны. Можно Шалве предложить, например, он при его наличии еще один кабак откроет. Хоть на деньги поменять, а хоть на вечные бесплатные обеды, – хохотнул он вдогонку.

– Не, обедать лучше за деньги, а то сам знаешь, чем кормят там, где «все включено».

– Отдыхал в таких местах? – усмехнулся он.

– Да щас, нашел дурака, – даже возмутился я. – Но наслышан, наслышан. А у вас тоже так было?

– В нашем-то слое? Да один хрен, все как у вас.

Вообще у нас с Федькой нечто вроде игры появилось, особенно перед

сном – сравнивали, что у кого «в слое» было и чем отличалось одно от другого. Забавно, но вышло так, что пути наших действительностей сильно разошлись в стороны в те годы, когда у нас Великая Отечественная произошла – там ее не было. Но при этом к девяностым страна все равно провалилась в яму безвластия и беспредела, то есть дорожки сошлись снова. Закономерность или совпадение?

– А сколько он вообще стоит?

– Да нормально стоит, тыщ пять, наверное. А то и больше выжучим, надо на сам генрик глянуть.

– А от чего цена зависит?

– Да от всякого. Состояние там, простота...

– Мощность?

– И это тоже, но нужны-то действительно все. От маленького свет в кабаке запитают, от большого целый дом, наверное. Ладно, есть кому оценить, заедем по пути. Доел?

– Ага, пошли.

Ночной наряд из трех человек сменился на одного дневного дежурного, во дворе общежития было пусто, впрочем как и по всему городу. Воскресенье. Снова лили мелкий дождик вперемешку с ветром, пневматические щетки стеклоочистителя судорожно смахивали капли со стекла, с каждым движением издавая змеиное шипение.

В Горсвете было по обыкновению оживленно, выходные на нем внешне никак не отразились.

– Вов, эта, в общем давай на свою совещанку, а я пока в караулку зайду с мужиками язык почесать, – сказал Федя. – В ту, в какой мы дежурили, так что туда и заходи. Потом надо из оружейки стволы взять, без них за город ездить нельзя.

– Лады, – кивнул я, и пройдя через отстойник, направился по гулкому коридору к лестнице.

В ПБУ былолюдно, шумно, трезвонили телефоны, на висящих на стене картах красовалась целая россыпь разноцветных флажков. Антонов увидел меня, узнал, сказал, пожав руку:

– Давай, присаживайся, начинаем уже, всех ждать не будем.

Добрая треть зала, предназначенная, видимо, как раз для совещаний и массовой накрутки хвоста, была занята самыми обычными, крашенными в зеленый и бурый цвет ученическими партами с откидными крышками и высохшими чернильницами посередине столешницы, как раз между двумя желобками для карандашей и ручек. За ними сидело не меньше десятка человек, явно пришедших на эту самую летучку. Знал я там только Власова,

к которому и подсел.

– Привет, – сказал он мне протягивая руку. – Как вчера отметили?

– Нормально, без жертв и разрушений, – ответил я и укорил попутно: – Мог бы и заглянуть, кстати, раз мимо шел.

– Да торопился, самого в хинкальной ребята ждали, день рождения отмечали, – отмазался он. – Успеем еще.

– Кстати, мне Паша сказал, что у тебя брошюры есть по объектам охоты. Но ты их зажал, – укорил я его. – Совесть есть, командир?

– Держи, – он полез в командирскую сумку, висящую на боку, вытащил оттуда кое-как отпечатанную на ротапринте серую тонкую брошюру, протянул мне. – Почитай на досуге, и вправду полезно.

Дверь в ПБУ открылась, и еще двое, поздоровавшись со всеми сразу, зашли в помещение и сразу уселись за парты у самой стены, на «Камчатке» вроде как.

– Так, внимание, – заговорил Антонов. – Значит так, кого не оповестили о теме совещания: твари развиваются, появились новые способности. Это и будем обсуждать. Вопросы по теме? Нет? Тогда все слушают. Дмитрий Витальевич, прошу вас.

Дмитрий Витальевич оказался мужиком годам к пятидесяти, невысоким, сутуловатым, с бритой наголо головой и мощной жилистой шеей. Да и вообще пристальный взгляд на него позволял предположить, что несмотря на общую неказистость, дяденька этот крепкий как стальной трос. Приходилось таких встречать.

– Так, товарищи! – обратился он к слушателям. – Основное – твари стали лазить по стенам и потолку. В этом замечены и «пионеры», и мартыхай, сегодня ночью был вызов на хмыря, на Микояна, и того сшибли со стены дома. Похоже, что он прикидывал, как просочиться через решетку.

Я быстро пролистал выданную мне брошюру, сунулся в глоссарий и сразу обнаружил статейку «Хмырь» с картинкой, изображающей нечто вроде смеси длиннорукой обезьяны с пауком, как всегда без деталей, один нечеткий силуэт, обрисованный клубящейся Тьмой.

«Тварь крупная, весом, предположительно, до 70–80 килограмм, атакует когтями, вцепляясь в жертву, к зубам прибегает не всегда. Одна особь способна вытянуть жизнь из взрослого здорового человека за 2–3 минуты, если ей удастся того завалить и не давать сопротивляться. Попутно наносит сильные физические повреждения, подчас фатальные. Однако она способна откачивать энергию даже вцепившись одной конечностью, хоть и не так быстро. При «подпитывании» от жертвы заметно усиливается, становится быстрее и агрессивней. Ядовита, как и все

остальные порождения Тьмы. Способы лечения атакованных обычны, см. разделы «Первая помощь» и «Лечение». Чувствительна к механическим повреждениям, но быстро регенерируется. Упущенный подранок восстанавливается не дольше чем за час, а если до этого твари удалось кого-то убить, то процесс ускоряется минимум в два раза».

Ага, вот кого мы ночью заметили. Значит не показалось, все верно, улица Микояна.

– ... Прошлой ночью был вызов в кинотеатр «Победа», на «пионеров», – продолжал между тем Дмитрий Витальевич. – Та же самая картина – твари перемещались по потолку и стенам, судя по поведению, намеревались атаковать наших сотрудников. Бирюков, да?

Это он ко мне обратился неожиданно, причем таким командирским тоном, что я встал, откинув крышку парты и ответил по-военному:

– Так точно.

Кстати, так и не пойму, как тут правильно себя вести, Горсвет организация явно не гражданская, но и военная не до конца. Вроде никаких званий, а принципы армейские, вот и всплывают инстинкты. Судя по реакции, а точнее – ее полному отсутствию у окружающих, тут так и надо.

– Доложите присутствующим, что видели и что случилось, – предложил Дмитрий Витальевич мне.

– Есть, – ответил я, выходя к нему и оборачиваясь к аудитории. – Вскоре после полуночи был вызов в кинотеатр «Победа». Штурмовые группы вошли в зал, я был назначен в помощь осветителям.

– А вы по должности... – перебил меня моложавый и румяный мужик с густыми усами, одетый в военную форму с капитанскими погонами.

– Разведчик-мотоциклист, – ответил я, вспомнив официальное название своей должности.

– Понял, спасибо.

– После зачистки зала штурмовые группы спустились в подвал, мы же остались с прожекторами, освещавшими вестибюль.

– В зал отдельного освещения не вели? – сразу спросил Дмитрий Витальевич.

Ответить я не успел, вмешался Власов:

– Зал был зачищен, выход из него только в вестибюль, поэтому принял решение не распылять оставшиеся силы, а перекрыть единственное направление, по которому «пионеры» могли убегать. Там всего одна дверь, а выходов из зала два, силы бы распылялись.

– Понятно, – кивнул тот. – Бирюков, продолжайте.

– Мне показалось, что заметил движение на потолке в дальнем конце

зала, с нашей позиции место просматривалось плохо. Решил присмотреться, пошел в ту сторону.

– Один? – спросил Антонов.

– Так точно, один, – ответил я.

Тот посмотрел на Власова, но я опередил ответ командира, понимая, что это нарушение и спрос будет с того:

– По собственной инициативе, ни с кем не советуясь.

А то потом, чует мое сердце, еще и Федулыча с Молодым за это отхарят. А зачем мне сразу с сослуживцами отношения портить?

– Это вы зря, – сказал Антонов. – Но спишем на неопытность и избыток инициативы, которая, как известно, норовит поиметь инициатора. Продолжайте.

– Есть. Двигался медленно, постоянно осматриваясь и проверяя обстановку. Поэтому своевременно заметил одну тварь, перебиравшуюся по потолку и стенам из зрительного зала в вестибюль. Причем, что интересно, вела она себя так, словно за потолок не цеплялась, а...

Тут я затруднился с определением виденного, но меня не торопили, ждали продолжения, причем с большим вниманием.

– ...Выглядело это так, что закон всемирного тяготения приспособливался под «пионера», – после размышлений выдал я.

– В смысле? – уточнил Дмитрий Витальевич.

– В смысле, когда тварь ползла по потолку, потолок был для нее полом. Если бы она прыгнула, то на потолок бы и приземлилась, – пустился я в объяснения. – Когда перебралась на стену, то полом стала уже стена, там для нее был низ. Это не выглядело так, словно она прилепилась или прицепилась, ее именно к стене и притягивало.

– А как напала? – подал голос Власов.

– Это самое интересное. Она прыгнула со стены, перевернулась в прыжке, и ее вектор тяжести, если можно так сказать, изменился, она приземлилась на пол.

– Не на вас? – спросил кто-то.

– Я отскочить успел, целилась в меня.

– Повезло, – сказал тот же голос, принадлежавший молодому парню со сломанным и сбитым набок носом, сидевшему в самом дальнем от меня углу.

– Согласен, – кивнул я. – Дальше и рассказывать нечего. Мне удалось увернуться и выхватить наган, карабин тварь выбила. Затем открыл огонь на поражение, что оказалось вполне эффективным. Потом был атакован второй тварью, из дальнего конца зала, но был прикрыт огнем, так что

проблем уже не случилось.

– Разрешите? – поднялся Власов. – Дополню.

– Пожалуйста, – кивнул Антонов.

– «Пионеры», как оказалось, прятались на потолке в зрительном зале и в подвале. Привычки осматривать потолки у нас пока не было. Штурм-группы успели предупредить, они не попали в засаду только поэтому. Если бы дошло до свалки, то нам бы пришлось очень плохо, были бы большие потери.

Антонов кивнул, затем сказал:

– Похоже, что последние наши потери в первой и шестой группах как раз такими новыми умениями тварей и объясняются. Для тех кто не в курсе: были выбиты штурмовые команды в двух группах, все при ночных дежурствах. Причем поголовно, так что объяснить потери у нас пока не получалось. Похоже, что на бойцов прыгали сверху. Дальше свалка, наши шансы сразу почти нулевые.

– Тактику будем менять, – сказал Дмитрий Витальевич. – Прохоренко, тебе на особую заметку, понял?

Это он к парню со сломанным носом адресовался. Тот кивнул, что-то записывая в блокнот.

– Надо группы усиливать, – сказал Антонов. – Нужен резерв, чтобы стоял рядом с осветителями. У тварей путей отхода прибавляется, если учитывать стенки с потолками, так что имеющимися силами все не перекрыть. Власов...

– Я! – подскочил мой командир группы.

– Решение усилить осветителей было верным, а вот то, что усилил мотоциклистом – никуда не годится. В результате ручной пулемет лишился мобильности и прикрытия в случае драки.

– Так больше некем, Сергей Альбертович! – немного возмутился Власов. – Мне или штурмовиков сокращать, чего точно сделать нельзя, вся тактическая схема сыплется, или пулеметчиков вперед гнать, или при генераторе технарей не держать но из них бойцы...

– Я тебя и не обвиняю, – сказал Антонов, не дав Власову довозмущаться. – Говорю лишь о том, что в рамках старой тактики и штата групп нам задачи решать не получится. Усиливаем группы.

– Это за счет чего? – спросил тот самый мужик в кожанке и с волосами ежиком, которого я видел в первый свой визит на ПБУ. – У нас штат и так трещит, откуда людей брать? Технарей же из гаража не погонишь, верно?

– Как временную меру предлагаю сократить количество групп, – сказал Антонов, обернувшись к нему. – Нам необходимо получить трех

дополнительных бойцов в каждую мотомангруппу, то есть одна расформированная укрепляет три остающиеся. Так?

– Так, но тогда весь график несения дежурства у нас медным тазом накрывается, – возразил мужик в кожанке.

– Слава, пусть накрывается, – жестко ответил Антонов. – Разрабатывай гибкий график, сокращай промежутки между дежурствами, гоняй народ не на сутки, а как-то по-другому, но по задачам все перекрой. А я попытаюсь выбить штаты и фонды в Администрации.

– А дадут? – с сомнением спросил Виталий Дмитриевич. – Что-то сомневаюсь.

– Оплату сверхурочных дадут точно, это я на себя беру, а вот насчет расширения штатов – будем посмотреть.

После этого летучка затянулась минут на тридцать. Не больше. Главное было сказано, дальше в детали углубились. Антонов раздавал распоряжения, которые касались руководства, а не меня, так что слушал я вполуха, больше брошюрку листал, поражаясь количеству виденных и классифицированных порождений присоседившейся к людям в этом мире Тьмы. Особенно меня заинтересовал «минотавр» – маловнятное, как и все они, существо, больше напоминавшее гориллу, чем человекобыка из древнегреческого мифа.

Отдельный раздел в глоссарии был посвящен разновидностям одержимости Тьмой и путям получения таковой. Как выяснилось, в большинстве случаев одержимость вызывается нападением «призрака» – невнятной полупрозрачной темной фигуры, или «черной молнии» – летающего шара, напоминающего негатив шаровой молнии. Еще сообщалось, что и «призрак», и «черная молния» по сути одно и то же, две разных формы одного и того же бестелесного существа.

А еще были «адепты тьмы» или просто «сектанты» – люди, живущие отдельными общинами к северу от города, на самой границе Зон Тьмы, при этом нападениям не подвергающиеся. Зато отчаянно враждебные людям обычным. Нападали они, если таковое случалось, вполне по-человечески, то есть придерживались тактики партизанских действий. При преследовании даже укрывались во Тьме, хоть жили и не в ней.

«Основным признаком адепта Тьмы являются глаза – «негативные», с черным белком и белесой радужкой, с вертикальным зрачком. Так же их характерной приметой является бледный, даже синеватый цвет кожи».

Вот так. Я глянул на обложку – автором монографии числился некто «профессор Милославский В.Л.» Интересно, он сюда уже профессором провалился, или здесь стал, на ниве изучения всякой ночной твари?

Когда уже расходились, Власов, придерживая меня, сказал:

– Молодец, что тему развивать не стал. Ценю.

– Да я чего, без понятий? – даже удивился я такому заявлению. – Не пацан уже, соображать научился.

– В любом случае.

Федя сидел в караулке мотомангруппы, трепался с каким-то парнем, похожим на казаха. Увидев меня резко подхватился.

– Давай в оружейку и поедem, – сказал он, когда мы уже шли по коридору. – Значит так, чтобы ты в курсе был: патроны все равно под отчет, под отчет и сдаешь. При расходе недостачу тебе из зарплаты вычтут, понял?

– А так, самому покупать? – чуть удивился я. – Я на базаре видел у оружейника, там и под мой карабин были.

– Хочешь – покупай, проблем нет, но это на самом деле дороже. Тут, считай, та же покупка, только процентов на двадцать дешевле. Существенно, согласись, особенно если пострелять придется. Ты лучше магазинов себе купи, а то четыре штуки – это конкретно мало.

– Что-то я не видел их у оружейника, – чуть озадачился я.

– Да они у него всегда где-нибудь на задах, спрашивать надо. А так всегда есть.

– Спасибо, забегу. А то четыре мало точно.

Усатого замбоя в оружейке не было, вместо него сидела женщина неопределенного возраста, лицом похожая на лыжницу Кулакову. Лишних вопросов задавать не стала, лишь проверила удостоверения и выложила перед нами ППШ и «американца» с магазинами и боекомплектom, углубившись в какую-то потрепанную книгу с разваливающимися страницами.

Я обратил внимание, что часть рожков к ППШ у Федьки помечены колечками изоленты, причем намотанными через некоторые промежутки, так, чтобы их даже в темноте на ощупь можно было определить, а некоторые остались гладкими.

– Федь, а чего это?

Федька с любопытством глянул на меня, затем спросил:

– Тебя и по этому делу никто не удосужился просветить? Ну ваще, я фигею, Клава... Смотри.

Он протянул мне один из обмотанных рожков. Я глянул на патроны и хмыкнул понимающе – все головки пуль были срезаны до свинца, до плоских площадок.

– А тут обычные, – протянул он мне не обмотанный рожок. – Понял

теперь? Тут же Женевских конвенций нет, так что для драк с тварями все пули срезают, а для боя на дистанции оставляют обычные. Надо и такие, и такие иметь. А в пистолете так все срезать. Людмил! – окликнул он оружейницу. – Ты нагановские патроны просверлить можешь?

– По рублю за пять штук, – буркнула она, не отрываясь от книги.

– До вечера сделаешь? – уточнил он.

– За час сделаю.

– Ждать не можем, но вечером заедем оружие сдать. Ты же на сутки заступила?

– На сутки, – кивнула она, поднимая глаза. – Сколько сделать? Боекомплект?

– А если больше, то доплачивать надо? – спросил я у Федьки.

– Ага, патрон – рубль.

Прикинув свои финансы, я сказал:

– Боекомплекта пока хватит, эти же сдам, верно?

– Если тридцать сдашь, то платишь только за сверление, – сказала Людмила. – Это уже мой заработок, халтурим мы так.

– Да это я понял. А с карабином что делать?

– Могу я тебе порезать, можешь сам, вон гильотинка стоит – показала она на большой резак с рычагом в углу помещения.

– Это мы сами! – засуетился Федька. – Справимся как-нибудь.

– Да чего там справляться-то? – сказала Людмила, углубляясь в чтение. – Дебил справится.

* * *

Дорога была совсем раскисшей, непрерывные дожди последних дней сказались. «Блитц» переваливался по колдобинам, месил грязь высокими зубастыми колесами, но пер вперед решительно, без проблем. А в кабине сидеть было так даже и уютно, вроде как все вокруг промокло, а ты в сухом, и даже тепло – печка имеется. Тьма далеко, висит все тем же мрачным черным облаком, вокруг лес.

– Ты поворот не пропусти, – сказал мне Федька, всматриваясь в дорогу. – Где я тебя посадил – помню, а вот оттуда ты уже сам. Не потеряешься?

– Да не должен, вроде хорошо помню, да и ориентируюсь прилично. Кстати, Федь, а со зверьем здесь как? Ну, в смысле охота есть?

– Есть, куда ей деваться? – удивился он вопросу. – Твари на зверье и не охотятся, хоть звери подальше от Тьмы держатся. А так многие охотятся, на базаре даже дичью торгуют. Зимой волки иным деревням вообще жизни не дают, облавы на них устраивают.

– То есть я все правильно понял, твари исключительно на людей нападают?

– Точно, именно так. Тут вообще все вокруг людей завязано, в Отстойнике этом самом. Собак ведь видел? Кошек? Они что думаешь, сюда провалились?

– Нет?

– Нет ни разу, все местные. Собак одичалых поначалу полно было, от них щенков брали, а самих отстреливать приходилось, совсем беда поначалу с ними была, говорят. Только люди исчезли.

– Ну а куда все же? Хоть теория есть?

– Я тебе говорил, что у кого поумней спрашивай. На лекции спроси, там тебе за теории все разложат.

– Ага, вон домик, где я привал устраивал! – обратил я внимание на знакомое полуразваленное строение слева от дороги.

– Точно, тут я тебя и посадил, – подтвердил Федька. – Дальше показывай.

– Километров десять еще вперед, потом будем искать поворот.

– Как скажешь.

Поворот я едва не пропустил, очень уж заросшей была просека, со стороны дороги выглядела как небольшая прогалина в кустарнике. Но все

же заметил, не проскочили. Федька свернул куда надо, и еще несколько километров мы ехали медленно, с треском ломая ветки деревьев кабиной и обрушивая на себя целый водопад. Затем показалась знакома поляна, развалины в осиннике и ржавый металлический сарайчик, все равно выглядевший здесь явно не к месту.

– Он? – спросил Федя, останавливая грузовик.

– Он самый, – подтвердил я, беря в руки карабин.

– Как договорились, осматриваешься – я прикрываю, – сказал он, выбираясь на подножку с автоматом наготове.

– Ага.

Спрыгнул на мокрую траву, огляделся. Тихо, даже вороны нет. Подошел к развалинам, заглянул в окно, и тоже никого не узрел. В сарайчике опять же никто не угнездился, так что место я счел безопасным.

– Инструмент нужен? – спросил Федька.

– Я взял, – сказал я, похлопав по звякнувшей брезентовой сумке, висящей на боку.

Замбой тогда не соврал, сумка пригодилась, удобная. Вот сейчас я в ней притащил все инструменты, что тогда переселились со мной, генератором и сараем.

– Класс! – сказал Федька, заглядывая в сарайчик. – То, что нужно. И по весу нормальный, вдвоем поднимем.

– А если бы не подняли?

– Придумали бы что-нибудь, – пожал он плечами. – Или ты бы заранее предупредил, что вдвоем никак.

– Тоже верно, вынужден я был согласиться с ним. – Посвети, я коробку распределительную тоже отвинчу.

– Естественно, не хрен что-то вообще бросать. Надо было бы и сам сарай разобрать да вывезти, но че-то больно ржавый он снаружи. Ты как его так запустил?

– Это не я, это он сам. Был такой, как внутри.

– А... ну-ну. Давай, как будто я поверил.

Отвечать на подначку я не стал, а продолжал аккуратно отвинчивать саморезы. Затем, отложив крестообразную острую отвертку на планку под потолком сарая, я аккуратно снял коробку с ведущим к ней кабелем.

– Готово, – сказал я, укладывая ее на генератор. – Сейчас его сдергиваем и грузим.

Крепился он к полу не сложно, скобами на болтах, с которыми я спрятался за пару минут, благо все было новым и приржаветь или прикипеть не успело. Скобы и болты тоже бережливо собрал в

противогазную сумку, затем сказал:

– Можем грузить. Брезент раскатывай, чего зря агрегат мочить.

– Ага.

До грузовика генератор дотолкали на салазках, которые по мокрой траве скользили как по снегу. Лишь у самого кузова пришлось поднапрячься, пока закидывали громоздкий агрегат в кузов, стараясь поставить его хотя бы на откинутый задний борт. Но справились, сумели поднять, а потом и дотолкали его до самой кабины. Еще через пару минут он был завернут в брезент и обвязан веревкой, то есть полностью готов к транспортировке.

– Жаль, что больше ничего полезного, – вздохнул Федька. – Поехали?

Я глянул на часы, прикинул, что справились мы быстро, время еще есть. Затем сказал:

– Федь, осмотреться здесь охота. Подождешь минут десять?

– Зачем? – не понял он.

– Да так, хрен его знает, пожал я плечами, действительно не зная, как объяснить свое желание. – Хочу понять, что такого может быть особенного в месте, куда меня выкинуло. Фонарь дай.

– Да нет тут ни хрена, – засмеялся он, протягивая мне свой «боевой» фонарь с массивной батареей в маленьком рюкзаке. – Ты первый, думаешь? Я сам голову ломал, что такого в тех развалинах, куда меня занесло, да так ни хрена и не понял. Ну давай, я покурю пока. Если чего не так – кричи, если совсем не так – стреляй, я хоть смыться успею.

– Ага, – кивнул я, проверив, как включается прожектор. – Смoeшьcя – по ночам являтьcя буду. С «пионерами» и «пионерками».

– Да я вас тапком.

Мне домик полуразваленный покою не давал. Не знаю почему, но вот так, как – то не казался он мне случайным. Никаких аргументов к этому у меня не было, вообще, лишь смутное ощущение, что к нему следует присмотреться повнимательней.

Тихо пробрался через шуршащие мокрые кусты, обсыпавшись желтыми листьями, подошел к дверному проему без двери, который обрамляли лишь осклизлые гниющие доски. Всмотрелся внутрь, принялся. Сыростью пахнет и вроде даже гарью какой-то, н очень смутно. Может даже и не пахнет, а мне просто кажется.

Яркий луч света рассек темноту, высветил провисшие балки, растущее прямо из развалившегося пола дерево, покрытые мхом и плесенью стены, с которых осыпалась серая штукатурка. Ничего примечательного, нет смысла даже внутри заходить. Но все же зашел, смотреть так смотреть.

Под подошвами ресапов захрустел мусор. Нет, точно гарью пахнет, мне не показалось. Другой бы, курящий как Федька, например, может и не заметил, а я все же почуял, тонкий такой намек на запах, еле-еле заметный. Что могло гореть в совершенно безлюдном месте? И гореть недавно, иначе бы не пахло.

Луч пробежался по стенам и темным углам, но ничего подозрительного не обнаружил. Развалина как развалина, просевшая и обвалившаяся крыша, разошедшийся и проваленный пол под ногами... А вот та дыра выглядит так, как будто входом в подвал была. А почему бы нет? Домишко-то капитальный, и даже не маленький, погребу в нем быть сам бог велел.

Дальше больше. Подвал был, разве что крышки не было. Зато рядом валялся квадратный лист фанеры, которая точно была не отсюда, очень уж свежей выглядела, не так, словно пролежала здесь под дождями много лет, как все остальное. Нет, фанеру кто-то принес. Даже спил по краю свежий.

Из погреба тянуло той самой гарью, внутри было темно. Я выглянул в окно, увидел Федьку в плащ-палатке, стоящего на подножке «Блица» и курящего папиросу, и свистнул ему.

– Чего?

– Подстрахуй, я что-то странное нашел?

– Да? – удивился он. – Иду!

Я снова посветил фонарем в подвал. Лестница с подгнившими ступеньками, земляной пол. Ступеньки выдали тот факт, что по лестнице спускались или поднимались – верхний, самый гниловатый слой дерева был содран.

– Чего тут? – спросил Федька, войдя в развалину.

– Кто-то здесь лазил. И подвал закрывал.

Я указал на фанеру. Федька хмыкнул, присел рядом на корточки, сказал: «Посвети сюда». Поднявшись, заявил:

– Точно. Люк давно развалился и кто-то выход фанерой закрыл. Видишь, кирпичами ее придавили? Даже вот след остался, – он указал на грязное пятно на углу листа, затем на заплесневелый грязный красный кирпич, валявшийся рядом.

– А потом люк кто-то открыл, как я понимаю? – спросил я.

– Правильно понимаешь. Похоже, что там кто-то или что-то появилось. И оно ушло, просто откинув люк.

– А сейчас?

– Если бы там что-то было сейчас, то оно бы уже кинулось, – сказал он, но не очень уверенно и даже немного отступил назад от черного

проема. – Ты тут сколько уже шаришься?

– А если оно осторожное? Или погуляло где-то, а потом обратно вернулось, в берлогу типа?

– Тогда хрен его знает. Давай, валим отсюда на хрен, нечего здесь ловить.

Предложения выглядело откровенно разумным, даже очень разумным, но я все же его отклонил, чувствуя, что делаю глупость:

– Я бы проверил погреб.

– Это на хрена? – поразился Федя, даже на шаг отступил от опасного сумасшедшего.

– Предчувствие у меня. Интуиция типа.

Федя вроде как чуть задумался, затем спросил:

– Думаешь, что это как-то с тобой связано?

– А почему бы нет? – спросил я. – Запах гари еще свежий, я здесь тоже свежий, как бы одно не было следствием другого. Очень уж место глухое, совпадения странны.

– Ну... если надо, то я здесь посторожу, – сказал он, хоть и без особой охоты. – Но вниз не полезу, мне такого дерьма на работе хватает.

– А я тебя и не зову, собственно говоря, – сказал я, закидывая карабин за спину и вытаскивая из кобуры наган. – Прикрывай.

Фонарь повесил на грудь, револьвер в руке держал, пока спускался. Все время ожидал, что кто-то схватит меня за ноги, потащит в темноту на предмет сожрать и растерзать, но никто не схватил. Спрыгнув на земляной пол, повел лучом из стороны в сторону, с удивлением увидев, как черные, почти невесомые стебли какой-то пушистой травы, росшей вдоль стен и особенно густо по углам, постепенно становятся серыми под лучом света, а затем медленно распадаются, оседая невесомым пеплом на землю. Вот она какая, «темная травка».

– Опа, – сказал я сам себе, когда луч света остановился на куче золы посреди подвала.

В золе лежали кости. И череп. Круглый человеческий череп, не знаю, мужской или женский, я в этом не разбираюсь. На костях были кольца толстой стальной проволоки, к тому же примотанные к длинной ржавой арматурине, почти скрытой золой. Все это наводило на мысль, что кого-то связали проволокой по рукам и ногам, а заодно привязали к железной палке, чтобы не дать даже дергаться. А затем человека положили на костер, где он и сгорел почти полностью. А значит, жгли живым.

Мне стало откровенно жутко в этом сыром и вонючем подвале, захотелось ломануться наверх. Федька словно почуял это, крикнул:

– Что там?

– Тут человека сожгли! – крикнул я.

– Хренасе... – сказал он и присвистнул. – Давай валить отсюда, это сектанты! Если они близко, то нам хана.

В голосе заметно слышна была паника, так что я решил ему сразу поверить. Крикнул только:

– Сейчас! Две секунды.

В углу одежда, сваленная в кучку, жертву раздели. По одежде тоже не поймешь, кто это был – свитер, брюки «милитари» вроде тех, что на базаре продавали, с многочисленными карманами и мешковатые, ботинки «турики» местного производства на рубчатой резиновой подошве. Быстро пересмотрел все это, посветил внутрь ботинок. Ага, есть что-то. «Е. Скляр». Блин, даже по фамилии ней поймешь, мужчина или женщина, но уже что-то. Белья нет, видимо раздевали не догола, а по нему можно было бы хотя бы пол определить.

– Ну чего ты там? – крикнул Федька. – Валим, у меня плохие предчувствия. Бегом давай!

– Даваю! – крикнул я в ответ, повторяя за каким-то негром из старого детского фильма, и бросился к лестнице, закинув один ботинок себе в сумку.

Пока лез наверх, одна гнилая ступенька подо мной проломилась, но удержался, выбрался. Увидев, что я встал на ноги, Федька сказал: «К машине!» – и бросился бежать. Причем так, что я за ним еле успевал. При этом он еще умудрялся оглядываться, двигался то одним боком, то другим, приставными шагами, не опуская ППШ. На лице у него явно виден был страх, настоящий такой, причем заразный, что выразалось в том, что я тоже понемногу начал паниковать. Если позавчера ночью Федька у меня на глазах лез в подвал с тварями и совершенно спокойно, даже с шуточками, а сейчас бледный и в глазах паника, то этому точно есть причины.

Со свистом закрутился стартер, не успевший остыть мотор легко схватился, и с облегчением выдохнув воздух, Федя врубил первую. Машина заскакала по кочкам, вырвалась на просеку, понеслась по ней.

– Федь, генератор не раздолбай! – предостерег я его.

– Ни хрена с ним не делается, а вот нам отсюда валить надо, пока нас самих на костер не положили. Блин, сектанты с этой стороны к городу никогда так близко не подходили, безопасное же направление! Разведбат, мать их в сумку, вообще мышей не ловят, развели тут!

Он понемногу успокаивался, а как выехали на дорогу, то вроде вообще нервничать перестал. Я спросил у него:

– А что, с чего ты взял, что это точно сектанты?
– Труп к чему-то привязан и возложен на костер?
– Ну... да, – кивнул я, уточнив: – Только там одни кости остались. А так все верно, связан проволокой, привязан к куску арматуры.

– Их почерк, – уверенно сказал он. – Они так жертвы приносят. Причем в костер задвигают постепенно, чтобы дольше мучился.

– А кому жертвы?

– А хрен их знает, – сказал он. – У нас с ними обмен новостями плохо налажен, вот и забывают рассказать.

– А пленных не было?

– Как не было? Были, только пользы с этого... Как их там в НКВД не спрашивают за жизнь их неправильную – ничего не рассказывают. Орут, визжат, но ничего не говорят. А некоторые так и вовсе хохочут. Де-мо-ни-чес-ки, так сказать.

– Говорить разучились может быть? – предположил я.

– Между собой-то базарят, разведка сколько раз слышала. А вот с нами отказываются. Брезгают, наверное.

Машина с ходу влетала передними колесами в глубокую лужу, нас накрыло водой, которую метавшиеся по стеклу щетки быстро счистили, но разговор ненадолго прервался.

– Федь, а тебе фамилия Скляр ни о чем не говорит?

– Актер у нас такой был, в каких-то музыкальных комедиях играл. А что?

– Да не, я про тутошнюю жизнь, из местных кто-то.

Федя подумал с минуту, затем покачал головой:

– Нет, не слыхал. А что?

– У того, кого сожгли в подвале, такая фамилия была.

Я открыл сумку, вытащил оттуда ботинок, показал надпись внутри. Федя глянул, кивнул, затем сказал:

– Придумают же фамилии, не поймешь, мужик или баба. Ботинок по мерке, размера даже нет...

Я приложил к своему сапогу, подошва к подошве, прикинул, сказал:

– У меня сорок четвертый. Этот... ну, сороковой, сорок первый от силы. Женский?

– Сорок второй, самый ходовой, – процитировал он Райкина. – Может тетка быть, а может и мужик. По такому размеру и не поймешь.

– Если мужик, то мелкий, скорее всего, – сказал я, прикинув. – На подошве...

Я полез в карман за плоской отверткой, заодно с досадой вспомнив,

что крестообразную забыл в сарайчике. Положил под самый потолок, да и забыл. Но говорить об этом и тем более туда возвращаться никак не хотелось, так что промолчал. Ковырнул застрявшую в подошве землю, посмотрел на свет, сказал:

– Кирпичная крошка, что ли?

Федька глянул искоса, пожал плечами, сказал:

– Вроде похоже. Но из меня Шерлок Холмс так себе, лучше не рассчитывать. А вообще нам по-любасу надо в НКВД, заявку написать да и вообще. Пусть там разведка покрутится, что ли. Сектанты хуже любых бандитов, даже хуже тварей, если они там завелись, то проблемы. В первую очередь для меня.

– Это с чего? – чуть удивился я.

– Это как раз на Митино дорога, я туда на халтуру гоняю. К Тьме близко, но именно с этой стороны подъезд безопасный, все время по Свету, а так дам даже бандиты шариться опасаются. И есть вариант, что там склад лампочек где-то есть, найдем – озолотимся.

– С чего ты взял?

– Да в бумагах прочитал, я в таких брошенных местах обязательно шарюсь по всяким горкомам бывшим или исполкомам, там много интересного находишь. Вот и нашел упоминание, только без адреса, склад треста «Электромонтаж». Но если по этой дороге сектанты заведутся – я туда ни ногой.

– Понятно, – кивнул я.

Дорога до города прошла без приключений. Чем ближе к Углегорску, тем веселей становился Федька, тем меньше поглядывал на висящий под потолком автомат. Да и я понемногу успокоился, хотя озадачивался все больше и больше. Сектанты, жертва, мое появление в паре десятков метров от жуткого кострища, все смешалось в голове. Какая-то связь в этом есть, рупь за сто, но вот какая? Как это все соединить? Не получается.

На въезде нас досмотрели, заглянули под брезент в кузове, поцокав языком завистливо. Я заметил того самого бойца, что сопровождал меня в РОПП в кузове полуторке, махнул ему рукой. Он меня тоже узнал, даже подошел поздороваться, спросил куда и как я устроился.

– Давай в НКВД, там не любят, когда новости им в последнюю очередь несут, могут и подлянку сделать.

– Какую?

– Да на работу напишут, что типа по проявлениям Тьмы сотрудник мышей не ловит, хотя по должности обязан, и тэ дэ, и тэ пэ, вся такая бодяга, а тебе премию срежут. Те еще козлы там сидят.

– Так и называются НКВД? – уточнил я.

– Не, называются горбезопасностью вообще-то, но прилипло энкавэдэ, вот и зовут их все так. Это как раз напротив РОППа.

Я вспомнил, что по другую сторону площади действительно было немалого размера четырехэтажное старое здание дореволюционной постройки, перед входом в которое прогуливался часовой.

Доехали быстро, бросили грузовик у самого крыльца, среди двух десятков других грузовиков, а также легковушек и внедорожников, из которых самую острую зависть у меня вызвал «додж ¾», да еще удивительно новый с виду. Парковаться никто нам не мешал, местная власть, видать, на исключительность особо не претендовала.

Затем все было стандартно: дежурка, шлюз, фонарь в глаза, выяснение, к кому и зачем, затем за нами спустился молодой парень в наглаженной военной форме и сверкающих сапогах, который провел нас сначала на второй этаж, а затем через еще один решетчатый барьер со шлюзом. На решетке висела табличка «Управление городской безопасности». Потом была дверь с надписью «Дежурный инспектор», за которой сидел человек в свитере и военных бриджах, жестом пригласивший нас садиться.

– О сектантах заявить хотите? – спросил он нас, отодвигая кружку с чаем и придвигая к себе какую-то папку.

– Предположительно, – подтвердил Федя.

– Где?

– По дороге на Митино, километров сорок от города.

– Вот так? – чуть насторожился дежурный. – Давайте подробности. И для начала скажите, как там оказались?

– Ездили на место моего провала, оглядеться, – сказал я, на всякий случай, не знаю зачем, не став упоминать генератор.

А то еще конфискуют как вещдок, а мне оно надо? Я бы конфисковал, раз вещь такая ценная. И сам бы продал.

– На место провала? – чуть удивился он. – А зачем?

– Да любопытно мне, как я тут оказался. Искал что-нибудь... ну, зацепку какую-то.

– А, понятно. Тут все чуть-чуть ищут, да никто не находит, – вздохнул он. – А как на сектантов наткнулись?

– Не на сектантов, а на место жертвоприношения, – поправил его Федька. – Но картина такая, как описывают – жертва связана, обездвижена, лежит в кострище.

– Подробнее пожалуйста, – сказал инспектор, берясь за карандаш.

– Жертва была раздета, предположительно до нижнего белья, – взялся

я описывать. – Одежда валялась рядом. В кострище остались одни кости, на них витки стальной толстой проволоки, как раз по толщине запястий и щиколоток. Ну и в коленях связали, по моему. Еще жертва была привязана к длинной арматуре. Сгорело все до костей, костер тоже до золы выгорел.

– Что-то еще? – спросил быстро писавший инспектор.

– Это все в подвале было, – заговорил Федя. – Вход в подвал был накрыт листом фанеры. Судя по всему, в подвале что-то завелось, затем выбралось, откинув лист в сторону.

– Жертвоприношение было в подвале, значит? – переспросил инспектор.

– Именно так, – сказал Федя.

– И подвал был закрыт от света.

– Точно.

– Так... проявления Тьмы в подвале были? – оглядел он нас. – Кто из вас спускался?

– Я спускался, проявления были, – ответил я. – Травка по углам и вдоль стен. Больше ничего.

– Та-ак... – задумчиво протянул он. – Схему места нарисуешь? На карте пометишь?

– И помечу, и нарисую, – кивнул я.

– Меть. Рисуй.

* * *

– Ох, не знаю, к добру или нет, что мы в это дело влезли, – сказал Федя, когда мы уже отъезжали от здания НКВД.

– А чего?

– Да это вообще народ такой, что связываться с ними не люблю, – поморщился он. – Я ведь халтурю, то есть регулярно какие-то мелкие нарушения делаю. Так привлечешь лишнее внимание, а потом погоришь на чем-то.

– Ну например? – не понял я.

– Ну вот найду склад лампочек – буду возить их на продажу помаленьку. А по правилам я должен про склад этот доложить и получить скромную премию. А они уже сами вывезут.

Я промолчал. Просто потому, что сам пока не во все местные реалии въехал и не всегда понимал, к чему и как надо относиться. Может Федя прав, а может приличней будет про склад сообщить, черт его знает. Но всякое бывает, иное бескорыстие горше глупости, если, например, те будут сами лампочки продавать. Тогда ты лох, однозначно.

– С другой стороны, Федь, там ведь человека сожгли, – чуть урезонил я его. – Так хоть сообщил, поищут, кто такой или такая Скляр, глядишь и выяснят, кто это? Может по ботинку что-то узнают.

– И кому этим помогут? – задумчиво спросил Федя. – Вот представь, что у тебя девушка пропала, тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить. И ты ничего не знаешь, а тут тебе сообщают, что ее какие-то уроды украли, вывезли за город, связали и медленно сожгли. Тебе будет легче?

– А это разве про легче? – удивился я вопросу. – Это не про легче, это про что надо делать. Если бы так случилось, то у меня появилась бы цель.

– Это какая?

– Как это «какая»? Правильная цель – найти того, кто сделал. И потом адекватно покарать. Можно сжечь, тоже медленно. Можно что-то еще придумать. А если не узнаешь, то он будет и дальше жить, хотя и не заслуживает.

– Ну... да, – кивнул он, продумав. – Я как-то с этой стороны не посмотрел. Может и прав ты. Ладно, что сделали, то и сделали, зато к нам никаких претензий, случись чего. Предлагаю с генератором на оценку, а там дальше думать будем.

– Вроде так и собирались.

– Я уточнил просто.

Оценивали генератор в небольшой мастерской на краю базара. Невысокий дядька в военном техническом комбинезоне все ощупал, все обтрогал, потом сказал:

– Три тысячи просите за него смело. Если с торгом, то три с половиной. С вас тридцатка за осмотр и заключение.

Федя посмотрел на меня и я полез за стремительно тощающей расчетной книжкой. Три вырванных странички по червонцу каждая перешли в мозолистую трудовую ладонь эксперта, быстро упрятавшего бумажки в нагрудный карман.

– Спасибо, Тем, – сказал ему Федя. – Теперь вали нафиг из кузова, мы торговать генрика поехали.

– А кому думаете? – заинтересовался мастер. – Может я сторгую?

– Если за максимум, то торгуй, – засмеялся Федя. – А если «поставь у меня, может кто купит» – тогда не надо, это мы уже проходили.

– Не, так не хочу, – сразу потерял интерес Тема.

Поехали мы с генератором прямо к Шалве. Федя в затылке почесал и решил, что это самый оптимальный вариант. Объяснил так:

– Лишнего Шалва не заплатит, хорошо если треху со всего сшибем, но зато сразу, наличка у него всегда в кармане есть. Он и три заплатить сможет, и думаю что тридцать потянет. Нам никакой возни.

– Согласен, – кивнул я. – Мы же не торгаши, способностей к хранению товара не имеем, так что лучше расчет на месте.

– Во-во.

Машина протолкалась через толпу покупателей, выехала со стоянки и покатила в сторону Советской. Шалву нашли не в шашлычной а в хинкальной, где он разговаривал с крепким, похожим на борца-вольника парнем, с короткими черными волосами, густой щетиной и очень белой кожей. Увидев нас, Шалва пожал руки, затем представил:

– Аба... знакомьтесь, это Тенго, племянник мой, мы сюда вместе провалились. Это Федя... Володя... Тенго[5] служит в этом... ра квия... разведбате.

– Ничего себе, – сказал Федя, пожимая племяннику руку. – Пытался, не взяли.

– Да, у нас с этим проблемно, – сказал Тенго без всякого акцента. – Я в той жизни тоже служил, в СОБРе ярославском, так что мне проще.

– Тенго в России и родился, муж сестры преподавал в ярославском университете, эту... ра квия... философию, это я в Телави жил, глехи, ра? [6] – пояснил Шалва.

– Шалва, генрик возьмешь? – сразу взял быка за рога Федя.
– Где достал? – сразу спросил тот.
– Законный, чистый, Вова с ним вместе сюда провалился, – ткнул в мою сторону пальцем Федя.
– Это как? – удивился Тенго, обернувшись ко мне.
– Да запросто, – усмехнулся я. – Полез в сарайчик, где он стоял, а ветер дверь захлопнул. Так с ним в обнимку сюда и провалились.
– Ты скажи как бывает, – покачал головой Шалва. – Твой товар, значит?
– Получается что так.
Пошли смотреть. Шалва, несмотря на грузность, легко забрался в кузов, мы расчехлили генератор снова. Он повздыхал, поприседал, посовал всюду пальцы, прочитал данные на агрегат, написанные на алюминиевой табличке, затем спросил:
– Теме показывали?
– Тема сказал три пятьсот, – опередил следующий вопрос Федя.
– Три дам, – вздохнул Шалва. – Зато прямо сейчас, если по рукам ударим. Годится?
Федя драматически вздохнул, посмотрел на меня. Я кивнул, сказал:
– Нормально, отдаем.
– Тогда его до одиннадцатого дома довезем и там сгрузим, ра? – спросил Шалва. – Там хочу гостиницу открыть, генератор нужен.
– А хватит его на целую гостиницу? – удивился я.
– На местную хватит, – сказал он. – В номерах все равно керосинки будут, кухня на газу из баллонов, нам на фонари уличные и на дежурку.
– Тогда за глаза, – согласился я.
Тенго тоже присоединился к нам, вскарабкавшись в кузов. Пока ехали, успел спросить:
– Недавно у нас?
– Недели нет. Только-только.
– Уже работаешь?
– В Горсвете.
– Это серьезно, – кивнул он. – Уже нарывался на всяких этих...? – он изобразил нечто вроде когтей толстыми пальцами.
– Случилось уже, – подтвердил я. – А вы сюда как вдвоем?
– Как-как, приехал в Телави, сосед в гости позвал нас с Шалвой и Кетино, женой его, все вместо в погреб за вином спустились, соседу похвастаться хотелось. И жена соседа. И сын.
– И чего? – поразился я. – Все вместе?

– Точно, так и вышло. Одна радость – все вино вместе с нами сюда провалились, с него Шалва и разбогател здесь.

– А сосед?

– Соседа Вахо зовут, он шашлык жарит и с Шалвой пополам партнер.

– А! – вспомнил я про человека за окошком, которого сам не видел, но шашлык чьего изготовления жрал так, что за ушами трещало. – А вообще повезло им, наверное. Я как представляю, что там моя женщина делает – пошел мужик во двор на минутку – и пропал бесследно.

– Эй, не начинай, а? – помрачнел Тенго. – У меня родители и невеста в Ярославле.

– Хотел бы назад?

– Не травми душу.

– А точно никаких вариантов?

– Точно. Я поначалу тоже всех дергал, а потом понял, что без толку.

– Давно здесь?

– Пятый год пошел.

Довезли. Сгрузили. Шалва рассчитался прямо из кармана, отдав мне в руки тридцать сотенных бумажек, из которой я тысячу сразу отдал Федьке. Многовато, если по другим понятиям, но здесь в самый раз. Я без него бы и не догадался, и не продал, да и не доехал бы пока. И бензин здесь дорогой, к слову. Федька был более чем счастлив, рассчитывал он на двадцать процентов, и заодно он предложил удачный поход сразу обмыть. У меня вроде тоже никаких планов не было, так что я легко согласился, а Тенго присоединился к нам. Закончили, в общем, в шашлычной, по пути, правда, зарулив в Горсвет чтобы сдать оружие, не таскаться же с ним по кабакам. Там же я махнул патроны к нагану на другие, в которых каждая пуля спереди была высверлена под конус.

– Как дашь – так и в клочья, – сказала «Кулакова», принимая от меня деньги за работу.

* * *

В понедельник Федька остался отсыпаться, а я снова вскочил по будильнику – надо было на лекцию для новичков, на которую я, признаться, возлагал довольно много надежд на просвещение. Больно мало я понимал в устройстве тутошнего мира и тутошней жизни.

Дождь закончился. Солнечно не было, ни и «очень пасмурно» про такую погоду тоже не скажешь, так, облачно. Это внушало надежды на летнюю погоду и продолжение знакомства с Настей, «товарищем красным военлетом». Собственно говоря, это и было самым вдохновляющим из планируемых на сегодня событий. Я даже, выйдя загодя, направился сначала не в РОПП, где ожидалась лекция, а в Горсвет, чтобы прихватить оттуда свои очки и шлем, который пусть и танкистский, но все лучше, чем никакого. А потом подумал, да и взял мотоцикл, сказав что «для тренировки». Дежурный по парку счел такую причину достаточной, и я с удовольствием выкатился за ворота на рычащем «харлее». Всегда лучше даже плохо ехать, чем очень хорошо идти.

Понедельник встретил утренней суетой, сонными людьми на улице, грузовиками с рабочими, которых везли на смену. Детей на улице не было, я детей почти что совсем здесь не видел. Я даже подумал о том, готов бы я был обзавестись здесь ребенком? Даже с самой любимой женщиной, случись у меня такая? И понял, что все же не решился бы. Пока не решился, с теми мозгами и теми мыслями, что прописались у меня в голове сейчас. Проживу года два, потыркаюсь в попытках вырваться, пойму что это бесполезно, как поняли другие, и там бог знает, о чем думать буду. Ладно, будем посмотреть.

Одновременно со мной к зданию РОПП подъехал, расплескивая мелкие лужи, «бантам» с брезентовым тентом. За рулем машины сидел крепкий молодой мужик, перед ним на панели был закреплен ППШ, а с правого сиденья выбрался невысокий худощавый мужик с аккуратной бородкой, смуглый и улыбчивый, который, подхватив с сиденья брезентовый портфель, направился в здание. Молодой остался в машине, вытащив из портсигара папиросу и закурив. Водила, видать, а заодно и охранник. Местная шишка прибыла, или кто?

Прямо на второй двери висел лист бумаги со стрелкой и надписью, сделанной большими кривыми буквами: «На лекцию». Стрелка указывала налево.

Налево была дверь, за которой оказалось нечто вроде класса, совсем небольшого, но с доской, какими-то картами на стенах и картинками тех самых тварей, что поселились у меня в брошюре, выданной Власовым для изучения. Мужик с бородкой сидел на преподавательском месте, вынимая из портфеля какие-то бумаги, в аудитории же было человек пять, не больше. Я поздоровался со всеми разом, сел, выбрав место у окна. Следом зашли еще двое, после чего мужик, заглянув в какой-то список, сказал:

– Вроде бы все заявленные здесь, восемь человек, – после чего поднял глаза на аудиторию: – Значит так, меня зовут Валерий Львович Милославский, я профессор, причем настоящий, еще из той жизни, Московского Государственного Университета, философ, прошу заметить, а здесь для того, чтобы поздравить вас с провалом в Отстойник. Ну и заодно попытаться наделить вас какими-то полезными знаниями. С такой постановкой задачи все согласны?

Аудитория что-то невнятно прогудела, что вполне можно было счесть за знак согласия. А я задумался, откуда фамилия мне знакома. И ведь не из курса истории, и даже не из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Откуда-то еще, недавно встречалась... Да точно, он же автор брошюры, что мне Власов дал.

– Очень хорошо, – заявил Милославский. – Тогда начнем с того, что и вы поможете мне. Вот карта города и окрестностей, – он потыкал бамбуковой указкой в висящий разноцветный лист бумаги. – Прошу всех присутствующих дать как можно более точное указание на «точку входа», в каком месте вы провалились в наш Отстойник. Справитесь? Кто первый?

– Ну, давайте я попробую, – сказал молодой парень в очках, высокий и чуть сутулый.

– Представитесь?

– Кирилл Баринов, из Твери, по профессии системный администратор.

– Как здесь очутились?

– Отключилось электричество в офисе, я в это время искал в кладовке всякое железо. Когда удалось нащупать дверь и открыть, то оказалось, что я уже черт знает где. – вполне емко и лаконично изложил он.

– Хорошо. Что с вами сюда попало? Содержимое кладовки?

– Не полностью, – ответил тот. – Из трех шкафов только тот, в котором я непосредственно в момент провала рылся. Два других исчезли.

– Интересно... – протянул Милославский, что-то записывая в блокнот с перекидными листами. – Куда выбросило?

– Возле деревни Балабаново, как мне позже сказали – в здании старой МТС. Меня колхозники спасли и с попуткой сюда закинули, когда

выяснили, что на сельхозработах от меня толку не будет.

– Помещение с вами перенеслось, или вы со шкафом материализовались в стенах МТС? – спросил профессор.

– Материализовались в стенах. Из того мира только шкаф и я.

– Вот здесь? – спросил Милославский, упершись острием красного карандаша в какую-то точку на карте.

Баринов присмотрелся, помолчал минутку, затем сказал:

– Да, похоже. Вот и Балабаново, вот и дорога по которой я к деревне шел... да, здесь, точно.

– Спасибо. Давайте, кто следующий? Вы?

Карандаш был направлен на полноватого одышливого дядька с лысиной, сидящего с невыразимо печальным видом. Увидев, что обращаются к нему, он еще больше опечалился, махнул рукой и сказал:

– Ой, да чего там, провалился да и провалился... – он вполне осмысленно и ни на секунду не сомневаясь ткнул пальцем в какое-то место на карте. – Вот тут меня выкинуло, в подвале какого-то сарая. И потом пешком по дороге шел сюда, ко второму КПП.

– Как провалились?

– Да сам не помню, пьяный был, – вздохнул дядька. – На этой стороне уже проснулся, от холода.

– Интересно, – усмехнулся Милославский. – Зовут вас как?

– Кононенко, Михаил Михайлович, пятьдесят третьего года рождения.

– А откуда?

– Вышний Волочок, в Калининской области.

– Понятно, – кивнул Милославский, снова что-то пометив. – Дальше поехали...

В принципе, все истории были похожи, ничего загадочного. Четыре мужчины, четыре женщины. Заинтересовал лишь один рассказ, размалеванной вульгарной девки с не покрашенными корнями волос и в невероятном платье с блестками. Когда Милославский спросил, откуда она, услышал в ответ: «Та с Москвы!» сказанное с таким акцентом, что в аудитории тихо захихикали.

– Как провалились?

– Та у меня клие... ну, это, знакомый мой совсем дурный попался, – пустилась она в объяснения на смеси русского и суржика. – Он меня... типа в гости пригласил, а там напився и давай с молотком гоняться. Сперва успокаивала, мол ляжете, расслабьтесь, а он ваще... Я до двери, а она не на лестницу, а в якусь кладовку. Там заперлась, орать стала, а он в дверь стучается. А потом и стука не стало. Ждала, ждала, потом выглянула – а

там мама дорогая! Как война была, все развалено. И клиент... знакомого моего нема.

– Где выбрались? – сдерживая ухмылку, спросил Милославский.

– Та я знаю? – аж возмутилась та. – Выглянула, а там разруха, а дальше дома, все с решетками, а между ними проволока. Подумала шо зона, думаю, шо пойду до КПП, там скажут, куда дальше. Дошла, и правда КПП, а там мальчики объяснили, шо попала Галка по самые гланды.

– Зовут вас как?

– Та Галя, – отмахнулась она. – Пилипчук Галя, с Москвы. Галина Антоновна.

– Понятно, – записал Милославский. – Галя, вы про городок Сальцево слышали?

– Ну да, а шо? Рассказали девки.

Я усмехнулся, поняв, что «девки» Гале намекали на то, что она не туда попала. И впрямь не туда, как я уже понял. Не то, чтобы тут мораль высокая, просто всем, у кого она совсем низкая, проще в этом Сальцеве жить. Мою мысль подтвердил и профессор, сказавший:

– Мне показалось, что вам там интересней будет.

– Та знаю я.

До меня очередь дошла последним. Рассказал все как есть, разве что не стал упоминать о результатах нашей вчерашней поездки, ни о развалинах, ни о подвале, ни о сгоревшем трупe. Ну и про визит в НКВД тоже распространяться не стал. Вообще ни о чем не стал, показал место на карте, рассказал как дошел. Ну и представился.

– А раньше работали кем? – поинтересовался Милославский.

– Никем полезным в данной обстановке, – честно сказал я.

– А все же?

– Импортер оливкового масла, – усмехнулся я.

– «Дженко лимитед»? – блеснул знаниями литературы Милославский.

– Неа, «Маслоимпорт». Ничем не лимитед. И не из Сицилии, а из Испании.

– А генератор где, кстати? – спросил тот.

– Вывезли и продали, – ответил я. – А деньги частично пропили, а частично не успели, все впереди.

– Ну... откровенно, – усмехнулся он.

– На том и стоим.

Из полученных на карте отметок последних провалов никакая система не прослеживалась, пометки располагались совершенно хаотично, даже если всмотреться внимательно и увидеть следы более ранних, уже стертых.

Ни пентаграмма из них не получалась, ни зловещие концентрические круги зеленых человечков из глубин космоса. Так, вроде как из ведра накапало, да и то словно пьяный нес.

– Хорошо, всем спасибо, – сказал Милославский, закончив с пометками и записями. – Теперь я сам попробую вам что-то рассказать. Начну с того, что такое Отстойник, куда вы попали. Я здесь уже восемь лет, и все это время пытаюсь изучать суть этого места. Уже не один этим занимаюсь, мы еще не институт, но уже целый научный отдел.

Он отхлебнул чаю из стакана в серебристом подстаканнике, продолжил:

– Не думаю, что всем вам интересно знать теорию происхождения этого мира, – он покосился на пытающуюся скрыть зевоту «Галю с Москвы». – Кому интересно – подходите после лекции, постараюсь рассказать подробности. Для остальных же, как я думаю, достаточно будет основных правил поведения и мер безопасности. Как не только здесь выжить, но еще и полноценно жить.

В результате выяснилось, что от лекции я ожидал слишком многого. Милославский просто пересказал содержание своей собственной брошюры без углубления в сущности. Я ее еще вчера дважды прочитал от корки до корки, так что понял, что он цитирует ее практически дословно. Но народ слушал, им брошюры не выдавали, похоже.

Рассказал он про Тьму и что она есть. Рассказал про то, что заводится в этой самой Тьме. Рассказал как с этим бороться. Развесил плакаты с основными разновидностями. Даже быстренько опросил присутствующих на предмет того, как они усвоили. Когда спрашивал меня, удивился подробному ответу.

– Откуда дровишки? Где научились? – поинтересовался он.

– В Горсвет на работу устроился.

– Вот как? В мотомангруппу?

– В нее самую.

– А, ну тогда понятно, – кивнул он и что-то себе пометил. – Мою брошюру изучали?

Я молча вытащил ее, сложенную пополам, из нагрудного кармана куртки.

– Очень хорошо, я там в сжатой форме все самое главное пытался изложить, – сказал он. – Думаю, что вы в чем-то скоро меня опередите, практика она великое дело, а кое что, если интересно, могу и я рассказать, обращайтесь. С вашими коллегами у меня всегда особые отношения, половина знаний от вас идет.

– Спасибо, обязательно обращусь, – вполне честно ответил я.

А что? Больше буду знать, глядишь – и какую-нибудь зацепку на обратный ход найду. За спрос денег не берут и вроде Милославский братя не угрожает. Так что надо общаться, надо, тем более с тем, кто изучением всего этого безобразия занимается.

На опросе сама лекция, собственно говоря, и закончилась. Шестеро из восьми с облегчением поднялись, отдали на подпись профессору листочки с работы – а так бы и не пришли, небось – да и вышли из аудитории. Остались двое, сисадмин Кирилл, да я, грешный.

– А вам, как я понимаю, интересно, – сказал Милославский, жестом предлагая присаживаться поближе.

– Именно так, Валерий Львович, – сказал сисадмин, присаживаясь и зябко кутаясь в овчинную куртку.

В аудитории и вправду был не Ташкент, эдак градусов десять, ну, чуть больше, может быть.

– Вы на работе уже? – спросил его профессор.

– На работе, электриком устроили на ТЭЦ.

– Интересно?

– Смеетесь? – усмехнулся Кирилл. – Но работа как работа, и даже зарплата неплохая, как я понял. Общежитие дали, опять же, в комнате всего двое.

– А чем бы хотелось?

– Ну... – чуть растерялся парень. – Хотелось бы чем-то таким... ну... я ведь в новом мире, тут столько всего.

– Изучать?

– Примерно.

– А навыки?

– Я физтех оканчивал, собственно говоря, в сисадмины, сами понимаете, в силу экономических причин попал, а так в науке мечтал остаться.

– Вот как, – поднял одну бровь Милославский, явно задумавшись. – Вы вот что... сегодня работаете?

– Разумеется, до шести.

– Вот после работы к нам зайдите, я вахту предупрежу. Это в здании напротив, вон там, – он указал рукой на НКВД. – В левое крыло, научный отдел. Там и поговорим. У нас сразу работу менять не принято, но для перспективного сотрудника могут сделать исключение, походатайствую. Если вы и вправду перспективны.

– А критерии? – насторожился Кирилл.

– Простые: базовые знания и желание работать двадцать четыре часа в сутки. Увлеченных людей ищут, не отбывающих повинность. Советский стиль младшего научного за сто двадцать в месяц у меня не поощряется. Подходит?

– Вполне.

– Вот и договорились.

Милославский обернулся ко мне, спросил:

– Владимир, если не ошибаюсь? А вас что задержало? Чем могу?

– Да у меня вопросы все больше о смысле жизни и устройстве мироздания, – засмеялся я. – Есть теория, что это вообще такое, этот самый Отстойник?

– Есть, как не быть. Сколько ученых, столько и теорий. А если на базаре поспрашивать, то их еще будет множество. Теория в наших краях как дырка в заднице – у каждого одна есть.

– И все же?

Милославский поднялся, подошел к доске и мелом начертил две длинные параллельные прямые.

– Я вам свою собственную излагаю, так что прошу принимать во внимание, – он задумчиво почесал в бороде. – Представьте, что это ручей. Или река. Река времени. Текущая из неизвестным нам истоков и утекающая в неизвестные моря. Мы видим только тот ее участок, который в силе обозреть с бережка или максимум – с холмика. Мы не знаем, через какие места течет она в верхнем в своем течении и нижнем, начинается ли она и заканчивается, или бесконечна.

Он набросал несколько закорючек, больше напоминающие сперматозоиды, и продолжил:

– Это – слои реальности. Разделить их между собой пространство не может, мы просматриваем все пространство до невероятных далей в те же телескопы, и разделяться они могут только временем. Вот смотри... – он щелкнул пальцами, затем продолжил: – Звук исчез вместе с тем, как прошла доля секунды. А что еще мы оставили эту самую долю позади? Мы не способны сдвинуться назад или вперед во времени даже на миллиардную ее долю, для нас это более недостижимо, чем солнечное ядро, туда мы хотя бы в теории можем проникнуть.

– Это что получается, – вмешался Кирилл – Время протыкает миры как шампур по вашей теории?

– С бесконечно тонким шашлыком, – кивнул Милославский.

– И как это к Отстойнику?

– Случаются всякого рода катастрофы. Большие, маленькие, совсем

незаметные в масштабах мира, как наше с вами исчезновение. И тогда течение подхватывает сорвавшуюся щепку, травинку или барахтающегося в воде муравья, и несет его дальше. Как нас в данном случае. Оно может дотащить его до водоворота и утопить, а может загнать в какую-нибудь заводь, где он будет вращаться на одном месте. Где скапливается мусор – получают плотины.

Он помолчал, задумчиво глядя на свой невнятный рисунок, затем решительно перечеркнул его перпендикулярной чертой:

– А вот этот мир, как мне кажется, сорвался с места целиком. И как-то умудрился застрять в течении, образовав собой хоть и хлипкую, но плотину. Точнее даже сеть, в которой застревает время от времени всякое.

– А... люди? Местные, в смысле? – осторожно спросил я.

– Есть подозрение, что местные этого даже не заметили, – усмехнулся он. – И живут себе своей собственной жизнью.

– Где?

– В этом самом мире. Просто... тоже чуть впереди нас. Может быть всего на пару секунд. Или наносекунд.

– А зверье всякое? – счел я такое заявление несколько нелогичным. – Его-то тут сколько.

– Не всего, – покачал головой Милославский. – Лошадей нет вообще. Телеги есть, повозки, а лошадей нет. Крыс нет, например. Заметили?

– Это плохо? – усмехнулся я.

– Это замечательно, меньше заразы, но вот почему? – спросил он, уставившись мне в глаза.

– Частоты? – ответил вместо меня Кирилл.

– Именно! – чуть не подскочил от радости Милославский. – Мы живем на неких частотах, в некоем диапазоне потока времени. Он совпадает полностью или частично с другими живыми тварями. С кем полностью – тех тоже нет. С кем частично – они есть здесь.

– Одновременно и там и тут? – усомнился я.

– Нет, думаю, что там все же была какая-то катастрофа, – покачал головой Милославский. – Думаю даже, что тамошние дети плачут по половине бесследно утерявшихся котиков и собак.

– Это которые здесь остались? – уточнил я.

– Они самые. Те же кошки и собаки здесь были, но не так, чтобы слишком много. Здесь вообще не случилось засилья зверей, как следовало бы ожидать на безлюдной земле. Есть животные, их даже много, но вовсе не «девственный мир».

– Поделили с аборигенами?

– Скорее всего, Володя, скорее всего, – покивал профессор. – Теперь о Тьме. Интересно?

– Спрашиваете!

– Тьма – это низовья реки времени. Прошлое, если так это можно понимать... нет, не верно, не прошлое, а время, которое мы уже прожили. Низкочастотный диапазон.

– А Свет – то, что приходит к нам? Высокие частоты? – спросил Кирилл.

– Да. А вот этот мир застрял на самой границе, словно у края водопада. Как плотина. И плотина дает трещины, сюда проникает Тьма.

– Трещины разрастаются? – спросил я.

– Безусловно. Медленно, но верно. Вы знаете, что водопады двигаются?

– Разумеется, – ответил я.

– На мой взгляд проще всего изобразить переход от Света к Тьме как водопад. Поток бежал-струился, потом раз – свободный полет, брызги, заводь внизу – и совсем другая река дальше. Туда – можно, свернув шею в падении, а оттуда совсем никак. И вот эта самая грань, точка падения, постепенно приближается к нам, с каждым годом все больше и больше.

– Почему? – не понял Кирилл. – Если по вашей теории, то мы должны быть от нее на одном расстоянии. Или получается, что рано или поздно Тьма продвинется по течению так, что уничтожит вообще все. Нет баланса, Тьма сильнее.

– Не совсем, – ответил профессор. – Баланс есть. Я не совсем правильно, пожалуй, подобрал примеры. Водопад приближается только к нашей плотине. Потому что она неправильная.

– Фокусы со временем? – уточнил я.

– Да, – подтвердил тот. – Здесь очень странное время. Никто не может толком понять, какой здесь должен быть год – признаки не работают. Мы почти не стареем. Это плюс, хоть я и не уверен в этом до конца. Если я покажу вам свое фото семилетней давности, то вы увидите, что я почти не изменился, а так в моем возрасте не бывает, мне пятьдесят пять было, когда я провалился. Да и по другим заметно.

Вот как... а вот этого мне и не сказали. Странно. А может быть привыкли, или даже не замечают? Живешь и живешь, все такой же как и раньше. Чего в этом странного? Странно и обидно когда стареешь, наверное.

– Но сутки здесь же обычные, двадцать четыре часа? – спросил я.

– Что такое сутки? Лишь мера, придуманная нами, которой мы

оцениваем скорость текущей мимо реки. А если река потечет быстрее? Не думаю, что сутки изменятся. Сутки – это астрономия. Время – это даже не физика, это философия. Измерять философские процессы астрономическими величинами можно только условно. Сейчас время течет очень медленно, мир сдвигается по течению, а вот сутки – сутки остались такими, какими и были раньше. Земля же не прекратила вращаться вокруг своей оси и вокруг Солнца, верно?

– Ну... да, пожалуй.

– Еще момент – все сюда проваливаются из двухтысячного года. И так последние десять лет.

– Как так? – спросил я.

– Два варианта – или эти слои отстоят друг от друга на столько времени, а каналы отсюда образовались только в двухтысячный, или мы попадаем сюда с разной скоростью, просто этого не замечаем. Тут утверждать наверняка не возьмусь, моя модель допускает обе версии.

– То есть все же плотина сдвигается к водопаду? – спросил я.

– Да, так вернее, – подтвердил Милославский.

– Сколько еще осталось?

– Не знаю. Долго. Но опять же, долго это как? По скорости разрастания областей Тьмы, по частоте появлений ее порождений – лет сто.

– Помрем раньше, – усмехнулся Кирилл.

– Уверены? – обернулся к нему профессор. – Лично я – нет. Не стареем же. Да и какая жизнь наступит тогда, когда Тьма займет хотя бы половину суши, а? В норах жить будем, носа не высовывать, друг друга жрать.

– Хм... да... и вправду...

– А что там, в границах Тьмы? – спросил я.

– Никто не видел. Заглянуть не можем, там и воздействие на психику такое, что люди с ума сходят, и тварей столько появляется, что не прорвешься. Сектанты разве что забегают кратковременно, но у них не спросишь.

– А пытались?

– Еще как, только шкура клочьями, – поморщился он. – В любом случае, то, что находится там, настолько же враждебно человеку, который по сути порождение Света, как тот самый свет – темноте, огонь – воде. Несовместимость. Я даже допускаю, что не только порождения Тьмы прорываются к нам, жуткие и опасные, но и порождения Света прорываются туда, во Тьму, сея ужас и смерть. Мы не можем проверить, но исключить такого не можем.

* * *

Милославский загрузил. Не в плохом смысле этого слова, просто задумался сильно после беседы с ним. Уселся на мотоцикл и сидел на нем изваянием в плащ-палатке минут десять, пытаюсь привести в порядок мысли.

– Володь!

Голос подошедшего Кирилла Барина вывел меня из оцепенения.

– Ась? – обернулся я нему.

– Ты в какую сторону?

– Туда, – показал я рукой. – На Краснопролетарскую, к аэродрому.

– О, отлично! – обрадовался он. – У первого КПП высадишь?

– Если покажешь, где это, – честно ответил я.

– Не доезжая аэродрома, справа. Тебе по пути. А я оттуда с попуткой на работу уеду.

Я вспомнил, что по карте ТЭЦ за периметром. Точнее даже в отдельном периметре, как стратегический объект особой важности.

– Не вопрос, – кивнул я. – Вон, в люльку залезай. Ну чего, договорились с профессором?

Кирилл задержался, когда я выходил, спрашивал что-то насчет собеседования.

– Надеюсь. Может и возьмут.

– На ТЭЦ плохо? – спросил я, трогая мотоцикл с места.

– Скучновато, если честно. Ты же слышал, что я сказал? Тут, блин, в новый мир попадаешь – и следишь за состоянием проводки фактически. Оно того стоит? Тут с экспедициями ходить как Ливингстон!

– Схарчат и тебя, и Ливингстона, и даже Стэнли, если следом увяжется.

– Да знаю, но все равно, к каким-то знаниям быть ближе хочется.

– А сисадмином сидел – увлекательно было? – подколот его я.

– Ну... как сказать... бывало что и увлекательно. В интернете в форумах ругался, почти круглосуточно.

– На тему?

– Да разные. Все больше про смысл жизни, пожалуй. Или как нам обустроить страну, когда все вокруг дураки, один я умный. Тут ведь если кто не прав, то клавиатура под пальцами раскаляется. А мне всегда было что сказать, по любому поводу.

Последние слова он произнес с заметным ехидством, причем адресованным самому себе. Похоже, что неделя здесь уже успела сильно поменять акценты на предмет что считать важным, а что так и не очень.

Мы пронеслись по довольно пустынной в разгар рабочего дня Советской, при этом я еще успел помахать рукой стоящему на крыльце шашлычной Шалве, когда проезжали мимо, потом свернули на Засулич, к нашей общаге, и по ней, как подсказывал Федька, проехали до конца, до поворота на Краснопролетарскую.

С мотоциклом я уже освоился на все сто, и к тормозам привык, и к управляемости, поэтому возле КПП остановился лихо, даже с полуразворотом, вроде как выпендрился. Кирилл выбрался из тесной коляски, потянулся, сказал:

– А ничего ты так катаешься, мне понравилось. Надо бы самому чем-нибудь с колесами обзавестись, а то там..., – он указал большим пальцем почему-то себе за спину, хотя явно подразумевал мир, из которого попал в Отстойник. – ... Там как раз на машину накопил, и такой облом.

– А оно тебе надо? – чуть удивился я. – Куда тут кататься?

– Ну... была бы, – относительно логично обосновал он свое желание.

– Если только так... Ладно, бывай, увидимся еще, – заторопился я, вспомнив о намечающемся свидании.

– Будь здоров, – кивнул и он и направился к вытянувшейся вдоль стены ДОТа скамейке под навесом, где уже сидели три человека в ожидании машины на ТЭЦ, судя по всему.

Аэродром оказался совсем близко. Улица Краснопролетарская обогнула какой-то большой промышленный корпус, и я почти сразу уперся в шлагбаум, зацепленный за крючок, возле которого никто не дежурил. Само же здание было с фасада прорезано многочисленными воротными проемами без створок, и превратилось в нечто вроде чрезвычайно капитально возведенного ангара. Прямо перед ним бок о бок стояли два простенького вида биплана на больших колесах – знакомые по картинкам и фильмам легендарные По-2, «рус фанера».

За шлагбаумом стояли две машины – сверкающая свежей серой краской полуторка с надписью «Аэродромная» и небольшой внедорожник с прицепом, похожий на лендлизовский, с такой же надписью, который я при этом не опознал, никогда такого не видел. Возле полуторки возился, присев, какой-то мужик в черном танкистском комбинезоне и сбитой на затылок кепке вроде бейсболки. Он обернулся на солидный звук тарахтящего на холостых «харлея», поднялся медленно, опершись измазанными в масле руками о колени, и подошел к шлагбауму.

– К кому, уважаемый? – спросил он.

Я обратил внимание, что несмотря на технарский вид, мужик еще и вооружен – на ремне висела кобура с ТТ.

– К Насте, мы договаривались.

– Ага, предупреждала, – кивнул он, открывая шлагбаум. – Заезжай. Вообще мог бы и сам открыть, не заперто.

– Не заперто, но и не открыто, – парировал я его заявление, трогая мотоцикл с места.

Едва я заглушил мотор и слез с «харлея», из ангара появилась Настя, улыбающаяся достаточно приветливо, чтобы внушить смутные надежды.

– Привет, – сказала она. – Думала, что ты забыл о приглашении.

– Да щас! – даже чуть возмутился я. – Лекция для новичков же была в РОППе, так что туда катался.

– А, ну да! – вспомнила она. – Ты же говорил. Хочешь лететь? Мне как раз надо.

– Далеко?

– К северу. Там пятно Тьмы образовалось, надо облететь и на карту нанести.

– Это твоя обязанность? – удивился я.

– Наблюдение с воздуха – да. А потом туда разведка скатается. Ну что, летишь?

– Конечно!

И интересно на Тьму сверху глянуть, и вообще...

– Серега! – окликнула она механика. – Вытаскивай мешок из кабины, вдвоем летим.

– Без проблем, – кивнул мужик в бейсболке.

– Что за мешок? – не понял я.

– Самолет двухместный, если летишь один, то центровка нарушается, – объяснила она. – Поэтому в заднюю кабину закидываем мешок с песком на семьдесят килограмм. Шлем возьми, очки есть?

– Есть.

– В кабине разъемчик увидишь с барашком, туда воткни штекер, понял? – спросила она, затем задала еще вопрос: – Вооружен?

– Только револьвер.

– Мало, – последовал решительный ответ. – А если на вынужденную придется? Там ведь всякое может быть. Ладно, у меня автомат в кабине, если что. Ты с картами как?

– Ну... не штабист, но ориентируюсь, – честно описал я свои топографические способности.

– Это хорошо, – кивнула она. – Тогда смогу не отвлекаться.

Передвинув на живот командирский планшет, она раскрыла его, показав карту под прозрачной крышкой.

– Вот сюда летим, видишь? – потыкала она в обозначение деревни. – Деревня брошенная, вроде бы ее и накрыло. Ориентиры – старая водонапорная башня, излучина реки и сгоревший сарай... вот здесь. Надо будет примерно контуры пятна нанести. Сможешь?

– Смогу, – кивнул я, и вправду не видя в этом чего-то сложного. – А почему без наблюдателя летаешь? Проще было бы.

– Не с кем сегодня, у всех вылеты, неделя нелетной погоды была, а специально наблюдателей держать в штате смысла нет, платить надо, а работы им мало. Ладно, у меня осмотр предполетный сейчас, помолчи две минуты.

Механик Серега вытащил тяжеленный мешок с ручками из задней открытой кабины, и я помог ему затащить его в ангар, под крышу, попутно услышав, что «брось на улице, будет не семьдесят, а сто семьдесят весит, мокрень-то какая». Настя тем временем с перекидным планшетом обходила самолет, заглядывая всюду, что-то трогая и качая, попутно отмечая карандашом пройденную последовательность.

Тем временем взгляд мой упал на непривычный автомобиль с прицепом. Спросил у механика:

– Это что за «виллис» такой?

– Это не «виллис», это АР-43.

– Чего?

– «Автомобиль-разведчик модели сорок третьего года», – пояснил он. – Не видал такого?

– Неа, в жизни.

– А у нас он был в войну основным, и разведка, и легкая артиллерия, и командирская машина, – сказал он, похлопав по плоскому капоту внедорожника.

Действительно, на «виллис» машина разве что компоновкой похожа, а так выглядела достаточно необычно. И кстати, что я видел впервые, имела вполне полноценный кенгурятник – наклонную решетку из стального прутка, прикрывающую фары и радиатор.

– И как?

– Да отлично, гоняем ее и в хвост и в гриву, и хоть бы что, – сказал Серега.

– Не ломается?

– Да щас! Здесь все ломается, просто чинишь быстро, на коленке. Но

все равно меньше, чем полуторка, ту каждые двести верст чинить надо. Хоть чуть-чуть, но надо. Зовет! – показал он мне на обернувшуюся Настю.

– Ну, летишь? – спросила она требовательно.

– А то!

С крыла я чуть не свалился – поскользнулся, но до открытой кабины все же добрался. Богатством оборудования не поразила, она больше напоминала ящик, в который не очень аккуратно воткнули не слишком удобное сиденье. Плексигласовый козырек впереди и больше ничего.

– Залезай, чего задумался?

– Да так... а тут разве двойного управления быть не должно? – вспомнил я какие-то свои книжные познания.

– Это же не учебный, а самолет связи. Садись, пристегнуться не забудь. Серега, готов? Запускаем!

Пока я разбирался в ремнях, механик Сереге надел на лопасть пропеллера нечто вроде валенка с тянущимися от него резиновыми шнурами. Шнур натянулся, Настя активно закрутила что-то рукой у себя в кабине, мне не было видно что, затем винт резко провернулся, мотор чихнул, выпустив вонючие облака дыма, и бодро и трескуче затарахтел.

– Поехали, – услышал я в шлемофоне, и самолет дернулся с места.

Полосы перед нами было метров двести, не больше, что заранее вызвало у меня подозрения в невозможности взлета, но самолет поднялся в воздух, не пробежав и половины ее. Земля вдруг плавно ушла вниз, в лицо ударило ветром, а потом «кукурузник», накренившись на правое крыло, сделал разворот, продолжая набирать высоту.

– Долго лететь? – спросил я.

– Часа полтора. Это почти за двести километров от города. Сразу спросить забыла, у тебя как с укачиванием?

– Вроде нормально, не шибко чувствительный. – сказал я и усомнился в сказанном. – Но ты высший пилотаж как-нибудь без меня, хорошо?

– Постараюсь, – засмеялась она. – Если только очень захочется, так, что удержаться не смогу.

– Если я удержаться не смогу, кабину будешь сама мыть, – пригрозил я в ответ. – Я пас и вообще после такого плохо себя чувствую.

– Ладно, сиди, не трясись, – засмеялась она.

Самолет забирался все выше, и я выглянул через борт. Город, лежащий под нами выглядел... странно. И даже страшновато. Серый, мокрый под осенними дождями, на берегу серой же реки. Центр, отделенный от остального тела наживо прорубленной полосой отчуждения, выглядевшей сверху так, словно там гигантский каток прошел, оставив за собой

разбросанный мусор. Стены и ограждения между домами, образующие периметр. Бетонные могучие доты КПП. И территория, брошенная людьми, с разрушенными домами, глядящими на грязные улицы пустыми глазницами окон – стекла штрафники вынимают и увозят в город, на склад. Просевшие крыши, покосившиеся серые деревянные стены.

За рекой, виднелась промзона, к которой от города тянулась дорога и даже железка, по которой маленький паровоз прилежно тащил с десятков товарных вагонов, пыхая паром из широкой трубы. ТЭЦ дымила высокими трубами, выбрасывая в низкое серое небо угольную копоть, за ней, словно открытая рана, виднелся огромный черный угольный разрез, в котором работа кипела только с одного края. Рылся экскаватор, грузились несколько самосвалов. Чуть дальше возвышался гигантский корпус металлургического, у которого тоже сустились люди.

Линия обороны вокруг промзоны была даже посерьезней чем у города. Все было, и вышки с прожекторами, и бетонные колпаки огневых точек, и даже загнанные в капониры танки, лихие «тридцатьчетверки», выставившие над брустверами длинные тонкие пушки. Это понятно, промзоной Углегорск и живет.

На реке был виден ряд небольших пароводиков и барж, стоящих на якоре возле самого берега. И вправду обезопасились от Тьмы проточной водой, как тогда мне рассказали. На одной из барж я увидел людей, перекадывающих ящики из штабеля в штабель. На пристанях тоже были люди, то ли погрузка шла, то ли разгрузка.

– Сальцево в другую сторону? – спросил я.

– Сальцево к югу, а мы на север. Пару деревень пройдем сейчас, и все, больше людей в ту сторону не будет.

Самолет, стрекочущий как швейная машинка, слегка покачиваясь под порывами бокового ветра, летел вперед, пропуская под крыльями пятна леса, раскисшие от дождей поля, грязные дороги. Вскоре действительно увидели деревню, строенную до удивления необычно – дома прямоугольником, почти вплотную друг к другу, задние стенки, выходящие наружу, без окон, лишь с крошечными бойницами. Между домами все затянуто колючкой, а вот в центре получилась довольно просторная площадь с маленькой церковью или часовенкой посередине.

– Деревни здесь с нуля строили или старые перестраивали?

– Где как, – ответила Настя. – Но вообще город колхозников вроде как поощряет, даже на строительство давал и материал, и людей, и технику. Такое село чуть не за месяц возводилось. Правда не сразу, говорят.

– В смысле? – не понял я.

– Поначалу все сельское хозяйство вокруг города было, людей на грузовиках в поле возили, а потом обратно. Но со временем людей прибавилось, стало не хватать, вот и начали народ поощрять перебираться в колхозы.

– А, понятно.

Разумно, наверное. Зато с едой не видно каких-то напрягов, если по столовкам судить или по базару. А Шалвина шашлычная так и вовсе. Напряг же он кого-то ему еще и сулугуни делать, так что показатель. Хорошо что напряг, кстати, потому что с сулугуни лучше, чем без сулугуни.

Над нами висели тяжелые облака, но дождя, к счастью, не было. Не удержался, спросил:

– В облака не полезешь?

– Нет, ни в коем случае, мы здесь в них вообще никогда не лезем.

– А почему?

– Тут все странное. Компас странный, бывает что и врет, так что по приборам можно заблудиться. Кстати, с радио здесь тоже проблемы, дальше чем километров на пять никакая связь толком не работает, помехи или вообще пропадает.

– Из-за Тьмы? – предположил я.

– Говорят что так. Чем ближе к ее границе, тем больше проблем с компасом, так что летаем или в ясную погоду, или низко, ориентируемся визуально. Сейчас мы вдоль старой железки идем, видишь?

Действительно, под нами тянулись заброшенные железнодорожные пути, по гравийной насыпи, серым шрамом рассекавшим обозримые пространства. Вскоре показалась какая-то маленькая станция, на запасных путях которой собралось немало вагонов. За ней выстроился длинный ряд складов, огороженных каменным забором.

– Это что под нами?

– Ратниково. Там большие склады были, но все ценное оттуда давно вывезли.

Чуть дальше, уже за станцией, я увидел короткий технический поезд, состоящий из маленького паровозика «овечки», платформы, груженной рельсами, и передвижного крана, эти самые рельсы на платформу укладывавшего. На путях возилась бригада рабочих.

– Пути разбирают?

– Да, дальше на север уже нет никого, ездить не к кому.

– На металлолом?

– Не только, еще и на ремонт тех путей, что будут действовать. Говорят, что хотят до Сальцева дорогу восстановить?

– Это на хрена? – удивился я. – Там же вроде бардак и махновщина?

– Ерунду болтают, – ответила Настя. – Там нравы проще и нечто вроде дикого капитализма, но зато у них баржи, большой базар, и они наш уголь с бензином дальше по реке продают.

– А сами?

– Людей на все не хватает.

– А я слышал, что мы с Сальцево на ножах.

– Вроде как, но торгуют тоже. Это не у меня надо спрашивать, я так, слышу, что люди болтают, и не больше. Вон, смотри, фактическая граница, на два часа, на дороге.

Я всмотрелся куда сказали, и обнаружил нечто вроде небольшого укрепления, в которое было перестроено маленькое, промышленного вида кирпичное здание. В огороженном дворе стояла пара, насколько мне удалось разглядеть отсюда, «студебекеров», бронемашина «скаут» и два легких танка, упрятанные в капониры и уставившие пушки в поле перед собой. Видны были и люди, занимающиеся своими делами. Кто-то, голый по пояс, колот дрова, кто-то возился под поднятым капотом машины. Вокруг этого блокпоста расстилалось бесконечное серое пространство, и выглядел блок как-то сиротливо и даже жалость вызывал, хоть ничего угрожающего ему на обозримом пространстве видно не было.

– За этим блоком людей нет?

– Если только мародеры шляются, чем ближе ко Тьме, тем больше нетронутых мест, – ответила Настя. – А так последний форпост. Если что с нами случится, будем стараться выйти на него.

– А с радио здесь плохо, говоришь? – задумчиво переспросил я.

– Плохо! – засмеялась она. – И с каких это пор на По-2 радио появилось? Упадём – пешком обратно топать придется. Ну, если не вернемся, то команду из города дадут, с форпоста могут машину выслать, нас поискать, но сам понимаешь. Поэтому и спрашивала, чем вооружен.

– Так предупреждать же надо! – забеспокоился я.

Американский карабин в оружейке вдруг показался мне необыкновенно желанным, а наган в кобуре необыкновенно ничтожным.

– А падала уже?

– Один раз, по поломке, – донеслось в ответ.

– И как выбралась?

– Починилась. Села на планировании, нашла причину поломки, ликвидировала и снова взлетела. Так что особо не беспокойся, разберемся.

– Кстати, я думал ты и взлететь не сможешь с той полосы, а ты раз – и опа! – польстил я Насте. – Сколько вообще пробега этой «этажерке» надо?

– Метров семьдесят за глаза, при посадке до ста, и то много, – вполне вдохновенно взялась она рассказывать. – Хороший самолет, мне нравится, даже не ожидала. В любом поле сядет, на любую дорогу, и обратно взлетит. В штопор не уронишь, а если сумеешь, то обратно сам выходит, ну, практически.

– То есть обратно прилетим? – уточнил я.

– Вне всякого сомнения!

Последний оплот тутошнего человечества остался далеко позади, вокруг тянулась пустынная местность. Тут и там попадались заброшенные и полуразрушенные деревни, какие-то строения, затем далеко слева проплыл небольшой городок. Спрашивать не стал, сверился с картой. Так... вон река, остатки моста, дорога... так, а это как раз Митино, куда Федя за лампочками гонял. Далековато забирался.

Вскоре горизонт начал темнеть. Темнеть всерьез, сгущаясь в полную черноту, и погружая нас в густые сумерки. Это не было похоже на тучи или что-то подобное, просто облака, висящие на фоне этой черноты, словно притянутые ею и покрывающие ее по всей, почти, высоте, тоже становились черными. У видимого мной не было конкретного описания. Просто оттуда *темнело*. Вот как тогда Федька мне объяснил, как свет *светит*, так оттуда *темнело*. Темный свет. Черный свет. Черное пространство... не знаю, неопишимо, непонятно, страшно и при этом... это поражало своей невероятной мощью, грандиозностью, это действительно был край другого мира, другой Вселенной, другой Сущности, непонятно как с этим миром столкнувшейся.

По спине ползли мурашки, волосы шевелились под шлемом, даже пальцы начали мелко трястись. Величественно и жутко. Даже само значение слова «жутко» я впервые понял именно сейчас, сию секунду, и ощутил его всем своим существом. Жутко – это когда чувствуешь мощь, миллионкратно превышающую все, что ты даже способен себе вообразить, это как осознание того, что ничтожность твоего разума не позволяет тебе понять даже ничтожную часть виденного. Это как понимание, что ты – тля. Тля перед мощью сотен вселенных.

– Эва ка-ак... – протянул я.

– Впервые видишь? – спросила Настя и добавила: – Я поначалу даже подлетать ближе боялась, жуть какая. Потом ничего, привыкла, правда на самолете вообще безопасно, если только в самые облака не лезть.

Голос у нее был при этом дрожащий, если честно, так что следовало предполагать, что привыкла она не окончательно. Или не полностью.

– А мы сейчас... – я сверился с картой. – На запад?

– Именно так.

По-2 накренился, зачерпнув упругий воздух открытыми кабинами, ударивший ветром в лицо, в расчалках засвистел ветер. Я глянул в другую сторону, снова сверился с ориентирами, и понял, что некое скопление этой самой Тьмы отделилось от основной массы. Около двух километров, прикидочно, в поперечнике, оно, напоминающее гигантское застывшее торнадо, отодвинулось от черной стены тоже не меньше чем на пару километров.

– Это оно?

– Да! Помечай на карте контуры! Как можно точнее старайся, а я попытаюсь облететь.

Снова небольшой крен, затем самолет пошел в пологое пикирование, чуть увеличив, как мне показалось, скорость. Понимая, что на повторный облет у меня самого не хватит душевных сил, я со всем возможным вниманием выискивал ориентиры на земле, чтобы привязать контуры пятна к карте.

– Настя, ниже можешь? Темно, землю плохо видно!

– Сейчас!

Нос самолета наклонился к земле круче, а вот треск двигателя поослаб, пилот сбросил обороты. Мы сейчас скорее просто планировали, покачиваясь на суматошных потоках воздуха, причудливо огибавшего темную массу.

– Лучше?

– Сейчас... сейчас... – повторял я монотонно, вглядываясь вниз, – Да! Нормально! Вижу!

Самолет выпрямился, движок заработал энергичней, снова разгоняя легкую машину, а я старательно черкал по карте карандашом. Вот так... вот водонапорная прямо на границе... что-то вроде коровника разваленного, частично тонущего во тьме... вот он, есть на карте... до реки... сколько там до реки? Да метров двести, не больше, как раз она серпом загибается... так, уже половину оконтурили приблизительно, а точно... как ты такое точно обозначишь?

– Внимание, ускоряюсь! – вдруг услышал я довольно напряженный голос Насти.

– А что?

– Призраки!

– Где?

Я бы даже подскочил с перепугу, не удерживай меня ремни. Закрутил головой суматошно, не видя опасности, и от этого пугаясь еще больше.

– На девять часов, чуть ниже!

Я взгляделся туда, куда сказали, и действительно увидел несколько довольно быстро движущихся в нашу сторону пятен непонятной конфигурации, просто клочки черного тумана, образовавшиеся вокруг чего-то, напоминающего шаровую молнию наоборот, распространяющую вокруг себя тьму.

– Не догонят? – забеспокоился я.

– Нет, мы быстрее! Если только прозеваем, и на облете перехватят! Давай, дочерчивай и сваливаем отсюда!

Действительно, призраки стали отставать, но из Тьмы вырвалось еще несколько таких, заметно впереди нас, и они явно стремились наперехват самолета.

– На одиннадцать еще несколько! – крикнул я. – Могут достать!

– Отваливаем, так что черти как можешь!

Голос был напряженный, ситуация, видать по всему, и впрямь становилась опасна. Тем более еще одна стайка подобных шаровых молний появилась выше и тоже направилась к нам.

– Эх, высоту потеряли, на пикировании разгон не взять! – с досадой сказала Настя.

Мотор затрещал изо всех своих сил, машина медленно, но неуклонно начала разгоняться. Настя сразу опрокинула ее в правый вираж, приводя от пересекающегося с противником курса на параллельный. И почти у самого правого борта возникли еще несколько призраков. Откуда они появились и когда – ни я, ни Настя не видели, все наше внимание было обращено налево. До ближайшего было метров десять, я даже заорал с перепугу, когда увидел, как порождение Тьмы, медленно отставая, все же норовит приблизиться к самолету. Заорал не один я, Настя тоже перепугалась, мне аж по ушам резануло ее визгом.

Было чего испугаться. Вспомнился сразу наваливающийся и распространяющий смертельный холод и Тьму «пионер», жутью и ужасом пахнуло от приблизившегося призрака. Вот он, совсем рядом, рукой только подать, стремящийся убить, высосать жизнь, совершить с нами что-то настолько страшное, что даже не хочется себе это воображать.

Нам все же хватило запаса скорости и расстояния. Самолет оставил призраков за килем, и понесся почти над самой землей, над деревьями и крышами какой-то брошенной деревеньки, все увеличивая и увеличивая разрыв между собой и преследователями. Мне показалось, что в дальнем конце улицы я увидел группку людей, спокойно стоящих и глядящих на погоню. Я даже не успел удивиться, лишь спросил с недоумением:

– Люди!

Возле людей сверкнули вспышки, что-то выбило искры из стального раскоса, с визгом уйдя в рикошет, что-то несколько раз глухо стукнуло в фюзеляж.

– Сектанты, твари! – взвизгнула Настя, заваливая самолет на крыло, в левый вираж, и сразу же правый.

Я глянул вниз и с удивлением заметил, как прямо в полу у меня между ступнями вдруг появилась маленькая светлая дырочка, а что-то вырвало резиновую обивку края кабины из крепления, неряшливо перекрутив ее прямо у меня возле руки. Что-то дернуло за штанину. Затем самолет прохватила мелкая, но зубодробительная вибрация, а Настя высказалась удивительно непарламентски, как не всякий пьяный грузчик бы сумел.

Сектанты, или кто там по нам стрелял, скрылись за домами, хоть я и видел, как они бежали по улице, норовя сделать хотя бы еще один выстрел нам вслед, но зато сам самолет начал внушать опасения.

– Что случилось? – крикнул я.

– Обстрел, вот что!

– О, блин! Обстрел я видел, с самолетом что?

– В винт угодили, кажется!

– Долетим?

– Если только это, то долетим, – голос звучал озабоченно. – Мы много пуль поймали, так что...

– Что?

– Помолчи минуту, а?

Движок. Движок работал по-другому, «подтраивая», или как это сказать правильно, применительно к пятицилиндровому двигателю. В его ровный цикл словно вплелось постоянное подчихивание, это как будто кто-то играет на фортепиано, и ты даже знаешь ту гамму, которую он намерен сыграть, и повторяет ее раз за разом, но одна клавиша не соединена молоточком, и в ровном ряду звуков получается провал, и это провал каждый раз заставляет тебя морщиться.

– Цилиндр тоже накрылся! – объявила Настя.

– И как мы теперь? – еще больше беспокоился я.

– Летим дальше, просто поаккуратней. Ну-ка, глянь назад, призраки отстали? А то мне в зеркало не разглядеть, оно здесь так, одно название.

Пришлось отстегнуться, чтобы подняться в кабине. Обернувшись и встав на колени на сиденье, я попытался всмотреться туда, где у нас за килем поднимался великий торнадо Тьмы, на фоне его сияясь разглядеть черные и смутные подвижные силуэты. И все же разглядел, идущих за нами, хотя

уже и далеко, в нескольких сотнях метров.

– Отстали, но тянутся!

– Блин! Твари! – ругнулась девушка. – Ладно, скину немного обороты, а ты тогда поглядывай. Все равно до города за нами не полетят, отстанут.

– Точно?

– Точно.

В этом она оказалась права. Призраки преследовали нас минут десять, не догоняя но и почти не отставая, затем вдруг словно потеряли охоту к погоне и резко отстали, спустившись к самой земле.

Становилось теплее и светлее, пелена Тьмы перестала заслонять тот нарек на солнце, который пропускали к земле плотные серые облака. Самолет поднялся почти к ним, и я даже немного обалдел от зрелища пронсящихся в каком-то десятке метров над головой туч.

– Запас по высоте нужен, если вдруг планировать придется, – объяснила Настя.

– Как скажешь, – поежился я, и вернулся к расчерчиванию карты. Как ни странно, но я все же успел запомнить основные ориентиры и сейчас достаточно точно оконтуривал пятно. Даже сам не понял, как получилось, вроде только за призраками следил, а тут на тебе.

Планировать не пришлось. Чихающий и дрожащий словно в припадке малярии самолет все же дотянул до города, хоть под конец Настя начала сетовать на подскочивший расход топлива, зашел на полосу и приземлился на нее, вполне упруго и мягко коснувшись колесами. Мотор несколько раз взревел, пока Настя выруливала, высунувшись из кабины и сисясь хоть что-то разглядеть перед задравшимся капотом, затем он остановился, и было слышно, как под капотом что-то громко щелкает.

– Что случилось? – крикнул подбежавший механик Серега.

– Возле Тьмы шли на бредущем и на сектантов навалились, вот и обстреляли, – устало сказала Настя, выбираясь из кабины на крыло. – Винт под замену, минус цилиндр, похоже.

– Верно, похоже, – сказал механик, подходя к машине спереди и придирчиво оглядывая открытый всем ветрам двигатель. – И вообще латать надо. Вас что, из пулемета?

– Нет, из винтовок, – сказал уже я, стягивая с головы шлемофон и спрыгивая на землю. – Просто неожиданно и почти в упор, много навтыкать успели.

– Время для меня есть? – вдруг неожиданно спросила Настя.

– Хм..., – я аж запнулся. – Сколько угодно, я сегодня выходной, собственно говоря.

– Отвезешь в НКВД? Карту сдам, чтобы сразу вылет закрыли в финчасти, ну и ремонт к оплате предъявлю, или пусть выделяют запчасти.

Поскольку я как раз размышлял над темой «как бы утащить Настю со службы», то только обрадовался. Спросил лишь:

– А пообедать потом никак?

Она лишь кивнула, затем обернулась к механику, стаскивая перчатки:

– Серег, я на сегодня отлеталась, так что возвращаться не буду. Если что по запчастям выясню, по телефону сообщу.

– Давай Настенька, отдыхай, – махнул ей рукой Серега, уже подставивший к самолету стремянку и снимающий дюралевый капот.

– погоди, я комбез только сниму, – сказала она и побежала в ангар.

К сожалению вместо комбеза она обязательно наденет что-нибудь другое, поэтому фраза эротичной не показалась. И я, дабы времени не терять, запустил мотор «харлея», чтобы дать ему прогреться.

Вышла она через минуту, одетая так, как в тот день, года познакомились – «турики», брюки «милитари» и кожаная куртка. Еще и причесаться успела – волосы убраны в хвост, но лежат волосок к волоску.

Я откинул покрывало коляски, жестом пригласил садиться.

– Не, я за тобой! Можно? – спросила она.

– Можно-то можно, но грязью уляпает, – честно сказал я. – Я же не зря плащ-палатку натянул и в сапогах – по колено как минимум у тебя все в грязи будет.

– Хм... как скажешь.

Плюнув клубом дыма, «харлей» рванул на Краснопролетарскую под поднявшимся шлагбаумом. Объезжая лужи и избегая особенно выдающихся колдобин, я покатил в сторону центра.

– Куда даму обедать поведешь? – спросила Настя.

– Я так понимаю, что из достойных заведений здесь только шашлычная?

– Нет, это из роскошных! – засмеялась она. – А нормальными считают хинкальную и «Березку», это трактир такой, с русской кухней. Там пирожки хорошие, блины и все такое. Вкусно, кстати.

Намек я понял, поэтому лишь спросил:

– А где эта самая «Березка»? Я пока не в курсе.

– Да на Крупе, почти за углом НКВД, у самой комендатуры. Пешком дойдем.

– Ну и отлично, новое место узнаю, – кивнул я, чуть ускоряясь на относительно ровном участке.

Расстояния в обжитом центре Углегорска были понятно какие, так что

у НКВД мы оказались всего лишь минут через десять. Приткнулись между двумя «виллисами», поднялись по крыльцу. «Дежурный по шлюзу» Настю знал, пропустил легко, ну и меня с ней заодно, что-то у себя пометив в журнале.

– Нам куда?

– На третий этаж, к научникам, – сказала она, направляясь к лестнице.

– Так ты на науку работаешь? – удивился я.

– А что странного?

– Ну... думал, что на разведку или что-то в таком духе.

– Информацию у Милославского собирают, и уже оттуда дальше дают.

Вроде как вместе с аналитикой.

– А! Может и правильно.

Здание было населено густо, народ сновал по лестнице туда-сюда, на площадках между этажами были устроены курилки, проходя которые мы синхронно морщились. Факт того, что Настя не курит, обрадовал дополнительно, мне как бы в будущем и поцелуи блазнятся.

Вход к научникам, занимавшим половину этажа, никем не охранялся, в отличие от службы горбезопасности, так что зашли без препятствий. Высокие двустворчатые двери, когда-то со стеклами, а теперь с крашеной фанерой, гулкий коридор с дверями на обе стороны, дряхлый паркет под ногами, где плашки под подошвами щелкают как кастаньеты.

– Нам вот сюда, – сказала она, указав на дверь с табличкой «Аналитический отдел».

Мне было все равно, собственно говоря, поэтому я просто кивнул. Стучать никто не стал, она решительно толкнула дверь и мы оказались в очень большом и очень светлом зале, в каких в свое время размещали чертежников в конструкторских бюро, так, чтобы они все вместе трудились. Теперь же здесь причудливыми лабиринтами стояли многочисленные столы, в углу вперегонки стучали две пишущие машинки, люди говорили, несколько мужчин и женщин, собравшихся посреди зала, о чем-то активно спорили, склонившись над разложенной сразу на четырех столах гигантской картой.

Среди множества незнакомых людей оказался один знакомый – как раз тот самый Милославский, что читал нам с утра лекцию. Он обернулся, Насте заметно обрадовался, пожал ей руку с поклоном:

– Настенька, давно не виделись, как вы?

– Да все нормально было, Валерий Львович, до сегодняшнего дня, – улыбнулась Настя. – А вот с вашим заданием чуть не попали, самолет поврежден, – и выдержав паузу, добавила: – Чинить надо.

Вот так, чего резину тянуть, когда можно сразу к сути дела перейти.

– Но пятно разведали? – спросил Милославский, показывая, что он тоже прекрасно разбирается в приоритетах, и их иерархия от Настиной у него сильно отличается.

– Разведали и на карту нанесли, – сказала Настя, после чего обернулась ко мне: – Володь, отдавай карту.

Я вытащил из планшета карту со своими пометками, протянул ученому, сказав:

– Я больше к ориентирам привязывал, потому что четких границ пятна не видно.

– Это понятно, четких их и не бывает, – кивнул он, разглядывая, затем спросил: – Кстати, а вы же вроде в Горсвете или ошибаюсь? Мы же виделись с утра?

– Выходной я сегодня.

– Это у нас первое свидание такое, – добавила Настя.

– Очень романтично, – усмехнулся Милославский. – Разведка границ Тьмы как способ весело провести время вместе. Так что там с повреждениями?

– Обстреляли нас, причем довольно серьезно.

– Где? – чуть насторожился он.

– Вот здесь, – сказал я, ткнув пальцем в обозначение на карте, возле которого стояла надпись «с. Копево». – До двадцати человек, с винтовками.

– Похоже что сектанты, – добавила Настя.

– А кому там еще быть? – пожал плечами профессор. – Так близко даже мародеры бы не сунулись, потому как на них обязательно твари бы из Тьмы кинулись, это в пределах «прямого чутья». За вами гонялись?

– Призраки.

– Понятно, – кивнул тот, разглядывая карту. – По поводу фондов на ремонт и прочее – готовьте акт, в Администрацию, в отдел фондов, только сначала мне на визу. Посмотрим, что получится сделать, что там с запчастями для По-2 на горскладах.

– На этих складах разве что черта лысого нет, – засмеялась Настя. – Мы тут вообще как бурундуки, все в схроны.

– Ну а что поделаешь, если жизнь такая? – тоже улыбнулся профессор. – Из ваших коллег, фонарщиков, – обернулся он уже ко мне, – Половина живет еще и мародерством пустых городов. Город почти все берет, если исправно и имеет хоть какое-то назначение. Мало ли что и когда пригодится? А, ну да, вы уже за генератором гоняли, насколько я помню?

– Так точно, и дальнейшее мародерство планируем.

– Поосторожней все же, а то от лихости много народу гибнет, гонитесь за длинным рублем и лезете куда не просят, – сказал он негромко, после чего, сменив тон на более официальный, спросил у нас обоих сразу: – Так, чем еще могу помочь?

– Во сколько завтра будете, чтобы мне за визой подойти? – спросила Настя.

– Весь день буду на месте, подходи в любое время. Да, с утра, до одиннадцати, примерно, будет совещание в Администрации, так что буду отсутствовать. А потом – в твоём распоряжении.

* * *

– Видишь? – сказала Настя, указывая на аляповатую вывеску с надписью «Березка», пристроившуюся над дверью в небольшом желтом флигеле, глубоко вросшем в землю.

– Ага, действительно рядом, – кивнул я.

Мотоцикл мы так и бросили на стоянке у НКВД, пошли пешком. Снова заморосил мелкий дождик, тщательно смачивая и без того мерзкую грязь, покрывавшую и дороги, и тротуары. Дворники в городе были, и даже сейчас один из них трудился, зачем-то возюкая метлой из березовых веток по этой самой грязи, но видимого эффекта их работа не приносила. Грязь была везде, заляпывала обувь, отлетая с каблуков, собиралась сзади на брюках или полах плащей и пальто, пачкала вещи, как зараза, передаваясь дальше при прикосновении, и бороться с ней, похоже, нынешними силами было бесполезно. Спасти город от нее мог только асфальт, а он пока, похоже, не планировался.

У входа в «Березку» стоял большой скребок для обуви, которым мы и воспользовались, потом долго и тщательно елозили по коврику из щеток, после чего прошли в зал.

Там было не слишком людно, из полутора десятков столов занято не больше пяти. В это время сюда больше бегали пообедать или из НКВД, или из Комендатуры, или разведбатовцы, но официальный обеденный перерыв у них уже закончился, а до окончания рабочего дня было еще далеко.

Столы и стулья были привычно грубыми и тяжелыми, зато были меню, отпечатанные под копирку на машинке, как в старые добрые, или не слишком добрые, времена. Сам интерьер был больше деревянным, резным, лубочно-народным. А нормально, как альтернатива шашлычной так и вполне, если только кормят вкусно.

– Ты не забыл, что я сегодня больше не летаю и обратно на аэродром мне не надо? – спросила Настя, присаживаясь и открывая папку с меню.

– Не забыл, но ты это к чему?

– К тому, что если начнешь размышлять, пьем мы сегодня или нет, то...

Фразу она многозначительно не закончила, но понял я ее сразу, лишь уточнил:

– А ты что пьешь?

– Здесь? – она чуть задумалась. – Здесь водку с морсом хорошо. Когда

морса много, а водки мало. Попроси просто водки немного и кувшин морса, сами смешаем, а то у них тут такие пропорции, что через час на ноги не встанешь.

– Хорошо, – кивнул я и спросил о главном, по крайней мере для своего желудка главным: – А есть?

– Пару минут, о-кей? – спросила она, углубляясь в чтение.

– Ага.

В этот момент к столу подошла официантка – средних лет улыбчивая женщина, спросила:

– Может попить принести, пока над заказом думаете?

– Можно, – кивнул я. – Вот морсу клюквенного, побольше, если не трудно.

– Конечно не трудно, – улыбнулась она. – Сейчас принесу. А вообще сегодня солянку рекомендую сборную.

– С лимоном? – уточнил я сразу, усомнившись, что в Углегорске найдется столь нужный ингредиент.

– С лимоном, – кивнула она и сразу спросила: – Новенький?

– Ну... да, а как узнали?

– Потому что про Елену Петровну не слышали, которая сюда провалилась со своей домашней оранжерейкой, в которой как раз лимоны выращивала. Ну и наладила производство, теперь целая теплица у нее.

– Вот как... – удивился я, потом вспомнил про вино Шалвы. – Тогда я солянку точно буду, люблю.

– Я тоже! – подняла руку Настя. – И свиную отбивную с жареной картошкой на горячее.

– Вы, молодой человек?

– Я... я вот... да тоже отбивную, чего думать-то? – сказал я, откладывая меню. – И водки нам...

– Маленький графинчик, – продолжила Настя.

– Вот и славно, – прокомментировала официантка и пошла к бару.

Вскоре она вернулась, выставила крошечный, грамм на двести, пузатый графинчик водки, которую я пока трогать не стал, и большой кувшин морса, из которого наполнила два стакана, самых обычных, граненых. Тут других пока мне и не попадалось, вообще-то.

– Ну, рассказывай, – отпив морсу, посмотрела на меня Настя. – Как тебе полеталось?

– Да как-то... стремно, – честно сказал я. – Нет, жуть как интересно, и вообще это не мотоцикл, но всяких возможностей долетаться сегодня хватало, нет?

– Ну, нет, пожалуй, – усомнилась она. – Полет проблемный был, но не так, чтобы совсем. Пока самолет падать не соберется, все остальное – мелочи жизни. Да если и соберется, то можно побрыкаться, «кукурузник» такое вполне допускает. Я к чему это все...

– К чему?

– К тому, что... научиться не хочешь? – она уставилась мне в глаза.

– Вообще-то здорово было бы, но я же в Горсвете, правило сама знаешь...

– Что в течение года никакого перехода на другую работу?

– Ну да.

– Бывают и исключения, – пожала она плечами. – Если новая работа городу нужнее. Но ты же сутками? Так?

– Ага.

– День из трех обучение, как раз к концу обязательного срока ты готовый пилот, тут же и устройство, и пилотирование, и теория.

– А почему я? – уточнил я, чуть провоцируя.

– А на этот вопрос отвечать не буду, поумнеешь – сам догадаешься, – сказала она. – Ты женат?

– Где? – не понял я.

– Там, естественно, не здесь же, – усмехнулась она.

– Нет, не женат, в разводе, – сказал я правду, хоть и не всю.

Сказал и прислушался к собственным словам, как прозвучало? Естественно прозвучало. Странно, с того момента, как я сюда попал, о Елене вспомнил раза два. Или три, и то в контексте поднявшейся паники, подачи меня в розыск и так далее. А как о женщине жившей со мной... даже эротических воспоминаний не было. Почему? Она мне безразлична, или это я сам настолько бесчувственная скотина, что с глаз долой – из сердца вон?

Нет, не знаю и понять не могу. Вот напротив меня сидит красивая женщина с ясными глазами, положившая подбородок на сплетенные тонкие пальцы, при взгляде на которую у меня аж сердце замирает – это как? И с тех пор как увидел ее позавчера, думал о ней не переставая, до сегодняшней встречи минуты считал.

– А ты? – спросил я ее.

– Тоже в разводе, не сложился брак, – ответила она. – За год до провала разошлись. То, что сначала кажется одним, на поверку оказывается чем-то совсем другим, – добавила она и перевела разговор на другую тему: – Ты чем занимался?

– Был, что называется, «предпринимателем», – ответил ей я,

усмехнувшись. – Деньги зарабатывал, в общем, и нервы себе трепал. Оливковым маслом торговал, испанским. А ты?

– Пилотом-инструктором в Мячково, в аэроклубе, я же вроде говорила. Ну и в соревнованиях выступала по пилотажу. А до этого... «предпринимательства»?

– Учился. На экономиста. До этого в армии был, воевал немножко.

– Где?

– У вас Афганской войны не было? – спросил я.

Она цокнула языком и покачала отрицательно головой, затем сказала:

– Но про такую слышала, она во многих слоях была. Рассказывают люди. У нас и чеченской войны не было, а у вас?

– Тоже была, уже вторая началась. А я вот на Афган успел, в воздушно-десантных служил. А что у вас так тихо?

– Ага, мы вообще какой-то очень спокойный слой, если людей послушать. У нас даже СССР не разваливался, так, были реформы всякие, да и все. Ладно, это неважно, здесь сколько людей, столько и слоев, я уже отчаялась встретить кого-нибудь из своего. Дважды попадались люди из похожих, но все время оказывалось, что из других.

– А нужно?

– Нет, абсолютно, просто интересно, – покачала она головой.

Принесли солянку в глиняных глубоких мисках, наваристую, густую, выглядящую очень соблазнительно. Я указала глазами на водку, она кивнула, затем сказала:

– Я вот так делаю обычно, смотри.

Плеснула на дно стакана водки грамм тридцать, остальное долила морсом, до самого верха. Пригубила немного, сказала:

– Водки и не чувствуется почти. А то так, в чистом виде, ее ненавижу, даже от запаха трясет.

– Я тоже к ней так, не с большой любовью, – сказал я. – Пиво куда духовно ближе.

– Здесь пиво хорошее, закажи, – предложила она.

– Неа, сейчас не хочется, я как ты, – покачал я головой, после чего повторил ее манипуляции.

Результат оказался предсказуемым, ни вкус, ни запах алкоголя почти не ощущались. То что и надо сейчас, пожалуй. А вот солянка и вправду оказалась хороша, не только с виду. Даром что горячая, у нас даже беседа прервалась на какое-то время.

Дальше, что называется, «просто болтали». Вспоминали что-то из прошлой жизни, Настя рассказывала про город, что где есть и как здесь

жить. Спросила даже:

– Ты в общежитии сейчас?

– Ага, – кивнул я. – Пока туда определили.

– А в курсе, что можно и комнату себе добыть, это не сложно? Просто уже платная будет, зато почти свобода. Хотя и большая коммуналка, в основном, здесь по-другому не строили. Есть пара домов с нормальными квартирами, где городская администрация живет, а остальное так, система коридорная.

– А перестроить?

– Пытается кто-то, но под это ни ресурсов, ни сил, и Администрация помогать не рвется, им особо не надо. Но все же комната не общежития, все лучше. Вас сколько в комнате?

– Трехместная, но нас двое, как раз Федька со мной.

– А мы с Леной квартиру делим, хоть и странную – санузел свой, а кухня в коридоре, общая уже. Но вроде почти нормально живем.

– Хочется обратно? – спросил я ее.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Честно, не знаю. Здесь жить с одной стороны тяжело, с другой вроде интересно. И... про возраст ты в курсе?

– Что не стареем?

– Именно, – сказала она и снова отпила из стакана. – Это все же здорово, согласись. Так мне сколько было отпущено? Семьдесят? Восемьдесят? А здесь?

– А сколько здесь?

– Ну... тот же Милославский полагает, что мне одной молодости здесь лет сто отпущено. Мне вот тридцать сейчас. Через сто лет станет сорок, что тоже не так чтобы старость. Сто против десяти. Правда, тут другое пугает – все эти сто в грязи, холоде, постоянной опасности, и Тьма наступает.

– Да, Милославский говорил, – подтвердил я.

– Так проживу, молодая и красивая, и такой же молодой буду потом скрываться от всяких хмырей с мартышками, которых расплодится великое множество по всей земле? – вздохнув, продолжила она. – Как оно тогда будет? Пока стараюсь просто не думать. Все равно отсюда обратного хода нет, а быть молодой долго-долго тоже неплохо.

Вот она уже уложила в голове то, что не стареет, а я про это знаю. Но никаких пока выводов не сделал. Не осознал, так, слышал звон, да не знаю зачем он. Мне тридцать пять, в самом расцвете, можно сказать, сил и здоровья. Плохо таким еще сто лет пробыть? Сорок пять? Да ягодка... нет, это про баб... как огурчик опять, орел комнатный. Сто лет вместо десяти.

Сто лет вот этого всего вокруг... Мне сейчас здесь плохо? Нет, пожалуй что, с чего это мне плохо должно быть? Я вот с красивой женщиной, которой, кажется, я тоже нравлюсь. Почему мне должно быть плохо?

Там на «Гранд Чероки» новеньком катался? Ну, да, неплохо, тишина, климат-контроль, дороги... ну, какие есть, но все не такие, как здесь. Дом. Дом хороший, сам строил, теперь Елена там одна... это вроде как откупился я? Ладно, не важно, не о том думаю. Важно то, что жил не в общежитии. Ладно, я не привередливый и пожить могу в любых условиях, но именно что пожить. А не жить постоянно, без перспектив их улучшить, я вообще так устроен, что нуждаюсь в обустройстве и улучшении мира вокруг себя.

Работа. Работа специфическая у меня, за которую платят куда меньше, чем я зарабатывал на той стороне, просто сидя в кабинете, встречаясь с партнерами за обедом в кафе «Пушкин», что на Тверском бульваре, и рисковал разве что финансово, со всеми играми в стиле девяностых я давно закончил. А здесь? Каждые четвертые сутки есть полная возможность потерять башку. Что взамен? Пока не знаю, но что-то есть. Что-то, что тешит авантюрную сторону моей сущности, ту самую, которая нуждалась в чем-то подобном.

И все равно, стоят сто лет такой жизни столько же, сколько десять лет нормальной? А я вот не знаю. В любом случае, о чем это я задумался? Мне что, кто-то предлагает билет домой? Да и не поехал бы я прямо сейчас по любому билету, как на духу говорю, не могу сейчас. У меня вот женщина сидит напротив, от которой не смог бы уехать, не поняв, что это такое между нами было и было ли вообще? Если исключить ее из этого уравнения, то мир бывший все же перевесит. Я обычный человек, не герой великий, мне такой авантюриности надо в меру, поиграться да и бросить, а вот жить на обреченной помойке страшно. Но если Настю не исключать, выбор усложняется неимоверно. Да, да, второй день знакомы, но уже вот так, как хочешь, так и понимаешь.

— А...точно отсюда никто не выбирался? — спросил я.

— Ну как кто-то может точно знать? — удивилась она вопросу. — Если кто-то провалился отсюда обратно, то он же записки не оставит, верно? Бывает что люди исчезают, но обычно за пределами города. Может кто-то и вырвался, кто знает.

— А в городе не исчезают?

— Нет, вроде бы, не слышала. Гибнут время от времени, или твари нападают, или в драках, или еще что... здесь все нервные, случаются и поножовщины, и стреляют друг друга.

– Часто?

– Не часто, но слышишь время от времени, – ответил она. – Коммуналки, общаги, скудость жизни, опасность постоянная – срываются. Самоубийств хватает, многие пьют как... не знаю кто. Тут уже ночлежки-рюмочные появились. Сначала Администрация их прикрыла, а потом вышло, что много работяг упиваются так, что до дому дойти не могут, ну и гибнут в темноте. Решили, что пусть хоть так, хоть это больше свинарники напоминает. Говорят, раньше в общежитиях спиртное пытались запрещать, но тоже плохо закончилось, вплоть до того, что стреляли в проверяющих, когда те по комнатам шастали. Теперь вроде даже продают в буфетах. Так?

– Продают, – кивнул я. – Но не видел, чтобы в общеаге очень уж керосинили, все в меру, вроде бы.

– Это потому что ваши вроде как в почете в городе, и народ душевно покрепче подбирается. А глянь на общаги шахтерские, металлургического, путейские – это же страх сплошной. Люди все из будущего, большинство к такой жизни не привыкли. И у всех там семьи, друзья, какая-то жизнь налаженная, и вдруг так за шкурку – и прямо в корыто с помоями. Каждый выдержит?

– Нет, не каждый, не думаю, – согласился с ней я.

– Вот и результат. Так что тебе повезло. Ты про Афганскую войну эту свою в анкете писал?

– Разумеется.

– Вот считай, что она тебя и спасла, таких как ты на примете держат, и направляют только во всякие военизированные места, вроде Горсвета, Комендатуры или службы охраны горбезопасности. В разведбат отбор строгий, там труднее.

– А если бы я на угольный разрез попросился? – любопытствовал я в порядке бреда.

– Если ты не великий профессионал в этом деле – отказали бы.

– А что в Сальцево? Там как жизнь?

– А такая же, люди-то те же. Я там редко бываю, но судить все же могу. Здесь всем Администрация заправляет, а там все больше частник. У одного столпа общества кирпичный завод, у второго – стекольный. Там карьер большой с каким-то песком, при нем они. Кто-то базаром командует, кто-то пристанями, у кого-то баржи, а все вместе они власть. А простым людям одинаково, что здесь, что там.

– Вообще никакой разницы?

– Ну... есть какая-то, но больше внешняя. Там вроде как свободы больше, но... а тут ее мало, что ли? Разве что в работе, кабак открыть или

лавку на рынке – пожалуйста, а что серьезней – никак, отберут.

– А твой аэродром?

– Уже отбирают. Тут это вежливо делают, тебя же командовать оставляют, и снабжение налаживают, мол, что тебе возиться? Но все же это уже не твое, не понравится...

– И?

– Ножкой под попку, и гуляй, Настя. Обращайся в отдел трудоустройства.

– А в Сальцево?

– В Сальцево не так, разве что конкуренты разорвут.

– А Администрация местная где живет?

– На Октябрьской, там в свое время для таких дом построили, «обкомовский», туда и заселились. Говорят, что квартиры даже с комнатами под прислугу, охрана, закрытый двор... но нас в гости туда не зовут. Там все, глава Администрации, все начальники основных организаций, Милославский, кстати, там же живет, он здесь большой человек, член Горсовета.

– Даже так? – чуть удивился я, привыкнув к тому, что у нас ученых разве что к дворникам не приравняли.

– Он здесь давно, приложил руку к созданию вообще всей структуры города. Соответственно и статус, поэтому и коллеги не подсиживают, бесполезно, он там царь и бог. Хотя дядька неплохой, хоть и нагловатый.

– Приставал?

– Ко мне все пристают, – засмеялась она и похлопала себя по бедру. – Без «парабеллума» никуда, сам видишь.

– Приходилось применять?

– Против приставателей? – уточнила она.

– Ну да.

– Стрелять – нет, а наставлять пару раз наставляла, подействовало.

Тут принесли отбивные, в очередной раз прервав разговор.

* * *

– Ну что, кавалер, везешь меня домой? – спросила Настя после того, как мы вышли из трактира, просидев на удивление долго.

Совсем не опьянеть не получилось, разговор тек легко, было тепло и уютно, так что мы не только отобедали, а заодно и отужинали. Когда выходили, трактир наполнился уже вечерними посетителями.

– Везу, даже не надейся, что откажусь, – сказал я, сгибая руку в локте и как бы предлагая взяться под нее.

Настя сразу просунула туда свою и мы действительно образовали *пару*, то есть мужчину и женщину, идущих под ручку. Особой идиллии на грязной улице из этого не получилось, надо было лужи обходить и перепрыгивать, и следить чтобы в совсем глубокую грязь не влезть, но все же символизм произошедшего был для меня ценен сам по себе, как долго бы такая благодать не длилась.

Когда усаживал Настю в коляску «харлея», подумал, что надо бы действительно с Федькой за машинами скататься. Если у меня женщина появилась, то катать ее надо хотя бы в чем-то, от чего на нее грязь не летит, ну и что у меня начальство не отберет за неправомерное использование. Не думаю, что тот же ответственный за «подвижный состав» Василь Иванович отнесется с одобрением к факту, что я забрал служебный мотоцикл из гаража и раскатываю на нем по своим личным делам, хоть и называю их «тренировкой». Прав Федька, прав, машина нужна, хотя бы девушку катать.

– На Урицкого? – на всякий случай спросил я.

– Ну да, куда в тот раз подвозили. Помнишь хоть?

– Помню конечно.

Уже стемнело, так что начал оглядываться по сторонам, такая привычка успела появиться. Уличных фонарей здесь не было, зато были над каждым подъездом. На Советской так еще и людно было пока, хотя народ все больше кучковался или у кабачков, или магазинчиков, но просто так особо не ходили. Зато ездило немало машин, иногда попадались целые грузовики с большими веселыми компаниями в кузовах.

Странное ощущение, когда смотришь на все это вокруг. Старые дома, старые машины, все старое, а люди в эту картину не вписываются. Ну в ту ее версию, которую мы умеем себе представить. Люди новые, из двухтысячного, и они тут как инопланетяне. Вот как я например, до сих пор глазами хлопаю с недоумением.

– А как вообще народ из кабаков по темноте расходится? – спросил я, удивившись сам себе, что не поинтересовался этим раньше.

– Такси берут. Видишь зеленый фонарик над хинкальной светится? – указала она вперед, мы как раз приближались к одному из заведений Шалвы.

– Вижу, и что?

– Это значит, что там есть клиент на довоз до дома.

– А чего тут за такси, я вроде и не видел... – озадачился я.

– Видел, просто не понял, – усмехнулась Настя. – Грузовички катаются крытые в основном. Полуторки чаще.

– Это у которых кабина в желтый цвет крашена?

– Они самые, – подтвердила она. – Эту компанию один дядька открыл, Фоменко фамилия. Сначала всерьез не принимали, а потом выяснилось, что отлично зарабатывают, людям-то в кабаке посидеть охота или в гостях. В общем, в прошлом году ее национализировали, мол пусть в городской бюджет работает, Фоменко директором поставили. Но он гараж поджег и уехал в Сальцево.

– Прорвался?

– Он какую-то замедленную бомбу заложил, сначала уехал, потом полыхнуло. Теперь там какую-то транспортную компанию открыл.

– А Администрация?

– Наши предъявили какие-то претензии, но их оттуда послали прямым текстом. На этом и затихло. Кто Фоменко видел, говорят, что теперь с охраной ездит.

– Есть причины? – спросил я.

– Ну, слухи всякие ходят, – сказала Настя уклончиво. – Мысль про «длинную руку» старательно внушают. Да и вообще какие-то странные дела время от времени происходят, но тоже все на уровне пересудов.

Я только хмыкнул. Верилось как-то легко, насколько я успел разобраться в общественном устройстве общества. Судить, правильно оно или нет, пока не могу, мало здесь времени провел, но вот в такие истории уже верю.

Улица Урицкого была исключительно жилой, поэтому пустой. Лишь на крыльце какого-то дома в световом пятне курили трое вооруженных мужчин, и над другими подъездами светили фонари.

Чем действительность Отстойника отличалась от той, в которой жил я – здесь строили по-другому. Если в моем слое подъезды даже в старых домах были в основном со двора, за исключением совсем уж древних, дореволюционных построек, то здесь они выходили на улицы, были

именно «парадными», а двор обычно располагался сзади и в него выходила другая дверь. В этих дворах раньше, наверное, играли дети и сушилось белье, а сейчас стояли еще и многочисленные сарайчики, построенные из всякого хлама, впрочем и для песочниц с деревянными горками в отдельных дворах место оставалось.

Дом Насти ничем не отличался от остальных – трехэтажный, в потрескавшейся желтоватой штукатурке, с мощными решетками на всех окнах – тюрьма тюрьмой.

– Ну что, – спросил я. – Мне на чашку кофе напрашиваться или сама пригласишь?

– Не приглашу и не напрашивайся, – ответила Настя, хотя при этом подошла и обняла меня за пояс. – Просто и Ленка сейчас дома, и тебе завтра на службу, и вообще. А так я не против, правда, даже рада была бы, я уже полтора года одна. Какой полтора, два уже, ужас. Поцелуй?

Губы были теплыми, нежными, она даже задрожала, когда я ее обнял, и сразу вырвалась.

– Все, все, все, остальное потом, – сказала, поправляя волосы. – Не хочу так, как студенты. Ты... ну в общем понял, придумаем что-нибудь, как выпишься после смены – найди меня, хорошо? На аэродром приезжай.

Она теперь сама поцеловала меня, крепко, жарко, снова оттолкнула и быстро поднялась на крыльцо, постучав в дверь. Почти сразу ей открыли, вахтер подглядывал наверное. Настя исчезла в парадном, а я, вздохнув, завел мотоцикл. И решил, что она, пожалуй, права. Как-то не готов я встречаться с женщинами в общежитии или коммуналке с соседями. Она что-то другое имела ввиду, но вот я – именно это.

«Харлей» рванул с места и понес меня в сторону Горсвета, я еще спокойно успевал поставить мотоцикл в гараж и успеть на «пепелац». Несколько раз я их чистого хулиганства прокатился по большим лужам, поднимая целые стены брызг, благо сам в плащ-палатке, и вскоре поймал себя на том, что у меня впервые с того момента, как я провалился сюда, такое прекрасное настроение. Хотелось выписывать восьмерки, гикать и никому не давать спать в округе. И вообще, кажется я влюбился.

* * *

– Федь, два вопроса, – сказал я, стоя перед зеркалом на дверце шкафа и вытирая мокрые волосы вафельным полотенцем.

– Валяй, – сказал Федька, натягивающий сапог на белоснежную портянку.

– Тех бабок, что взяли с генератора, мне хватит снять нормальную квартирку? И второй вопрос – когда сумеем скататься за машинами, на тот твой склад?

– Встречный вопрос: нормальная квартирка – это что? – поинтересовался он.

Нога заскочила в голенище и каблук со стуком ударил в пол.

– Что-то такое, где можно жить вдвоем с женщиной и как можно меньше пользоваться удобствами в коридоре.

– Ах вот оно что, – усмехнулся он. – Настя-летчица?

– В общем да, – кивнул я, не видя смысла скрывать.

– Кто к ней только не подкатывался, даже я, грешный, а тут на тебе, – засмеялся он. – Повезло, только сам понимаешь, барышня с характером, блуданешь – вешайся сам. Разбомбит с воздуха, ей сверху видно все, ты так и знай.

– И все же?

Полотенце повисло на спинке кровати, а я натянул майку, а на нее свитер. Надо будет сорочек прикупить, если трикотажа здесь нет. И еще один свитер, самая оптимальная одежда.

– Ну, есть несколько домов, где в наем сдают, но все с какими-то проблемами. То без кухонь, то санузлы общие, но в принципе можно.

– А дорого?

– Для тебя – нормально, а так половина зарплаты фонарщика, как из пушки, – сказал Федька, взявшись за ремень с кобурой. – Отобьем, без вопросов, если ты у меня напарником будешь. А за машинами хоть завтра, у меня уже самого аж зуб свистит, трясусь от идеи, что кто-то еще на тот склад дорогу протопчет.

– А что, никто не знает? – поразился я.

– В том-то и дело! – он аж руки воздел в патетическом жесте. – Мы с Серегой, напарником бывшим, упоминание о нем в документах в митинском райсовете нашли, ну и проверили.

– Что там есть?

– Там машин тридцать стоит немецких, в разном состоянии. Есть такие, что только на запчасти, некоторые на улице под брезентом, но брезент сгнил, а есть и те что в культурно, в боксах, на подпорках, со снятыми колесами.

– А резинки всякие, сальники? – спросил я о наиболее существенном.

– Ты знаешь – все в основном цело. Тут время странное, ты в курсе, непонятно как и что. Если где и течет, то не радикально, да и запчасти найти можно, или резинки заказать. В общем, некоторые машины, если колеса надеть, можно с толкача даже завести. «Блиц» мой завелся, разве что масло дважды доливал, пока до Углегорска доехал, и в ремонт все же вложил. Ну и на пневматику стартер переделал.

– Дорого?

– Ну... в шуруарь уложишься, в полтора от силы. Можно сначала городу машину притащить, он сразу оценивает и платит, деньги делим, а потом за твоей, и тебе тогда на все хватит. Как?

– Если только в самые ближайшие дни.

– Фига тебе приперло, – засмеялся он. – А вообще я только за, задолбался занавески жевать, дела делать охота. Ну и денег хочется, веселой жизни. В Сальцево сгонять погудеть.

– Кстати, а как ты вообще здесь, а нет там? – задал я давно вертевшийся на языке вопрос.

– А у меня пока здесь левые доходы лучше идут, – честно сказал он. – В Сальцево надо перебираться тогда, когда уже не на дядю работать будешь. Вот там, кстати, при нормальных деньгах жить можно не в коммуналке, там и кирпичные заводик работает, серый силикатник гонит, и стекольный есть, и лесопилка.

– Строятся?

– А как же, там целый поселок коттеджный имеется уже, чин-чинарем, как в лучших домах, – Федька даже большой палец показал. – Заработаю сколько треба – да и перееду, сколько можно башку подставлять по подвалам? Всему есть мера.

– А просто переехать?

– Не сложно, – усмехнулся он. – Наша Администрация и рада была бы перекрыть путь, но не получается, нам без сальцевского базара никуда, да и торговля идет активная.

– Много переезжает?

– Да как сказать...не думаю. Без бабок везде судьба одна, многие оттуда сюда бегут тоже. А потом снова обратно. А оттуда опять же сюда, ищут лучшей доли.

– А в финале?

– В финале все больше спиваются такие, кто чего-то ищет, а что именно – не знает, – сказал Федька, одернув кобуру и натянув куртку. – Падают в канавы и замерзают, или их рвут ночные твари. Еще шпана малолетняя попадает, всякие проваливаются, пытается здесь за крутых себя ставить, но это заканчивается банальными побоями с выдворением. Или штрафным отрядом. Готов?

– Да, пошли, – кивнул я.

Опять было дождливо, опять эта мерзкая мелкая морось вперемешку с ветром. Хоть бы и вправду зима скорее. Накинули плащ-палатки, которые здесь народ пользовал вместо зонтиков, что и разумно, в общем-то, они куда эффективней. Капли застучали по жестким капюшонам, длинные плащи зашуршали в такт шагам.

– Тебе вчера занесения не нанесли за то, что казенный моц по своим делам гонял? – поинтересовался Федька.

– Неа, отмазка про «тренировку» проканала, как ни странно, – я чуть сдвинул назад капюшон, чтобы видеть собеседника. – Но зарываться не надо, а то Василь Иваныч забудет.

– Он может, – подтвердил Федька. – Потом вычтут стоимость эксплуатации по какой-то дикой ставке из зарплаты. Если хочешь ездить – в Порфирьевск, так городок называется, где мы с Серым склад нашли. Завтра не выйдет, выспаться надо после смены, а там свет недолго, а послезавтра и на следующий день вполне сгонять можем. Лады?

– Лады.

– Но именно два раза, не только для тебя, мне еще и заработать охота, – предупредил он.

– Мля, а я думал ты все не знаешь, что мне на халяву подогнать, а ты во какой меркантильный, – засмеялся я. – Согласный я, мне тоже деньги не помешают.

– Делим семьдесят на тридцать, пока машина моя, и место мной разведано, – сказал Федька. – Появится твой транспорт, будем дальше это дело вместе тянуть – пополам. Справедливо?

– Вполне, – кивнул я.

– Тогда точно едем, – решительно заявил он и даже ладони потер, довольный. – Еще совет – завтра магазинов к карабину прикупи на базаре, а то фигле у тебя четыре всего? Там всякое может случиться, не будешь же снаряжать в драке.

– Это я и так собирался, четыре штуки – ни в какие ворота, – согласился я.

Действительно, что такое шестьдесят патронов в магазинах, если, скажем, ближний бой активный. Хотя бы еще столько же надо, как минимум, а то ни в какие ворота. И наган у меня не шибкий скорострел, в перспективе тоже надо бы подумать. Сколько там Слава Длинный за «парабеллум» называл? Сто двадцать? А что, уже не смертельно, что-то бренчит в карманах. Точнее шуршит, страничками.

– Федь, кстати, – окликнул я его. – А что за деньги в Сальцево?

– Да такие же. Банк они открыли и тот чеки выпускает. Другое дело, что проверить, сколько они в оборот пустили и сколько себе отложили, никто не может. Но это и у нас хрен проверишь, начальство городское тоже не бедствует.

– А золото и все такое в обороте есть?

– Если бы оно было, то было бы, – махнул он рукой. – Только нет золота.

– А где оно?

– В Москве, полагаю, в Гохране каком-то. Но туда ходу нет, а здесь если и попадетсЯ, то так, сережки какие-нибудь, каким сто рублей красная цена, да и все. Все думают, как бы нормальные деньги создать, но ни до чего не додумываются.

– А обмен есть?

– В Сальцеве есть. И наши фантики на их, и их фантики на наши. В Углегорске нет.

– Не прокатывают по обмену?

– Прокатывают, но не сильно. Оттуда сюда вообще лучше товар везти какой-нибудь. Кстати, у разведки новая обязанность появилась – за дорогами следить, чтобы колхозы товар на продажу в Сальцево не гоняли, а везли по обязательным поставкам.

– Гоняют?

– Естественно, тут-то со скидкой принимают в свою пользу, так что они урожаи занижать стали, а излишки туда, за нормальные деньги.

– А я вроде на рынке здесь их видел.

– Здесь они так торгуют, для поддержания штанов, начнут продавать много – власть план повысит. А в Сальцево уже торгуют вовсю, через посредников, правда. Вот таким бы посредником присесть, и ты богатый человек. Правда и риск, за посредниками разведка тоже охотится.

– Со стрельбой?

– Это уже как выйдет. Но могут на Крупу привезти и насидишься в подвале. Аккуратно надо. Слухи пошли, что сальцевские, чтобы канал не терять. Каких-то отморожков наняли, чтобы те за патрулями

разведбатовскими охотились. Но тут уже вообще ничего не докажешь, какие-то совсем левые, никто их не знает. В разведке потери, те больше из зеленки бьют и снайперов среди них много. Кто из-за брони высунется, того и валят.

– Это откуда такие?

– Из другой области позвали, наверное. А в обмен своих туда послали, тамошние вопросы порешать, – хохотнул он. – В Сальцево лихих орлов тоже хватает, рыцари ствола и мешка.

Подъезд Горсвета, дежурка, решетка, оружейка, где я получил свой карабин, потом гараж, проверка вверенного транспорта. Там меня Василь Иванович нагнал и более чем прозрачно намекнул на то, что этот «харлей» не личный транспорт. Оказывается, «тренировочная отмазка» не помогла, зря я хвастался перед Федькой.

– Какая тебе тренировка, шутишь? – возмутился он. – Будешь так казенную технику гонять – рапорт напишу.

– Да ладно, не сделается с ним ни хрена, считай обкатку проходит, – отмахнулся я от него.

– Обкатку пуцай на службе проходит, по делу, – буркнул он в ответ. – Больше не выпущу в неслужебное время или без путевки, так и знай.

Я только хмыкнул и направился на развод. Власов уже принял караулку у предыдущей группы, и теперь взялся инструктировать нас. Нас, кстати, прибавилось, появилась еще одна пара штурмовиков, переведенных из шестой группы. Это, судя по всему, намек на то, что скоро нам расписание сожмут, меньше свободного времени останется.

– Дежурит днем по городу вторая группа, так что мы до темноты за периметр, – сказал он и обернулся к карте города, ткнув в нее указкой, сделанной из удочки. – Работаем по первому сектору, от Красных партизан до Молотова. Схема стандартная, одна машина и две пары фонарщиков на каждое здание. Светить тщательно, в каждый уголок. Там вроде недавно проходили совсем, но пора проверять. Еще раз напоминаю – делать дыры везде, где есть возможность их сделать. Но если кто берется в стены стрелять, то только после того, как все покинут помещение, в пятой группе два дня назад так одному пулю в ляжку закатали. Все поняли?

Общее невнятное гудение.

– Боеприпасы беречь, без нужды не стрелять, – продолжил Власов инструктаж. – Да, там неподалеку отряд штрафников будет работать на разборке, так что осторожно, не подстрелите никого случайно. И в случае чего, если на них нападение, окажите помощь, охрана из комендачей сами знаете, к этому делу плохо приучена.

Тут все опять погудели согласно, а потом разом встали и направились к машинам. Смена началась.

Паша уже привычно закинулся в коляску со своим РПД, даже не устанавливая его на вертлюг, а просто стоймя зажав между колен, зарычали моторы, ворота распахнулись и наша короткая колонна выкатилась на улицу.

– Давай по Советской до конца, к первому КПП едем, – сказал Паша, выступающий у меня опять за Сусанина.

– Мне как скажешь, – осталось только кивнуть.

Головной дозор нужен не был, день деньской в разгаре и работа рутинная, поэтому мы так и катили неспешно во главе, прямо перед высоким капотом «мерседеса». На Советской было довольнолюдно, на нас время от времени оглядывались, но при этом мы явно представляли собой зрелище привычное для всех и поэтому малоинтересное.

– Володь, чего, сгоняли с Федькой за генератором? – спросил Паша.

– Обязательно сгоняли, – ответил я, аккуратно объезжая большую лужу в выбоине, которая по идее и высохнуть не должна была никогда. – И уже продали, и даже продажу обмыли.

– Это правильно, обмыть – первое дело, – кивнул он вполне серьезно. – Кстати, с Настей летал?

– Летал? – даже чуть удивился я формулировке вопроса, потому что произошедшее вчера таким простым словом точно описать было бы не возможно. – Да чуть не долетались, меня обратно с полными штанами привезла.

– А что так? – поразился он.

Пришлось рассказывать, с подробностями и личным отношением, что и заняло практически все время до места назначения, тем более, что через КПП нас пропустили без проблем и досмотров, вроде как на особых правах. Проскочив полосу отчуждения, представлявшую собой замусоренное свободное пространство, колонна свернула налево, вильнула пару раз по мрачным пустынным улицам и остановилась на довольно просторном перекрестке между полуразваленных двухэтажных домов, наполовину деревянных, а наполовину из осклизлого и плесневелого старого кирпича.

– Развернуть опорный пункт! – слышалась команда Власова.

Это означало, что два грузовика сближались и выставляли в разных направлениях стволы пулеметов, а пулеметчики рук с гашеток не убирали и были готовы открыть ураганный огонь по всему подозрительному.

– Так, движемся параллельно! – продолжал командовать Власов. – Две

пары по левой стороне улицы, с ними два осветителя, две пары справа, в таком же составе. Ничего не пропускать, светит каждый угол, если увидите травку – дуром не лезть, входить осторожно. Бирюков! – окликнул он меня.

– Я!

– Давай, в качества практики, пройдишь со второй двойкой, посмотришь, что у нас к чему в дневной работе. – жестом он отозвал федькиного напарника: – Голиков, ты пока в резерв, Бирюков, с Федькой вторым номером иди, фонарь только у меня получи. Паша, давай пока со своим «дегтярем» в кузов шевролета, оттуда подстрахуешь.

– Есть! Есть! – почти хором отозвались мы.

С «ранцевым фонарем» я был уже знаком. Осталось только привинтить его на торчащий ствол карабина с помощью хомутиков с барашками и нащупать простой бытовой переключатель, висящий прямо на проводе. Аккумулятор, а точнее просто очень большую батарейку, мне сунул и в рюкзак разгрузки. Все, вроде готов. Воткнул в карабин магазин со спиленными пулями, дослал.

– Осторожненько идем, – сказал Федька, опуская мотоциклетные очки на глаза. – Тут давно не светили, так что можем нарваться.

– На кого?

– Да на кого угодно. Призраки вряд ли, они только ночь живут, к утру рассеиваются, а вот материальные твари могут быть вполне. «Пионеры» те же самые, друзья твои, – добавил он и пропел какую-то знакомую из детских книг дразнилку:

Пионеры юные,
Головы чугунные,
Сами оловянные
Черти окаянные

– Ага, точно черти, – легко согласился я с таким утверждением. – Иначе и не назовешь. Слушай, а почему дробовиков у нас нет? Под такую зачистку самый щорс был бы, раз – и квас, если в упор.

– А их здесь вообще нет, – сказал Федька. – У кого тут деньги было охотой заниматься? На весь город пару десятков двустволок есть, небось, да и те дерьмо дерьмом, разбалтываются после сотни выстрелов уже. Лучше уж так, – он похлопал по вороненному верху своего автомата.

Я еще раз проверил, насколько легко выходит из кобуры револьвер, перехватил карабин поудобней?

– Все готовы? – спросил старший первой двойки, среднего роста жилистый мужик лет к сорока, которого все звали Трахомычем за отчество Трофимыч и привычку именовать все, что ему не нравится, «трахомой».

Сейчас он был за старшего нашей группы.

– Нормально, можем двигать, – сказал Федька один за всех.

– Если какую трахому зловредную увидите – долбите со всех стволов сразу! – немедленно оправдал командир свое прозвище. – Долго размышлять не надо, только друг друга не повалите. Пошли.

Трахомыч убрал в карман блокнот с описанием дома, благо тут не один раз все было фонарщиками пройдено, и мы двинули вниз, в подвал.

– Сам уже сколько раз сюда лазил, – сказал Федька, включая фонарь и направляя луч на сырые каменные ступеньки. – А так нормально все осветить не можем. Дом сам дрянь, развалюха, а подвал под ним как тюрьма инквизиции, даже разобрать нереально. Тут вся улица такая, даже хрен поймешь, для чего так строились.

– Хранили что-то? – предположил я, стараясь громко не говорить.

– Ага. Алмазов пламенных в лабазах каменных. Черт его разберет, тут вообще многое отличается от того, к чему привык.

– Кто бы говорил, – пробурчал я. – А наверху как?

– Без проблем, все насквозь просвечивается. Только подвалы здесь проблемные. Такую кладку разбирать никаких сил не хватит, кирпич колет, а он тоже ого-го. Вот и приходится их обходить из года в год...

– Федька, заткнуться можешь? – подал голос Трахомыч. – Если не запахло, конечно.

– Трахому какую нашел? – съехидничал Федька.

– Ага, тебя. Только пристукнуть нельзя. Тихо, короче.

Подвал оказался пустым. Затхлый и сырой запах, чавкающий слой грязи под ногами, какие-то гнилые доски грудой, да и все. Даже «темной травы» не было, спокойное место. Двое осветителей все равно прошли с мощными фонарями на шестах, засовывая их в самые немыслимые закоулки, и лишь когда они закончили, Трахомыч дал команду подниматься наверх. Когда поднимались, Федька сказал:

– Все равно не расслабляйся, понял? Тварь могла в соседнем подвале вылезти, ночью прошляться, не найдя добычи, и залечь уже в другом подвале. Ей даже уже все равно, если туда какой-то свет пробивается, лишь бы не сильный.

– Часто попадают?

– Да каждый второй выход что-то стреляем, – подумав, ответил он. – И в половине случаев как раз в таких невинных местах. Так что давай, поаккуратней. И держись четко правее, на шаг назад, а то сталкиваемся на поворотах.

– Хорошо, прослежу.

Пока не поднялась вторая группа из дома напротив, нас в следующее строение Власов не пускал. Все делалось неторопливо, вдумчиво, шаг за шагом, к чему я, собственно говоря, отнесся только с одобрением – сам суеты не люблю и знаю, что половина проблем в этой жизни от спешки. Только когда обе команды выстроились на середине улицы, старший скомандовал:

– Пошли! Поаккуратней!

Второй подвал был почти близнецом первого, тоже никаких следов проникшей Тьмы, но тщательность проверки и «просветки» осталась прежней. Каждый угол, каждую щель, каждый закоулок, всюду должен был попасть свет во всей своей мощи. Так провели время до обеда, пройдя почти половину улицы. Около часу дня к нашему опорному пункту подкатила полуторка с надписью на бортах «Комендатура» и оттуда сгрузили две фляги-термоса. «Обед!» – оживился народ.

Обход прервался, все расположились вокруг машин, подставляя котелки под суп, оказавшийся волне добротным и наваристым гороховым, даже с копченной грудинкой. На второе была картошка с мясом, затем чаю налили. Все вполне добротно, жить можно.

– Перекур пять минут, потом продолжаем! – объявил Власов.

Все задымили папиросами, некурящим оказался чуть ли не я один. Как понял, тут многие закурили, вроде как от нервов. То ли я один такой толстокожий, что так и не тянет подымить, то ли что другое – не знаю. Я отошел чуть в сторонку, оглядываясь по сторонам.

Как странно. Ведь совсем недалеко, рукой подать, вполне живой город, пусть грязный и побитый жизнью и временем, но именно живой, в нем есть та самая аура, сопровождающая населенные людьми места, а здесь, всего лишь в полукилометре от периметра, ощущение жизни отсутствовало напрочь. Просто камни, просто доски, просто развалины – и никакого даже остаточного следа человеческого духа.

Когда я в свое время гулял по развалинам древнего Херсонеса, заходил в римский Колизей, мне казалось, что даже сейчас можно уловить некое эхо духа тех людей, что населяли те места в древности. А здесь – нет, как стерли, как выстирали со щелоком. Ничего.

Серо, ветрено, мокро, грустно. Несмотря на дождь, летают вороны, а дальше они немалой стаей обсели крышу заваленного дома. Дохлятину что ли нашли какую? Черт его знает, нам туда не надо, дойдем до конца улицы – и обратно, за периметр.

Откуда-то слева, с параллельной, доносились голоса, стук, грохот сбрасываемых на землю досок – работали штрафники. Им, похоже, обед

пока никто не привозил. Не повезло. Плохо, наверное, быть штрафником.

– Пошли!

Голос Власова. Пошли так пошли, я уже давно готов, хотя, конечно, минут двадцать после обеда я бы полежал. Но не здесь, здесь лежать не хочется, я даже заметил, что карабин из рук даже на секунду не выпускал, так и придерживал на изготовку, пока вокруг оглядывался.

Построились в боевой порядок, двинули параллельными курсами по противоположным сторонам улицы, выдвигаясь к тому месту, на котором завершили свои труды перед обедом. Блин, только сейчас понимаю, какой невероятный объем работы надо выполнить, чтобы просветить здесь все. Это за периметром только по-настоящему темные места надо обходить регулярно, а здесь, куда в каждый отдельный подвал успевают заглянуть разве что раз в несколько недель, приходится просматривать все. А как и вправду что прячется.

– Внимание! – слышалась команда идущего впереди Трахомыча. – Травка!

Все насторожились, даже было слышно в тишине, как задышали по-другому. Это уже знак, все верно. Мне было видно с верхушки лестницы, как елозят по грязному полу и стенам лучи фонарей – головная двойка искала опасность, добивать травку будут уже фонарщики.

– Вторые, вперед! – слышался голос.

– Есть! – крикнул Федька и шепнул мне: – Пошли!

Спустившись до низа лестницы, первая двойка раздвинулась, светя по сторонам и наставив стволы в угрожающую темноту, а мы прошли между ними и словно составили еще одно звено формируемого защитного полукруга. Сзади слышались шаги осветителей, мощный свет их ненаправленных ламп выдернул из темноты сводчатый потолок и кривоватые стены. А ведь правда подвал старинный.

Трава была везде, сейчас сереющая и распадающаяся. Тянуло холодом и страхом, Тьма явно нашла путь в то место, я уже кожей научился ее ощущать.

– Вроде ничего... – прошептал кто-то.

– На потолок за арками посматривайте, – сказал в ответ Трахомыч. – Осветители, у лестницы, остальные вперед.

Подвал был хоть и единый, без отдельных комнат, но загогулистой формы. Тени от колонн в свете фонарей металась по полу и накладывались друг на друга, потолок вообще просматривался плохо из-за своей конструкции. А если учесть, что он был низким, то ощущение было особенно пакостное, казалось, что прямо сию секунд тебе на спину что-то

свалится.

– Блин, а чего с гранат не начинаем? – пробормотал я.

– В каждый подвал? – прошептал Федька. – Офигел? Где их столько напасешь?

Наверху, на улице, вперегонки загрохотали три пулемета разом. Я было дернулся в ту сторону, но Трахомыч крикнул:

– Бирюков! Заканчиваем, без нас разберутся!

Разбирались активно, патронов не жалели. К пулеметному хору подключились автоматы с карабинами, но свистков, которым пользовались группы для подачи сигналов, слышно не было, похоже что и вправду без нас разобраться могли.

В подвале ничего не оказалось, темная трава осыпалась под светом, группа поднялась наверх, где стрельба уже затихло. Но вид у бойцов был настороженный, все пулеметы повернуты куда-то вдаль по улице, туда же целились и из ручного оружия.

Увидев нас, поднявшихся, Власов дважды свистнул, что означало «Ко мне!». Мы трусцой рванули к опорному пункту.

– Целая стая мартыхаев! – крикнул командир с высоты кузова грузовика, едва мы оказались близко. – Вон из того дома рванула, сначала на нас, потом бежать. По стенам! Поняли? По стенам бежали! Туда, на десять часов от меня.

Я глянул, куда он указывал, и увидел две небольшие тушки, окутанные облаками Тьмы, лежащие на дороге. Стреляли не мимо, значит, все же результат. Подбежала и вторая наша группа, настороженная и запыханная. Командовавший ей кореец Серега Когай сказал:

– Это мы их спугнули, там из подвала окна есть, даже не ожидали встретить, ни травы, никаких признаков.

– А чего на вас не кинулись? – удивился Трахомыч.

– Да сам знаешь, как с мартыхаями, никогда не угадаешь, чего сделают, – ответил Когай, стаскивая «гандонку» и вытирая ей вспотевшее лицо. – От нас сбежали, а здесь на пулеметы ломанулись.

– По машинам! – снова командовать Власов. – Бирюков, Тихонов – в охранение, стрелять на вид и звук, не раздумывая. Всех остальных тоже касается! Вперед!

– Давай, сразу проскакивай до следующего перекрестка и разворачивайся, – негромко сказал Паша. – И если что не так, готовься сваливать, рисковать не будем.

– Ага, понял! – кивнул я, «вытаптывая» первую и выкручивая газ.

«Харлей» решительно рванулся вперед, взметнув фонтанчики грязи

колесами, карабин, висевший спереди, ударил меня в грудь, качнувшись на ремне. Двести метров по прямой пролетели мухой, выскочив на следующий перекресток, ограниченный со всех сторон осевшими грязными дренажными канавами, я развернул машину на тормозе, так резко, что она аж подскочила. Паша водил пулеметом на вертлюге из стороны в сторону, шаря стволом по крышам и окнам, но целей пока не было.

Вдруг настоящая вспышка стрельбы, частой и суматошной. Донеслась с соседней улицы, оттуда, где работали штрафники. Паше даже командовать не пришлось, он только крикнул: «Вперед!» – а мы уже неслись по узкому и грязному переулку. Следующий поворот я прошел вообще в боковом скольжении, почти не потеряв скорости, и суета, происходящая в отдалении, возле грузовика и груды досок, приближалась к нам очень быстро.

Там метались люди, кто-то пытался бить по чему-то длинной доской, четверо комендачей, стоящие в кузове машины, стреляли во все стороны из карабинов. Был ор, мат, паника. Я даже не сразу заметил небольшие черные силуэты, метавшиеся вокруг людей и явно пытающиеся на них бросаться.

Паша выматерился в ярости, крикнул: «Не могу стрелять, давай ближе!» – и выдернул РПД из вертлюга.

Совсем ближе я подъезжать не стал, остановил машину метрах в двадцати от ближайшей к нам куче людей. Кто-то валялся на земле и орал, что-то сидело на нем и визжало inferнальным визгом, кто-то это пинал и тоже орал, кто-то с криком пытался ударить тварь дубиной. Я даже не понял, как соскочил с мотоцикла, даже показалось, что перескочил через руль, хватаясь за карабин. Рядом уже бежал Паша, вскидывая пулемет к плечу, как винтовку.

– Руками не хватать! – успел крикнуть он мне.

А я и не собирался. Подбежав ближе, я толчком откинул мужика, пытавшегося пинать тварь, второй, с дубиной, отскочил сам в испуге. Упав на колено, я с вытянутых рук, стараясь не задеть человека, направил ствол карабина на такое близкое, но все же смутно видимое существо, и пять раз подряд нажал на спуск.

Раздались звонкие хлопки, полетели гильзы, а существо, до того судорожно рвавшее когтями человека и распутившее его ватник практически в мелкие клочья, вдруг замерло и завалилось в сторону. Прямо над головой загрохотал РПД Паши, сыпанув пулями куда-то совсем рядом, метров за пять от нас, за остатки штaketника, выбив из него тучу щепок и подняв фонтаны грязи. Оттуда донесся вой, черный непонятный клубок выкатился на осклизлую, вмятую в грязь осеннюю траву и застыл там,

пригвожденный второй очередью.

Вскочив на ноги, успел заметить еще одну тварь, карабкающуюся по деревянной темно-серой стене дома, почти незаметную на этом фоне, и расстрелял ее всеми оставшимися патронами из магазина, сбив на землю, где она сразу начала парить Тьмой.

Суета не прекращалась, тварей было еще много, две или три продолжали атаковать людей, вызывая все больше суеты и паники, остальные носились вокруг, быстрые и неуловимо подвижные, выбирая удобный момент для нападения. Комендачи, суетливые и, похоже, запаниковавшие, стреляли из кузова во все стороны, рискуя зацепить своих подопечных или нас, фильтровать цели и направления стрельбы у них уже не получалось.

Пустой магазин долой, в карман его, полный на место, в приемник. И в этот момент страшный удар обрушился на мой затылок, сбив меня с ног. В глазах вспыхнули круги, зубы лязгнули, очнулся от удара о землю – на момент падения даже сознание потерял, как мне кажется. Увидел краем глаза, как кто-то перескочил через меня и бежит дальше по улице.

Темная тварь подскочила по размытой канаве, остановилась в трех шагах от меня, уставившись невидимым, но пробивающим насквозь холодом Тьмы взглядом, и я прямо так, и положения «лежа», всадил в нее несколько пуль, успев заметить, как закручивается под их ударами клубами то покрывало Тьмы, что окутывает мартыхая. Свалился он как и первый, как кукла, но еще дергался в агонии, словно обычное живое существо. И лишь потом в голову пришла мысль: «Это кто меня шарахнул? И зачем?»

Возле меня на дороге валялась доска, немалая, меня танкистский шлем спас от того, чтобы я совсем отрубился и был порван мартыхаем. А человек подбегал к мотоциклу. Зачем, я даже не понял, все мозги от удара в кучу смешались. Вместо того, чтобы что-то предпринять, я поднялся на ноги и сделал пару шагов в ту сторону. И крикнул:

– Эй, ты куда?

Скорее всего он меня просто не услышал в окружающем шуме. Затем я заметил, как на дальнем перекрестке появился наш «мерседес», в котором поверх борта торчали головы людей и стволы оружие. Стоявший у мотоцикла засуетился, запрыгнул на сиденье прыжком, и вдруг... только сейчас я сообразил, что он просто убегает. Убегает на моем «харлее», довольно ловко развернув его на месте. И убежит, свернув переулком раньше. И никто его сейчас не остановит, и наши боевые двойки в машине сейчас, в этом бардаке, просто не поймут, что за рулем не я.

– Стоять! – заорал я, бросаясь вперед и холодея от мысли, что мне

сейчас придется в этого придурка стрелять. – Стоять, маруда!

Руки сами вскинули карабин. Я увидел, как тот обернулся через плечо и увидел, что я в него целюсь. Мелькнула смутная надежда, что он сообразит, что остановится, что не сделает непоправимого, но она сразу исчезла, промелькнув кратким сполохом – тот нажал на газ.

Наверное, он собирался вилить, уворачиваясь, но я успел открыть огонь раньше. Едва он начал выворачивать руль. Три пули со срезанными носиками ударили его в середину спины, я видел, как они пробивали дырки в серой фуфайке. Тот лишь дернулся, а потом мягко завалился головой вперед, грудью на руль сразу остановившегося «харлея».

– Ох блин..., – прошептал я, остановившись, и чувствуя, как сердце пытается выскочить через горло. – Ну на хрена ты это сделал, а?

* * *

– Да ладно, забей! – сказал Федька, протягивая мне кружку чаю. – Все по уставу, предупредил захват вверенного тебе транспорта, да еще и преступником.

– Ага, спасибо, – кивнул я, принимая кружку. – Я понимаю, что все правильно, просто кайфа мне это не прибавляет. Взял да и завалил мужика. За что он сидел?

– За пьяную стрельбу в кабаке, по окнам, – сказал сидевший на топчане напротив Когай. – Дурак молодой, недели здесь не прожил, как в штрафной отряд попал. Сам виноват.

– Знаю что сам, не в том вопрос, – махнул рукой я, отпив из кружки. – Просто смотри – досидел бы он свои полгода или сколько там, да и вышел, дальше как-то устраивался. А тут я со своим мотоциклом как приманка, мозгов у него нет, рванул, не думая... бах-бах-бах – внутри фарш. Отпрыгался. Меня такая вот глупость всего этого напрягает, как будто он свою жизнь на кон поставил по дури, а я оказался тем, у кого совести хватило на нее сыграть.

– Ну, да, верно, неприятно, – влез в разговор Трахомыч. – Ты сейчас вроде как тот камень, о который пьяный дурак голову разбил. Вроде и поделом, но почему о тебя-то? Так?

– Верно, так и чувствую себя, – удивился я проницательности Трахомыча. – Сколько кретину, лет восемнадцать?

– Типа того. Сопляк еще.

Мне вспомнилось лицо убитого парня, перевесившегося через руль мотоцикла – испуганное, уже по-мертвому бледное, с выпученными от страха глазами. Тонкая шея – он вообще сложения был не богатырского, ватник с номером, промокший от крови. Увидел себе путь к спасению, понимаешь, а мне теперь это все снова и снова вспоминать. Нехорошо вышло.

Мартыхаев постреляли, но двоих штрафников на полной скорости, светя фонарями на расползающиеся вокруг укусов черные пятна, отвезли в городской госпиталь, где их суетливо перевалили на каталки и потащили в так называемую «светотерапию» – местную отрасль медицинской науки.

Потом еще два часа целая комиссия из представителя Антонова, какого-то горбезопасника и капитана из комендатуры тянула из меня подробности происшествия. Штрафник числился за комендатурой, и

стрелять в него могли только его выводные, расстрел беглеца перед караулом, пусть занятым борьбой с тварями, представителем другой службы, никакими инструкциями предусмотрен не был. Хотя со своей стороны формально я был прав, потому что ответственность за вверенную технику лежит на мне и согласно моим обязанностям, я должен обеспечить ее сохранность любыми средствами, буде в таком возникнет потребность. Что и сделал, всадив три спиленных пули в спину молодому балбесу, когда-то раздухарившемуся в кабаке.

Ночь прошла на удивление спокойно. Трижды выезжали по вызовам, но все три раза по ложным, так никого и не обнаружили, хотя в подвале одного их домов завелась травка. Там было отверстие-световод, запускавшее туда достаточно света, чтобы не давать заводится Тьме, но как оказалось, его забило опавшими листьями, а комендант дома не чухнулся посмотреть, проверить. Записали ему нарушение в журнал, на том и расстались.

Под утро эпизод с убиты даже забылся немного за общей суетой, ну и в сон тянуло. После смены почистили и сдали «длинноствол», а потом направились в общагу, проклиная утренний холод и мерзкий дождь – успели пригреться в караулке.

– Ну чего, пойдешь сегодня жилье искать? – спросил Федька.

– Ага, пойду. Оставляю тебя единоличным владельцем комнаты.

– Да мне похрен, сам видишь, – сказал он, запахиваясь в дождевик. – Я туда только спать прихожу.

– А дамы? – подковырнул я.

– Ну... есть тут пара гостиниц маленьких, собственно говоря. Мне проще номер на сутки, чем за собой порядок поддерживать. В общаге проще. Не, я тебя тоже на сто процентов понимаю, есть такие люди, что без своего угла не могут. Серый покойный как раз таким был, тоже все съехать собирался.

– Не съехал?

– Не вышло, – невесело засмеялся Федька. – Это ты мужик видный, а Серый был короткий, толстый и на поросю похож. Не с кем ему было съезжать.

– Куда идти-то лучше?

– Если до после обеда дотерпишь, то можем вместе пройтись, даже проехаться. Только с условием, еще на Базар зайдем и на заправку, к выезду готовиться надо.

Я даже обрадовался, все же пока плохо ориентируюсь, а в компании с пронырливым и пробивным Федькой куда проще. И все не пешком под этой

мокротой, провалилась она совсем, сколько же можно? Словно вся природа приложила все силы, чтобы доказать, что «это осень, это осень!» Мы и так верим.

– Да мне тоже на базар, – сказал я в ответ. – Магазины к карабину нужны, да и из одежды что-нибудь прикупить надо, зима на носу, как я понимаю.

– Верно понимаешь, и лучше сейчас, а то цены задерут, – поддержал меня в начинании Федька. – Тут народ нос по ветру держать умеет. Обедать где хочешь, кстати?

– За талоны бы сходил, все равно их много. И экономия, и время терять не надо.

– Это правильно, тоже предложить хотел. Но талоны с тебя, мои уже давно закончились, их только новым и бедным бесплатно выдают.

– Серьезно?

– Да там не дорого, в сущности, – засмеялся он. – Так что потом уже за деньги.

– У меня их еще книжка целая, давай добивать.

Как заснул – даже не помню, кажется даже раньше, чем головой подушки коснулся. Проснулся один раз, когда убитый хулиган приснился, но отрубился снова, и дальше уже без сновидений.

Федька разоспался, даже будильника не слышал, пришлось трясти.

– Э, спящий красавец, дела зовут, – тряс я его за плечо. – Идешь?

Он с трудом разлепил глаза, помотал взъерошенной головой. Затем помолчал с минуту, явно пытаюсь сжиться с действительностью, потом кивнул преувеличенно решительно:

– Точно, идем!

– Вставай, я пока побреюсь схожу.

С суток приходишь, естественно, с суточной же щетиной. И так же спать заваливаешься. Потом побреешься днем, а на следующее утро с этим затруднение – не успевает отрасти достаточно, чтобы цепляться опасной бритвой, которой я, к тому же, еще толком пользоваться не научился. Хотя править на ремне уже получалось.

В душевой было пусто, середина дня все же, так что никто не мешал сначала долго стоять под струями горячей воды, а потом долго бриться, постоянно протирая мгновенно запотевающее зеркало. Когда уже остатки пены смывал, зашел Федька, сказавший:

– Не ссы, я мухой.

Потом была канистра с водой, залитая в радиатор «Блица», потом пневмозапуск, и грузовик повез нас по делам.

– Давай с базара начнем, а потом по твоим делам, годится? – спросил Федька.

– Не разбегутся ответственные лица?

– А куда они денутся, живут же обычно прямо в этих домах.

– Тогда в столовку и на базар давай.

В столовке людей было много, как раз обеденный перерыв у многих, а вот на базаре куда меньше чем в субботу, все же и день будний, и погода очень плохая, но в «Уцененных товарах» все были в сборе.

– А, Федя! – заулыбался золотыми зубами Мамед. – Что ищешь?

– Петра ищу, на месте?

– Здесь я! – высунулся из какой-то подсобки низкорослый и толстый, стриженный ежиком мужичок. – Чего хотел, Федь?

– Сальник подходящий нужен...

Дальше я слушать не стал, а сразу направился к отсеку с оружием. Слава Длинный меня узнал, сразу сказав:

– А «браунинг» еще в тот день ушел, так что если за ним...

– Не, пока не за ним, – скрестил я руки в отрицающем жесте. – Магазины к американскому карабину есть?

– Есть, как не быть, – кивнул он и полез под прилавок за ящиком. – Это к «эм-один» в смысле?

– Ага.

– Сколько тебе?

– Четыре. Если есть, то шесть.

– Есть и больше, – пожал он плечами. – Не дефицит. По пятнадцать будут.

– Фигасе, – я даже присвистнул. – Не дороговато?

– К ПППШ по семь бы отдал, а американец подороже, – равнодушно пожал он плечами. – Все же их меньше.

– Давай четыре тогда, – вздохнул я, не победив жабу.

Мне еще квартиру снимать, а потом за ремонт машины платить, так что денег пока вроде и много, но надо посмотреть, какие счета выставят.

– Четыре так четыре, – сказал он, один за другим выложив передо мной на прилавок вороненные металлические коробки. – Еще?

– Достаточно, – покачал я головой отрицательно, сгребая магазины в противогазную сумку и отдавая деньги. – С остальным пока порядок.

В одежном закутке стояла все та же тощая женщина, которая сейчас помогала мерить здоровенный, похожий на караульный, тулуп какому-то толстяку, крутящемуся перед зеркалом и громко пыхтящему. Увидев меня, она просто сказала:

– Поройся пока, что там тебе нужно, а я как с покупателем закончу, так к тебе и подойду.

– С размерами тут как? – спросил я у нее.

– Да так..., – она сделала неопределенный жест. – Малый, средний, большой, очень большой. На тебя... все справа любой кучи ищи, там на длинных.

Ладно, форма формой, но надо и что-то еще, по вечерам и в кабаки многие стараются чуть приличней одеваться. Оно и правильно, на самом деле. Я вообще рестораны любил те, в которые вечером без галстука и не пустят. А то за одним столом юбилей может быть, а за соседним чуть не в шортах резвятся. Нехорошо.

Так, пару свитеров теплых надо, серых, простых, с горлом. Два, потому что шерсть натуральная, будут растягиваться быстро. Один намочил и сушить, второй носишь. И наоборот.

– Красавишна, где брюки померить можно?

– Вон, за занавеской.

И вправду. Даже зеркало на стене есть, хоть и повернуться негде. Штаны зеленые, с карманами, стиль «милитари». А что, даже удобные, хоть что-то полезное пришло из нашего двухтысячного в этот сорок восьмой, или какой он тут. И вроде сели пристойно, и даже удобно в них.

Тулуп. Недлинный, скорее даже короткий, но мне для прогулок, не для службы, там выдадут комбез, сказали. Примерил – в плечах чуть жмет. Сдернул с вешалки другой, натянул – вроде нормальный, даже просторно. А так размер один, что значит кустари.

– Ну что, выбрал что-нибудь? – подошла тощая, отдав толстяку скрученный тулуп.

– Да вроде бы, – показал я на кучу одежды. – Белье еще нужно, носки, да обувь бы посмотреть.

– Обувь с обратной стороны, обойди и там будка будет, не промахнешься.

Не обманула, была не будка а самый настоящий павильончик, где пахло кожей, мастикой, двое черноволосых и носатых мужчин заколачивали гвоздики в подошвы ботинок, повисших на «лапе», а еще один, самый носатый и самый упитанный, стоял у полок с товаром.

– Что ищешь? – спросил он меня после обмена приветствиями.

– Вот такие! – решительно ткнул я пальцем в «турики».

– Простые или на меху? – уточнил он.

Я чуть растерялся. Вообще простые планировал, на сейчас, на теплый носок, но если есть и на меху, то почему нет. Однако покупка одежды мой

бюджет тряханула неслабо, в отличие от еды она тут денег стоила, и немалых. Сомнения развеял сам продавец, а скорее хозяин лавки, сказав:

– Если спешки нет, лучше мерку сними, а через неделю приходи. Двадцать процентов аванс.

Так, за неделю что-то точно заработаем, лучше уж сразу. Поэтому уже через минуту я сидел на табурете, поставив ногу на хитрую дощечку с передвижными планками, а толстяк и еще один мастер быстро переговаривались по-армянски. Затем дощечку убрали, а толстяк потянулся к полкам и взял оттуда мужские туфли с невероятно длинными, загибающимися вверх носами. Гордо выставив на прилавок, спросил:

– Такой не хочешь себе?

Туфли пугали. Мне сложно было представить, как должны были сложиться жизненные обстоятельства, чтобы я их надел.

– А зачем? – спросил я осторожно.

– Как зачем? – удивился тот. – В такой весь Ереван ходит, серьезный ребята ходят, в ресторан-мисторан, клуб-шмуб, все в таких! Не нравится?

Вопрос был с зашифрованным требованием, а цену заказа «туриков» мне пока не объявили, поэтому ответил с упором на жалость:

– Да они дорогие для меня, ты гля какая работа! По-любому деньги заканчиваются. Не потяну.

– Как знаешь, – грустно вздохнул толстяк, отставив на полку цвет армянского обувного дизайна. – Туфли красивый, носил бы – гордый был.

– Это точно! – радостно согласился я, осознавая, что гроза миновала. – Сколько за ботинки?

* * *

Это был второй «доходный дом», принадлежащий городской Администрации, который мы посетили. Первый оказался все же мрачноватой дырой, разделенной на коммуналки, и жить там не хотелось – ходить по темноватым, плохо пахнущим коридорам среди висящих тазов и корыт, нюхать запахи с общей кухни. Правда и цена там была «учебная» по определению Федьки, хотя на фоне средней зарплаты маленькой отнюдь не показалась.

Второй дом мне показался лучше – четырехэтажный, с двумя подъездами и самыми настоящими лестничными площадками по четыре двери на каждой.

– Тут однушки у нас, – объяснял тучный одышливый мужик в военной фуражке без кокарды, перебирая ключи в отцепленной от пояса связке. – Маленькие, такие как моя привратницкая, но кухня своя есть. И уборная, даже душ имеется.

Массивная деревянная дверь распахнулась, пропуская нас внутрь. Огляделся. Да, действительно непонятно, под кого это жилье планировалось. Квадратная комната площадью метров пятнадцать, не больше, даже меньше, пожалуй, прихожая – оттяпанный от нее кусок площадью еще в пару метров. Метра три квадратных было отпущено кухне, в ней даже полноценного окна не было, и еще столько же санузлу, в который умудрились втиснуть унитаз, маленькую раковину и даже поддон душа.

– Это для кого так строили? – удивился я.

– По документам выходит, что это общежитие. – переведя дух, сказал привратник, а если точнее – комендант. – Вроде как для холостых обкомовцев, и отдельная квартира, и вроде скромно. Да чего тут, тогда народ по коммуналкам жил, это за хоромы было. Ну и для нас сейчас, – добавил он, немного подумав.

– Это верно, – согласился я, вспомнив, что квартира Насти, например, которую она делит с Леной, вообще без кухни. А тут вроде все есть, и даже плитка.

– А как насчет газа?

– Мне надо сказать, позвоню, завезут баллон, – сказал комендант. – По утрам развозят. Сюда уже сам тащить будешь, или развозчикам пятерку дать надо, так не понесут.

– Понял. С водой нормально, горячая, холодная?

– Особо не жалуется никто. Бывает что напор падает, если наверх накачать не успеет, – он указал на возвышавшуюся поодаль водонапорную башню. – Но так в порядке. Да, горячая тоже от газа, колонку видел? Нет газа, мойся холодной.

Хорошо, что предупредил. Отвык я от такого, да и колонка висит не в тесной ванной, а на кухне. Нельзя по-другому, тут хоть окно есть, насколько я понимаю. После строительства своего дома большим специалистам по всяким нормам и правилам стал. Эх, мне бы мой дом... хоть сюда, хоть туда... с Настей. С любовью ведь строил, долго, вдумчиво.

– Двор есть, – продолжил комендант. – Забор колючкой замотан, можно сарайчике поставить, и в подвале кладовка. Если картошку или что положить. Ключ у меня возьмешь.

– Подвал-то светите? – спросил доселе молчавший Федька.

– У нас там лампы даже есть, – гордо сказал толстяк, все продолжая переводить дух. – И я каждый день прохожу. Двери везде на решетки заменили, шкафов закрытых не держим, только полки.

– Серьезно подготовились, – одобрил я.

– А что, мы дом элитный, понимаешь, – то ли всерьез, то ли в виде не очень веселой шутки выдал комендант.

– Вижу... – протянул я, рассматривая кровать.

Обычная, с панцирной сеткой и вполне односпальная. Вообще-то ложе надо бы другое, но я точно видел вывеску «Изготовление мебели» да и просто столярную мастерскую проезжал. Думаю, что решаемо. Остальное... а что тут остального? Тумбочка, шкаф с дырками в дверцах, шкаф книжный со стеклами и маленький письменный стол. Ну да, под «ответработника» квартирка, ему что-то писать надо было, ну и читать иногда.

– Все расчеты с вами? – уточнил я.

– Не-не-не, – замотал головой комендант. – Я квиточек выпишу и добро пожаловать в сберкасса. И оттуда обратно, с квитанцией об оплате.

– Да мне как скажете, – подал я плечами.

Что-то не думаю я, что удастся найти лучше. Глянул на Федьку вопросительно, он кивнул незаметно, мол «соглашайся». Чистенько тут, даже подъезд недавно побелили и покрасили.

– Электричество скоро дотянуть обещают, – добавил комендант. – Можно будет генератор не гонять.

– Лестница освещается?

– Пока керосинками. Проводка есть, но лампочки не выделили.

– Отец, может лампочками аренду? – спросил, глядя чуть в сторону, Федька.

– А как я их проведу? – вздохнул тот. – У нас тут надзор, копейка мимо не проплывет.

– Лады, – принял я окончательное решение. – Выписывайте квиточек. Сколько там сразу платить?

– Депозит и за три месяца, – сказал тот, жестом приглашая на выход. – В комендантской у меня бланки, там выпишу. Пойдемте.

В комендантской было жарко натоплено, на рабочем столе лежала раскрытая на середине книга. Краем глаза я глянул в текст и с удивлением обнаружил, что толстяк-комендант увлекается Жюль Верном. Это был «Пятнадцатилетний капитан».

Тот уселся на скрипнувший стул, сдвинул книгу в сторону, потом нацепил на нос вполне модные очки, правда уже скрепленные черной матерчатой изолентой на месте одного из «суставов».

– Сколько жить будет там? – спросил он, вынимая из стола пачку отрывных бланков и карандаш.

– Двое.

– Но ответственный квартиросъемщик один?

– Ну... да. Наверное, – чуть растерялся я. – Потом же изменить можно будет?

– Конечно. Давайте данные, фамилия, имя, отчество, год рождения, место работы, должность.

Быстро записав в все в бланк химическим карандашом, комендант разделил странички, оставив себе копию и аккуратно отложив в сторону фиолетовую копиру, второй листочек отдал мне.

– Вот с этим в сберкасса. Как мне квитанцию отдадите, так и квартирка за вами, заселяйтесь.

Стоящий у него за спиной Федька сделал страшные глаза, показал пять оттопыренных пальцев, сложил их затем в жест «о-кей», потом потер большой и указательный палец друг об друга. Пантомима получилась понятней некуда, да и... само уже вспомнилось, примерно это самое сделать и собирался. Вытащил из кармана «расчетку», выдрал страничку в пятьдесят рублей, протянул толстяку, сказав:

– Спасибо.

Тот смахнул бумажку в стол, словно не услышав и не заметив, но при этом сказал:

– Не торопитесь, никто это квартирку без вас не займет, а я тут до ночи сижу, не страшно.

– Это хорошо, еще раз спасибо.

Когда вышли на улицу, Федька сказал:

– Вов, зашибись апартамент, крест на пузе. Лучше из того, что тут найти можно, здесь же весь центр или из контор состоял, или коммуналок. Понимаю, что у тебя сортир в доме просторней был, но тут жизнь такая.

– Да я чего, без понятий? – даже удивился я. – Нормально, главное отдельно, и все свое, поест там и помыться. А дальше... дальше видно будет.

Вообще-то я нечто другое имел ввиду, но Федька понял по-своему и поддержал:

– Во-во, поднимемся – коттеджики в Сальцево отстроим, оно совсем-совсем другое дело. Давай на заправку покуда, а потом я тебя в Сберкассах закину.

– Как скажешь, – кивнул я, глянув на часы.

Поздно еще не было, Настя на аэродроме до семи точно, как она сама говорила, так что перехватить ее там успею. Я даже не предупредил, что собираемся на мародерку, надо поговорить будет.

Заправка была далеко, у самого третьего КПП, куда подходила ветка с углеперерабатывающего завода, расположившегося прямо у разреза. Чугунные колонки с циферблатами, крашенные в оранжевый цвет, рядом колонки поменьше, с надписью «Вода» и «Масло». Мужик в невероятно замасленном комбинезоне и пропитанным этим же маслом сапогах, который что-то крутил у одной из колонок. Овернул на звук мотора, дождался когда подъедем.

– Сколько и чего лить? – спросил.

– Бензин лей, – вздохнул Федя. – Девяносто литров.

Тот лишь чуть брови приподнял, затем сказал:

– По трояку литр сейчас.

– А то я не в курсе, – еще раз вздохнул Федя, отсчитывая деньги.

Выдержав короткую паузу, он доложил к кучке еще пятерку, сказал:

– Давай, нормально долей, чтобы девяносто и получилось.

Тот лишь ухмыльнулся мимолетно, сунул «бонусный» пятерик в нагрудный карман, и взялся откручивать крышку бензобака.

– На будущее учти, – обернулся Федька ко мне. – Сверху не докинешь – точно не дольют. При этом стрелка на колодке как надо будет двигаться.

– А так чего, дольют? – удивился я.

– Вероятность куда выше. Этот точно дольет.

Я выглянул еще раз в окно, чтобы получше рассмотреть честного заправщика, затем кивнул:

– Ага, запомнил.

Масла он тоже и в двигатель чуть долил, и еще канистру десятилитровую взял. Закинул в кузов. Где у него пристроился железный запирающийся ящик, и забравшись обратно в кабину, сказал:

– Без запаса масла тоже из города не суйся никуда. Тут и сальники пробивает, бывает, и пулей пробить могут, так что помни. Я так вообще половину машину в запчастях с собой таскаю.

– Ну это понятно, – кивнул я. – Мы с отцом в свое время в Карелию на рыбалку на машине катались, так тоже помню. Ящик в багажнике, а в багажнике чего только не было, от ремней до крестовин и даже амортизаторов.

– Точно. Теперь Сберкасса, потом за стволами, чтобы с утра время не терять. Выедем по темноте, окраины на скорости проскочим, потом места будут безопасные. А как светать начнет, мы уже далеко будем.

– Годится.

* * *

На аэродроме было тихо, самолеты стояли в ангаре. Все ворота были закрыты, лишь в крайних открыта калитка. Внедорожника с прицепом не было, а какой-то средних лет худощавый мужик в пилотском кожаном плаще начищал сапоги, поставив ногу на подножку полуторки. Рядом стоял прислоненный к крылу велосипед.

Увидев меня, он молча кивнул, словно так и надо, и продолжил свое занятие. Настю я нашел в ангаре, в «бытовой зоне», моющей руки под рукомойником.

– Ну, пришел, – улыбнулась она. – А я уже и не ждала, думала что сбежал.

Она стояла так, что не оставалось никаких сомнений, что надо сделать. Я ее обнял и поцеловал.

– Ты чего меня забыл? – спросила она. – Ты же выходной.

– Я квартирку нашел, отдельную. В приличном доме по местным меркам. И уже снял. И скоро переезжаю.

Она не стала спрашивать: «А я?» Вопрос был другим:

– Когда?

– Хотя сейчас можно, на самом деле, мне и собирать нечего, сумка и вещмешок.

Она чуть выдержала паузу, глядя мне в глаза, затем сказала:

– Мне все же побольше, обросла имуществом. И еще я сегодня дежурю по аэродрому. Тоже предупредить забыла, так что в любом случае никуда не могу, даже на свидание, не то что...

– Это как?

– Как все – запросто, – улыбнулась она, сверкнув белоснежными ровными зубами. – Видишь, у нас будка на втором ярусе?

Бывший производственный цех действительно имел в дальнем от нас краю нечто вроде «недоэтажа». Лестница наверх, там вроде как просторный балкон, а на нем нечто вроде свежевыложенной кирпичной сторожки, с решетками на маленьких окнах.

– Там генератор и рубильник.

– Ты до утра?

– До утра.

– Пустишь погреться?

– «Погреться» – это как?

– А вот сядем в обнимку и будем гонять чай. И в подкидного играть.
Она посмотрела на винтовочный ремень на плече, спросила:
– А что с винтовкой пришел?
– Мы с Федькой завтра на халтуру, с утра пораньше, вот и вооружились.
– Далеко?
– Неблизко, вроде как, я плохо пока ориентируюсь, – увернулся я от прямого ответа. – За машиной едем. И послезавтра тоже.
– Куда столько?
– Одну – нам.
– Вам?
– Нет, именно нам.
– Надо же, – засмеялась она. – Мужик у меня солидный, при квартире и машине.
– Сопляк, – пренебрежительно высказался я. – У него невеста вообще с самолетом.
– Невеста? Невеста – это хорошо, и насчет самолета верно, – кивнула она с преувеличенной важностью. – Кстати, знакомься, это Коля Гудков, наш второй пилот.
В ангар как раз зашел мужик в кожаном плаще, чистивший сапоги на улице. От него и сейчас расходился запах сапожной ваксы. Он протянул мне крепкую ладонь, я пожал ее.
– Владимир Бирюков.
– Я говорила, – более чем понятно объяснила Настя.
– Я так и подумал, – улыбнулся тот. – Вместе до утра куковать собрались?
– Вышло что так, – сказала она. – Повезло.
– Я там книг притащил, на шкаф положил, – сказал Коля. – Так что если лень болтать станет – читайте.
– Откуда?
– Да в Сальцево летал, с Симоновым виделся... помнишь его?
– Этот, бывший учитель который? – уточнила Настя.
– Он самый. Они гоняли куда-то к восточному очагу Тьмы за мародеркой, и наткнулись на библиотечный склад. Ну, у него душа разыгралась и он чуть не половину грузовика полными собраниями сочинений завалил. В общем, там много всего, покопайтесь.
– Спасибо, Коль. Ты все, закончил?
– Да, покрутил педали до дома, Марта заждалась уже, я пораньше обещал.

– Ну, привет ей.

– Обязательно.

Гудков вышел, а Настя прямо за ним заперла гулкую калитку. Затем обернулась ко мне и сказала:

– Ну, все, пошли наверх, в ангаре до утра делать нечего и незачем. У нас правила простые – если даже что не так, все равно из будки не высовываться. Если не пожар, конечно.

– Разумные правила, – согласился я. – Телефон-то есть Горсвет вызвать, случись чего?

– Ну а что за аэродром без телефона?

– Стой..., – тормознулся я. – Надо было поесть прихватить. Хочешь, сгоняю?

– У меня три бутерброда с собой, а чаю и сахару в караулке на весь город хватит. И сушек мешок. Не достаточно?

– Ну... достаточно, наверное, – согласился я.

– Тогда пошли.

Караулка была небольшой, но вполне удобной. Три небольших окошка на улицу, на три стороны, еще два прямо в ангар. Все в решетках, как здесь и принято. Внутри стол с лампой, два кожаных топчана, шкаф, второй шкаф, поменьше, металлический, в углу маленький керогаз под жестяной, уходящей в стенку вытяжкой, на котором стоял пузатый чайник.

– Все, отрубам свет, оставляем дежурный, – сказала Настя, открывая щиток на стене.

Я сообразил, что лампы горят, а звука движка не слышно, ну и спросил:

– У вас здесь электричество есть?

– Да, сюда уже дотянули. Генератор есть, там, за дверью – она указала на невысокую металлическую дверцу в стене. – Но это уже на всякий случай, если проблемы. Электрочайник бы еще достать, вообще замечательно было бы.

– Нет таких?

– Тут электрический уют – вершина технологического гения, до электрочайников пока не доросли.

– Странно, – засмеялся я. – Дежурка есть, а электрочайника нет. Так не бывает, они отдельно не существуют. Должен быть такой широкий, из нержавеющей стали, с черной эбонитовой ручкой. А вокруг него дежурка. Или караулка.

– Садись, философ, винтовку можешь туда поставить, – она указала на металлический шкаф.

Скинув карабин с плеча, я шагнул к шкафу, открыл дверцы. Ага, а это вообще оружейная пирамида, и вполне культурная, хоть и самодельная. И внутри аж пять ППШ. Сверху на полочке снаряженные рожки над каждым, снизу еще ящики, не знаю что там. Были и пустые ячейки, одна из которых приняла моего «американца».

– А вы здесь все автоматы держите?

– Ну да, а что? – ответила она, разжигая керосинку. – Здесь же круглосуточно люди, место надежное. Охрану нанимать не стали, прикинули что дороговато, и вот сами по очереди, раз в десять дней получается. Мы тут вообще все сами, только ворота на металлургическом заказывали.

– Разрешешь автомат посмотреть?

– Мой – второй справа.

– Ага.

Взявший за дырчатый кожух ствола, вытащил «машинку» из стойки. Осмотрел, покрутил, подергал затвор, потом переломил на шарнире, заглянув в ствольную коробку. Нет, это именно ППШ, однозначно, у нас такие в школе на НВП были, кроме «калашей». Мы их по программе не изучали, но наш военрук по фамилии Ежов выделял интересующихся и оставлял после уроков, вроде как «на кружок». Там мы и СКС разбирать-собирать учились, и РПД, ну и ППШ. Поэтому конструкцию до сих пор до винтика помню, у нас ведь даже соревнования были на скорость сборки-разборки.

Я быстро раскидал его на части, покрутил характерный затвор «ступенечкой», заглянул в ствольную коробку. Да, все то же самое, выступ отражателя, дыра под шептало, крылышки обоймы, которой со спусковой коробкой стыкуется. Изменения минимальны, и в общем, на мой не слишком просвещенный взгляд – разумны. Оружие стало довольно легким, ствол чуть удлинился, и даже, кажется, баланс улучшился. Плечевой упор разве что похуже деревянного приклада, но не критично.

Собрал все обратно, приложился пару раз, примкнул-отомкнул магазин. Да, удобно, и это деревянное цевье с настоящей «штурмовой» рукояткой тоже удобное. Вообще и вправду такой был бы куда лучше карабина для лазания по подвалам. Там все бои на расстоянии вытянутой руки пока получались.

– Увлёкся? – спросила Настя с иронией.

– Проверяю, в каком состоянии содержишь, – усмехнулся я, устанавливая оружие в пирамиду.

– Нашелся проверяющий, – хмыкнула она. – Садись чай пить. С

пряниками, кстати, Серега-механик сегодня целый кулек привез, а я и забыла.

Толстая струя кипятка ударила на дно большой кружки, где темнело озерцо душистой заварки, затем Настя пододвинула мне большую сахарницу:

– Надо?

– Не, я без сахара люблю, – отказался я.

– Ну ты скажи, может и вправду... душа в душу, – засмеялась она. – Я тоже, но фигуру блюду.

– А тебе надо? – усомнился я.

– Понятия не имею и проверять не хочу, – решительно заявила она, но при этом схватила пряник из бумажного кулька.

Я решил не отставать, и тоже потянулся к кульку. Пряники и вправду оказались хорошими, мягкими, с толстой и сладкой глазурью, прямо как из детства. Их мать любила покупать, а сам я потому уже как-то пренебрегал. А тут вот вспомнилось, даже как будто домашним теплом повеяло.

– Как тебе? – спросила Настя, демонстрируя обкусанный.

– Вкусно. Тут пекут?

– Неа, в Сальцево, здесь только торгуют. Там какая-то решительная тетка пряничное производство придумала.

– А чего? – подал я плечами. – Нормально. Черствеют долго, хранить легко, с доставкой проблем никаких.

– И в магазине расхватывают, они недавно появились, – добавила Настя. – Дети любят.

– Детей здесь мало, как мне кажется. Правильно кажется?

– Мало, – кивнула она грустно. – Они ведь не растут.

– Не понял? – чуть не выронил кружку я.

– Как мы не стареем, так дети не растут, – она посмотрела на меня с удивлением. – Будешь с грудничком на руках лет десять сидеть. Потом он еще век будет до половой зрелости расти. Некоторые не поняли, теперь не знают, что делать. Мы здесь как вампир, блин, в этом самом... «Интервью с вампиром» смотрел?

– У вас тоже был?

– Был, там еще этот, Джейк Бэрроу снимался.

– Это кто?

– У нас самая звезда, актер американский, сектант.

– Том Круз?

– Не знаю такого, – покачала она головой. – Но там эпизод был с девочкой, которая так и осталась маленькой. Старой стала, злой и мудрой, и

все равно маленькой. Прикинь, как тут быть ребенком? Ты уже академиком будешь, а тебе все: «Мальчик, уступи тете место».

– Мда... – протянул я, прикинув. – Не... не надо, ужас какой. И половой вопрос опять же... это сколько лет ждать?

– Похоже, что здесь один к десяти. Шестнадцать лет? Ну, считай сам.

– Блин, как минимум сорок лет подросткового онанизма, – прикинул я и заключил: – Оторвется.

Она захохотала.

– Может и наоборот, до стальной крепости накачается, – потом прервала смех, сказала: – А теперь подумай, какой это ужас для нормальной женщины, что ей здесь даже детей нельзя. Как здесь жить, а?

Она заметно погрустнела и задумалась.

* * *

Ничего этой ночью между нами не случилось. И не должно было. Несмотря на мои возражения, Настя уложила меня спать на топчан, сказав: «Тебе завтра ехать и ты после смены, выпишься нормально!», а проснулся я уже по будильнику.

– Ты куда? – возмутилась она. – Темно же!

– Тут всего улицу пройти, и вооружен хорошо, – уверенно заявил я. – Да все нормально будет, забыла, где я работаю?

– С ума сошел? Ты там без году неделя, тоже мне, ветеран нашелся! Звони в общагу, пусть Федору передадут, чтобы за тобой на аэродром заехал. Здесь это нормально, в порядке вещей, и разбудят, и передадут.

– И то! – словно на стенку наткнулся я.

Действительно, Федька еще с вечера воду сливать не собирался, и машину прямо во двор загнать собирался, договорился с вахтой. Ему только нырять в кабину – и никаких проблем.

Настя взялась за телефон, покрутила диск, затем сказала:

– Девушка, Засулич четырнадцать дайте пожалуйста, вахту. Спасибо.

И передала мне трубку.

Действительно оказалось все просто. К телефону дежурный подошел, я представился и в двух словах ситуацию объяснил, мол застрял по темноте, надо, чтобы товарищ заехал. Там лишь имя и номер комнаты уточнили, и спросили во сколько надо сказать. Осталось спасибо сказать и трубку повесить. А я по темным аллеям собирался бежать, кретин.

Так у меня оставался еще час на отдых. Настя предложила мне еще поспать, но я отказался, уселся на скрипучий стул с чашкой чаю, а предложил подремать ей. На этот раз она легко согласилась, и быстро прикемарила на топчане, положив под голову маленькую вышитую подушку «думочку» и тихо посапывая во сне. Одна прядка русых волос упала ей на лицо, и мне казалось, что она Настю щекочет. Я тихо подошел и аккуратно убрал ее назад.

Федька подъехал через час с небольшим к самому шлагбауму, библикнул. Перед тем, как выходить, я на всякий случай осмотрел ангар, и лишь потом разрешил Насте меня проводить. После того, как она страстно поцеловала меня в свете фар, явно специально для Федьки, я тихо ей шепнул, дух переводя:

– Бегом в караулку, темно еще!

– Хорошо, – лишь кивнула она и похлопала по висящему автомату. – Я тоже барышня не кисейная, не беспокойся.

Калитка с грохотом закрылась за мной, а я вскарабкался в высокую кабину «Опеля».

– Доброе утро, мля, – сказал зевающий Федька. – Ругаться хотел всякими словами, но сейчас глянул – и не стал. Сам бы того... не пошел бы в общагу, в общем. Как оно?

Кивнул он при этом на ангар, явно ожидая подробностей, но я пропустил вопрос мимо ушей и лишь спросил:

– Ну что, в Порфирьевск?

– В Порфирьевск, хули нам, красивым, – хмыкнул Федька, разворачиваясь задним ходом. – Трос есть, домкрат есть, у тебя боекомплект полный?

– Полный.

– Надо бы вообще двойной или тройной возить, мало ли оно что.

– А я двойной и взял вчера, мне там сразу на зарплату нагрузили.

– Это правильно, это одобряю, – кивнул Федька, вглядываясь в дорогу, по которой метались пятна света из фар.

Улицы города были совершенно пустынные, лишь фонари над парадными светились. Даже за окнами мало где свет пробивался, все пока спали. КПП выросла как-то неожиданно перед нами, ворота накопителя распахнулись, пропуская нас в безопасность досмотровой площадки. К машине подошел заспанный сержант в сопровождении двух солдат, с крыши, из-за колючего ограждения, на нас развернулся «максим» на треноге.

– Куда в такую рань? – мрачно спросил служивый.

– Мародерствовать, куда еще, – усмехнулся Федька. – В Митино планируем.

– Опять к Тьме несет, – пробормотал тот, забираясь на заднее колесо и заглядывая в кузов. – В ящике что?

– Инструмент, запчасти.

– Открой.

Солдат, стоявший справа, постучал по двери кабины, и когда я ее открыл, быстро заглянул под сиденья, после чего сам захлопнул дверцу. К Федьке тоже претензий не возникло.

– Давай, только на окраинах не зависай, по-швыдкому проскакивай, – сказал сержант, знаком подавая команду открыть вторые ворота.

– Давай, спокойной смены, – ответил Федька и рванул грузовик с места.

Замелькала в лучах уже привычная разруха, лужи разбрызгивались колесами и брызги летели на стекло, расплываясь в россыпь искр, и тогда включались шипящие пневматические щетки, сначала размазывая это все в мутную пленку, но потом все же прочищая поле зрения.

– Ничего, ничего, за окраину выскочим, и поедем спокойно, медленно, с песнями, – сказал Федька, напряженно крутящий баранку.

Один раз что-то крупное и темное метнулось в свете фар, но не на нас, а наоборот, наутек, а больше никаких приключений не случилось. Последние постройки остались позади, а вокруг раскинулась чернота поля, не столько видимого, сколько угадываемого.

– Заипца, – сказал Федька, закуривая папиросу и опуская боковое окошко. – Пока самую гнусь проскочили. Но ты это, не расслабляйся, ствол держи наготове.

– А что может быть?

– Да хрен его знает. Для бандитов темно, они сами пока прячутся... да мало ли что, просто держи.

Я только хмыкнул скептически.

– Хуже всего сломаться здесь посреди ничего, – продолжал развивать мысль Федька. – Я поэтому и запчасти скупаю постоянно, и по два дня в неделю под машиной валяюсь. Мы в свое время привыкли к тому, что машина если ездит, то ездит, поломка это ЧП, а на этих... даже у немцев с американцами поломки – это вариант нормы, если мелкие, а о наших газах и зисах и говорить нечего. Хотя вон ГАЗ-67 бегают, ничего. Хотя тоже с подвеской проблемы постоянные, разбивается.

Федька был в разговорчивом настроении, а я наоборот, в молчаливом, поэтому диалог быстро превратился в монолог. Но его это не напрягало, потому что болтовней, как я понял, он сон сгонял.

Вскоре за спиной небо начало становиться серым, забрезжил смутный и вялый рассвет. Затем больше, и вскоре темнота вокруг начала понемногу истачиваться, испаряться, превращаясь в мутную серую хмарь. Потом и вовсе утро настало, мерзкое правда, ветреное и дождливое.

Дорога совсем раскисла, ехали медленно. Федька даже сказал:

– На грузовики кидаться не будем, хоть город за них больше платит. Что поменьше берем, чтобы «Блитц» тащить мог на тросу по такой помойке.

– Это если не заведем?

– Может завестись, а потом проблемы начнутся, – пожал он плечами. – Всяко может быть, главное не нарываться.

Поле сменилось лесом, снова стало темнее, правда ненадолго, день

неумолимо вступал в свои права, изгоняя ночь из своих владений, до тех пор, пока не придет ее смена. Грузовик переваливался по колдобинам, покачивался, брякал металлический капот, погромыхивал кузов, елозил инструмент в ящике, но крепкий германский полноприводный грузовик катил легко, кажется даже совсем не напрягаясь.

За лесом была развилка, на которой мы свернули на куда менее раздолбанную дорогу, видать по ней куда меньше ездили.

– Все, пошли на север, к Тьме, – прокомментировал Федя. – Крути башкой. Выискивай проблемы.

– Понял.

Но проблем не попадалось, к моей большой радости. Все тянулись поля, менялись перелесками и новыми полями, снова был лес, а потом снова поле, в одном месте дорогу подрамыло, пришлось медленно и аккуратно переезжать это место, но в общем все шло без всяких приключений. Разве что спина и задница немного устали от неудобного сидения, с эргономикой в кабине опея было так себе.

Затем я снова увидел Тьму. Не так явственно, как тогда, с самолета, дождь, туман, хмарь скрадывали ее чудовищность, да и далеко мы были, но черная стена, поднимающаяся от земли и до неба не только была заметна, но и ощущалась уже отсюда, как некое внутренне беспокойство, как постоянный мелкий страх.

Потом Федька тормознул среди чистого поля, сказал:

– Порфирьевск рядом, давай бак дольем, на случай если придется потом сматываться.

– Давай.

В поле оказалось чудовищно ветрено, плащ-палатка попыталась завернуться вокруг меня погребальным саваном, капюшон сдернуло с головы. Матерясь и проклиная погоду, мы подкатали тридцатилитровую цилиндрическую канистру к борту, протянули из нее шланг в бак.

Отсосал бензин Федька с помощью большой резиновой груши, лишив меня удовольствия прокомментировать то, как он будет отплевываться от бензина, я именно этого ожидал, а вскоре содержимое канистры перебралось в бак.

– Все, теперь двойная бдительность, – сказал он, когда мы снова забрались в кабину. – Открывай окно, похрен ветер, готовься стрелять во все, что движется. Очки больше не снимай, Тьма близко.

– Понял.

Ехали медленно теперь, вертя головами на триста шестьдесят градусов. Городок Порфирьевск был мал, собрался на небольшом поле

между лесом, холмами и железной дорогой. Похоже, что он и существовал при большой узловой станции и гигантском товарном дворе, к которому мы и подкатили.

Над городком нависала Тьма. Нет, не прямо над ним, до нее было, наверное, больше десятка километров, а то и все двадцать, она даже лес явно не накрывала, но чувствовалась каждой клеткой тела, каждым нервом. Это был как инфразвук, который ощущаешь не ушами, а диафрагмой, это как постоянная угроза, как ощущение нависящего тебе в затылок ствола.

– Видал тут сколько всего? – громким шепотом, явно под воздействием давящего страха, спросил Федька, когда «Блитц» засунул морду в ворота с распахнутым створками, ведущие на огромную территорию, застроенную пакгаузами, складами, депо, какими-то мастерскими.

Рельсы по ней разбегались десятками веток, уже местами проросшие травой, и тут и там, вразброс, стояли паровозы. Много паровозов.

– Вот такой один в Сальцево притащить – озолотился, – сказал Федька. – Но не судьба, пути туда давно разобраны.

– А на хрена он им? – спросил я исключительно для того, чтобы самому не молчать.

– Они от них электричество получают, типа малых электростанций. Расставили в нескольких местах и угольком кормят. Не хуже нашей ТЭЦ.

Было пусто. Ни людей, ни тварей, ни зверья, ни даже ворон каких-нибудь, вообще ничего. Звук мотора становился нестерпимо громким, когда мы проезжали мимо какого-нибудь склада, либо снова стихал, если ехали по открытой территории. Автомат Федька перевесил себе на грудь, и заодно я заметил, как его рука несколько раз пробежала по подсумкам разгрузки, словно проверяя, на месте ли магазины. А ведь нервничает бывалый Федька, здорово нервничает, не меньше меня как минимум. А я уже понял, что если он задержался, то это точно не зря.

– Далеко еще? – спросил я.

– Нет, почти приехали, – покачал он головой. – Забор желтого кирпича видишь? Как раз за ним.

– Слушай, здесь что, кроме тебя вообще мародеров не бывает?

– Мало. Самое основное отсюда вывезли, еще когда Тьма не навалилась, лет семь назад, до нее верст сорок отсюда было, а до машин то ли руки не дошли, то ли плюнули, то ли не знали. А потом сюда мало кто ездил, опасно здесь. И твари бывают, и сектанты шляются.

– А сейчас до Тьмы сколько?

– Двадцать примерно, – и предугадав мой следующий вопрос, Федька добавил: – Но это не значит, что она по двадцать километров за семь лет

проходит, она так, тут прильет, там отодвинется, у нее принципы хитрые какие-то.

– Радует, – вполне честно ответил я.

– Тогда секи, вон ворота, – указал он пальцем. – Мы с Серым их заперли, а пока внутрь не въедем, я из-за руля ни шагу. Поэтому я подъеду вплотную, и ты с крыши на ту сторону, оглядись только. И меня запустишь. Если что не так – выскакивай через калитку, мы ее на засов запертой оставили и солидолом смазали, понял?

– Ага, вкурил, – кивнул я и сразу выбрался из кабины, сначала на подножку, а оттуда в кузов.

Опель рванул чуть быстрее, ворота, ржавые, местами в отслаивающемся сурике, быстро приближались. Я одной рукой держался за крышу кабины, второй прижимал к плечу карабин, вот когда оценил по-настоящему, насколько он легкий и как это иногда удобно.

Скрипнули тормоза, «Блитц» чуть клюнул носом, почти вплотную притершись боком к стене, а я перескочил прямо на крышу кабины и огляделся. Вроде ничего... пустой складской двор, на нем два ряда всевозможной техники, накрытой брезентом и открытой, целой и не очень, дальше ряд боксов... Нет, ничего, точно – ничего.

– Я пошел! – крикнул и прямо с кабины переступил на широкий верх стены.

Снова огляделся, сел, потом спрыгнув, спружинив ногами, но все же завалившись набок. Вскочил на колено, снова уставив ствол в пустой двор, но на меня никто не кинулся оттуда, все было тихо.

Оглянулся. Действительно заперто, но на засовы. Подскочил к воротам, подергал большой, что воротины сцепляет. Скользнул легко, солидола и вправду не пожалели, аж кусками отваливается.

– Отъезжай, открываю! – крикнул.

По ту сторону рыкнул мотор грузовика, захрустела грязная галька под тяжелыми колесами – Федька подал назад, начал разворачиваться, чтобы задом заехать.

Толкнул одну воротину, та распахнулась на также добротнo смазанных петлях, для того, чтобы открыть вторую, пришлось выдернуть ржавый шкворень из трубки в земле. Все, можно заезжать.

Завывая коробкой на заднем ходу, «Блитц» втокнул в ворота высокий кузов, протиснулся, затем зашла кабина, а я бросился ворота снова прикрывать. Если вдруг кто-то все же появится здесь, нечего внимание привлекать. Нам ничье внимание не требуется, мы тут сами, с усами.

Едва грузовик заехал во двор, я сразу кинулся ворота закрывать,

правда, не на засов, а так, чтобы их можно было просто бампером открыть, случись сматываться. Затем вскочил на подножку, а Федька тронул опея с места и погнал его куда-то в проход между складами.

Снова волна отразившегося рева двигателя, грузовик свернул направо, остановился.

– Вов, все, приехали, пошли проверять, – сказал Федька, глуша двигатель.

Стало очень, очень тихо, было слышно только, как щелкают, остывая, двигатель и тормоза.

Федька вскинул ППШ к плечу, направив ствол в сторону и вниз, сказал:

– Вот эти боксы, что слева, там все нормально выглядело. Склад впереди – запчасти и колеса с тех машин, что на подпорки вывесили.

– Ты по запчастям шарился?

– Не успел. Может сегодня займемся, если успеем, хотя бы для самих себя припасти.

Ворота были нараспашку, секрет отсутствия замков объяснялся просто – кто-то прошел по всем воротам с ломиком. Пнув ногой валявшийся на земле замок с вывернутой дужкой, я спросил:

– Ваша работа?

– А чья же еще? – усмехнулся Федька. – Давай, смотрим первый бокс, жаль листочек потерял, я еще переписал, где что стоит.

Мы разом вошли в бокс, держа оружие наизготовку. Включились фонари, метнувшись лучами по углам. Чисто, никакой «травки». Да и откуда ей браться, если все открыто? Это они молодцы, что так сделали.

– Федь, а когда в первый раз приехали, тут как было?

– Травы полно везде.

– А тварей?

– А чего им тут зарождаться? – удивился он вопросу. – Сама Тьма рядом, в таких местах они если только прямо из нее приходят. Другое дело, что припереться сюда кто угодно может, ты насчет тишины не заблуждайся. Тьму чуешь нутром?

– А то!

– Вот и прикидывай, что она тебя тоже чувствует.

– И что?

– А ничего, что угодно может быть. Может ей похрен, а может и нет, кто знает. Знаешь, что это?

Он указал на частично закутанную брезентом машину, стоящую на мощных стальных подпорках. Выглядела она куда как необычно – три оси,

хоть совсем небольшая, с добротный джип примерно. Спереди два сиденья, в кузове еще два лицом вперед и два – назад, шестиместная типа. По бокам гнезда под запаски, еще под одну сзади. Тент собран в кучу сзади, но можно, судя по замкам, дотянуть вперед до стекла. Судя по размерам арок, колеса предполагаются немалые. Морда чудная, расплющенный клюв как у щуки, непонятно куда вообще мотор засунули. Оппозитник, что ли?

Вместо дверей открытые проемы с какими-то крючками, брезентом закрываться должны, что ли? Сиденья диваном, покрыты дерматином, но вроде удобные должны быть.

Принял «в упор лежа», заглянул под днище. Ага, привод-то не полный ни разу, а на две задних оси, 6х4 типа. Хотя... если запаски повесить, то они, похоже, будут при проезде препятствий проворачиваться, а при таком клиренсе и короткой базе проходимость должна быть просто жуть какая...

– Федь, это что? Я в кино где-то видел, но не в курсе.

– «Шнауцерами» тут зовут, «крупп». Тягач для легкой артиллерии и транспортер расчета. У нас одна группа на таких по выездам катается. Можем привезти, возьмут без проблем.

– А чего погрузить можно?

– Тонну.

– Нормально.

– Вроде бы, но по мне маловато. Себе не хочешь?

– Не знаю, чудная она какая-то. Что тут еще есть?

– Да до хрена всего, тут шесть боксов, из одного «Блица» я угнал, – ответил Федька. – Пять машин в лучшем виде. Вру, шесть, в одном две маленьких. А все что во дворах было – это вон там, прямо за углом. Вывезем эти, можем за запчастями приезжать, скручивать с них всякое.

– Ага, – кивнул я, уже не очень слушая.

Вообще так неплохой «крупп», и жрать не слишком много должен, как мне кажется. С другой стороны он вправду странный, его под свои надобности еще долго переделывать придется, специфичный очень. Кузов поставить, так он хрен знает как сидеть будет... не поймешь. Ладно, учтем, если наш Горсвет такие любит... Глядишь, еще и «прогиб зафиксируем», командование оценит.

Во втором боксе был еще опелевский грузовик, но какой-то маленький, меньше даже полуторки. Федька сразу рукой махнул, сказал:

– Если только в последнюю очередь, задний привод и проходимость никуда, это однотонник. Они тут просто самое новое ставили в боксы, а отбирали без ума. Лучше бы «мерина» полуторку поставили, тот, что во дворе гниет на спущенных колесах. – он указал рукой на крайнюю машину

на площадке, накрытую сгнившим до рыжего цвета брезентом. – В следующий глянь.

– Ага.

Обошел распахнутые створки, заглянул.

– Опа... это че?

Высокая машина, вроде того «мерседеса», что носится за мной в колонне на выезд. Какая-то чудная округленная морда с надписью «Штайр», а кузов весь неуклюжий, прямоугольный, сварной, с грубыми дверями. Такой-же «кабриолет-переросток», да еще, кажется... борта бронированные, что ли? Не, не зря же они такие топорные?

Подошел, постучал согнутым пальцем. Точно, стук глухой, броня. Бронешик вместо салона, от пуль и осколков.

– Федь! – окликнул я. – Это же броня?

– Да ты че? – удивился он, подходя ближе. – Блин, а я прощелкал тогда! Хотя хрен ли, все равно мне грузовик нужен был, и отберут все равно.

– Отберут?

– Насильственно выкупят, так сказать, – поморщился он. – Все бронированное город забирает, закон такой, нам не положено.

Опять «в упор лежа», взгляд на днище. Ага, тут вообще все замечательно, кардан на задний мост и такой же на передний. То есть привод полный.

– Федь, а если на продажу? Денег-то дадут?

– Денег дадут, но... начнется потом, где взял, покажи место, свози разведку. Его если только в последнюю очередь, когда только вон те, – он ткнул стволом ППШ в сторону стоянки. – здесь останутся. Ну и еще момент, раньше не говорил...

– Чего?

– Если честно, думал придержать на те времена, когда поднимусь, – сказал он, усмехнувшись. – Я бы его в Сальцево увез и там катался. Там все проще, никто слова не скажет, главное чтобы не гусеничное было.

Я лишь руки поднял перед собой, засмеявшись:

– Мечта – это святое. Пусть стоит, не буду грязными лапами. Станешь миллионщиком – будешь рассекать, от покушений конкурентов прятаться. Дальше пошли.

Дальше был еще бокс, а в нем две машины – серенький в пятнах «кюбельваген» и вторая – корыто на колесах, с креплением под запаску на капоте и фарами на стебельках. Плоское стекло откинута вперед, брезентовый тент – назад. И вертлюг под пулемет торчит.

– Видал? – так гордо указал на нее Федька, словно сам ее сделал. – «Швимваген», машина-лодка, сзади гляди.

Я обошел чудной автомобильчик, и увидел немалого размера винт в кольце, задранный сейчас вверх и прикрепленный откидной планкой с крючком. Заглянул в кабину. Четыре места, даже пятеро влезет, обычная небольшая легковушка. Сунулся вниз – привод на четыре колеса, а сама явно легкая до невозможности. И бензина много жрать не должна... никак не должна.

– Федь, а я бы ее себе. Ты чего о ней знаешь?

– А чего надо?

– Ну... грузоподъемность?

– Места четыре? – посмотрел он. – Бери по сто кил на место, типа солдат в экипировке и всей сбруе, и багажник маленький... это еще кил пятьдесят, условно. Четыреста пятьдесят. Примерно. Может чуть больше. Скорость... ну, восемьдесят она должна бегать, насколько я такие знаю.

– То есть если мы с тобой за лампочками дернем, – начал я формулировать концепцию, – Сюда ведь до хрена влезет, а столько на бензин тратить тоже не надо?

– Ну да, – пожал он плечами. – А еще можно какой-нибудь прицепчик придумать на крайняк.

– Вот и я о том, – кивнул я в ответ своим собственным мыслям. – Федь, я эту себе возьму.

– Да ни вопрос, завтра за ней подтянемся, а сегодня на продажу возьмем. – сказал Федька, выходя из бокса на улицу и настороженно оглядываясь.

– А может на жесткую сцепку попробуем? – предложил я. – Поищем тут, наверняка должны быть, сюда ведь машины таскали.

– Думаешь? – озадачился он. – Ну, «Блиц» такого клопа потащит даже не заметив, только как цеплять, что-то не пойму... Хотя проушина под буксир здоровая, хрен сорвешь, – сказал он, поглядев на «швимваген». – Точно, можно ведь. Даже одинарную, не в городе ведь едем и скорость никакая, если чего, прямо на мой крюк. Одним махом двоих побивахом, а завтра...

– Завтра сюда же за запчастями или еще одну заберем.

– А точно, – обрадовался он. – Или две! Вон, еще «кюбеля» на жесткую, и у нас полные карманы пятиэревых монеток.

– Не лопни от жадности, – предостерег я его. – А то повадился кувшин по воду ходить, дальше сам понимаешь.

– Ладно, ладно, суеверный, мля, – засмеялся Федька, потом

посерьезнел: – Так. Нужны колеса. С этим там бардак... и вот еще, что вторым берем? Решил?

– Сам чего думаешь?

– Дальше там еще «шнауцер» стоит, – указал он пальцем. – Дальше... дальше ничего, мой «Блиц» был.

– А чего выбирать тогда? – удивился я. – Одного «шнауцера» обуваем, и корытце это самое. Корыто на сцепку, за «шнауцер» сам сяду.

– И то! – кивнул Федька. – Соображаешь, когда надо. Значит так, теперь самый стрем начинается. Идем осторожно, ищем оглядываясь, работать будем по очереди – один в боксе, другой в воротах караулит.

– Без вопросов.

– Тогда пошли. Грузовик туда подгоним, это куча колес, так таскать заманеся.

– Ясен хрен.

– Номер бокса запоминай, там под таким же номером должны колеса лежать.

Федька подал опеля прямо к воротам склада – крепкого зданьца красного кирпича, с частично прикрытыми воротами, но не до конца все же, знали, что делали. Даже железнодорожный костыль был вбит в гравий, чтобы не захлопнулись, не заразили Тьмой важное место.

Внутри тоже был порядок, видать, кладовщик свое дело знал туго. Стеллажи деревянные, мощные, на них куча ящиков. Заглянул в один – какие-то железяки в масле, точно детали мотора. Во втором сальники в вощеной бумаге нашлись. Ага, да тут же подписано все...

– Колеса в конце, – пояснил Федька.

– Колеса – это хорошо, но ты глянь, сколько запчастей! – поражался я.

– Да вижу. Некогда нам тогда было, в первый раз же все, пока нашли пока все открыли, пока этот склад обнаружили, а то прикинь – стоит куча машин, и все без колес. В общем, до хрена времени ушло, уже чуть не по темноте уезжали.

Колеса лежали стопками у дальней стены. На каждой стопке фанерка с номером, написанным зеленой масляной краской, каждое колесо накачено, чтобы не деформировалось, в общем – верх культуры, я бы такого кладовщика на руках носил и премии каждый день выписывал.

Нашли нужное мгновенно, а заодно быстро осмотрел ряд колес остальных.

– Федь, а ведь тут еще и для тех, что на площадке?

– Не для всех, но есть.

– Тут и на тебя можно подобрать, и на остальное.

– Займемся потом, – согласился он.

Действительно, по тем временам типоразмеров не так чтобы много было, я тут всего три вижу, если откровенно и если очень прикидочно. Все внедорожные, техника же военная, по дискам не скажу, но можно и перебортовать, даже я это умею, труд не велик. Привезти в Углегорск как есть, а уже там, в безопасности, все и сделать.

– Ладно, ты у машины карауль, – сказал я Федьке. – А я буду колеса катать.

– Давай.

Он бегом, топая по бетонному полу, побежал к выходу, а я, натянув прихваченные рукавицы, взялся за первое колесо для «шнауцера». Поставил стоймя и покатил, слушая, как стучит могучий протектор по полу. Серьезное колесо, таким только грязь и месить.

Работа была несложной, но долгой, да и большие колеса все время норовили то набок завалиться, то катиться куда не надо. Но ничего, справился, хоть и запыхался. Федька все это время стоял в кузове, пыхая папироской и постоянно оглядываясь. Все правильно, мелкий мандраж меня так и не оставлял, я на любой темный угол оглядывался и своего же эха пугался. Мрачное здесь место, совсем мрачное. А как посмотришь в сторону Тьмы, так мурашки по спине и аж передергивает. Быстрее бы уже отсюда выбраться, но это так, мечты, еще весь шиномонтаж впереди.

Была и радость – вполне нормальная треугольная жесткая сцепка нашлась прямо в складе, лежала она прямо на полу у выхода, на самом виду, не пропустишь. Когда я подтащил ее к «Блицу» и с грохотом забросил в кузов, Федька там от радости чуть чечетку не сплясал.

Потом пришлось шариться по полкам, искать аккумуляторы, которые были целыми, но безнадежно разряженными. Правда у запасливого Федьки нашлась и дистиллировка, и даже кислота, так что смутные надежды на возрождение можно было питать, так ничего не лопнуло вроде и клеммы выглядели прилично. На «корытце»-то пневмозапуск особо не поставить, как мне кажется, это мне или ручку вечно крутить, или все же батарею подобрать. Поэтому взял несколько, сразу с десятков, вдруг что задышит.

Закинули колеса со всем остальным в кузов, отдышались, покатали обратно к боксам, где их и выбросили.

– Федь, я начал, ты караулишь, – сказал я, перебирая инструмент в ящике и вытаскивая оттуда массивный домкрат. – Потом меняемся, но только если я попрошу, главное карауль. Аккумуляторы только залей, вдруг что получится.

– Не вопрос, – кивнул он и добавил: – Я потом на крышу залезу, так

надежней будет.

– Ага, хорошая идея, – одобрил я.

Когда машина стоит на подпорках, монтаж колес становится занятием несложным и даже довольно быстрым. Колеса «شناوцера» были тяжелыми, но сильно ворочать их не требовалось, только поднять да на шпильки посадить, чуть наживив гайки. Единственная трудность возникла, когда я обнаружил, что одна запаска не похожа на другие колеса, вроде как «докатка». Почесав в затылке, сообразил, что сзади вешали не автомобильную запаску, а от буксируемой противотанковой пушки. Хотя нормальная по размеру тоже влезает. Если бы для себя, то я бы сейчас же сбегал на склад, поменял, но поскольку на продажу, то и так сойдет. Потом привезем, в другую ходку.

– Вов! – послышался голос Федьки сверху.

– Чего?

– Шевелись давай, я вроде чего-то видел.

– Что видел? – чуть не подскочил я, хватаясь за карабин, лежащий рядом.

– Тварь какая-то на станции, темная. Далеко пока отсюда и вообще мимо чесала, но все же шевелись, лады?

– Я почти закончил со «شناوцером», сейчас к «корыту» перейду.

Действительно, все колеса стояли на своих местах, включая запаски, а я с стоял у капота, разглядывая на удивление плоский мотор и прикидывая, куда втыкать аккумулятор, потому как места для него не было. Нашлось оно позже, под водительским сиденьем, куда я его и приткнул после недолгой возни.

Пришлось вкрутить свечи, которые тоже хранились отдельно, поставить на место провода, да и не только, возился минут тридцать еще. Но закончил.

– Федь? – крикнул я, выглянув из ворот и задрал голову.

– Ась?

– Давай, слезай, попробуем заправить и завести.

Хорошо, что расстояние от боксов до стенки здания напротив было большим, хватало для того, чтобы тягач подать и на тросу молчащую машину выкатить. Руль شناуцера – большой, толстый, с кольцом сигнала, крутился туго, приходилось прикладывать все силы. В недрах машины что-то скрипело, щелкало, колеса еле проворачивались. Но как-то выехали, хоть я окончательно умотался.

– Готов? – крикнул Федька из кабины «Блица».

– Готов! – ответил я, поворачивая барашек зажигания и врубая первую

передачу. – Тащи!

«Блиц» рыкнул, плюнул в меня вонючим дымом, и дернул вперед. Трос натянулся, щелкнул, выпрямляясь, напугав меня, затем «шнауцер» сдвинулся с места и начал набирать скорость. Так, ну можно и сцепление отпускать понемногу. Пошло ту же, с содроганиями, скрипом, что-то провернулось внутри, скрипнула резина, затем мотор вроде подхватился, чихнул, снова замолк, опять зачихал...

Завели. Два круга сделали по всему складскому двору, но завели. С троем, с дрожью, дымом и скрипом, но машина поехала самостоятельно. А потом даже заработала ровнее, и дыму поубавилось. Нажал на сигнал, послышалось вполне добротное «би-би», после которого Федька остановил грузовик.

– Нормально, отцепляем, теперь пусть на холостых молотит! – крикнул я, радостный донельзя.

До боксов «шнауцер» действительно своим ходом дошел, и даже рулевое как-то разработалось, стало легче крутить, хотя по идее там бы точки смазки поискать... Но ничего, авось дойдет до города, и там в Горсвете, например, под придирчивым взглядом Василь Ивановича... Да куда он тогда денется, «шнауцер» этот.

– Федь, давай взад на крышу, следи! – крикнул я, останавливая свою причудливую машину у бокса с «корытцем». – Я за вторую взялся.

– Понял, но смотри, до темна не так уж долго, – сказал Федька, выбираясь из кабины на подножку.

– Сколько у нас?

– Часа два, – уверенно сказал он, кинув взгляд на часы. – Если верст на двадцать-тридцать к югу отъедем, светлеть начнет, а так Тьма еще и темноту притягивает.

– Ага, я понял, ты тогда сразу сцепку закрепи, а потом на караул лезь, – сказал я.

«Корытце» с каждой минутой мне нравилось все больше и больше. Я такую машину раньше даже на картинках не видел, попадался американский «форд», который амфибия, но выглядел тот массивно и неуклюже, а это – как пляжный багги, прикольная машина, вот ей-богу!

Ладно, начнем с колес, это самое главное. Тут все проще, они и не тяжелые, как у артиллерийского транспортера фирмы «Крупп», а типа как от «Нивы», только позубастей. А потом уже все остальное.

К этому времени с домкратом и подставками справляться наловчился, лишних движений не делал, так что работа шла быстро. Минут десять на колесо ушло, никак не больше. Встал, с облегчением выпрямив затекшие от

сидения на корточках ноги. Никогда не мог понять, как всякие азиаты и кавказцы так часами сидеть умудряются. Или им просто позу менять лень?

Откинул капот и хмыкнул – мотора под ним не было. Был багажник. Зато в багажнике нашелся, к моему невероятному удивлению, набор цепей на колеса и полный инструментальный ящик, я даже опешил. Машину в спешке сюда ставили, или просто не удосужились заглянуть? У «шнауцера» инструмент в складе хранился, вместе с резиной.

Ладно, если мотор сзади... аккумулятор где, кстати? Тоже ведь не пойми где, немцы любят так устанавливать, я еще помню, как в девяносто третьем купил БМВ «пятеру» и долго искал в ней аккумулятор – руководства не было, машина была левая насквозь. И только знающие люди показали место в багажнике.

Под сиденьями были какие-то ящички. Перегнувшись через борт, я открыл водительский, заглянул... Оп-па, а это что? Сумка кирзовая, грубая, с чем-то тяжелым внутри. Достал, открыл.

Точно, машину не проверяли, когда сюда ставили. А немец-водила, что на ней катался, был любителем трофеев. Новенький, заботливо завернутый в масляную бумагу ТТ. К нему два магазина с круглыми дырочками в боках, и пять пачек патронов. Этот немец из него и не стрелял ни разу, похоже.

Взял пистолет в руки, повернул к свету, блеснула холодная сталь сизым. Звезда на рукоятке, куда более удобной по форме чем та, которые были в моем «слое», за счет патрона другой формы, клеймо завода, номер, год выпуска – 1939. Ага, оно и видно, что не военный тираж, качество обработки ого-го, это потом было, что как напильником, приходилось видеть.

– Блин, это знак, – сказал я негромко. – Угадал я с машиной. А тебя дома очищу, заново смажу, кобуру куплю – и буду носить. Тем более, что больно уж боеприпас уважение вызывает, у нас такого не было.

* * *

– Долго еще? – в голосе Федьки беспокойство.

– А что там?

– Опять что-то видел, близко от нас.

– Заканчиваю! – засуетился я.

Я уже действительно заканчивал, уже чуть-чуть, минут на десять оставалось возни, я с тентом разбирался, как его правильно натягивать, не хотел, чтобы всю дорогу в салон *моей машины* летела грязь и лил мелкий дождик, который и не переставал. Кстати, «шнауцер» тоже бы закрыть надо, там тент есть, хотя там все равно в плащ-палатке рулить придется.

– Шевелись, давай!

Ничего, ничего, у меня тоже от близости Тьмы нервы уже плохо выдерживают и голова соображает через такт. Худое тут место, совсем худое, даже если не твари и не приближающаяся темнота, все равно дольше не выдержишь. Прямо чувствую, как что-то последние остатки душевной устойчивости вытягивает, как будто клещ какой-то, паразит зловердный к душе присосался.

С улицы донесся короткий всплеск мата, затем по металлической крыше забухали сапоги, трижды раскатисто треснули короткие очереди.

– «Пионеры»! – донесся до меня крик. – Тревога, мать ее!

С карабином в руках я мухой выскочил на улицу, огляделся. Федька сидел на боксах, прямо у меня над головой, указал пальцем в конец ряда – там на земле корчилось и мелко тряслось что-то темное.

– Двоих видел, второй смылся за тем углом! Будь готов.

– Блин, если в оборону сядем – точно застрянем, – с досадой сказал я. – Давай так, ты прикрывай этот проход, а я прямо туда попробую.

– Ну... давай, – кивнул Федька без заметной охоты, просто понимая, что в этом случае я прав, надо рисковать.

Прижав приклад к плечу и опустив ствол карабина, я побежал по проезду между рядом боксов и промкорпусом напротив. Хорошо, что там стена глухая, хоть за окнами следить не надо, а крышу промкорпуса Федька со своей позиции всю просматривает.

Тут до угла недалеко, метров двадцать всего, я мухой, я быстро... По большому кругу, ствол карабина на этот самый угол... Тварь на земле сдохла уже, вон темный «дымок» пошел, это все, это кранты... Где второй?

Я как почувствовал, что целюсь не туда, заранее, еще не видя цели,

вспомнил про то, что они по стенам как по земле... и когда все же увидел тварь, мой карабин уже смотрел на нее. Она сидела почти под самой крышей, распластавшись по стене, прижавшись к ней как кошка перед прыжком.

«Пионер» и дернуться не успел, как словил две пули, выбившие облачка Тьмы и вернувшие его в мир нормальной гравитации, и его тело с громким стуком и хрустом свалилось в сухой бурьян, что густо растёт под стеной. А там я всадил в него ещё две, норовя попасть в смутно угадываемую голову, и видимо все же попал, потому что существо замерло неподвижно. Затем, после паузы, добавил ещё одну, не знаю зачем.

Огляделся... все. Вроде бы все. По крайней мере непосредственной угрозы я сейчас не вижу. А если не вижу, так не хрен и время терять. Повернулся и бегом бросился обратно.

– Завалил! – крикнул я, подбегая. – Других не видел.

– Это только пока, – с досадой сказал Федька. – Тьма почуяла, что мы их убили, тут же прямая связь. Скоро будут ещё.

– Тогда надо цеплять «швимваген» и валить отсюда со скоростью, допустимой для буксировки на жесткой сцепке, – жестко ответил я. – И не хрен панику поднимать.

Федька только брови поднял удивленно, но ничего не сказал, а просто спрыгнул в кузов грузовика.

– Сдавай задом помаленьку! – крикнул я, поднимая с земли свободный конец сцепки. – И меня слушай, без паники.

– А если тварь? – обернулся он уже с подножки.

– Останавливайся и отбивайся, не суетись, а то ещё и меня задавишь.

– Лады, понеслось дерьмо по трубам!

Опель, круто завернув, закатился задом в самый бокс. Дальше не надо, все равно не попадем, так что я заорал:

– Стой! Нормально! Давай сюда!

Дальше «корытце» толкать надо, один не смогу, хоть и легкое – прикипело там все, надо с места стронуть сперва. Вдвоем тоже еле-еле сдвинули, но ничего, после хруста и щелчков легче пошло.

– Все? – крикнул все больше и больше нервничающий Федька.

– Все, погнали, – кивнул я. – Но погнали медленно и аккуратно, понял? Чтобы сами все свои труды не обгадить, обидно будет иначе.

– Сам темп задавай, – сказал он. – И мне так проще, когда буду видеть, что твоя раконога эта едет, а не отстала где-то, вылив воду с маслом.

– Как скажешь.

– Если что не так и кругом проблемы – бросай «шнауцер» на хрен и

перескакивай ко мне, понял?

– Ага, – кивнул я и переложил наган из кобуры на грудь, под разгрузку, там он сейчас нужнее будет.

Прогретый «шнауцер» тронулся с места легко на этот раз, покатил вперед, хрустя гравием, опель тронулся следом, почти вплотную. Блин, приборы какие пыльные, даже скорость не вижу... протер рукавом, вроде лучше стало.

За угол заезжал по большому кругу, крутя головой во все стороны, и заметил таки «пионера». Далеко, на крыше какого-то здания за пределами складского двора, но двигающегося наверняка к нам, тут уже без вариантов. Блин, как не кстати-то, а?

Чуть прибавил скорость, ворота впереди, но возле них никого, вроде. Прямо к ним, выходить не буду, бампером открою, и закрывать уже некогда, валить надо, валить отсюда...

Прицелился так, чтобы краями бампера сразу в обе створки, и в тот момент, когда поперечно висящий швеллер уперся в ворота, прямо на них сверху оказалась темная тварь. Гулко бухнуло, створки дернулись и не ожидавший такого «пионер» свалился вниз, прямо под правое переднее колесо транспортера. Хрустнуло противно, подумалось злорадно, машина немного подскочила и – выехала со двора.

Налево, тут дальше проще простого дорога, ни единого поворота... Тут не заблудишься, не перепутаешь, не свернешь куда не надо. Езжай только прямо, и скоро эта станционная промзона закончится, и потянутся вокруг поля...

Забибикал опель, привлекая внимание. Я оглянулся – Федька показывал куда-то налево рукой, лицо было испуганным. Повернувшись, я сам чуть не выпустил из рук мокрый под дождем руль – по земле, по стенам, по крышам, неслась, распластываясь в длинных, невообразимо легких прыжках, целая стая теней. Низких, гибких как кошки или даже ласки, каждая размером... с большую-большую собаку. И мчались они с невообразимой, на мой взгляд скоростью, может и не обгоняя нас, но и не отставая, постепенно приближаясь. Я всей кожей, всем своим нутром ощутил их взгляды, через которые вольно изливалась Тьма, их Голод. Настоящий, тот, который до костей, который глубокий и черный как черная же дыра, который силится поглотить все. Нет, это не животные и твари имеющие естество. Это создания чего-то такого, чья суть лишь в отрицании нас, нашей сути, нашего естества, нашего мира.

Страх накатил ледяной волной, словно ведро воды со льдом вылили за шиворот. Не выдержав, все же притопил педель газа, перекинул передачу

вверх. «Носатый» послушно прибавил, хоть и не слишком резко, и все же... и все же техника оказалась сильнее, существа начали понемногу отставать.

Взгляд на дорогу, разбитую и грязную, взгляд на них, снова на дорогу и снова на них. Руль так и норовит выскользнуть, брызги дождя залили очки, мешая смотреть, и ветер гонит мелкие капельки воды по маленьким стеклам перед глазами, которые еще норовят изнутри запотеть.

Увидев, что начали отставать, прыгучие твари наддали изо всех сил и пошли напересечку. Затрещал автомат, одной очередью, второй, третьей, хлестнуло по ушам невообразимым inferнальным визгом. Подхватив болтающийся на груди карабин, я кинул его цевьем на сгиб левой руки, кое-как удерживающей руль, и стараясь как-нибудь прицелиться, начал выпускать пулю за пулей в сторону бегущей стаи. Не знаю, попал или нет, но еще одно чудовище кувырнулось через голову, покотившись по земле, и осталось лежать.

«Гранату бы» – мелькнула мысль и сразу растаяла – какая к черту граната, как рассчитать момент взрыва на такой скорости? Гранатами сейчас только ворон пугать, толку от них ни хрена не будет.

Пустой магазин, как менять – понятия не имею, две руки нужны, отпустить баранку вообще не могу, даже второй вцепился. Почему сразу тент не поднял, почему сижу как дурак под дождем, мокрый испуганный и злой, не способный ни черта только разглядеть через залитые очки? К черту очки, нет сил так дальше ехать, нет тут никаких призраков, а если и есть, то они меня скорее настигнут, когда я поворот со столбом разглядеть не смогу.

Рванул их с головы, кинул прямо на пол машины, эх, пропади все пропадом...

Потом в стае что-то произошло. Это не выглядело никак. То есть вообще ничего не изменилось, но все же произошло, я сумел это ощутить, словно их током прострелило, словно разряд холода проскочил между темными тварями. Они отстали, как то все разом, словно лишившись сил, но одна из них, самая крупная, скакавшая первой, как вожак волчьей стаи, вдруг превратилась в стальную пружину, и рванула вперед, перемахивая через препятствия, канавы, ямы, кучи мусора.

Я еще и испугаться только не успел, если, конечно, было куда еще пугаться, меня и так почти колотило, как хищник вырвался вперед, прыгнул через залитую грязной водой канаву, оказался на дороге далеко передо мной, развернулся, чуть ли не перевернувшись в прыжке через голову, прижался к земле, ожидая меня.

– Да щас, губу раскатал, – прошептал я, втапливая газ и ожидая удара, готовый нырнуть за приборную панель, если тушу бросит через покатый

капот.

Раскатала губу не тварь, раскатал я. Существо легко, нереально легко оторвалось от земли и прыгнуло, и едва оно толкнулось ногами, я уже понял – оно не промахнется. Оно приземлится прямо на меня и будет рвать меня когтями в мелкие клочья через какую-то секунду. Единственное, что я успел сделать, это нажать на тормоз, нажать изо всех сил, в пол, срывая машину в скольжение юзом, но...

Этого хватило для того, чтобы тварь свалилась не на меня, а на покатый капот, отозвавшийся металлическим гулом. По нему заскребли невидимые в мареве Тьмы когти, раздался дикий визг, пасть, тоже невидимая, но ощутимая всей кожей метнулась ко мне в броске... и опять меня спасла машина. Покатый и скользкий капот «шнауцера» не дал твари толкнуться, она заскользила назад, невидимые зубы щелкнули в полуметре от моего лица, пахло Жутью и Голодом, смердящей разрытой могилой и изгрызенными костями, зубы отдернулись... а у меня в руке была уже рукоятка нагана.

Выстрел, второй... и так все шесть из барабана, один за другим, выбивая Тьму как пыль из шкуры твари, продолжая тормозить. Снова скрежет когтей по металлу, и с шестым выстрелом существо начало заваливаться.

Федьке не обязательно было сигналить для того, чтобы напомнить – останавливаться нельзя, настигнут. Отпустив тормоз, я вновь утопил газ, в самый пол кабины, ожидая стука от прокатившейся под днищем туши. И опять обманулся.

Тварь не сдохла. Она явно была ранена, но помирать и падать пока никак не собиралась. Каким-то невероятным изогнутым, перетекающим движением она вновь рванулась вперед и вверх, обратно, туда, откуда ее сбили пули, и словно молния, мне в голову ударила жуткая мысль о том, что барабан нагана пуст, как пуст и магазин карабина, и для того, чтобы их перезарядить, мне нужно столько же времени, во сколько уложится сейчас остаток моей жизни.

Черное существо передо мной пригнулось, еще буксуя задними ногами и пытаясь найти опору, и уже находя ее... Все же тело иногда соображает быстрее мозга. Я забыл про ТТ, который сунул недавно в карман, а моя правая рука о нем помнила. Помнила ощущение тяжелого холодного стального тела, его рубчатой рукоятки, ощущение соприкосновения с машинным маслом, которым было смазано оружие, ощущение тугого ползунка предохранителя.

В какой-то момент все замерло, замерло, вытянувшись в единую

линию, один конец которой бесконечно уходил в Смерть, а второй вел в Жизнь. И эти вектора наметились оскаленной мордой инфернальной твари, нацелившейся на меня, и найденным пистолетом у меня в руке, нацеленным на нее. Тварь напружинилась и в этот момент с дульного среза сорвалась первая, невероятно медленная, едва успевающая прикрыть меня от прыжка, вспышка. И следом за ней вырвалась вторая, узкая как лезвие кинжала, бьющего в Тьму, третья...

Тяжелый пистолет дергался в руке, выплевывая пулю за пулей, и все они попадали прямо в раззявленную невидимую во Тьме пасть, и где-то в глубине сознания я даже успел удивиться тем странным повизгивающим, жалким звукам, которое издает монстр передо мной каждый раз, когда пуля рвет его плоть.

Как должно было случиться – так и случилось. Существо упало, и тяжелый «шнауцер» проскочил по ней всеми тремя колесами правого борта, подскочив при этом так, что я чуть не вывалился из кабины. Опель торжествующе забибикал, и оглянувшись, я увидел воздевшего в жесте «Рот Фронт» кулак Федьку, чем ему и ответил, отчаянно понтуясь и хвалясь, и молясь чтобы не потерять сейчас сознание от страха и затопившего организм адреналина.

Можно немного сбросить скорость. Немного, но можно. Можно. То есть нужно, если буду так нестись, а опель за мной, то вскоре «тазику» придет конец, а... а он меня спас. Ведь действительно спасло, где был ТТ? Откуда он взялся? Нет, не зря я решил что это знак. Это даже не знак, это как письменное распоряжение сверху, с небес или не знаю откуда, выданное не намеком, а прямо под роспись, что мол «усвоил, вкурил, большое спасибо».

Вот так, так вот лучше, стрелка опустилась на «40». Этого достаточно, это в самый раз. И остановиться надо, я промок насквозь, мой «гаражный» комбинезон никак не защищает от дождя, даже если поверх всего остального натянут. Тент нужен. Плащ-палатка нужна. Или мне кранты.

Остановились мы через верст двадцать, а то и больше, снова в чистом поле, так, чтобы к нам ниоткуда не подобраться было. Федька чертом вылетел из машины, заплясал, заорал дурным голосом:

– Вован, а как ты его, а? Не, ну ты ваще орел, понял?

– А ты думал? – чуть погордился я, пробормотав это уже через стучащие от холода зубы. – Тент помоги натянуть, я ведь сдохну щас на хрен. У меня уже пальцы не разжимаются, блин...

– Заранее надо думать, – наставительно сказал Федька, но помогать взялся энергично.

Тент, комбинезон, мокрый как половая тряпка – долой. Плащ-палатку, уютную и непромокаемую, как надеваемый на себя дом, натянул – и чуть не перекрестился, ветер, пробивающий до костей, как отсекло. А ниже сапоги резиновые, там уже ничем не прошибешь.

Федька бегал кругами вокруг «شناуцера», заглядывал под низ, ложился, лез под капот, доставал щуп, потом сказал:

– Масло чутька гонит, но даже дергаться не надо, совсем немного. Даже уровень пока не понизился, до города точно хватит. Вода на месте, температура тоже на месте, так что проблем быть не должно. Как идет?

– Нормально, тянет хорошо, – одобрил я. – Как там «тазик» мой, пойду гляну.

– Давай глянем, – согласился он.

Будь на жесткой сцепке что потяжелее – вышла бы ему боком наша гонка с тварями. Но у этого маленького и легкого автомобильчика разве что немного погнулся крюк, да краска вокруг него ободралась. И больше, на первый взгляд, ничего. Я похлопал его по лежащей на передке запаске и сказал:

– Не, брат-тазик, я теперь тебя не брошу. Это уж хрена.

* * *

Эх, плащ-палатка прорезиненная, памятник тому, кто тебя первый придумал, с большим капюшоном, просторную и длинную, до самых пят. Разве что руки торчат через прорези и рукава мокнут, если этими самыми руками баранку крутишь, так не все же время – сверху тент, если и брызгает, то теперь только сбоку, ветром наносит. А учитывая, что стограммулечку из федыкиной фляжки хлебнул, чтобы от назойливой дрожи избавиться, так даже и потеплело немного, на душе повеселело.

День вернулся, как Федька и обещал, когда мы от Порфирьевска отъехали. Снова начало светлеть, если конечно мутный пасмурный осенний день можно вообще как-то сопрягать со словом «свет» в одном предложении, ну и всякие попытки порвать нас в клочья прекратились. Ехали себе и ехали по не такой уж даже разбитой дороге. Место, где ее размыло, снова преодолели аккуратненько, при этом «шнауцер» немного напугал меня, вроде как собираясь застрять, после чего я решил, что и правильно, нафиг он мне такой нужен, городу отдам. Полный привод мне нужен, а не этот загадочный. Только и радости в нем, что покатый капот, с которого всякая тварь соскальзывает.

К сумеркам выбрались на дорогу к Углегорску, и я даже настолько расслабился, что сожрал бутерброд с сыром – в брюхе уже свирель играла напропалую. Затем увидел нечто интересное и даже удивившее – по дороге катил ГАЗ-67, в котором сидели три мужика в брезентовых штормовках и с мосинскими винтовками, а на прицепе лежала туша огромного кабана-секача, с одного бока сильно подмоченная кровью. Охотники. Не, ей-богу охотники, тут можно не только от темных тварей убегать, но и на кабанов охотиться. Мне после нашей поездки то каким-то невероятным чудом казалось.

Машины не сговариваясь собрались в колонну. Все правильно, по всем видно, что не засада – у этих добыча, нас всего двое и авто на прицепе, так что бояться друг друга незачем, а ехать дальше безопасней.

Потом и город показался, его разгромленные и мрачные окраины, оплывающие грязью и плесенью под непрерывным дождем. В одном из переулков увидели опорный пункт из машин Горсвета – коллеги. Полоса отчуждения и – КПП, как почти что финиш, как граница безопасности.

Дрогнули ворота шлюза, запуская всю нашу колонну целиком. Из сухости и теплоты бетонного укрепления вышел наряд, закутанный в плащ-

палатки. Командовал уже другой сержант, не тот, что с утра досматривал – караул сменился.

Посмотрели по журналам, когда выезжали, отметили что обратно вернулись. Потом все возле «тазика» сгруппировались, при этом один из бойцов – смуглый мужик лет тридцати цыганистого вида рассказывал остальным:

– Плавать – половина дела, она по грязи лучше «газона» и «виллиса» чешет, атас шарабан. И бензина всего ни хрена жрет, там же моторчик от «жука», да еще старого.

Пока наряд заглядывал в кузова и ящики, я спросил у Федьки:

– Куда гоним все хозяйство?

– Амфибию свою хоть сразу себе забирай, если с ней проблем не будет, а «шнауцер»... а на Крупе пока поставим, и в Администрацию зайдем, в отдел матснабжения. Может сразу и продадим.

– Прямо так сразу? – удивился я.

– Не, бабки позже, их на счет зачислят и расчетки выдадут, но любому на ответственное сразу возьмут, вещь-то ценная.

– Не обсчитают?

– Не, не водится за ними, тем более, там на приемке пацан один, Ромка, он... ну ты понял.

– Ага, понял, – кивнул я. – Волшебное слово «откат» здесь тоже пустило корни?

– А где оно не пустило? – вздохнул притворно Федька. – Люди как люди кругом, все жить хотят.

– Сколько дадут-то?

– Да... тысяч десять, как я думаю. Косарь возьмет... сам понимаешь, остальное дербаним. Как?

– Вполне... – с уважением к сумме кивнул я, поскольку уже начал понемногу ориентироваться в местных ценах.

Досмотр закончился, в журнал снова вписали нас, равно не забыв отметить, что прибавилось два транспортных средства, после чего пропустили.

Настроение уже поднималось от спокойного к праздничному, я только сейчас, проехав последние ворота, осознал окончательно, что наша сумасшедшая вылазка закончилась полным успехом. Мы целы, мы действительно притащили машины, одна из которых, «шнауцер», еще и на ходу, я и сам теперь при машине, мне светит неслабая премия, приближающаяся к моему годовому заработку, и... и вообще мне можно строить личную жизнь. Именно этот факт и превращал радость в настоящую эйфорию.

Наш приезд к НКВД никакого внимания не привлек и фурора не произвел. Федька побежал в здание искать знакомого эксперта Рому, а я отцепил жесткую сцепку от его опея и с грохотом закинул в кузов. Тоже ведь полезный трофей, еще не раз, небось, пригодится.

– Федька появился минут через десять, сказал:

– У него люди, спустится как сможет.

– Конструктивно настроен? – уточнил я.

– А то! Аж zenки загорелись, баки почуял.

– Давай «швимма» запустим пока, чего так топтаться?

– Можно... кстати, попробуй «шнауцер» заглушить, посмотрим, чего с батареей делается.

– И то...

Заскочив в кабину, я вывернул тумблер зажигания, тот, что вместо ключа. Мотор пару раз чихнул и затих, причем я так уже привык к его звуку, что стало как-то странно.

– Давай, запускай, – кивнул Федька.

Я ожидал чего-то вроде слабого проворота двигателя или щелчков реле, но... тут и вправду, видать, время странное – автомобиль завелся если не с полтычка, то все равно легкою.

– Обана! – аж хлопнул в ладоши Федька. – Ты понял, а?

– Ты про это? – показал я на выстроившиеся в кузове «Блица» аккумуляторы, накрытые брезентом.

– Ага, – кивнул он, довольный, словно торт сожрал. – Ты знаешь, сколько такая батарея стоит? Меньше двух «каты» не дают, понял? У нас в кузове еще минимум на полтора косаря, это блин... А там еще есть ведь, так?

– Так, – кивнул я.

– Завтра не поедет, – сразу сказал при этом Федька.

Я желанием завтра ехать туда снова не горел, если честно, я с Настей хотел день провести, да и новоселье устроить, но все же спросил:

– А чего так?

– Мы там сегодня все взбаламутили, завтра тварей много будет. Выждать надо, причем с пару недель. Отдыхаем. В местечко попроще в следующие выходные сгонять можно, а можно и не гонять – хорошо выступили сегодня, на отдых заработали.

– Как скажешь, тут ты за главного, – кивнул я, на самом деле довольный до невозможности. – Ну чего, покатаем «тазик», позаводим?

– А хрен ли нам, красивым? – усмехнулся Федька и полез за тросом.

«Специалист Рома» появился из здания НКВД тогда, когда

«швиммваген» захичал движком, плюнулся дымом и неожиданно ровно замолотил. К тому времени мы были уже не одни, а на крыльце топталось с полтора десятка любопытных, вышедших вроде бы покурить, да так и оставшихся. Когда пуск состоялся, они засвистели и загикали, им вроде как представление получилось.

Под их аплодисменты я описал пару кругов по площади, попутно поражаясь резвости автомобильчика с таким маленьким мотором, а затем подкатил к Федьке с экспертом, беседующих у «шнауцера». Рома был невысоким, полноватым, белесым, с толстым носом и маленькими глазами. Одет был прилично и тепло, овчинная куртка под горло застегнута и шарф намотан так, что аж щеки поднялись.

– Вов, – сказал Федька. – Надо на горсклады отогнать «носатого», там проверят. Как сделаем?

– Ну... «тазик» глушить не буду, на нем обратно доедем, а ты давай туда за руль, – предложил я.

– Давай, так и сделаем. Рома, залезай.

Рома с готовностью вскарабкался на пассажирское место шестиколесного транспортера, Федька тронул тот с места.

К складам я раньше не ездил, не было okazji – они находились на противоположной Горсвету окраине жилой части Углегорска. Проехали по Советской до самого упора, выехали на просторную и грязную Площадь Коминтерна, обогнули старое трамвайное депо, в котором теперь разместился разведбат, и выехали к самим складам. Вблизи они представляли собой зрелище весьма впечатляющее, чем-то даже Бутырскую тюрьму напоминали – мощная стена, причем старой кладки, интересно, что было за ней раньше, по ней сверху колючка, намотана так щедро, что кажется мышь среди витков проволоки не пролезет. За стеной вышки, на вышках пулеметы, легкий танк за ограждением из бетонных блоков пристроился прямо за решетчатыми воротами, и целая прорва охраны, как бы не половина комендачей здесь ошивалась.

А вообще что я удивляюсь? Эти склады по факту даже местную валюту в виде «расчетов» обеспечивают, сюда что поступило – то оценили и к бюджету администрации приписали цифры – достояние города. Это как местный золотой запас, сюда все ценное волокут.

В ворота мы и соваться не стали, к радости моей, потому как я представил мучения с пропусками на вход и выход, как всегда в таких местах бывает, так аж заскулил мысленно, а заехали на территорию поменьше, притулившуюся сбоку к основной – двор, за ним большой гараж с ямами. Сверху вывеска «Администрация Углегорска. Отдел приема

складов Горимущества». Эксперт Рома выскочил из машины, забежал внутрь через калитку, и вскоре вернулся с немолодым мужиком в черном комбинезоне, который начал открывать ворота.

Федька закатил туда с «носатым». Я как не собирающийся сдавать машину, думал подождать на улице, но Рома махнул рукой и мне, «заезжай», мол. Ну и ладно, мне проще, хотя «тазик» погонять бы надо поактивней, накачать заряда в немощный аккумулятор.

«Шнауцера» сразу загнали на яму, с ним взялся возиться как раз тот самый мужик в комбинезоне и молодой парнишка с собранными в хвост волосами и в шапочке «гандонке». Рома же позвал нас в конторку, пристроенную к гаражу. Они с Федькой сразу направились туда, а я все же заглянул в гараж и крикнул мужикам:

– Машину мою не глушите, ладно? А то не заведу потом, аккумулятор заряжаю.

– Лады, не бзди, – откликнулся молодой.

Хотел сказать ему грубость, но не стал и пошел следом за Федькой.

В конторке было тепло, даже жарко, и я, так до сих пор толком не согревшийся, мгновенно сомлел, аж в сон потянуло. Но зато так хорошо стало, что словами не описать, я сразу к теплой печке придвинулся и спину грел. Затем, подумав, вытащил из противогазной сумки брошюрку Милославского и поискал в глоссарии, кто же за нами гонялся там, в Порфирьевске? Оказалось, что некие «гончие», отличающиеся свирепостью, скоростью и невероятными прыжками, что и демонстрировали. А заодно нашлась разгадка ускорения их вожака: «Стая способна обмениваться энергией, усиливая вожака и наиболее сильных хищников за счет слабых, давая возможность догнать, например, людей в машине»

Радовало то, что случаи появления «гончих» в городе можно было по пальцам одной руки пересчитать, чаще всего их замечали на границах областей Тьмы.

Рома заполнял какие-то бланки, уточнял данные, которые исправно выкладывал ему Федька, старательно вводя в заблуждение по поводу расположения склада, перекладывал копирки, сверялся с какими-то книжками – работал, в общем.

– Во сколько приблизительно оцените? – спросил Федька лениво, когда тот отложил, наконец, свою писанину и дал нам расписаться в акте приемки-передачи.

– Десять-двенадцать, если навскидку, – сказал тот и кивнул головой в сторону гаража: – Тут важно, что Свистунов скажет, вторая подпись в акте

у него.

Посмотрел он при этом так выразительно, что я понял две вещи сразу – Рома опасается быть подслушанным, и у них с этим самым Свистуновым здесь неплохая кормушка. Сколько Рома получает? Как мы, рублей триста в месяц? И то хорошо, может и меньше, а с двенадцати тысяч они на двоих двенадцать сотен сшибут – неплохо, жить можно. И в общем не так уж терзает городской бюджет, у любого оценщика всегда «вилка» есть – этому по минимуму оценил, а этому по максимуму. Сказал десять-двенадцать – значит будет двенадцать, а нам на руки одиннадцать – всем сплошная выгода. Ничто не ново под Луной, и даже в этом, худшем из миров.

«Тазик» мерно молотил двигателем на улице, и Рома, обратив внимание, спросил:

– Себе взял или на продажу?

– А что? – поинтересовался я на всякий случай.

– Да если на продажу, то покупателя найти могу, – пожал он плечами с деланным равнодушием. – За нормальные деньги.

Почему-то по выражению его лица мне показалось, что сам Рома и намерен выступить за таинственного покупателя, больно уж маслеными глазками он на «швиммваген» все время поглядывал. Приносит ему доход работа, наверное, позволяет себе... А что, машинка с виду скромная, вроде как страсть к откатам в глаза бросаться не должны.

Но тут проблемка – я «тазику» обещал не расставаться, да и мне самому автомобильчик нравился. Пусть сидения простенькие каркасные, пусть обстановка такая спартанская, что дальше некуда, а бежал он бодро, через колдобины переваливался легко, да и тонкий небольшой руль после «носатого» было крутить очень легко – «запорожец», да и только. Даже звук похож.

– Не, продавать не буду, это под себя, – сказал я к роминому разочарованию.

Федя посмотрел на меня задумчиво, потом на Рому, сказал:

– А на фига тебе амфибия? Ту куда на ней плавать собираешься? «Кюбеля» себе бы взял, за глаза хватит. И дешевле обойдется, небось.

– А где его взять? – вздохнул тот. – У кого «кюбель» есть, тот его хрен продаст, на бензине чистая экономия. А что другое мне не по карману, в общем, если только совсем руину какую.

Последняя фраза прозвучала не искренне и то, как я думаю, с прицелом на возможные скрытые микрофоны.

– Можно «кюбель» поискать, есть одна наколка... – сказал Федя, глядя тому прямо в глаза. – И состояние как раз такое... так себе, но ездить будет,

подшаманите.

При этом Федя продемонстрировал жест, никак не соответствующий сказанному – показал оставленный большой палец. Рома воздел светлые бровки, затем кивнул, вроде как задумчиво...

– Ну, если будет возможность, то меня не забывайте. Может как-нибудь в рассрочку договоримся, частями выплачу, с зарплат. Ну и накопил что-то, два года на машину собираю.

Диалог начал было забавлять, но быстро сошел на нет – тема исчерпалась. Я так понял, что Федя имел ввиду тот самый «кюбель», что стоял в одном боксе с «тазиком», и с его помощью он намерен навсегда укрепить дружбу с оценщиком Ромой.

Вошел в конторку Свистунов, вытирая руки грязноватой тряпкой, сказал:

– Ром, первую категорию смело пиши, хранилась хорошо. Под замену сальники кое-где, и то не пожар. Никаких особых замечаний. Аккумуляторы тоже приличные, зарядятся. Берем все. Вот тут я расписал про них...

Он выложил на стол какую-то бумажку. Рома кивнул солидно, снова что-то почеркал в акте, пощелкал лежащими на столе счетами, вписал результат, затем дал расписаться этому самому Свистунову, после чего сказал, обращаясь уже к нам:

– Машина оценена в одиннадцать тысяч девятьсот рублей, по аккумуляторам разблюдовку приложил, всего тысяча четыреста двадцать целковых. Расписывайтесь.

– А когда, простите, можно деньги получить? – очень тонко намекнул Федя.

– В следующий понедельник приходите в нашу бухгалтерию, – сказал Рома, убирая все свои бумажки в папку и протягивая Федьке копию акта. – Второе окошко, все будет готово. Обрато отвезете?

– Без проблем, – сказал я, поднимаясь.

* * *

– Эва, гля какой! – сказал механик Серега, поднимая шлагбаум и пропуская меня на аэродром. – Где взял?

– Где взял, там больше нет, – сказал я и засмеялся: – Правда нет, один был такой. За Митино катались, там нашли.

А что? Порфирьевск вполне себе за Митино находится, ни в одном слове не соврал.

– А сюда на нем женихаться приехал? – подковырнул он.

– Ну что ты своими грязными механическими граблями в чужую личную жизнь? Приехал и приехал.

– Ну, заходи, раз приехал, Настя в дежурке с бумагами какими-то сидит, остальные уже по домам двинули.

– А ты чего?

– А я в ночь сегодня.

«Тазик» встал рядом с АР-43, оказавшись совсем маленьким даже на фоне этой отнюдь не слишком большой машины, и теперь я его вполне смело заглушил – аккумулятор воскрес, покатав нас с Федькой по всем адресам, куда нам было надо.

Самолеты были внутри, ворота закрыты. Настю я действительно нашел в дежурке, сидящей над стопкой каких-то бумаг, больше всего напоминающих счета. Услышав как я вошел, она вскинулась, заулыбалась, потом вроде как нахмурилась.

– А я уже ждать перестала. Ты вообще как, а? Совесть есть?

– Ну как, пока туда, пока обратно, пока здесь все сдали... и прямо сюда. Честно говоря, думал, что ты уже уехала.

– И ты с этим смирился? – удивилась она, встав и положив руки на пояс, как бы демонстрируя готовность высказать все, что думает.

– Я решил сначала в этом убедиться, и лишь потом вырабатывать определенную позицию, – соскочил я с прямого ответа.

– Вот как? Ну-ну, – сказала она сурово, но сразу засмеялась. – Ладно, как вы? Удачно?

– Не то слово, – расплылся я в самодовольной лыбе. – И доход, и транспорт, и вообще я теперь жених. И куда-нибудь приглашаю.

Она с сомнением посмотрела на свой наряд, затем сказала:

– Сначала переоденусь, так не пойду.

– Но принципиальных возражений нет?

– А с чего им быть? – вроде как даже удивилась она. – Кстати, ты уже переехал?

– Пока нет, да что мне переезжать? Нищему собраться – сама знаешь, одна сумка с вещмешком.

Она подошла к овальному зеркалу, висящему на стене, распустила хвост и начала причесываться, с трудом протягивая расческу сквозь густые волосы.

– Я чего-то не поняла..., – заговорила она сквозь сжатые губы, которыми удерживала «хвостовой» шнурок. – Ты собрался меня сегодня соблазнять, а еще не переехал?

– По пути тормознем, я за мешком забегу, а то боялся, что ты уедешь, торопился.

– Угу, – кивнула она. – Оно и видно. Ладно, свяжешься с таким как ты – небось и не к такому обращению привыкнешь. Поехали за твоим мешком, потом меня переодеваться завезешь. Нет, ну ты кавалер или кто? Мне там тебя еще ждать?

– Давай сначала тебя завезу и метнусь к себе, мне там две минуты всего нужно, – предложил я.

– Понятно, а я, значит, час буду собираться? – фыркнула она. – Пошли.

Реакции на «тазик» я ожидал всякой, но, к радости моей, он Насте понравился. Понравился дружелюбным видом, почти противоестественным для военной машины, и забавными натяжными сиденьями, и даже своими компактными размерами. Не слишком понравился разве что способ залезания внутрь, особенно под натянутый тент, но мне он нравился еще меньше – у меня с ростом все в порядке. Еще внушало в преддверии зимы опасение отсутствие печки, но ее не было ни в «виллисах», ни в «газиках» и на в каких других маленьких военных машинах. Одеваться будем потеплее.

«Тазик» замолотил своим моторчиком и резво покатыл по Краснопролетарской, объезжая лужи и подпрыгивая на колдобинах, отчего лучи его фар метались по стенам и деревьям.

До Настиного дома было недалеко, и я высадил ее у самого подъезда, выслушав предупреждение:

– У тебя тридцать минут, чтобы быть здесь со всем своим барахлом, понял? Бибикнешь.

– Понял.

Поскольку временные рамки были отпущены мне не слишком щедро, пришлось «давить гашетку». И здесь машинка тоже в грязь лицом не ударила, неслась резво, привлекая внимание задорным тарактением.

В общагу влетел бегом, прошел «фонарный тест», проскочил через решетку. Бегом, прыгая через две ступеньки, взлетел на третий этаж.

Федьку я нашел в комнате, сидящим на кровати и пришивающим пуговицу на рубашку. Увидев меня, он спросил:

– Чего задумал?

– С чего ты взял, что я задумал?

– А рожа такая..., – пояснил он.

– Переезжаю, – сказал я, вытаскивая вещи из шкафа и распихивая их в сумку и вещмешок. – Квартира же есть какая-никакая, что в общежитии сидеть?

– С девушкой-пилотом?

Я пожал плечами. Вроде «девушка-пилот» прямо сказала, что собирается со мной, но пока такого не произошло, а случиться может что угодно. Не сглазить бы излишней самоуверенностью.

– Ладно, неважно, – сказал он. – Сегодня что делать собираешься?

– Ужинать пойдем. Развлекаться. Веселиться. Дальше видно будет.

– Ага, – кивнул он. – У меня планы примерно такие же, в шашлычку точно зайду. Зайдем даже, если быть точным.

– Не один? – уточнил я.

– Надеюсь, – уклончиво ответил Федька.

Или вправду не уверен, или суеверный вроде меня.

– Тогда мы тоже с шашлычки начнем, – сказал я, затягивая лямку вещмешка и откидывая его на кровать. – Тебя подкинуть куда?

– Не, я на «опеле» поеду по-любасу. Не люблю своим ходом шлаться, когда в загул собираюсь, страшновато.

– Кстати, Федь! – спохватился я. – Я тэтэшник нашел новенький в машине, как его официально теперь таскать? А то правил не знаю.

– Да никак, – пожал плечами Федька. – Сунь в кобуру и таскай, в чем проблема?

– Не, я о том, что у меня в удостоверении наган записан, с ним как? Сдавать?

– Не, просто не потеряй, да и все. Записан потому что казенный, а носить его или нет – твое личное дело. Кстати, я еще там заметил, что у тебя пистоль вроде, да забыл спросить. Где нашел?

– Прямо в «тазике», под сиденьем, – честно ответил я.

– Повезло, – одобительно кивнул Федька. – Это прям как на счастье. Тэтэшники здесь в цене, их и не продают, патрон могучий, правда отдача такая, что по мне «парабеллум» или «вальтер» даже поудобней, наверное. «Хай Пауэры» здесь народ очень ценит, и магазин большой, и надежность.

– Это я заметил, – кивнул я. – Но «гончую» из тэтэшника я все же

расщелкал.

– Ну так, а как же еще? Кстати, немецкие пули вроде хуже наших, эрзац какой-то из прессованного порошка в оболочке, но есть моментик – если такой сблизит попасть, то куда там твоему «дум-думу», все на фарш переводят, так что их у нас в Горсвете еще и поэтому любят.

Так, теперь переодеться по-быстрому, а то я до сих пор так, в чем ездил, в ресапах и галифе, с дамой в кабак – ой не надо. Всунул в новые штаны, натянул ботинки, вроде тяжелые, но после сапог чуть не пушинками показавшиеся, свитер... нормально, уже прилично. Куртка – и все, кругом кавалер.

– Федь, как тут с общагой при выезде быть?

– Нурик уже свалил, наверное, – сказал Федька, глянув на часы. – Уже дежурный за главного. Завтра сдай тогда койку свою, да и все. И на работу новый адрес дай, для оповещения на случай тревоги.

– Понял. Ладно, почесал, увидимся.

– Если вдруг разминемся сегодня, то завтра меня здесь найди, хорошо? – попросил Федька. – Надо прикинуть, чего и как у нас дальше.

– Лады, почесал.

И почесал, само собой. Выбежал на улицу, уже привычно выматерившись, когда ветер бросил в лицо мелкие холодные капли дождя, закинул свои узлы в машину, у которой уже стояли двое парней из общаги, с любопытством разглядывая.

– Как тачка? – спросил один из них, со знакомым лицом, кажется из первой группы, мы у них смену принимали.

– Жрет мало и едет везде, – кратко описал машину я, усаживаясь за руль.

К Насте не опоздал, библикнул минута в минуту, как обещал. Вскоре дверь парадного распахнулась, выскочила она и Лена – соседка по квартире.

– Вов, Ленку подвезем? – спросила Настя, закидывая в машину объемистую сумку. – У нее тоже свидание.

– Куда? – спросил я, в очередной раз поднимая тент, чтобы в «тазик» можно было залезть.

Заодно покосился на сумку. Интересно, это то, на что я надеюсь, или что-то другое?

– В шашлычку, Пашка будет там, – сказала Лена.

– Без проблем, – кивнул я. – Поехали?

Сейчас, крутя баранку «тазика» я сам себе удивлялся, и чего это я еще пару дней назад даже машину здесь иметь не хотел? Вон оно как удобно, и

по темноте не боязно, не то что еще вчера утром, когда я собирался бежать от аэродрома до общаги с карабином наперевес, ожидая нападения из-за любого угла. Не то, чтобы сейчас его ожидать нельзя было, но кинуться на меня уже не так просто – и сбежать могу, и даже задавить.

Было темно, но еще не слишком поздно. В кругах света у парадных местами стояли люди, разговаривали и смеялись, заведение под названием «Пивная», судя по тому, что удалось разглядеть через зарешеченные окна, была вообще забита – люди плечом к плечу стояли за высокими столами, и «Би-Боп», местного джаз-клуба, кучковались машины, да и у других заведений их тоже хватало, несмотря на будний день – детей нет, ничто не держит людей дома, а где еще, как ни в кабаке, проще всего забыть об окружающей действительности? Вот и я сейчас тороплюсь смазать воспоминания о сегодняшней нашей поездке, превратить их из тех, от которых мороз по коже, в байку, в такую, какую принято за кружкой пива друзьям рассказывать: «И прикинь – эта хрень мне прямо на капот сигает! Я чуть в штаны не навалил, крест на пузе! Га-га-га!»

– А! Настя, Лена, Володя! Гамарджоба! – приветствовал нас Шалва, вздев толстые руки в жесте невероятной радости. – Рад, хорошо, что зашли. Сейчас как раз свинку разделали, лопатку на шашлык пустили, очень кстати.

Я огляделся – шашлычная была почти что забита, осталась пара столиков свободных, не больше. Поэтому спешно заняли тот что получше, ближе к стойке, потому что второй свободный был совсем на проходе.

Пока Шалва за стойкой принимал у меня заказ на еду, официантка быстро водрузила на стол морс, водку и «вступительный набор закусок» вроде неизменного сыра и солений. Так что когда я уселся, Настя успела взять инициативу в свои руки и налить смесь водки с морсом в стаканы.

– Ладно, дорогой, – сказала она. – Со счастливым возвращением, молодцы. Машинка понравилась, кстати. А завтра начну тебя учить... не забыл?

– Неа, не забыл, – помотал я головой. – Быть мне Чкаловым, нутром чую. Лен, Пашка когда ожидается?

– Скоро, – глянула она на часы, висевшие на стене. – Вот-вот подойдет. Часы висели как раз над входной дверью, и едва она произнесла эту фразу, как в эту самую дверь Паша и вошел. На этот раз увидел нас сразу, подошел, перецеловал дам, пожал мне руку и плюхнулся на лавку.

– Стакан мне дадут? – спросил требовательно.

– А ты чем его заслужил? – аналогичным же тоном спросил его я. – В наше тяжелое время стакан надо заслужить.

Вакантный стакан на столе был, и я его к Пашке придвинул.

– Я, в отличие от тебя, бездельника, сегодня на службе был, полноценный рабочий день.

– Это с чего это? – удивился я.

– А я теперь еще и за инспектора, между прочим, – сказал Пашка. – Строения объезжаем на предмет проверки состояния, как там к противодействию Тьме готовы. Ввели новые должности как раз после тех «пионеров» в кинотеатре, так что в отличие от тебя, у меня не три выходных, а два. Сутки, день отдыхаю, потом просто рабочий день, еще день отдыхаю, ну и опять сутки.

– Ну, может и правильно, – согласился я. – Так хоть польза от тебя будет, бездельника.

– Ну ты нахал, – засмеялся он. – Кстати, как скатались? Слух дошел, что машины притащили?

– Точно, – кивнул я. – Притащили. Одну сдали, одну себе оставил.

– С проблемами?

– Было немного, – ответил я. – Под конец «гончие» гнали целой стаей, еле вырвались.

Паша нахмурился, покачал головой.

– Это не «немного», – сказал он. – «Гончие» одни из самых паскудных тварей, от которых уйти – большое счастье. В разведбате недавно такие патруль порвали возле Лыково, это а границе Тьмы. Шесть человек, в пешем порядке деревню осматривали, так на них со всех сторон, до бронетранспортеров добежать не успели.

– Легко верю, – кивнул я. – Скорость очень впечатлила, даже не верится, что такое бывает. Особенно прыжки. Компьютерная графика какая-то, не может живое существо так скакать.

– А они и не факт, что совсем живые, – сказала Лена. – До сих пор толком не понятно, как они устроены.

– Не потрошили? – удивился я.

– Пытались, я думаю, – сказала она. – Толку-то? Там через Тьму ничего не видно, а когда она развеивается, так и существо испаряется. Руками щупали, воде как – что-то внутри есть, но много ты разберешь в перчатках и наощупь?

– Рентген? – предположил я.

– Их не берет, не прозрачные.

– Откуда ты такая грамотная? – удивилась Настя, посмотрев на подругу.

– Я же говорила, что раньше у Милославского на «ферме» работала,

потом в больницу перешла.

– Что за «ферма» у профессора? – спросил я.

– Десять километров от города, в бывшем железнодорожном депо вроде как исследовательский центр открыли, – сказал Паша. – Вроде экспериментальной базы. Пытаются выращивать там всякое, вот и прозвали «Фермой». А за городом потому, что всякое случиться может.

– А я и не знал...

Вскоре принесли шашлык, что вызвало немалое оживление за столом – есть хотелось уже всем. Накалывая кусок на вилку, я задумался, я затем спросил:

– Слушайте, а как получается, что тут вообще мясо есть?

– В смысле? – замерла с вилкой у рта Настя.

– В смысле того, что свинья сколько растет? Как мы стареем?

– Нормально она растет, – ответила Лена. – И собаки нормально, и кошки, и все остальное. И раны заживают у нас нормально, и насморк за неделю лечится.

Я помолчал, усваивая сказанное, потом снова спросил:

– Ну а как получается, что мы долгожители?

– Что-то со временем, – ответил Паша. – Только люди, больше никто. Мы... мы как-бы не совсем этому миру принадлежим, есть такая версия. И его время к нам относится не совсем напрямую.

– Погоди, старение ведь процесс физический? Так? – окончательно запутался я.

– Может и так, – кивнул он. – А может и нет.

– Милославский говорит, что физическое старение вторично, я его сама об этом спрашивала. – сказала Настя. – Мы стареем в силу какого-то нашего отношения с течением времени, а физические процессы под это уже приспособливаются. Поэтому рана зарастает нормально, а вот ребенок растет медленно. Потому что рост и есть старение, а заживление раны – просто процесс. Кстати, забеременеть здесь тоже очень трудно. Никто не предохраняется давно, а случаев единицы. Что-то не так с нами здесь.

– Есть еще момент, – заговорила уже Лена. – Беременная женщина, которая провела вблизи зоны Тьмы достаточно много времени, сутки, кажется, или больше, оказывается не беременной. Если на раннем сроке.

– В смысле? – не понял я. – Выкидыш?

– В смысле, что беременности словно и не было, – ответила она. – Вообще.

– Почему? – уже с мольбой спросил я, понимая, что уже вообще перестал что-либо понимать.

– Увидишь Милославского – спроси, – ответила она. – У него наверняка какая-то теория есть, а я не знаю. Но факт всем известный, хоть и тщательно скрываемый вроде как. Иногда на этом разведбат подрабатывает.

– В смысле? – повторил я свой «коронный» вопрос.

– В смысле, что если женщина залетела нежелательно, можно договориться, чтобы взяли в рейд, – ответила Лена. – Это не поощряется и стоит дорого, но реально.

– Наши тоже так халтурят, – добавил Паша. – Есть несколько человек.

– Это вообще как, преступление? – уточнил я.

– Если только против нравственности, – ответил он. – А вот вывоз гражданских в зону повышенной опасности – преступление. Которое предпочитают не замечать, но если с этим попадешься – штрафной отряд на полгода обеспечен. Кстати, шашлык офигительный сегодня.

– Ага, точно, – кивнул я, вцепляясь зубами в мясо.

* * *

Настроения провести весь вечер в компании не было, так что после ужина мы откланялись и поехали в «Би-Боп», где играл джазовый квартет из местных любителей музыки. Но хорошо играл, с фантазией, под них хотелось притопывать ногой и слушать, отставив в сторону стакан. Там было неожиданно неплохо, полумрак и уют, и даже напитки в баре при всей местной скудности выбора демонстрировали некое разнообразие, что делало честь фантазии барменов.

Клуб был полон, при этом Настя шепнула, что в зале в основном всякое городское начальство. Но это я еще раньше понял, когда увидел целый ряд легковых полноприводных «доджей» – верный признак начальства, возле которых стояла кучка хорошо вооруженных шоферов, больше смахивающих на телохранителей, дожидавшихся своих хозяев. В общем, тут все по правилам было – народу рюмочные, начальству – клубы.

Когда вышли из «Би-Боба», было уже далеко за полночь. Усевшись в машину, Настя спросила:

– Ты же выходной завтра, так?

– Выходной.

– Отлично, и у нас погода не летняя ожидается, так что спешить некуда. Выспимся...

Блаженно замурчав, она прижалась ко мне, а я с наслаждением обнял ее за плечи, поцеловав в макушку. Ну, вот и все, я счастливейший человек в этом мире. Это как минимум, а так может и во всех остальных мирах, всех слоях действительности в совокупности, вместе взятых. Тут даже спорить не о чем.

Доехали до нашего нового места, поставили машину под окнами, в рядок с тремя другими. Огляделись, убедились, что из темноты на нас никто бросаться не собирается, похватав сумки, быстро перебрались в круг света у двери, при этом рук с пистолетов в кобурах далеко не убирая.

Было слышно, как где-то негромко трещит генератор, питающий фонари. На звонок открыл дверь сам толстый одышливый комендант, явно еще не собиравшийся спать, одетый в военную форму без знаков различия, столь популярную у местных начальников малого ранга, пропустивший нас в тамбур, где тщательно, выдерживая все полагающиеся нормативы, светил нам в глаза настольной лампой, повернув ее шарнирный колпак. Лязгнув засов, дверь в решетке распахнулась, пропуская нас внутрь, и мы зашли в

комендантскую, тесную и жарко натопленную.

– А что, сами дежурите? – удивился я, когда комендант выдал мне ключи с биркой, вытащив из ящика стола.

– А что мне? – пожал он толстыми плечами. – Дом у нас спокойный, народ по ночам ходит редко, а у меня бессонница. Бывает что супруга подменяет, а так я один в основном. Да, баллон газовый тебе поставили сегодня с утра, как и обещали, чистое белье в шкафу найдешь на нижней полке, счет из прачечной прямо на нем лежит, деньги мне занесешь, завтра.

Позавчера, когда завозил квиточек из сберкассы с отметкой об оплате, попросил коменданта, которого, к слову, звали Петром Геннадьевичем, обеспечить меня горячей водой и газом на кухне, а заодно и постельным бельем, что он сделать обещал и сделал.

– Спасибо, Петр Геннадьевич, прямо спаситель! – польстил я ему, к явному его удовольствию.

– Да ладно! – отмахнулся он. – Хорошим жильцам всегда рады, соответственно и отношение. Девушка, вы уж простите за намек, если чего, – обратился он к Насте. – Но если планируете тут... ну, жить, в общем, то надо зарегистрироваться. Тогда комплект ключей вам выдам и опять же претензии предъявить сможете, если что не так.

Настя не смутилась, а просто вытащила из кармана карточку удостоверения личности и протянула Петру Геннадьевичу, при этом сказав: «Я сюда жить». Тот кивнул солидно, выложил документ перед собой и начал аккуратно переписывать данные из него в домовую книгу, диктуя самому себе, для солидности, наверное.

– Так... Дроздова Анастасия... Владимировна... пилот... вот как? Слышал я про вас, слышал, кто же не слышал, мы со всем уважением... Так... порядок, документик получите, – добавил он, придвигая удостоверение по столу к ней и придавливая его звякнувшими ключами. – Теперь порядок, и вы тут в своем полном праве.

– Спасибо.

На лестнице горели лампы в кронштейнах, тускло освещавшие все пролеты и закоптившие побелку на потолках там, куда были направлены стеклянные трубы их колпаков, слегка пахло бензином. Дверь открылась легко, и мы вошли в комнату, темную, освещенную лишь отблеском света с улицы на белом потолке. Лампу нашел не сразу, потом в темноте пытался сообразить, как поднять стекло, но справился. Чиркнула спичка, заколебался, а потом успокоился язычок пламени, прикрытый стеклом. Сама лампа держалась в добротном кронштейне, да еще и под небольшой жестяной вытяжкой, ведущей за окно.

Темнота разошлась, и Настя, оглядевшись, сказала:

– А что? Очень даже можно жить. И даже счастливо. Лучше бы ты все равно ничего не нашел, это уже местный «топ маркет». Иди, разберись с колонкой, обеспечь нас душем, а я потом чайник поставлю. Чай я взяла, и сахар, ты ведь не сообразил, небось?

– Чайник я сам поставлю, все равно вдвоем на кухне не развернемся, – сказал я, пропустив справедливую подколку мимо ушей. – А ты распаковывайся пока, что ли.

– Хорошо, – кивнула она, выставив свою сумку на стол и открыв. – Я схватила с собой только самое основное, чтобы было во что переодеться и чтобы с утра по квартире голой не бегать.

– Ну... могла бы и побегать, я только рад буду, – честно сказал я.

– Окна заклеишь – буду бегать, персонально для тебя, – засмеялась она. – А пока любоваться на себя синюю от холода и с «гусиной кожей» не дам – не сексапильно.

Я поднес ладонь тыльной стороной к окну, кивнул – точно, задувает через щели, хоть и не сильно. Это я с улицы не почувствовал, а так, наверное, в квартирке сейчас не жарко. Рамы тут отнюдь не герметичные, надо затыкать щели и обклеивать их бумажными полосами, все как в детских воспоминаниях.

В окошке колонки вспыхнули язычки синего пламени, негромко загудело. Чайник я нашел в шкафу, наполнил водой, бухнул на плитку. Прикинул, что быстро он не закипит, и пошел распаковывать свои собственные вещи.

– Эта половина шкафа твоя, а вот эта – моя, – решительно сказала Настя, разделив сферы влияния. – И на мою половину не лезь.

– Как скажешь, – засмеялся я. – У меня вещей и на четверть шкафа не наберется.

– Это пока, потом обрастешь, – сказала она, вывешивая на плечики халат. – Никуда от этого не денешься, все равно то одно надо, то другое... Я тоже поначалу даже лишний свитер купить боялась, все думала, что начну покупать – и себя к этому миру привяжу, вроде как сама откажусь заметить возможность уйти обратно, если такая будет. А потом... ну сам видишь.

Пока она выкладывала вещи из сумки, все выглядело как-то привычно, быт есть быт, а вот когда сняла ремень с кобурой и вытащив из нее «парабеллум», проверила патронник и положила пистолет на тумбочку – все вернулось на свои места, вспомнилось, где мы есть. Я усмехнулся и положил рядом кобуру с наганом. Вот так, символично, вместо обручальных колец.

Чай был, но к чаю ничего не запасли. Не сообразил, что с утра тоже что-нибудь не помешало бы, булочки или, для примера, свежие круассаны. Шучу. Ну да ладно, в домашнем хозяйстве я всегда умел лопухнуться ловко и без всяких усилий, в любом случае я тут теперь не один и ответственность делится.

– Давай ты первый в душ, – сказала она. – Я за тобой.

– Ага.

Сунулся в ванную и сообразил, что раздеться здесь может только очень ловкий человек, не заехав при этом локтем в зеркало и не обвалив раковину. Раздеваться же в комнате тоже не хотелось, как то оно... не того, рано пока так делать. Настя поняла мои затруднения, сказав:

– Раздевайся в комнате, я отвернусь.

– Спасибо.

Колонка работала достойно, вода была чуть ли не кипятком, пришлось здорово привернуть поток горячей в пользу холодной, добившись приемлемой температуры. Поплескался в свое удовольствие, вспомнив, как стучал зубами, мокрый, сидя за рулем «шнауцера», и сейчас изгоняя из тела даже воспоминания о том холоде. Думал побриться, но не вышло – света в ванной не было, а коптилку не зажечь – мокро все, уронить проще простого. Придется с утра, как-то приспособившись.

Выбрался, обернувшись полотенцем, вытирая волосы на ходу. Настя вскочила, сказала:

– Тоже отвернись, будь другом.

Потом она тоже долго плескалась, затем выбежала, шлепая босыми ногами по полу, в запахнутом халате, и задула лампу, погрузив комнату в темноту. Скрипнула, прогнувшись, кровать рядом со мной, взлетело одеяло, и я обнял, наконец, чуть не задохнувшись от желания, гибкое нежное тело, сильное и податливое. Теплые нежные губы прижались к моим, впились поцелуем, и я сказал, наконец, то, что так хотелось сказать вслух:

– Я тебя люблю.

– А то я не вижу, – прошептала она в ответ. – Я тебя тоже.

* * *

– Ты где так загорела? – удивился я, разглядывая следы от купальника на коже Насти.

Она посмотрела на окно, серое и демонстрирующее мерзостный дождь на улице, закинула руки за голову, уже ни капли не стесняясь своего обнаженного тела, которого и стесняться-то было грехом смертельным, настолько оно великолепно, и сказала:

– На пляже, где же еще? Летом пляж чуть не главное развлечение здесь. И лето было жаркое, и загар на мне долго держится.

За ночь тесная квартирка нагрелась от одного нашего присутствия, так что прятаться под одеялом постоянно уже не было нужды. Хотя сквозняк все же ощущался, надо будет окнами заняться.

– Чай будешь? – спросила она, усаживаясь на кровати и сдергивая со спинки стула халат.

– С круассанами? – спросил я задумчиво.

– С удовольствием, – усмехнулась она. – Потом можно будет в кондитерскую заехать, со свежими булочками попить.

– Если с удовольствием, то тогда тебе лучше обратно в постель, – подумав, сказал я. – И тогда можно даже без чаю.

– Блин, мы же только что! – засмеялась она.

– Ну, знаешь... – развел я руками. – Ну что я могу поделать, если все время хочется?

– Мне тоже хочется, я уже... сам знаешь, сколько уже ни-ни, а вот терплю, – поставила она мне на вид. – Потом, у нас еще дел полно сегодня, а то завтра выйдешь на сутки и ни черта не успеем. И мне еще на работу надо, я же не выходная.

– Могла бы отгул взять, – пожал я плечами.

– Сегодня не могла, дела есть, я же начальница, – помотала она головой так, что аккуратно убранный и затянутый шнурком «конский хвост» заметался из стороны в сторону. – В другой день возьму, к выходным поближе, обещаю.

– Угораздило же... с начальницей, – пожаловался я на жизнь. – А она теперь в сексе отказывает, уверяет, что все либидо сублимировалось в трудовом порыве.

– Типун тебе на язык, – фыркнула она. – У меня этой либиды столько, что если я ее на волю выпущу, ты с кровати живым не встанешь. Кстати,

скрипучая очень, не находишь?

– Кровать-то?

– Нет, я скрипучая! – обернулась она ко мне, уперев руки в бока. – Кровать, естественно, что же еще?

– А я заказать другую хочу, деревянную, – поведал я о своих планах. – И вообще сменить декорации, а то словно в кино попал.

Она глядела квартиру придирчиво, кивнула:

– Можно, вполне. Чтобы и посветлее и поуютней. Дерзай, только со мной советуйся.

– Договорились.

С утра побриться все же исхитрился, затащив в ванную лампу и отметив для себя на будущее, что принимать душ нужно будет в последнюю очередь, иначе все запотеет и черт знает, как керосинка среагирует на такое обилие пара. Может и никак, но все равно напрягает.

Сиротливо стоящий на улице «тазик», мокрый и блестящий под дождем, завелся без всяких проблем, заставив в очередной раз похвалить немецкое качество, тент приподнялся, пропуская нас внутрь, и мы поехали на Советскую, где и остановились у дома с вывеской «Кондитерская и чайная».

В кондитерской – небольшом магазинчике со столиками в углу, вкусно пахло ванилью, корицей и свежей выпечкой, а румяная, совсем молоденькая девушка наливала желающим чай, причем в ассортименте был и обычный, и с ягодами, и с травами.

– Жаль, что тут кофе нет, – пожаловался я. – Привык с него день начинать.

– Я раньше тоже мучилась, – сказала Настя. – А теперь ничего, на чай пересела. Я яблочный пирог буду, – добавила она, разглядывая витрину.

– А я пару ватрушек возьму, очень привлекательно выглядят.

Встали за высокий столик у самого окна, разглядывая через не слишком чистые стекла такую же не слишком чистую улицу, по которой проезжали редкие машины и проходили куда более частые прохожие, повально завернутые в плащи и дождевики, из-за чего подчас даже пол проходящего было определить затруднительно. Злой холодный ветер рвал и заворачивал полы плащей, и время от времени бросал в стекло пригоршни капель. Зрелище было мрачноватым, но настроение от созерцания уже не портилось – привык. Вообще я как-то привыкать начал, даже вроде уже чувствую здесь себя... естественно, не «кино смотрю». А сегодняшняя ночь и это утро вообще дали такой заряд оптимизма, что я сейчас, наверное. На конец света смотрел бы с блаженной улыбкой.

– Ну что ты решил? – спросила Настя, допив чай и оставив кружку.
– По поводу?
– По поводу обучения на пилота.
– Так согласен кругом! – чуть удивился я вопросу. – Я же говорил.
– Это ты когда говорил, а сегодня подтвердить бы надо. Ладно, сейчас поедем в мою квартиру, надо вещи забрать и сдать комнату, а потом хорошо бы на базар, подкупить кое чего.

– А летать?
– После обеда, тем более, что у нас с тобой сегодня теория. Допил?
– Ага.
– Тогда пошли, дел полно, – сказала она.

Тут она права, планы у нас на сегодня были обширные. Завез ее домой, оставив собираться, сам покатил в общежитие, сдавать место. Комендант Оразбердыев, который Нурберды Овесдурдыевич, или в быту Нурик, хотел было возмутиться, заявив: «Я тебя дневальным поставил, надо в наряд сходить», но получив червонец, быстро успокоился и внес в график дежурств какие-то изменения. Койко-место он принимал долго и придирчиво, явно рассчитывая на еще один червонец, но поскольку придраться было не к чему, а спонсировать его дальше я не собирался, о чем даже не намекнул, а сказал прямо, претензий все же не высказал, а просто забрал ключ и дал расписаться в ведомости.

На выходе с Пашкой столкнулся, забежавшим с дождя. Поздоровались, он спросил:

– Съехал уже?
– Ага, койку Нурику сдал.
– Давай, удачи, не забудь адрес на работе сообщить, а то выговор залепят.
– Обязательно.

И тут же столкнулся с Федькой, тащившим подмышкой какой-то сверток. Увидев меня, он оживился, тормознул, прихватив за рукав.

– Вов, эта... опа... Сегодня хрен с ним, погода паскудная и с машиной заняться хочу, а на послезавтра предлагаю сгонять в Сальцево, хочу тебя там с людьми познакомить.

– Что за люди?
– Да торговцы, товар берут хорошо, платят тоже хорошо, чтобы ты в курсе был и вообще... Ну и по базару тамошнему прошвырнемся, он нашего больше раз в пять, наверное. Как ты?
– Сколько туда? Сорок верст?
– Примерно.

– Давай сгоняем, не вопрос, – согласился я.

На сем и расстались. У Насти вещей действительно оказалось немало, узлами и сумками завалили все заднее сиденье. По местным реалиям немало, понятное дело, в другой действительности у средней женщины их бы раз в десять больше должно быть. Перевезли на новое место, затащили по лестнице. Разбирать тюки она сразу не стала, сказала что некогда, займется вечером.

Потом погнали на базар, закупившись необходимым минимумом продуктов домой, а я заодно еще и кобуру для ТТ прихватил, потом снова все это отволокли, и уже потом, зарулив попутно в столовую, не от бедности, а для экономии времени, покатали на аэродром.

Шлагбаум нам поднял незнакомый мне до этого молодой парень в комбинезоне техника, вымазанный маслом до самых ушей.

– Это Дима, механик Коли Гудкова. Дима, это Володя, – представила она нас взаимно. – Серега где?

– На склад погнал, за запчастями, – ответил Дима, подходя к нам, когда мы выбрались из тесного «тазика». – От Милославского звонили, вроде есть на нас фонды, выписали.

– Отлично, самолет наладим! – обрадовалась Настя. – Распоряжения уже подвозили сегодня?

– Был курьер с утра, – кивнул Дима. – Я сам принял, подколот в папку. Погода будет – придется вам круглосуточно летать, чтобы все растолкать.

– Предупреждала же их, чтобы на октябрь и ноябрь много не подкидывали, погоды ведь нет, летать невозможно, – пожаловалась она мне. – А им все по барабану, контора пишет. И разведка, и доставка, и наблюдение... Ладно, пошли в ангар.

Четыре самолета вытянулись в рядок. У ближнего к нам был снят капот и частично разобран двигатель. Это тот самый, на котором мы летали, вон, дырки от пуль уже заделаны. На следующем тоже работал механик, которого я раньше не видел, и который был представлен как Марат, на третий был частично зачехлен, а остановились мы у четвертого, самого дальнего.

– Готов впитывать мудрость? – спросила Настя. – Этот пока пустой, пилота на нем нет, так что...

– А ты говорила, что пилотов четыре? – удивился я.

– Было четыре, теперь три, – сказала она. – Пилот Вася Беляков спалился на краже бензина, вследствие чего уволен мной с позором. Место вакантно.

– Во как, – с уважением сказал я. – А теперь сама подумай, оно мне

надо? Дома поругаемся, а ты меня уволишь. Не, так дело не пойдет.

При этом я сложил руки крест на крест в жесте абсолютного отрицания всего на свете.

– Может и не уволю, откуда я знаю? – удивилась она моему заявлению. – Там видно будет, тут уже как настроение будет. В любом случае, очень прошу – научись.

– Да че? Я ниче... – пожал я плечами. – Учи.

– Очень хорошо, – кивнула она удовлетворенно. – Значит так: это самолет По-2, биплан нормального типа с тянущим воздушным винтом, оснащенный мотором М-11. Мотор пятицилиндровый, звездообразного типа, с воздушным охлаждением, с номинальной мощностью сто лошадиных сил и максимальной в сто десять. По своему типу самолет относится к вспомогательным, а именно этот является учебным, потому что оснащен дублированными органами управления. На нем ты впервые и полетишь, когда дорастешь.

* * *

У Насти был большой эмалированный будильник, который она издевательски именовала «приданным» и который привезла с собой со старой квартиры. Этот самый будильник меня и поднял, с такой отчаянной силой замолотив молоточком по чашкам звонков, что я спросонья и с перепугу чуть в него не выстрелил, а потом еле удержался от того, чтобы не метнуть подушку.

– Ты первый в ванную, – сразу сказала она. – А я пока завтрак приготовлю.

– За завтрак – что угодно, – сказал я, обрадованный. – А то у меня с тобой истощение сил будет.

– Пока вроде не ощущается, – сказала она, натянула халатик и направилась на кухню.

– Ощутится – поздно будет, – ответил я резонно, после чего направился бриться, овладевать искусством владения опасной бритвой.

Последние пару дней я даже умудрялся уже и не резаться при бритье, что делало мне честь как человеку, способному учиться на собственных ошибках. До этого ошибки проявляли себя явно, в виде порезов, бросающихся в глаза.

Завтрак состоял из яичницы с беконом и чаю с печеньем, так что впервые с тех пор, как попал в этот самый Отстойник, ощутил себя с утра сытым. Оделся, повесил на бок кобуру уже с ТТ, который, к стыду своему, удосужился вычистить только вчера, а наган, подумав, положил на шкаф – и в глаза не бросается, и схватить удобно, случись чего. Пусть теперь дома живет, вроде как для обороны жилища.

Настя собралась быстро, после чего я отвез ее на аэродром, а затем сам поехал на работу. Прямо барином стал, все пешком ходят, а я на машине катаюсь. Но теперь пешком мне стало далековато, если рассчитывать дорогу до аэродрома.

Добрался чуть раньше, завернул в отдел кадров, к невероятно-костюмному Пал Демьянычу Березаеву, задумчиво перекладывавшему на столе какие-то бумажки.

– Здражляю, Пал Демьяныч! – приветствовал кадровика я. – Съехал из общаги, зашел новый адрес доложить.

– Ну докладывай, – кивнул он, потянув к себе большой блокнот.

– Героев Полярников четыре, квартира четырнадцать.

– Комната? – уточнил он.
– Обижаете, отдельная квартира, без комнат, – гордо заявил я.
– Ну ты скажи, – поразился он. – Разбогател? Мотоцикл казенный налево толкнул, что ли?

– Почти что, – засмеялся я.
– Ну, новый получишь – сразу не продавай, – все таким же серьезным тоном сказал Березаев. – А то закончатся быстро.
– Это как скажете.

Дальше была оружейка, где столкнулся с Федькой. Получил карабин, наверх пошли уже вместе.

– Сегодня днем по городу дежуришь, в периметре, – сказал он. – Чистая халява, днем почти никогда ничего не случается, а уж серьезного – подавно. Отдыхаем, в общем.

– А чего тогда отдельную группу в городе держать?
– На всякий случай, мало ли? Если что-то все же в город пролезет, то бед может много наворотить, никто же не ждет до темноты ничего.
– Тоже верно, – согласился я.

Когда зашли в караулку, Власов, поздоровавшись, придержал меня на входе. Сказал:

– На второй этаж сходи, двадцать восьмая комната, там с тобой поговорить хотят.

– Это кто? – немало удивился я.
– Из горбезопасности кто-то, по вашему заявлению с Федькой. Было такое?

– Ага, понял, было. Труп нашли, им сообщили.
– Ну вот, пришли за уточнениями, наверное, – предположил он. – Давай, занимайся, у нас тут все равно спокойно.

Пожав плечами, я направился куда сказали. Шумный, забитый пришедшими на смену людьми коридор, лестница, тонущая в табачном дыму – на всех площадках смолили папиросы, затем второй этаж, где сидели всякие службы, тоже суетной. На двадцать восьмой комнате висела табличка «Режимный отдел», что меня совсем не удивило, вроде как даже все по профилю.

Стукнулся, вошел, не дожидаясь ответа, оказался в небольшой комнате, в которой сидели трое, опять же все с папиросами и обязательным чаем.

– Бирюкова кто искал? – спросил я, оглядев всех троих.
– Я, – сказал неприметной внешности мужик средних лет в свитере с высоким горлом, отставив кружку. – Инспектор горбезопасности Павлов.

Проехать надо на место твоего заявления. Не возражаешь?

– А чего возражать? – пожал я плечами. – Командир отпустил, так что проблем не вижу. Кто кого везет только?

– Со мной поедешь, все равно сперва на Крупку, в НКВД, – ответил он, поднимаясь и накидывая на свитер прорезиненный плащ с капюшоном. – Там еще людей подхватим – и на место.

– Мне как скажешь, – махнул я рукой.

– Тогда пошли.

Возле подъезда Горсвета стоял «виллис» с поднятым тентом, в который Павлов заскочил за руль, жестом пригласив садиться рядом. Я поплотней завернулся в плащ-палатку и уселся на мокрое сиденье, прикрыв ее полой еще и карабин. Мотор вездехода рыкнул, фыркнул, небольшая машинка вполне бодро сорвалась с места и понеслась по Советской, разбрызгивая лужи.

– А чего меня одного? – спросил я. – Заявление вдвоем подавали.

– Говорят, что тебя одного хватает, – сказал Павлов. – Провал твой, место тоже как бы твое, и в подвал тот ты один лазил.

– Понятно.

Дальше ехали молча. Павлов желания потрепать языком не высказывал, да и у меня к такому привычки особой нет, вот и помалкивали оба. Он остановил машину у самого крыльца, сказал коротко: «Пойдем, чего здесь ждать» – и мы направились в здание. Знакомый путь, знакомая уже решетка, отгораживающая половину этажа, затем пустой кабинет, где Павлов попросил меня обождать, а сам ушел.

Ждать пришлось минут пятнадцать, не меньше. Затем дверь распахнулась, заглянул мой провожатый, махнул рукой и сказал: «Пошли, собрались все, наконец».

Собрались на лестнице, широкой площадке посередине. Несколько незнакомых мужиков, вооруженных автоматами и СКС, а один так даже снайперской «мосинкой», и хорошо уже знакомый мне Милославский. Увидев меня, он вроде даже немного удивился, потом заулыбался и протянул руку.

– Так вот кто у нас в свидетелях, – сказал он, пожимая мою ладонь. – Рад, вы уж простите, но впечатление толкового человека производите.

– Да уж прощаю, – засмеялся я. – Если бы идиотом назвали, то тогда по-другому бы реагировал.

– Были бы идиотом – так бы и назвал, – усмехнулся он. – Ладно, вроде бы все в сборе, можем двигаться. Пошли.

Гурьбой высыпали на улицу, где начали распределяться по машинам. Я

собрался было усестыся в «виллис» к Павлову, но Милославский задержал меня, подхватив под руку, и показал на свой шикарный «Олл Карри».

– Давайте ко мне, я вас по пути опросить попытаюсь, что нам обоим время терять, – сказал он.

– С удовольствием, – обрадовался я возможности ехать под дождем в закрытой машине, а не морщиться и прикрываться от залетающего под тент дождя в «виллисе».

Два молчаливых молодых мужика в кожанках уселись за руль и на переднее сидение профессорского доджа, синхронным жестом вложив автоматы в крепление на потолке, и я окончательно убедился, что профессор здесь большая шишка, раз уж ездит с постоянной охраной – никем другим эти «двое из ларца» быть не могли.

Мы же уселись назад, на мягкое, пружинящее кожаное сидение. В додже было тепло и уже непривычно сухо, шикарно, в общем. Вот как быстро меняются взгляды на жизнь, если учесть, что примерно неделю назад я ездил на пахнущем новой кожей в салоне «Гранд Чероки» и думал, не прогадал ли с выбором машины? Может надо было «рейндж» брать?

«Виллис» поехал первым, в нем сидело трое вооруженных, Павлов за рулем, следом к нему пристроились мы, за нами поехал полноприводный грузовик «шевроле» с жилым кунгом, в который загрузилось несколько совсем не боевого вида людей, полагаю, что из департамента Милославского, а замкнул колонну бронированный американский «скаут», оцетинившийся стволами пулеметов. На борту у него виднелись белые буквы «УпрО».

– «УпрО» – это что? – спросил я.

– Управление охраны горбезопасности, – гордо ответил сидевший впереди справа охранник.

– Ваша лавочка? – уточнил я.

– Наша, – кивнул он и добавил: – Лавочка.

Похоже, что даже малость оскорбился за свое ведомство, но мне на его эмоции было, как бы это помягче сказать... Я вообще к «ведомствам» уважения мало имею. Да и телохранители в моих глазах выродились в еще одну разновидность холуев, потому как развелось их в Москве в последние годы без меры, а польза от них была крайне неочевидна, разве что хозяйское чувство собственной важности тешили, когда стояли вокруг с грозным видом. Интересно, профессор и вправду в охране нуждается, или это статусная вещь?

Милославский покопался в своем брезентовом портфеле, достал оттуда блокнот с записями Полистал его, затем сказал:

– Ну вот, как раз по вам материал... провалились вместе с сараем, в сарае был генератор. Так?

– Верно.

– Хорошо, – кивнул он. – Вопрос второй... в горбезопасности сказали, что ездили туда просто так, место посмотреть, так?

– Верно, – улыбнулся я.

– А почему, кстати? Не в упрек, просто интересно.

– А им зачем знать? Генератор мой, а не вещественное доказательство. Перестраховался, короче.

– Понятно, правильно сделали, наверное. Но мне сказали правду, так?

– Так.

– И вот тут самое интересное и начинается, – сказал Милославский, что-то помечая галочкой. – Почему решили осмотреть тот дом? Только честно, подумайте сперва хорошенько.

– Честно? – я и вправду задумался. – А я и не знаю, если честно. Загрузили агрегат, можно было ехать, а тут как подсказал кто-то, мол «посмотри домик». Тянуло к нему, что ли... – я пощелкал пальцами, силясь подобрать правильное слово... – Ну... ну вот надо было, и все тут.

– Понятно, – явно довольный ответом, кивнул Милославский. – А Федор Мальцев никаких таких чувств ведь не испытывал, так?

– Нет, – вспомнил я поведение Федьки. – Он хотел быстрее уехать, и все тут. Это к чему вы?

– А как вы думаете? – ответил он вопросом на мой вопрос.

– Ну... если навскидку, то полагаете, что я как-то связан с жертвой в подвале?

– Тепло.

– Жертва вызвала мой провал? – уточнил я.

– Еще теплее, даже горячо уже, – сказал Милославский. – Есть теория, что некоторые провалы вызваны искусственно, как ваш, в частности. И занимаются этим те, кого принято именовать «сектантами», а мы зовем «адептами».

– Зачем?

– Кто бы мне самому объяснил, – вздохнул он. – Я же говорил, что даже пленные адепты не слишком разговорчивы. Вот пока и не выяснили.

– А как другие провалились?

– Думаю, что эти самые провалы – нечто вроде естественного процесса. А вот адепты пытаются научиться создавать их искусственно, и иногда у них получается.

– Жертвоприношениями? – удивился я.

– А почему бы нет? – пожал он плечами. – В этом же никакой мистики, собственно говоря, нет. Когда жертву мучительно убивают, выбрасывается такое невероятное количество энергии, что она способна не только сломать миров проколоть, но, наверное, и сдвинуть их с места смогла бы, если бы ей кто-то мог управлять.

– А для чего им?

– Это тоже хороший вопрос, на который пока никакого обоснованного ответа. Можем только предполагать.

– И что предполагаете? – продолжал я наседавать на него.

– Предполагаем, что они хотят совсем не того, что получают. Хотя бы потому, что когда вы провалились, они вас там не встретили.

– Сочли эксперимент неудачным? – уточнил я.

– Верно, что-то получилось не так, как планировалось, и они просто ушли. А затем туда провалились вы, к великому вашему везению их не встретив. А то бы оказались второй жертвой, что я очень допускаю.

– И все же?

– Все же? – поднял тот брови. – Думаю, что они пытаются построить тоннель отсюда. И не уверен, что для самих себя.

– Для Тьмы?

– Именно так, для нее, родимой. Нашли же они какую-то форму сожительства с ней, верно? Вы же были близко к Тьме? Как ощущения?

– Тяжкие, – честно ответил я. – Страх, жуть, мысли путаются, руки трясутся.

– А для них граница с Тьмой стала естественной средой обитания. Они ведь даже внешне меняются.

– Сильно? Или только глаза?

– Не видели никогда?

– Откуда мне? – удивился я вопросу. – По моей службе только всякие «пионеры» с «хмырями» встречаются, а сектантов этих, или адептов, из самолета только видел. Так вроде люди как люди.

– Ну, да, издавна точно, – сказал Милославский. – Знаете, я вам их покажу. Хотите?

– Покажете?

– В горбезопасности сидит несколько, и у нас на Ферме есть. Слышали про Ферму?

– Ну так, краем уха, – уклончиво ответил я.

– Мы и не рекламируемся особо. Завтра после дежурства свободны?

– М-м..., – растерялся я. – Вообще были планы...

– А вы их отмените, – сказал Милославский довольно жестко, что уже

следовало воспринимать как приказ. – Потому что я вас могу и повесткой вызвать, вы для нашего отдела большой интерес теперь представляете. Другое дело, что вы, как я понял, человек любознательный, так что все у нас будет взаимно – вы нам поможете, а мы – вам. И не только знаниями, может быть. Договорились?

– Разумеется, – усмехнулся я. – Планы изменим, с утра к вам заеду.

– К десяти подходите, прямо в кабинет, я предупрежу.

Некоторое время ехали молча, затем я сказал:

– Мне тут вчера интересную вещь рассказали...

– Да?

– О том, что если беременную женщину привезти на границу Тьмы, то беременность куда-то девается. Это правда?

– Это правда, все верно, – кивнул он. – А что конкретно хотели спросить?

– Почему? Как так получиться может?

– Доказательств не имею, но... Полагаю, что в этих местах время идет в обратную сторону.

– В смысле?

С этим вопросом я как-то начал повторяться, как мне кажется. Ну да и ладно.

– В смысле самом прямом – оно идет в противоположном направлении. Мы же говорили с вами о природе Тьмы, если мне память не изменяет.

– Да... Тьма – это то, куда утекает эта наша самая река времени, – вспомнил я его слова. – Так?

– Так, но река не обязана течь прямо, а Тьма не должна сталкиваться со светом. Сама суть аномальности Отстойника в том, что здесь пересеклось то, что пересекаться никак не должно – Свет и Тьма. То, откуда к нам приходит наше время и то, куда оно уходит. Это неправильно. И граница рождает временные аномалии.

Мне как-то сразу вспомнилось удивительно хорошее состояние машин, а главное – аккумуляторов, что мы взяли в Порфирьевске. Из того, что мне удалось узнать до этого, оно должно было быть хуже. И Федька доехал на своем «Блице» до Углегорска с трудом, как он рассказывал, резинки все же разошлись... А тогда Тьма, с его же слов, была подальше.

Вообще-то Милославский сказал нечто такое, что уже можно считать заранее окупившимся. «Гончие» «гончими», а вот возможность брать что-то почти новое в этом мире стоит многого. Над картой посидеть, посмотреть, где граница Тьмы отодвинулась...

– Это что, вблизи Тьмы мы молодеем? – спросил я.

– Думаю, что да. И очень сильно. Вы после полета к Тьме как себя чувствовали?

– Испуган был... адреналин, – начал я вспоминать свое состояние. – А потом да, прилив бодрости, в ресторации с Настей хорошо посидели и даже не опьянели... Да, что-то странное было, эйфория какая-то, но...

– Списали на «отходняк», так?

– Верно.

Полет еще ладно, а после приезда с машинами у нас вообще энергии было через край, это я тоже хорошо заметил. И Настя заметила, ночью.

– А вот в дальней разведке симптомы чуть заметней у некоторых, – усмехнулся Милославский. – Седина, например, вспять обратилась.

– И... какой коэффициент?

– Если очень приблизительно, то сутки вблизи Тьмы – около трех месяцев. Но сами понимаете, что даже сутки выдержать – это очень сложно. Человек начинает чувствовать себя очень плохо уже через несколько часов, а затем может вообще повести себя неадекватно. Не рекомендуется нам так омолаживаться, весь организм протестует, да и...

Тут он задумался, и я уточнил:

– Что?

– Есть опять же теория... у нас все на теориях, никаких доказательств, но есть подозрение, что часть адептов получается из тех, кто задержался на этой границе. Тьма перепрограммирует человека. Так что сами понимаете, так рисковать точно не стоит. Ну а с беременными как получается – теперь сами понимаете. Время вспять и процессы вспять.

– А лечить так можно?

– Можно, – кивнул Милославский. – Рак лечим, например. Уже польза от нашего отдела, видите? Главу Администрации вылечили два года назад, например, за три «сеанса», а стадия была чуть ли не последняя.

– А когда он в нормальное время попал – обратно все не вернулось?

– Нет, к счастью нет, никакой предопределенности не наблюдаем, тотальная и абсолютная многовариантность дальнейшего развития.

* * *

Чем занимались на месте моего провала я толком и не понял. Упровцы из «скаута» организовали охранение, люди Милославского ходили с рулетками и какими-то самодельными приборами, безопасники осматривали место жертвоприношения, или что там на самом деле было, собирая кости и разбросанные вещи жертвы в бумажные пакеты. Милославский описывал сложные траектории между сарайчиком, в котором раньше был генератор, и развалиной, где убили человека, и на меня никакого внимания больше не обращал. Возле меня постоянно топтались его охранники, раздражая своим присутствием, и один из них даже увязался за мной в кусты, куда я направился с простительным желанием отлить, где и нарвался на грубый вопрос: «Тебе че здесь надо, извращенец?» Он выматерился тихо, но нарываться не стал и ушел к машине.

Потом обо мне все же вспомнили, и Павлов попросил спуститься в подвал. Там меня спросили, кто именно – я даже не понял:

– Здесь все как было?

– Да ни хрена, – ответил я. – Тут раньше куча вещей лежала, а теперь ее нет. И костей нет. И проволоки.

– Это мы сделали, – сказал Павлов. – А в остальном?

– А что тут остального? – удивился я вопросу. – Стены должны были сдвинуться, или что?

– Он ощущения имеет ввиду, – сказал сверху Милославский, заглянувший в люк. – Прислушайся, мы же тебя специально для этого позвали.

– Тогда..., – задумался я. – Тогда выбирайтесь все отсюда, мне сосредоточиться надо.

Возражать никто не стал, сочли справедливым, и безопасники один за другим выбрались наверх, оставив меня в жутковато погребе одного. Закрыв глаза, вздохнул, покрутился на месте... Холод какой-то чувствую. Внутри себя. Где-то под сердцем прямо. Странно. Нет, я действительно как-то этот подвал ощущаю, просто не могу объяснить. А вообще тут стоять бесполезно, надо не так...

Когда выбрался наружу, наткнулся на вопросительные взгляды.

– Щас, – сказал. – Не ходите за мной, я сейчас вернусь.

Никто не пошел, даже телохранители Милославского. Я прошел

сначала к сарайчику, закрыл глаза, покрутился... Вообще мне даже смотреть не надо, где подвал, я его чувствую. Прошел подальше, к самой просеке – ощущение этого тянущего и назойливого холода ослабло, но все же сохранилось. Обошел поляну по кругу, повторил все маневры – результат один и тот же, чувствую я этот подвал. О чем Милославскому и сообщил.

– Вот как, – задумчиво сказал он. – Пожалуй, что я все же оказался прав, ты провалился в искусственный тоннель. И продолжаешь его чувствовать, ваша связь каким-то образом сохранилась. Обрато отсюда пробовал, скажи честно?

– Сразу же, – ответил я. – Как только понял, что куда-то занесло, сразу же в сарай залез и закрылся. Но ничего не вышло.

– Это я вижу, что не вышло. Ну что, товарищи геройские чекисты, – обратился он к безопасникам. – У нас по научной линии все, можем сворачиваться.

– Мы тоже закончили, – сказал Павлов. – Можем сворачиваться.

На обратном пути Милославский перебрался в кунг грузовика к своим людям, а я, чтобы не проводить время в обществе его надутых телохранителей, перебрался к Павлову в «виллис», тем более что дождь вроде как прекратился, хотя небо оставалось по-прежнему низким и серым.

По дороге не удержался, спросил:

– Хотя выяснили, кто этот... или эта Скляр, а?

Видать, никакой особой тайны из этого не делалось, потому что Павлов спокойно ответил:

– Из недавних переселенцев женщина. Проблемная дама, редкая скандалистка, похоже, что после провала с рельсов соскочила, вразнос пошла, в Углегорске чуть в штрафбригаду не попала, затем перебралась в Сальцево. Это последнее, что о ней знаем. Затем она как-то ухитрилась оказаться в этом подвале.

На этом он повествование о покойной завершил, и я понял, что мне выдали ровно столько, сколько можно. Поэтому и уточнять не стал.

Колонна прошла по Советской прямо возле Горсвета, где меня и высадили, даже не попрощавшись, но пообещав еще вызвать. Я тоже прощаться не стал, а сразу направился в подъезд, вроде как вернулся к служебным обязанностям.

– Куда таскали? – спросил Федька, едва я появился в караулке.

– Да туда, к подвалу, – мазнул я рукой куда-то в неопределенную даль.

– А на хрена?

– Дат так, лазили чего-то, замеряли, – ответил я расплывчато.

– Понятно, в сыщиков играли, – усмехнулся он. – Так толку с них особого нет, но хоть изображают.

– А почему нет? – немного удивился я.

– А кто они такие? Такие же попаданцы, как и мы. Кто раньше в конторе сидел, бумажки перекладывал, кто еще чем занимался. Откуда им умений набираться? А тут организовали... энкавэде, блин, тащат туда дружков своих, власти набрали, а пользы с них...

– А УпрО что такое? – поинтересовался я.

– «Упроды»? – засмеялся он. – Да холуи, это вроде как кагэбэшная «девятка», которая Политбюро охраняла, только уровень наш, деревенский. Их еще «УпрОщенными» называют здесь. Но понтов у них – мамадарагая. А вообще сытно живут, псы, с хозяйского стола кормятся.

– Заметно, – согласился я с таким определением, потому что впечатление сложилось очень сходное.

– Самые крутые здесь – это мы, естественно, – загнул он палец. – На втором месте разведбат, но все же похуже, потому что меня не взяли...

– А там кто?

– Да разные, – ответил Федька, подумав. – Сюда крутые спецы почти никогда не проваливаются, сам понимаешь, но сами чего-то сочиняют, как-то учатся. Из Горсвета народ туда уходил, еще комендачи.

– А комендачи как? – поинтересовался я Федькиным мнением.

– Есть у них первая рота, это вроде маленького такого спецназа, те да, чего-то могут. А остальные просто сторожа, вечно в караулах. Правда, на КПП и пострелять приходится иногда, но сам понимаешь – стрелять из дота из «Дашки» – это не по подвалам лазить. Мы самые крутые, короче, – подвел он итог своим логическим упражнением.

– Ладно, крутой, меня завтра в два часа опять туда вызывают, накрывается поездка наша.

– Да? Жаль. Ну не страшно, – махнул он рукой. – А дальше ты как?

– Послезавтра аэродром, а потом день свободен, можем скататься.

– Давай скатаемся.

– Да, Федь, и вообще перетереть надо будет, я кое-чего интересное узнал. У кого карты бывают движений границ Тьмы?

– Хм... – озадачился он. – У нас вроде быть не должно, нам оно зачем... Наука и разведка, пожалуй, а что?

– Да проговорился Милославский кое о чем, – ответил я негромко. – Потом расскажу.

– Как знаешь, – кивнул Федька, видимо поняв, что у меня есть причины быть скрытным. – Садись, отдохай, все равно до темноты работы

не будет.

Как он сказал, так и вышло. Все это время я просидел на диване с томиком Гоголя, который кто-то забыл в караулке на подоконнике, при этом не разбирая ни слова из написанного. Не давала покоя очень простая и ясная мысль: тоннель, в который провалился я, кто-то открыл. Сектанты эти самые, принесли в жертву, или как это правильно называется, обычную женщину. Они прокололи «слоеный пирог миров», и в дырку утащило меня. А ведь если так, то получается, что можно проколоть и в обратном направлении? Как? А черт его знает, сектанта того же в жертву принести, или черную курицу в полночь, или поплясать с бубном, заывая на луну, но теоретически такая возможность должна быть.

Так... Пока получается система «ниппель», туда дуй, оттуда... вообще ничего. Точнее наоборот, оттуда дуй, а обратно никак. А если верить Милославскому, а не верить ему никакой причины нет, то эти самые адепты-сектанты как раз хотят пробить дыру с направлением отсюда туда. Или в две стороны? Не важно, важно то, что... Ну понятно, в общем, что здесь важно. А еще это означает, что дружбой с Милославским манкировать совсем не стоит – он со мной особо не секретничает, наверное, так что от него и узнать что-то нужное можно.

Какой из всего этого сумбура вывод? Путь домой есть. Какой-то, но есть, обязан быть. Важна только цена этого пути, а вот ее я и не знаю.

* * *

Ночь прошла почти спокойно, всего два выезда, один ложный, а второй простенький – две твари успели материализоваться в забытом сарае, но еще не сумели оттуда выбраться, их вовремя обнаружили. Натянули сеть у выхода, и когда они бросились, то запутались и были расстреляны. Затем фонарями пожгли пробившуюся по всему помещению темную траву.

Вообще алгоритм действия темных тварей очень подробно был описан в брошюрке Милославского, с которой я сейчас не расставался. Сперва трава, потом появление бестелесных сущностей. Если это «призрак», то он сразу уходит на охоту, а если какие-то твари с телесной сущностью, то они поначалу просачиваются через щели, выбираясь из запетых помещений. И в этом состоянии они в сущности безопасны, для них даже яркий прямой свет остается смертельным, и сами нанести серьезный вред не способны. Затем они прячутся и уже там «твердеют», обретают телесную оболочку. И вот тогда уже, как говорится, гаси свет.

Правда, в последнее время было несколько случаев, когда уже вполне телесные твари умудрялись выбираться из подвалов, открывая засовы, как тогда в кинотеатре, и уже появилась теория, что у них прорезалась способность к телекинезу. Но опять же теория, как всегда никаких толковых доказательств получить не удалось.

– Всегда бы так дежурить, а? – сказал Паша, когда наша колонна вернулась в расположение и вкатила в распахнутые ворота.

– Да, неплохо было бы, – согласился я с ним, глуша двигатель. – Пошли, что ли?

Группа выгружалась из машин, пулеметчики зачехляли своим «машинки», осветители обтягивали брезентом фонари – уже все понимали, что выездов больше не ожидается, занимался рассвет. А после рассвета ни одна темная тварь, даже если она уже в городе, на охоту не идет, а прячется до темноты.

Люди зевали, морды у всех были небритые и помятые с недосыпу, но вид вполне довольный – дежурство заканчивалось, впереди ожидалось три выходных дня, на которые у всех было немало планов. Кто халтурил вроде нас с Федькой, кто работал где-то еще, охранником, например, а кто-то просто бездельничал, в общем, каждому свое.

После смены народ потянулся в оружейку, сдавая карабины и автоматы, и оказавшийся рядом Паша спросил:

– Подвезешь?

– Ох, блин, – засокрушался я. – То все за здоровый образ жизни, а как халявный подвоз образовался, так чуть не очередь выстроилась.

– Так халявный же! – сказал Федька, подошедший сзади и с грохотом выложивший свой ППШ на деревянный стол. – Это как раз ключевое слово и есть. Меня тоже подвези, кстати.

– Ваще оборзели, – усмехнулся я.

Простоявший почти сутки «тазик» замолотил мотором на подсосе, прогреваясь, Федька закурил, усевшись на запаску. Фонарщики выходили из подъезда, некоторые разъезжались на машинах, еще тесная группка ждала «пепелац», а иные просто разошлись пешком.

Когда обороты выросли, я убрал подсос и сказал:

– Залезаем, поехали.

Забавно, но длинный Паша сзади все же вполне нормально разместился, хоть глядя со стороны, в такое поверить сложно. «Тазик» лихо стартовал и резво повез нас всех в сторону недавно покинутого мной общежития. Когда спутники выгружались, Паша сказал:

– Тебя в два вызвали?

– Ага.

– Давай, найди меня после этого.

– А где я тебя найду? – удивился я простоте поступившей заявки.

– Где мастерская Темы помнишь? – спросил Федька.

– Естественно, – кивнул я.

– Вот там и буду, сегодня машину делать решил, так что до вечера там.

– Ага, лады.

Насти дома уже не было, ушла на аэродром, зато была записка от нее: «Поесть не забудь. Забери меня вечером. Люблю.»

Есть пока не хотелось, у меня с недосыпу всегда так, поэтому поставил чайник и сразу полез в душ, под горячую воду. Как-то зябко здесь постоянно, все мокрое, кругом ветер сквозняки, вот и мерзнешь. Так уже и замечать перестал, вроде базовое состояние уже, но когда есть возможность порадовать себя горячим, прямо душа поет.

Кстати, а как бы в баньку сходить здесь, а? В настоящую, с духом и паром, деревянную. Не может быть, чтобы бань тут не было, они просто обязаны быть. Надо у Федьки уточнить, и если они есть, то прямо сегодня. Или завтра, на крайний случай.

Хорошо что в этом доме отопление нормальное, с чугунными радиаторами под окнами. В иных печки топят углем, пачкая все черной пылью, а здесь котельная имеется. Все же хорошо, что город этот именно

Углегорск, а не, скажем, Рудогорск. Руда дело нужное, но когда о выживании речь, мало что столько пользы приносит, как недорогой уголек в больших количествах. А если сюда электричество все же дотянут, так вообще хоромы будут, на всех пятнадцати метрах жилой площади.

Кстати, о метрах и площади – надо бы еще к столярам заглянуть, насчет заказа мебели договориться, не только Настю раздражает скрипучая металлическая кровать с провисающей сеткой.

Чайник закипел. Я достал из бумажного кулька чуть зачерствелую ватрушку и уселся за стол. За окном заработал какой-то движок и я выглянул – здоровенная водовозная цистерна стояла возле водонапорной башни, возвышавшейся прямо перед окнами. Ага, доливают. Потому что без воды и не туды, и не сюды, насколько я помню. Кстати, а что тут в кино показывают, интересно? Как насчет «Волга-Волга»?

Что-то мысли скачут, ни на чем не задерживаясь, точно устал, спать пора. Три часа здорового сна у меня еще есть, так что немного приду в себя до визита к Милославскому, хотя хотелось бы побольше, минут шестьсот, к примеру. Но не выйдет.

* * *

К Милославскому пустили без проблем. Сначала молодая и симпатичная секретарша, наводящая на мысли о неуместной резвости профессора, заглянула в свои записи, а затем пропустила меня в его кабинет, просторный и светлый, с новой, сделанной на заказ мебелью, гармонию которого немного нарушала частая решетка на окне, заметная через приоткрытые шторы.

– Пришли, Владимир Васильевич? – назвал он меня по имени-отчеству, заглянув, правда, предварительно в открытый еженедельник. – Ну присаживайтесь, надо нам с вами беседу поиметь.

– Как скажете, – кивнул я. – Беседа – имя красивое, но почему именно здесь? Да и не свободен я, почти что женат.

– Все равно придется, – усмехнулся он. – Сама судьба свела наши с вами пути к обоюдной пользе.

– А точно к обоюдной? – усомнился я. – Пока из пользы вижу то, что я не выпался после суток, просыпался так, словно из гроба восставал, мучительно и тяжело.

– К обоюдной, к обоюдной, – повторил он. – У меня интерес в вас большой, потому как вы первый человек в городе, которого удалось уверенно определить как прошедшего через искусственный провал.

– Так уж и первый? – переспросил я с недоверием.

– Я сказал, что первый, которого удалось идентифицировать, – повторился Милославский. – Нашли место прохода, нашли следы жертвоприношения, обнаружили вашу ментальную связь с точкой, в которой провели... ритуал, если угодно.

– А что плохого в слове «ритуал»? – удивился я.

– Потому что это все же не религия, а скорее... пожалуй что физика, хоть и непривычная физикам ее составляющая, – задумчиво сказал тот. – Это скорее был эксперимент, так правильней это все назвать, нежели ритуал. Как только начинаем пользоваться не своей терминологией, так и сбиваемся с науки на мистику. А это неправильно.

– Для меня это все мистика в любом случае, – сказал я честно.

– А для меня – нет, – ответил Милославский и задал вдруг неожиданный вопрос: – Вы своей работой нынешней довольны?

Я немного озадачился. В последние дни на меня столько всего и сразу свалилось, что мне просто недосуг было задуматься о своем отношении к

работе. Поразмышляв с минуту, я ответил:

– Она неплохая. Уважаема в городе, у меня остается много свободного времени, что позволяет зарабатывать на стороне, потому как жить на зарплату и работать от сих и до сих я не привык... Опять же толковых людей там встретил, с одним из которых дела какие-то делаю... Опять же патроны со скидкой, а пострелять уже пришлось.

– Это в поездке за автомобилями? – уточнил он.

– Справки навели или я сам проболтался?

– Справки, – коротко ответил Милославский.

– Да, там довелось. – подтвердил я. – Да и вообще такую анархичную жизнь, в которой можно много приобрести и много потерять я предпочитаю спокойной жизни с работой от звонка и до звонка. К тому же я начал пилотированию обучаться, пока в теории, но... То есть еще и альтернативные пути развития появились.

– Пилотирование – это хорошо, вообще полезно, – кивнул он, что-то пометив у себя в бумагах. – Поначалу администрация этого не оценила, отдала энтузиастам, за что спасибо им, разумеется, но теперь поняли, насколько это важно... Ладно, не об этом речь...

– А о чем? – насторожился я. – О том, что у энтузиастов аэродром собираетесь отбирать?

– Уже в курсе? – поднял он брови. – Собираемся. В принципе, потому что вопрос окончательно не решен. В городе правило, что все жизненно важные отрасли и дела могут управляться только городом же, а никак не частником. Но... есть вероятность это решение не принимать. Или принять в урезанном виде, например, законтрактовав предприятие на городские нужды полностью, но не национализируя.

– Это называется «национализацией»? – с иронией переспросил я.

– Да, нас именно так и называется, – ответил Милославский, скрестив руки на груди и глядя мне в глаза. – Но я уже сказал, что по данному вопросу совещания пока не было и решения не принималось. А мой голос, кстати, на совете весит серьезно, подчас как та самая гирилка, которая окончательно решает, куда склонятся весы.

– Я понял.

Я действительно понял. Понял, что я Милославскому зачем-то нужен, понял что он уже просчитал все варианты и уже нашел рычаг воздействия, и понял, что он знает, как за этот рычаг тянуть. Он, интересно, точно профессором-философом был раньше, или «честным рейдером»? А то все ухватки в наличии, я на таких насмотрелся.

– Хорошо, про способы убеждения послушал, – кивнул я. – А зачем я

вам конкретно нужен?

– Для лучшего, – засмеялся он. – В самом деле не пожалеете. Я подготовил документ, согласно которому Горсвет откомандировывает вас в распоряжение управления по науке городской Администрации, которое я имею честь возглавлять. Вас и Федора Мальцева.

– С обязанностями...?

– Простыми и понятными, – завершил он мою фразу. – Заниматься тем, чем вы сейчас занимаетесь в нерабочее время. Куда-то ездить, что-то искать, где-то бывать. Не возбраняется халтурить, да и я найду способ премировать, если у нас все сложится.

– Все из-за моего статуса «искусственно провалившегося»? – уточнил я.

– Не только, – ответил он. – Мальцев давно известен как смелый и нахальный мародер, не боящийся забираться в такие места, куда подчас и разведка пасует соваться. К тому же у него постоянные проблемы с дисциплиной на работе, он настоящий анархист.

– А почему не привлекать тот же разведбат? – уточнил я.

– Потому что тогда надо просить об одолжении, – развел он руками. – А я не люблю одалживаться. И опять же упомянутый вами «статус» – в разведбате нет таких, которые попали сюда из-за ритуала адептов Тьмы. А это может когда-нибудь очень сильно пригодиться. Это первое.

– А второе?

– Второе – вы мне кажетесь неглупым человеком. И если у вас в прошлом было свое успешное дело, вы наверняка не склонны работать на кого-то, будете стремиться к известной самостоятельности. Так?

– Так, все верно, – кивнул я.

В этом он меня верно просчитал. Я на дядю не работал уже лет десять, отвык, мне проще самому за себя отвечать, чем перед кем-то отчитываться постоянно. Но только он мне особой самостоятельности и не предлагает вроде как. О чем я и спросил.

– Предлагаю, – ответил Милославский. – Хотя бы в том, что я редко ставлю задачи «в режиме обезьяны», предполагаю самостоятельность исполнителя. Да и нет у меня задач вам на каждый день, отчасти поэтому я к вам и обратился. Найдете чем занять себя, не будете все свободное время в шинке сидеть, как многие другие. Согласны?

– Вообще-то да, – осторожно ответил я, после чего уточнил, не удержавшись: – А вообще у меня выбор был?

– Нет, – ответил профессор более чем лаконично.

– Тогда тем более согласен. Как это все будет выглядеть?

– Сегодня подготовим документы на перевод, завтра их подпишет зам главы Администрации и бумаги отдадут в Горсвет. Послезавтра жду вас обоих здесь, с самого утра. Прикрепим к вам человека из моих научников, он начнет вводить вас в курс дела, чтобы вы не вслепую действовали, а знали реальную ситуацию.

– Но официально я...

– Будете числиться в Горсвете.

– Понял.

– Хорошо, что поняли, – кивнул Милославский, после чего придвинул к себе толстую тетрадь. – А теперь давайте снова поговорим про ваш провал. Детально, по минутам и секундам, что делали, куда ходили, какими словами пугались и ругались, что видели... все, в общем. Напрягите память.

В последний раз я сталкивался с понятием «мурыжат» года два назад, когда меня вызывали в городской УБЭП вроде как дать показания, а фактически для того, чтобы найти какой-нибудь повод содрать денег. Тогда два лихих майора умотали меня вопросами до головной боли и бешенства. Сейчас почти такого же результата сумел добиться один Милославский, разве что бешенства не было, денег он с меня не хотел и просто своим делом занимался. Но плешь проел. Насквозь, до самого мозга.

Когда я из НКВД вышел, уже темнеть начало. Плюхнулся в «тазик», завелся, пока прогревался, пытался мысли в кучу собрать. Вот так, я тут без году неделя. и уже всем остро нужен. Хорошо это или плохо? Если действовать с умом, то хорошо, потому что нужен я им, а не они мне. Они мне тоже, но все же вторично. Кстати, если с нами начнут работать научники, то у них будет неплохо попросить карту колебаний границ Тьмы. Авось не откажут.

Ладно, надо теперь Федьку отыскать. «Тазик» сорвался с места и понес меня, звонко тарахтя, в сторону базара, где сейчас должен был Федька ошиваться. Промелькнул отрезок Советской, затем я свернул на Кривой Ручей, и оттуда – на улицу Либкнехта, в конце которой, разбитой и грязной, базар и раскинулся. С правой стороны к нему приткнулись несколько кирпичных сараев, в которых, судя по виду, и до «исторического материализма» были какие-то мастерские, и сейчас ничего не изменилось.

Гараж Тьмы найти было нетрудно – в распахнутых воротах был виден стоящий над ямой «Блиц» Федьки. Под ним с задумчивым видом прохаживался чрезвычайно чумазый парень с фонарем, а вот Федора видно не было.

Остановившись у самых ворот, я заглянул внутрь. Парень под

машиной не обратил на меня ровным счетом никакого внимания, и я постучал по металлическому борту кабины, откликнувшемуся гулко, как железная бочка.

– Але, гараж!

– Чего хотел? – соизволил тот обернуться, наконец.

– Хозяин экипажа где? – я снова постучал по машине.

– Федька-то? – переспросил тот. – А на базар пошел, в чайную.

– Ага, благодарствую, – кивнул я и пошел на улицу.

Чайную я помнил, хоть и не заходил. Она почти вплотную примыкала к логову армянских обувных мастеров, пытавшихся убить во мне чувство всякой эстетической меры туфлями с длинными носами, типа шоковая терапия. Стандартный для этого базара маленький желтый флигель, кривоватый и частично осевший в землю, на котором висела вывеска «Чайная Бомбей» и был изображен сизоватого оттенка слон на фоне восточного облика башен, здорово напоминающий картинку с пачки «Чая индийского» – единственного его сорта, продававшегося во времена моего детства.

Федька действительно блаженствовал в общепите, сидя за столиком, на котором стоял фаянсовый чайник, накрытый колпаком, чтобы не остывал, и при этом он жевал пирожок с чем-то вкусным, судя по тому, как довольно он щурился. Еще кучка таких же пирожков возвышалась перед ним на тарелке.

Усевшись напротив, я сразу дернул один, надкусил – с клубничным вареньем, надо же! Вкусно.

– Вкусно, – оповестил я его.

– Ты только пироги жрать пришел, или по делу? – вежливо поинтересовался Федька, отодвигая от меня тарелку.

– По делу, дай запить, – сказал я, сграбастал его стакан с чаем и хлебнул из него. – Блин, как ты пьешь это? Жопы не слипнется? Это же чайный сироп.

– Это чтобы такие как ты не воровали, – сказал он, отбирая стакан назад.

К нам подошел сутулый лысоватый мужик с бородкой, спросил меня:

– Будете что-нибудь?

– Обязательно! Чаю... обычного, черного, и... два пирожка с клубничным вареньем... с чем еще есть?

– С яблочным.

– И два с яблочным, – дополнил я.

– Один с клубникой вернешь, – предупредил Федька.

– Жлоб, как есть – жлоб, – вздохнул я. – Ладно, теперь к делу. Был я у Милославского, и пришел оттуда с новостью.

– С большой или так себе?

– С большой. Нас с тобой из Горсвета откомандировывают в его управление. С сохранением зарплаты и должности.

– Это на хрена? – скривился Федька. – Мы с тобой если с суточной работы уйдем – на зарплату жить будем. Если каждый день – я бросаю службу на хрен, все равно годовой ценз у меня вышел, могу идти куда хочу.

– Не все так плохо, если на первый взгляд, – взялся я его успокаивать.

И рассказал все, что мне рассказал Милославский. Федька слушал внимательно, иногда кивал, иногда переспрашивал, а морду больше не кривил. Предложение профессора ему тоже чем дальше, тем больше нравилось.

– То есть мы с тобой будем гонять туда, куда сами научники ссут лазить? – уточнил он. – И куда разведбат подписывать не хочется, потому как он в другие руки работает? Я все правильно понял?

– Правильно. По крайней мере, Милославский так все подал, а как на деле будет – там посмотрим.

– Оно неплохо, – кивнул Федька. – Кстати, а что ты мне отказался в караулке рассказывать? Чего там у тебя за секрет страшный?

Поведал ему и об этом, про эффект «обратного времени» на границе Тьмы. Увидев скептическую его морду, сказал:

– Федь, ты про беременности слышал?

– Ну... да, слышал, – признался он.

– Есть другое объяснение?

Он подумал, поглазел сначала на потолок, затем на стену, словно ожидая, что ответ проступит как слова «Мене, текел, фарес» на Валтасаровом пиру, затем покачал головой.

– Нет объяснения.

– Второй вопрос... – снова заговорил я. – Опеля своего брал – Тьма дальше была?

– Дальше, верст на восемь, – подтвердил Федька.

– Резинки рассохлись?

– Было дело, намучился, пока ехал.

– А тут две машины гнали, и хоть бы хны, так, капельки покапали. Верно?

– Это да, верно, – согласился он. – И так быть бы не должно, если они рядом стояли и считай, что одинаковое время.

– Вот и я о том, – обрадовался я его согласию. – А теперь прикинь, что

будет, если получим карту колебаний Тьмы со свежими обновлениями.

– Это я понял, – сказал Федька после довольно длительных размышлений. – Но и риску туда соваться много, сам же видел.

– Много, согласен, но и прибыль тоже ничего. А я бы хотел под такую работу с Милославского какую-нибудь броняшку выбить, вот к чему веду. Если бы мы с тобой там на танке, скажем, катили, что бы нам грозило?

Федька растерялся немного, затем сказал:

– Ну... если только призраки через щели бы пролезли... А так да, заперся и порядок. Но танки нам не положены, да и в город на них нельзя.

– А на Ферму?

Тут он отставил стакан, из которого продолжал отхлебывать, в сторону, и посмотрел на меня с явным уважением.

– Вован, а ты соображаешь... Ферма-то в глуши стоит, в тупике типа, в том направлении никакие правила не действуют, потому что в них смысла нет.

– Вот об этом я и говорю, – обрадовался я пониманию. – Только я гусеничную водить вообще не умею. Сидел в бээмдэшке в свое время, да и все.

– Должен будешь – я умею, – сказал Федька. – Механик-водитель боевой машины пехоты по ВУСу. Хотя и не ездил давно, так что сам понимаешь... Тока это... Ты траки менять умеешь? Гусянку натянуть?

– Под чутким руководством если только, – честно ответил я.

– Я в свое время подумывал опеля бронировать, – поделился мыслью Федька. – Но не вышло – на кабину не навесишь железа – просядет, а переделать и дорого, да делать никто не станет. А так серьезная броня и не нужна, нам же больше от когтей, чем от пуль. Хотя...

– Во-во, это еще куда зашлют, – кивнул я. – Поскольку в той картинке, что себе Милославский вообразил, сектанты присутствуют... ну дальше сам понимаешь, трудности бывают разными.

– Оно понятно... ладно, надо тянуть с них все, что можно вытянуть. Всякая любовь предполагает взаимность, или она обречена на забвение, – сбился Федька на высокий слог. – И чего дальше делать будем? В Сальцево-то поедem?

В Сальцево надо бы, тут вопросов нет. Мне. Например по покойной скандалистке Скляр один момент немного не дает покою: а как она все же оказалась у этих самых адептов, или сектантов, черт их маму разберет? Я в Горсвете без году неделя, но и то успел выяснить, что зарегистрированных случаев проникновения этих самых адептов в город не зафиксировано. И внешность у них неправильная, и глаза выдают... И в Сальцево, насколько

я слышал, то же самое, там не дурнее нас народ. Как среднестатистическая баба, пусть и дурная на всю голову, могла оказаться за периметром и попасться тем, о ком в ближних окрестностях городов пока и не слышали? Загадка? Ага, типа того.

Не, я расследование вести не собираюсь, не мое это дело, но вот интерес все же имеется. И если бы получилось узнать, то узнал бы с удовольствием. Потому что меня всегда напрягают непонятности в тех делах, в которые я вынужден ввязываться. И вот это – непонятность. А я уже ввязался.

– Федь, а там вообще что-то вроде ментовки есть?

– Где? – не понял он.

– Да в Сальцево этом самом.

– Естественно. Служба безопасности называется, они там и армия, и ментовка, и все что хочешь, вплоть до нашего Горсвета. А что?

Я ему свои мысли изложил кратенько. Федька кивнул, задумался, затем сказал:

– Вообще ты прав, эпизодик странный. Так могут захватить в двух случаях – если за городом напали, или если... если кто-то... хм, даже странно, пока не слышал подобного. В любом случае любой выход за ворота у них тоже регистрируется. Фамилия есть, если тетка эта ушла в Сальцево, а потом оттуда вышла, то записи быть должны.

– Есть у кого спросить?

– Да есть, в принципе..., – слегка поморщился он. – Не очень люблю обращаться, но можно, можно... Да и нужно, мне это тоже как-то... так же, как и тебе, не нравится, в общем. Когда?

– Давай я тогда свою летнюю подготовку передвину, и сгоняем завтра, только Настю с утра на аэродром отвезу. – прикинув, предложил я.

По-другому и не получалось, послезавтра Милославский нас уже по своим делам дернуть может, а лучше бы хоть что-то выяснить до того времени. Есть у меня такая привычка – никому до конца не верить, особенно когда кто-то предлагает тебе чуть ли не особые права. Как профессор в данном случае.

– Лады, – кивнул Федька. – Заезжай с утра... во сколько это получается?

– В десятом часу.

– Давай, буду внизу ждать. Оружие получи, туда хоть дорога и не дальняя, но всякое случается. Народ с товаром катается, машины туда-сюда, так что бандитов тоже хватает.

– Да это понятно, – кивнул я, принимая от подошедшего буфетчика

чайничек и тарелку с пирожками.

– Это мое, – сказал Федька и ловко скрал с тарелки пирожок с клубничным вареньем.

* * *

Да, чем больше суеты в этой жизни, тем больше ценишь добытый в трудном походе «тазик». Туда, сюда – даже по населенному центру Углегорска делать эти крюки пешком я бы задолбался, а теперь все прилично, на машине, как их сиятельство. Заехал в Горсвет, в честь завтрашней поездки получил карабин с двойным боекомплектом, оттуда сразу на аэродром рванул, время уже поджимало.

Сегодня весь персонал был в сборе. В ангаре было шумно, работали у всех машин, пахло лаком – Серега замазывал эмалитом заделанные дыры в плоскостях Настиного самолета. Сама «товарищ красный военлет» с грозным видом стояла на нижней плоскости самолета, одетая в широкие штаны с подтяжками и рубашку с засученными рукавами. Несмотря на такой наряд и общую чумазость, выглядела она удивительно сексапильно на мой взгляд, а всякие не мои взгляды мне по большому счету, до лампочки.

Здороваясь со всеми на ходу, я пошел в ее сторону. Увидев меня, Настя ловко спрыгнула на пол, придерживав рукой кобуру, и направилась навстречу, заранее подставляя щеку для поцелуя. Но обманулась, поцеловал я ее в губы.

– Закончила?

– Почти что, минут через десять закончу и поедem, – ответила она, неопределенно махнув рукой в сторону самолета, желая показать, с чем она должна закончить.

– Я подожду, – кивнул я, присаживаясь на грубо сколоченную скамейку, приткнувшуюся к кирпичной стене ангара.

– Лучше в учебный залезь и к органам управления привыкни, – сказала она. – Завтра занятия.

– Завтра не выйдет, – вздохнул я вполне искренне, потому как учиться летать хотелось. – Изменения в служебном статусе, завтра другие дела возникли.

– Блин, началось, – вздохнула она. – У нас и так одно занятие в четыре дня, куда еще его переносить?

– Ну... сложилось так, дома расскажу, – развел я руками. – Обещаю учить матчасть усиленно пока.

– Матчасть? – переспросила она. – Ну... взлетный вес у По-2 какой?

– Девятьсот двадцать два кила. И шестьсот шестьдесят пять у пустого.

– Мда? – глянула она скептически. – А скорость в момент отрыва?
– От семидесяти пяти до восьмидесяти.
– Ну ты смотри, запомнил, – засмеялась она. – Но ты все же не пропускай потом, ладно? Я на завтра подготовилась, целую лекцию сочинила, а тут...

Как бы то ни было, а в стоящий у дальней стены самолет я забрался. А что тут изучать? Приборчики все простые, вариометр, указывающий скорость снижения или подъема, альтиметр, указатели давления и температуры масла. Тахометр на стойке, пусковое магнето и заливной насос. Две педали, сектор дросселя, рукоятка управления с резиновой ручкой, как у велосипеда. И все. И что тут учить?

Похватался руками, сначала так, потом с закрытыми глазами, поерзал задницей в неудобном кресле – да и все, что еще делать в кабине?

– Пошли, я все! – крикнула Настя.

«Все» была не только она, собирались и остальные. Складывали инструмент, стаскивали рабочие комбинезоны, собираясь по домам. Мне было видно через открытую калитку, как Марат завел полуторку, оставив ее прогреваться.

– Развозите народ по домам? – предположил я.

– Конечно, темно же на улице, – кивнула Настя.

– А вездеходик, который АР-43, он чей? – поинтересовался я насчет интересной машины.

– Наш, аэродромный. Пока ты не появился, мы с Колей друг друга подвозили до дому на ней.

– А сегодня он как барин, один едет?

– Сегодня он как сторож, дежурить остается, – засмеялась она.

Действительно, Коля уже поднялся на второй ярус и стоял там у перил, с автоматом на плече, поглядывая на нас сверху.

Выбрался из тесной кабины на плоскость, прыгнул на пол.

– Пошли?

– Есть хочу, давай купим что-нибудь домой, – сказала Настя, забираясь в машину.

– Я пирожки купил и молоко, – указал я на противогазную сумку, лежащую в машине. – Только остыли, небось, там еще горячие были.

– Ничего, я и так умну, – обрадовалась она.

– Не обедали, что ли?

– Обедали, да день был суматошный, умоталась. И оголодала снова.

«Тазик» резво и радостно довез нас до дома, где и затих, пристроившись у самого подъезда, пощелкивая остывающим двигателем.

Дверь открыла жена коменданта, придирчиво выполнившая процедуру «светового теста», квартира встретила темнотой и заметной прохладой. Пощупал батарею – вроде теплая, а дома холодно.

– Держи, я паклю и газету прихватила с работы, – сказала Настя, выкладывая на столик небольшой сверток. – Клей тоже там, в баночке.

– Отлично, – обрадовался я. – А то тут не намного лучше, чем на улице. Так, ножницы у нас есть?

– Только маленькие, маникюрные, – подумав, сказал она. – Дать?

– Не, не надо, я ножом порежу.

А что, дело не хитрое, сложил да по сгибу разрезал. Вполне аккуратные полоски получаются. А резать буду бритвой, завтра ее на ремне направлю только перед тем как бриться.

Настя пристроилась за столик с молоком и пирожками, а я сразу занялся делом, вооружившись кухонным ножом и заталкивая скрученную паклю в щели рам.

– Так куда ты завтра? – спросила она, взявшись за первый пирожок.

– В Сальцево. С Федькой.

– А что так подперло? Что там у вас случилось?

– К Милославскому в помощь откомандировали. Вот и хотим кое-что проверить до того, как начнем. Он вообще как не твой взгляд, доверять ему можно?

– В каком смысле?

– В прямом. Имеет ли он привычку кататься на подчиненных в рай и разминывать их по ходу на всякое полезное для себя, имеет ли привычку обманывать... ну и так далее.

Она пожала плечами, отпила молока из стакана, затем сказала:

– Я вообще не так чтобы в друзьях с ним, но... вообще он себе на уме, конечно, не Мать Тереза, но плохого о нем тоже не слышала. По крайней мере из его управления на него всерьез никто мне не жаловался, хотя болтала с многими. Но сам понимаешь, это не источник информации.

Это понятное дело, но хоть что-то.

– Слушай, – снова заговорил я. – А у него действительно так много влияния, или он выпендривается?

– Много, он же один из первых тут, кто людей организовывать взялся. Если реально смотреть, то он, пожалуй, после главы Администрации, Леонова, второй или третий человек, вместе с главным военным, Евстигнеевым.

– Евстигнеев чем командует?

– И комендатурой, и разведбатом. Только Горсвет не подчиняется, ваш

Беленко к Леонову напрямую ходит.

Ага, уже кое-что проясняется. Расклад сил в городской верхушке, по крайней мере. У Милославского с этим самым Евстигнеевым видать трения есть, не доделенное влияние. Вот и не хочет профессор одалживаться. Сейчас одолжишься, а потом тебе за эту самую услугу малую гол забьют. Поэтому вынужден идти к Беленко нашему, который вроде сам по себе.

– А у Беленко вес есть на твой взгляд?

– Ну ты нашел у кого спрашивать, – засмеялась она. – Я что, местный политический обозреватель? Обычная барышня, не слишком умная, которую ты даже используешь для собственного удовольствия. Что я могу знать?

– По сравнению со мной, который тут без году неделя – многое, – не повелся я на шутку. – Есть у меня ощущение, что тащат меня куда-то в непонятные мне дела, вот в чем проблема.

– Не ходи, – посоветовала она.

– И есть у меня другое ощущение, что если в это все ввязаться, то можно будет получить большой приз.

– Это какой? – посмотрела она на меня с подозрением.

– Путь домой.

– Как-как?

– Домой. Туда, на ту сторону, где десять лет – это десять лет, но жизни, а не выживания.

– Я уже надоела? – спросила она после паузы.

– А ты со мной не пойдешь? Хочешь жить вечно?

– Извини, глупость сказала, – вздохнула Настя. – Ты, так сказать, приглашаешь?

– Я, так сказать, приглашаю, – в тон ей ответил я.

Она снова вздохнула, потом сказала, покачив головой:

– Ты сам не понимаешь, что говоришь. Ты приглашаешь влюбленную женщину в мир, где она сможет иметь детей. Нормальных детей, которые нормально будут расти, в нормальном мире.

– Я пока не приглашаю, если честно, – осторожно сказал я. – Может и не получиться ничего, я могу и ошибаться. Я просто хочу попробовать подобраться к этому, если оно действительно существует. Или будет существовать.

– Этого уже достаточно, – сказала Настя. – Ты разве не понимаешь, что мысль о детях гонит от себя здесь половина женщин? И сто лет за десять для таких – утешение слабое, скорее наоборот. Сотни лет бессмысленного существования, ведущего во Тьму. Даже думать об этом страшно. Если есть

хотя бы малая надежда на то, что удастся вырваться – я тебя очень прошу, попробуй. Я для тебя готова тогда все сделать, пойду с тобой куда угодно, лишь бы из этого чистилища.

Я посмотрел ей в глаза и сразу же поверил.

* * *

– Значит так, попробуем выяснить что-то про эту самую Скляр, но об остальных делах тоже не забываем, – сказал Федька после того, как уселся в «тазик» и мы отъехали от общежития. – Оставшийся «шнауцер» я любому в Углегорск тащить не хочу, а то потом безопасники задолбают.

– Это понятно, но как в Сальцево разбираться с продажей будем, деньги же другие?

– Товаром возьмем. И не сразу, а частями, так, чтобы выглядело, что на свои деньги покупаем и возим. И на базаре на реализацию дадим в несколько точек, так незаметно будет, если всерьез копать не возьмутся.

– А если возьмутся?

– Тогда вскроется, понятное дело, конспирация-то левая, но в сущности преступления нет, так, просто не дали с себя халявы взять, – сказал он, разведя руками в притворном недоумении. – Не смертельно, в общем. Но какие-то последствия будут. На службу напишут, еще что-нибудь.

Ну да хрен с ним, не корову проигрываем, как говорится.

– Ладно, будем посмотреть, – сказал я.

Припустивший опять мерзкий морозящий дождь стучал по натянутому тенту и брызгал на лобовое стекло, но в кабину капли почти не залетали. Город настолько пропитался водой, что грязная мостовая превратилась в почти что сплошную лужу, из-под колес летели настоящие фонтаны мутной жижи. Люди, спешившие куда-то по тротуарам, или чесали прямо по лужам, наплевав на все, или еще старались выбирать место, куда можно поставить ногу без особого ущерба.

Промелькнула вся Советская, помахал нам рукой Паша, стоящий прямо на крыльце Горсвета, куда он пришел на свое внеочередное дежурство, а мы помахали ему в ответ, затем показались тяжелые ворота КПП. Уже знакомый и привычный путь из города.

Записали и пропустили даже без всякого досмотра. Помойка полосы отчуждения, затем тонущая в грязи безлюдная окраина, нагоняющая тоску, которую хотелось проскочить как можно быстрее. Я поэтому и газу прибавил, разогнав «тазик», затарахтевший мотором на все окрестности. Мы обогнали даже колонну из трех ЗиСов, в кузовах которых были составлены штабелями ящики непонятно с чем, а впереди катил кургузый АР-43 с пулеметом на вертлюге. В вездеходе сидело четверо, судя по

одежде – разведбатовцы на халтуре, подрядившиеся поохранять колонну.

Мы легко обогнали неторопливый обоз и вырвались вперед, вскоре потеряв его из виду. На развилке дорог Федька напомнил:

– Нам налево.

Это и так было понятно – дорога, ведущая налево, была искатана автомобильными колесами, и направо, та самая, по которой мы ездили в Порфирьево, никак часто используемой не выглядела, так, пара машин проехала за последнее время, не больше.

Километров через пять я увидел остовы двух сгоревших грузовиков, столкнутые с дороги в кювет. От кузовов остались лишь металлические каркасы, а вот металл кабин был явно изрешечен пулями, причем сыпавшимися чрезвычайно густо.

– Видал? – спросил Федька. – Это местный дорожный разбой вместе с бандитизмом и всяким беспределом. Тут такое случается время от времени.

– Я слышал, что разведбат дорогу патрулирует и сальцевские?

– Патрулируют, но на каждый сто шагов по человеку не поставишь, верно? А подходов к дороге много, со всех сторон, все не перекроешь.

Сам Федька при этом перехватил ПППШ поудобней и по сторонам оглядывался внимательно. Настроение передалось и мне, я тоже насторожился и дальше ехали молча. Пару раз даже останавливались, вглядываясь в подозрительные заросли у дороги, но ничего не случилось – никто на нас не нападал.

Сорок километров, разделявшие нас с городом-антагонистом, проехали меньше чем за час, даже дорога надоесть не успела. Разве что дождь немного стих, превратившись в нечто вроде висящей в воздухе мелкой-мелкой измороси, противной и зябкой.

КПП был похож на свой углегорский аналог как две капли воды, и там у нас отобрали карабин и автомат, выдав взамен металлические номерки и оставив при нас пистолеты. Вояки, проверявшие нас и досматривавшие машину, тоже носили военную форму с местных складов, а вот за воротами контрольно-пропускного пункта уже начинались сплошные различия.

Окраин у Сальцево не было, этот городишко совсем не был похож на Углегорск. Хотя раньше здесь располагались, да и сейчас никуда не делись, главный областной речной порт и при нем узловая железнодорожная станция, сам город был совсем небольшим, размером с крупное село, наверное. Преимущественно малоэтажный и деревянный, он не оставил за периметром никаких заброшенных окраин, а скорее был вынужден разрастаться сам, приближаясь к проволочному ограждению изнутри.

Немало было домов новых, сложенных из свежего бревна. Иные

выглядели обычно, иные строились настоящими подворьями, окружаясь мощными заборами с проволокой поверху. На улицах же даже остатков асфальта не было, разве что было заметно, что во многих местах подсыпали песка и гравия, чтобы проходящие и проезжавшие не тонули в грязи.

– Тут жилая часть, затем центр, базар и что-то вроде промзоны возле порта, – взялся описывать местную географию Федька. – Если вон туда поехать, по Центральной, то попадешь на карьер. Там стекольный и силикатный.

– А местный Беверли-Хиллз где? – спросил я, вспомнив рассказ Федьки о местных особняках.

– Тоже по Центральной, но направо, во-он туда, прямо на берегу стоят, – показал он рукой. – Огорожено, охрана, в общем – самое оно. И не скрываются, в отличие от углегорского начальства. А то наше прямо пролетарии из пролетариев, а живут по-царски, если уж в сравнении говорить.

– Откуда знаешь?

– Да все знают по ходу, – махнул он рукой. – Знакомый один на ремонте там работал, рассказывал. Там даже мебель старую пользоваться запахло, все под заказ сделано.

– Ну так чего же ты хочешь, чтобы начальство себя обижало?

– Не, эти не обидят, – засмеялся он. – Просто они стесняются этого как бы. А сальцевские не стесняются, все напоказ.

Центральную улицу Сальцева тоже никто никогда не мостил, но содержали ее в относительном порядке. Лужи все больше мелкие, гравием подсыпанные, и вдоль заборов можно пройти вполне нормально, не по колено в грязи. Появились и первые кирпичные дома, привычно покрытые крашенной в желтоватый цвет штукатуркой.

– Тут власть местная квартирует, – показал Федька на здание с колоннами, здорово смахивающее на сельский Дом культуры. – Но только бюрократы, всякие вояки и фонарщики ближе в промзоне сидят, складской двор целиком заняли. Фонарщиков тут мало, окраин нет, которые прочесывать треба, а с городской территорией там две-три бригады справляются, лафа в общем.

– А че тут за бюрократы? – зацепился я за слово.

– Тут Правление вроде как власть, типа самые авторитетные граждане заседают плюс столько же выборных из низов, но это уже так, кивалы обычные.

– А главный есть?

– А как же, обязательно есть, председатель. Раньше Пятаков сидел года четыре бессменно, но его кто-то привалил, а теперь Бородулина избрали, хозяина кирпичного завода.

– А с криминалом здесь как?

– Какой тут криминал, когда он самый власть и есть? – засмеялся Федька. – Не были бы властью, хрен бы знает что творили, тот же Слепнев, начальник местной эс-бэ еще тот персонаж. Но поскольку теперь неучтенный криминал им только помеха, то его нет.

– А учтенный?

– А что тебе с учтенного? – удивился вопросу Федька. – Тебя оно точно никак не коснется.

– Тоже верно, – согласился я.

Система понятная, вроде как самые мафиозные районы в Америке были по уличной преступности самыми тихими – не любили местные боссы лишнего шума. Ну и здесь такой же механизм работает.

– Вон там направо, – показал Федька на поворот, у которого висел указатель «Рынок».

– Ага, понял, – сказал я, заворачивая «тазик» куда сказано.

На улице здесь всяких машин хватало, и грузовых, и легковых, но моя амфибия и здесь внимание привлекала. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Разок попалась навстречу амфибия американская, «Форд Жи-Пи», но по сравнению с «тазиком» выглядела она неуклюже, как самая обычная лодка, почему-то поставленная на колеса. А то и просто саперный понтон.

Много было «кюбелей» и много всяких немецких легковушек, все больше в армейском исполнении. Особенно впечатлил генеральский полноприводный «хорьх», выкатившийся на дорогу перед нами и солидно кативший впереди, гоня волну в лужах. Мне вспомнилось, что начало процветанию Сальцева положил трофейный склад, оказавшийся как раз в местном речном порту. Оттуда и дровишки, наверное. Углегорск все же больше на советской технике и ленд-лизе, трофейной не много. Это же было заметно и по оружию. Что солдаты на КПП были вооружены черными МР-40 с прямыми длинными магазинами, что охрана возле «дома с колоннами», стоявшая с похожими на калаша автоматами «Стг-43», которые в моей действительности были «Стг-44». Вроде и случайность, а словно подчеркнула различия между двумя городами.

Базар здесь был действительно большой, это было видно сразу, еще на подъезде. Стоянка, забитая грузовиками и прицепами, длинные крытые торговые ряды, отремонтированные и местами достроенные, ряд магазинчиков, кафешки, трактиры – в общем, жизнь тут кипела.

Было шумно, где-то играла музыка – кто-то отчаянно наяривал на аккордеоне рыдательное танго, люди ходили между рядами, приценивались к товару.

Край рынка у самой стоянки был отведен лабазам и складам оптовиков, чтобы упростить погрузку и разгрузку, потому как помалу здесь не покупали. Была и мука в мешках, со слов Федьки пришедшая рекой с низовьев, и сахар, и мясо в тушах, и какие-то колбасы, и кожи – что угодно. Так же как и в Углегорске работали мастерские, где-то звонко стучали железом, за окнами какого-то сарая наперегонки стрекотали швейные машинки.

Припарковавшись в конце недлинного ряда легковушек, мы выбрались из машины, и я спросил:

– Куда сейчас?

– В «Светлячок», кафешка местная, там найдем кого нужно, а заодно и пожрать можно. Завтракал?

– Ну так, условно, – ответил я. – Чаю с пирожком дернул, да и все.

– А я вообще воды попил, так что сам понимаешь, – сказал Федька. – Проспал сегодня малость, даже в буфет не успел.

– Успевать надо, – нравоучительно сказал я, но пошел за ним следом.

Потолкавшись немного в толпе, добрались до «трактирного ряда», где вперемешку пахло шашлыком, свежей выпечкой и еще какой-то стряпней. «Светлячок» занимал длинное бревенчатое здание, стоявшее в середине всего этого изобилия. Резное крылечко, зеленая крыша, затейливые наличники – если бы не неизменные решетки на окнах, домик бы выглядел очень весело.

Внутри было людно, сидело множество явно торгового люда, попивавшего чаек с чем душе угодно, сновали по залу несколько официанток, звякала посуда и все это перекрывал гул голосов – говорили за каждым столом, тут явно было что-то вроде местного «делового клуба».

– Давай за стойку, оттуда оглядимся, – сказал Федька, потянув меня за рукав.

Стойка бара была высокой, как ей и подобает, длинной, вдоль нее выстроился ряд высоких табуретов, к удивлению моему даже не прибитых к полу, то есть драки тут, видать, были не часты. Приличное место.

Едва мы уселись за стойку, как к нам подошла молодая симпатичная буфетчица, спросившая:

– Что закажете?

– Омлет с сыром и грибами, – сразу сказал Федька. – Затем чай с яблочным пирогом.

– Мне то же самое, – поднял я руку, решив не мудрствовать.

Буфетчица кивнула и нагнувшись к окошку в кухню, сказала:

– Два омлета с сыром и грибами.

Кто-то невидимый ответил что-то невнятное, но видимо, положительное, громыхнула сковородка.

– Ага, а вон тот, кто нужен нам, – сказал Федька, кивнув на трех человек, сидящих за столиком в углу.

– Кто из них?

– В штормовке брезентовой который, посередине, – уточнил Федька.

Я присмотрелся к худощавому и жилистому мужику лет сорока, одетому в расстегнутую штормовку с откинутым капюшоном. Короткие волосы, лицо с резкими складками, манера коротко поглядывать на собеседников исподлобья.

– А кто это? – поинтересовался я.

– Он тут вроде начальника охраны при базаре, а раньше в местной службе безопасности работал, так что контакты есть, – пояснил Федька. – погоди секунду, я его отозвать попробую, а то остальных не знаю.

Федька слез с табурета и направился к человеку в штормовке. Пожали руки, поздоровались, затем мой товарищ пару раз кивнул в мою сторону, что-то объясняя. Тот выслушал, затем, сказав пару слов людям, сидевшим с ним, поднялся и с Федькой вместе направился ко мне. Поздоровались, пожали руки.

– Знакомьтесь, – сказал Федька. – Это Володя, мой напарник и товарищ, а это Сергей, он тут местной безпекой заведует. Ну и в самом городе по профилю своему помочь может.

– Чем надо помочь? – спросил Сергей, перейдя сразу к делу.

– Пытаемся судьбу человека одного проследить, – начал я осторожно. – Женщины. Известно, что жила в Углегорске, затем перебралась в Сальцево. Потом каким-то образом умудрилась оказаться за городом, где и погибла.

– И что конкретно нужно? – уточнил безопасник.

– Чем занималась здесь и как оказалась за периметром.

– А как погибла? – спросил тот.

– Похоже, что сектанты убили, – сказал Федька. – Причем в таком месте, где их раньше не замечали.

– А вам зачем?

Вопрос конкретный и ответить на него надо. Непонятно только как правильно ответить, потому что до конца ответ я даже для самого себя не сформулировал.

– Чтобы самим в таком-же состоянии не оказаться, – подумав, ответил я. – Потому как начинаем с ее маршрутом пересекаться.

– Какое-то дерьмо чуем в этой истории, не вляпаться бы, – добавил Федька.

Тот лишь хмыкнул скептически, а затем спросил:

– Что знаете о ней?

– Фамилию знаем, Скляр ее фамилия называлась, – сказал Федька. – Недавно перебралась к вам из Углегорска, удостоверение личности, по всей логике, получала там. Погибла эдак дней... не больше десяти назад. Вот и все, что знаем.

Безопасник помолчал, обдумывая что-то, затем сказал:

– Ладно, попробую разузнать что-нибудь. Но Федь, должен будешь, попрошу об услуге.

– Да это понятно, – вздохнул Федька. – Альтруизм тут не в моде.

– Это ты верно заметил, – подтвердил Сергей. – Когда в следующий раз приедешь?

– Ну... сколько тебе времени надо?

– Пара дней.

– Дня через... четыре? – обернулся Федька ко мне.

– Да, так примерно, – кивнул я.

– Дня через четыре заедем, – выдал он окончательное решение.

– Ладно, найдете меня, буду в курсе, – сказал тот. – Но сразу предупреждаю, что если история коснется какой-то закрытой информации, то считайте, что конем скатались, ничего не скажу. С этим тоже все понятно?

– И с этим понятно, – кивнул Федька и спросил: – Ты Горыныча не видел здесь часом?

– Был, ушел минут десять назад.

Ответив, Сергей направился обратно за свой столик, а Федька обернулся к мне:

– О нем и говорил. Мужик конкретный, если обещал, то сделает, но не продешевит, так что считай, что мы на долг попали.

– Денежный?

– Не, с баблом у него порядок, он тут на серьезном потоке сидит, он что-нибудь сделать попросит. Я же говорил, что не очень люблю к нему соваться, хотя контакт полезный, он в городе в авторитете.

– Надеюсь, – хмыкнул я.

Тут подали омлет, вполне приличный, завернутый конвертиком с чуть сыроватым желтком внутри, для которого не пожалели ни сыра, ни

сушеных грибов. Федька уплетал так, что за ушами трещало, ну и я ненамного отставал. Чай тоже был крепким, в яблочном пироге яблок хватало тоже, в общем, добротнo кормили, по-хозяйски.

Отставив пустой стакан, Федька слез с табурета и сказал:

– Все, пошли Горыныча искать, тут больше ничего полезного не сделаем.

– Что за Горыныч? – поинтересовался я, бросив в тарелку смятую салфетку.

– Да Митька Горюнов, погремуха у него такая просто. – ответил Федька, застегивая овчинную куртку. – Торговец местный, как раз специализируется на всякой мародерке, все что хочешь умеет пристроить, даже то, что никому на первый взгляд и не нужно.

– Он нам зачем?

– Договоримся на товар в обмен на «шнауцера».

– Ага, понял.

Дождь пока не возобновился, поэтому выходить из теплого и сухого помещения на улицу было не очень мерзко. Федька сразу повел меня путанным и непонятным путем между каких-то складов и лабазов, я даже спросил у него, не удержавшись:

– Ты такой маршрут выбираешь чтобы врагов обмануть или меня запутать?

– А так короче всего.

– Слушай, ты мне вот что скажи... – поинтересовался я. – Такая прорва народу на рынке – это все местные, что ли? В городе-то населения всего ни фиги, откуда столько?

– Да щас, местные, скажешь тоже! Сальцево по факту и для Углегорска главный рынок, отсюда отгрузка по всему течению реки, ну и сюда товар отовсюду, вместе с продавцами. Тут типа «торговые представительства» чуть не от каждой деревни, поэтому и народу столько.

А, ну так понятней становится, а то очень уж базар выглядел «не по росту» не только для небольшого Сальцево, но и для более крупного Углегорска. А так получается, что тут нечто вроде перевалочной базы.

Петляя по закоулкам, дошли до самого дальнего края рынка, в прошлом явно какого-то заводика или чего-то подобного, в капитальных цехах которого сейчас разместилось сейчас множество хозяев с самым разным товаром, который здесь и складировали, и продавали.

Горыныч оказался невысоким бородатым мужичком лет тридцати с небольшим, одетый в добротный немецкий дождевик с пелериной, и активно распоряжавшийся бригадой грузчиков, переставлявших немало

размера деревянные ящики. Его хозяйство занимало небольшой отдельно стоящий цех и часть немалого двора, отгороженную забором, в которой в рядок выстроилось сразу несколько машин, укутанных сейчас брезентом. В заборе были ворота, сейчас распахнутые настежь, но перегороженные цепью, возле которой прохаживался охранник с собакой на поводке и карабином за спиной. По всему было видно, что упомянутый Горыныч здесь отнюдь не последний человек, раз столько места занимает, да еще и отделившись.

– Здорова, Мить! – поздоровался Федька, протягивая руку.

– И тебе не болеть, – откликнулся Горыныч, пожимая руку сначала Федьке, а потом мне. – Какими ветрами?

– Соображениями личной выгоды, – заоткровенничал Федька. – Есть товар, да нет пока купца.

– Ты конкретней давай, – вроде как заинтересовался собеседник, уставившись на Федьку в упор глубоко посаженными под густыми бровями глазами.

– Есть машина. – подпустил ажитации Федька. – Одна, а может и не одна, в хорошем состоянии.

– Бартер нужен? Светиться в Углегорске не хочешь? – не дал попонтоваться Федьке дальше Горыныч, предугадав развитие разговора.

– Именно так, – вздохнул тот, сбившись с мысли. – Хочу с тебя кабелем или проводами взять, и не сразу, а так примерно на тысячу каждую неделю.

– Ну... нормально, – кивнул тот, подумав. – Подгоняй машину, посмотрим, сторгуемся. Или вон кирпичом возьми, у вас на него спрос есть постоянный, не зависнешь.

– Тоже можно, – подумав, сказал Федька. – Но мне проводом легче, просто за счет погрузки-разгрузки, сами справимся, а кирпич упакованный, тут уже кран или бригада нужна.

– Как знаешь, провод у меня есть, – сказал Горыныч. – Только не вижу смысла мудрить – отдам тебе деньгами, а ты на них покупай, чего там тебе нужно, хоть тот же провод у меня. А то я тебя знаю, сначала так, а потом начнешь скидку выпрашивать, мол ты мне товарный кредит дал, раз забираешь не сразу.

– А что, не так? – выступил Федька.

– Так товар все равно под тебя зарезервирован, я им не пользуюсь, и получается, что должен не я тебе, а ты мне, за его хранение, – усмехнулся тот. – Так что ты задницу-то с пальцем не путай, разные они. А если на деньгах разошлись, так никаких взаимных претензий, голые рыночные

отношения.

– Ну... как знаешь, – махнул рукой Федька. – Может оно так и проще. Еще вот что, познакомить хочу с напарником, мы теперь по всем делам вдвоем, так что с ним можешь как со мной договариваться.

– Вот как? – обернулся ко мне Горыныч, снова протягивая руку. – Ну, будем знакомы, меня Дмитрием зовут, как слышал уже.

– Владимир, – представился я.

Ладонь у торговца была необычно крупной для его небольшого роста и сильной, такой, какой можно подковы гнуть, как мне кажется.

– Мы с Федькой уже давно общаемся к взаимному удовольствию, – пояснил Горыныч. – Так что если какие вопросы, проблемы или товар на руках – милости просим, все решаем в этой жизни.

– Думаю, что не потребуется, пока и Федька справляется, – польстил я своему товарищу. – Но за предложение спасибо, учту.

– Заходи когда потребуется.

* * *

После того, как «деловая часть визита» завершилась, мы с Федькой пошлялись по базару, поразившему своим изобилием. Я даже подумал, что в выходные надо будет приехать сюда с Настей, тут и цены пониже, чем в Углегорске, и выбор побольше. Затем мой спутник решил показать мне все местные достопримечательности, и мы прокатились в порт, удививший меня немалым количеством судов, пришвартованных у дебаркадеров. Потом снова была улица Центральная, на которой обнаружилось еще и что-то вроде местного «Бродвея» – настоящее скопление трактиров, ресторанчиков, магазинов, было даже казино и даже бордель – «Массажный салон «Грезы». Несмотря на раннее время, в ресторанах былолюдно, да и сама улица выглядела оживленной.

– Как тебе городишко? – спросил Федька, когда мы уже ехали к КПП.

– Если честно, то посимпатичней Углегорска, – честно ответил я. – Тут больше строятся, а там стараются не дать развалиться. Если бы с самого начала можно было место жизни выбирать, то я бы скорее здесь остался, не так пейзаж на нервы давит.

– Это точно, – согласился со мной Федька. – Если бы не металлургический и не угольный разрез, не думаю, что в Углегорске бы народ вообще селился. Но кто контролирует топливо, тот и окрестностями владеет. Сальцево-то на торговле живет, а она, как ни крути, всегда вторична, половина его процветания и есть наш уголь, металл да горючка.

– Это понятно, – согласился я. – Промышленность первой всего, вопросов нет. Ладно, хорошо бы в Углегорск до темноты проскочить.

– Должны успеть, запросто. – посмотрел на часы Федька. – Не поздно выезжаем.

Проверяли на выезде нас не слишком пристрастно и придирчиво, так что уже через пару минут мы катили по разбитой грязной дороге, и «тазик» качался на ее ямах и колдобинах как лодка на волнах.

Потянулись с обеих сторон раскисшие поля, мокрый лес, затем снова дождик припустил, противный и мелкий, и опять с ветром вперемешку. Но ехали мы быстро и первые километров двадцать проскочили быстро, даже оглянуться не успели. А затем откуда-то спереди до нас донеслись звуки, словно где-то доски ломают.

– Стреляют! – восторженно вскрикнул Федька, схватившись за ППШ. – И рядом совсем.

Действительно, пальба доносилась сблизи, кажется, прямо из-за ближайшего поворота дороги, скрытого от нас стеной леса. Хлопали одиночные, время от времени гулко стрекотали автоматные очереди. Грохнула граната.

Я ударил по тормозам, осадив «швиммваген» так, что он по грязи юзом пошел.

– Кто с кем может быть?

– Да бандиты, небось, – предположил Федька. – Тут часто бывает. Давай с дороги покуда, все равно проверить надо.

«Тазик» легко перескочил через размытую и осевшую канаву кювета и с треском вломился в кусты, где я его и остановил. Так нормально, сразу и не заметишь. Схватив карабин, я выскочил из машины, и побежал вперед, в сторону выстрелов, Федька ломанулся за мной. Вопросы «зачем это делаем» не возникло, все наши действия словно сами собой разумелись, если напали на проезжих, то надо помогать, сами такие же, сегодня на них, а завтра на нас.

Выстрелы становились все ближе, если судить по звуку, то до них было уже рукой подать. Перестрелка не затихала, видать у нападавших что-то не так пошло, как предполагалось, потому как если засаду устраивать, то действовать надо быстро и наверняка, не втягиваясь в затяжной бой.

Что-то мелькнуло между стволов сосен впереди, словно серая тень метнулась. Я замер, припав на колени и вскинув оружие. Федька тоже укрылся за деревом. Точно, кто-то двигается перебежками впереди, явно собираясь обойти место перестрелки.

– Гля, с тыла заходят, – подтвердил мою мысль Федька.

Два человека в брезентовых серых куртках с капюшонами, размалеванных бурыми разводами, перебежали от дерева к дереву, держась лицом к месту боя и не видя нас, оказавшихся у них за спиной. Однако идентифицировать их хоть как-то не получалось, это могли быть и бандиты, и кто угодно, вплоть до военных, с бандитами воюющих. Поэтому я жестом показал Федьке направление движения и двинулся в сторону дороги. Пока не поймем, кто с кем сцепился, стрелять нельзя, а то можно очень здорово ошибиться, а потом об этой ошибке не менее здорово пожалеть.

Выстрелы грохотали уже совсем близко, но нам пока удавалось оставаться незамеченными, видать, воевавшим было совсем не до того, чтобы смотреть в другую сторону. Нам удалось пробраться почти до самого кювета, и уже оттуда мы увидели два грузовика, стоящих посреди дороги прямо перед поваленным деревом. Первая машина была избита пулями до

состояния решета и прямо у подножки кабины на земле лежал убитый. Еще один свесился из кузова, и по деревянному борту вниз бежала красная струйка крови.

Из второй машины отбивались. Из кузова. Там был навален целый штабель мешков, который послужил укрытием людям. Пули крошили доски кузова, колотили по мешкам со всех сторон, из дыр в мешковине струйками сыпалась мука, и было понятно, что два человека, отстреливающихся из машины, доживают свои последние минуты, шансов на спасение у них не было. Их уже обошли, сейчас прижмут огнем, не давая высунуться, а дальше можно мысль и не развивать, и так все понятно.

А еще нам были видны двое в камуфляжных куртках, присевших в кювете на колено и ведущих огонь по кузову. Вот куда они бежали, оказывается. И кто есть кто теперь тоже понятно, бандиты муку в машинах не возят, а колхозники на них в лесу не нападают, равно как и военные.

Командовать не пришлось ни мне, ни Федьке. Не сговариваясь, мы разом вскинули оружие, и в общий хор стрельбы вплелись три быстрых одиночных и короткая автоматная очередь. Расстояние до противника было небольшим, метров пятьдесят, так что промахнуться мы не могли. Оба «камуфляжных» синхронно завалились перед, ткнувшись лицами в грязь, а мы уже меняли позицию, сдвигаясь вглубь леса, туда, откуда слышалась самая активная пальба.

Следующего противника я заметил первым, успев остановить Федьку и жестом приказать ему укрыться. Мужик в дождевике и в черном вязаном подшлемнике сидел за вывороченным деревом, положив на него винтовку, и явно выжидал момент для удачного выстрела. Высунется кто-то из-за мешков, тут он его и подловит.

Мушка в кружочке диоптрического прицела разместилась прямо у него на голове, и я потянул за спусковой крючок. Легкий карабин несильно толкнулся в плечо, вокруг головы сидящего в засаде возникло красное облачко, и он, выронив винтовку, завалился набок, наткнувшись на обломанный сук и повиснув на нем бесформенной грудой тряпья.

Словно свинцовый ветер подул у нас над головой, ударив по стволам деревьев и засыпав щепками. Мы были обнаружены, и сразу несколько автоматов загрохотали, прижимая нас к земле длинными очередями. Откатившись в сторону и укрывшись за деревом, Федька заорал диким голосом:

– Взво-од! К бою!

Я вжался в землю, укрывшись за массивным комлем, а пули впивались вокруг меня в мокрую и влажную лесную почву, выбивая фонтанчики

земли и сора. Высунуться было невозможно, равно как и поменять позицию. Бабахнул взрыв гранаты, впрочем, довольно далеко от нас, с большим недолетом, затем послышался громкий свист. Что он должен был означать, я не понял, но стрельба по мне усилилась. Мне было видно, как Федька, высунувшись из своего укрытия, выпустил несколько очередей по невидимому мне противнику, а затем фонтанчики грязи заплескали и вокруг него, заставив уткнуться в землю, и одновременно дав передышку мне, которой я не замедлил воспользоваться, откатившись в сторону и укрывшись уже за другим деревом. Высунувшись из-за него, я быстро выпустил наугад по кустам и деревьям весь магазин из карабина, укрылся, ожидая шквала ответного огня, но такого не произошло.

По Федьке тоже уже не стреляли, и он рискнул выглянуть. Оглянувшись на меня, он крикнул:

– Они уходят!

Действительно, уже довольно далеко от нас между деревьями мелькали смутные силуэты людей. Перезарядив карабин, я сделал в ту сторону несколько выстрелов, но ни в кого не попал. Оторвались они от нас толково, прижав огнем и выиграв необходимое время. Похоже, что Федькин крик про взвод подействовал и бандиты, а кто это еще мог быть, решили не рисковать, у них и так, видать, с самого начала все неправильно пошло.

Дальше мы двигались перебежками, прикрывая друг друга, пока не оказались в прямой видимости грузовиков. И чуть не напались, оттуда по нам вперегонки ударили две винтовки, да еще так солидно, пробивая стволы деревьев и заставив нырнуть в грязный кювет.

– Вы чего охренели там, идиоты? – заорал перепугавшийся Федька. – Ушли бандиты, мы к вам в помощь прибыли.

– Ага, кому другому это впаривай! – послышался злой и одновременно испуганный голос из кузова. – Убью на хрен, ракал каличный!

– Слышь, мужик! – закричал уже я. – Нас тут всего двое, убеждать тебя нам сто лет не надо, сейчас уйдем и оставим вас одних, дожидаться пока эти вернутся, что на вас напали. И хрен тогда с вами, хоть все здесь подышайте, слабоумные!

– А ты покажись! – раздался с кузова другой голос, вроде как постарше.

– Чтобы ты меня сразу привалил? – крикнул я в ответ. – А оно мне надо, как думаешь?

– Не буду стрелять, обещаю! – послышалось в ответ. – Просто бросай оружие и выходи.

– А чего тебе еще бросить, баран? – возмутился Федька. – Ты там

ничего не попутал, а? Сидишь как мышь в ящике, и еще права качаешь? Счас гранату вам туда закинем, и торгуйся потом с чертями на том свете.

В кузове замолчали, явно обдумывая сказанное. Ситуация складывалась идиотская, испуганные обозники начали превращаться из жертв в проблему.

– Слышь, ты, защитник собственности! – снова крикнул я. – Я сейчас выйду, оружие на ремне будет, за спиной, и подойду поговорить, а ты не дергайся, понял?

– Не, без оружия давай! – заголосил первый, тот, что убить обещал.

– «Давать» жене предлагать будешь, понял! – уже всерьез начал злиться я. – Как сказал, так и делаем, ствол за спиной, на ремне, так и подойду.

На самом деле было желание плюнуть на мужиков в кузове, да и уйти, но вот незадача – уйти уже не получалось, не попав им на прицел, прижали они нас в кювете нормально. Можно было разве что оторваться, открыв огонь по ним, но как-то до этого доводить не хотелось, хотя бы потому, что если подойдут какие-нибудь вояки, имеющие привычку патрулировать дорогу, то тогда будет трудно объяснить, почему мы не бандиты. Да и будет ли вообще возможность кому-то что-то объяснять?

– Ладно, давай! – крикнул второй, тот, что обещал не стрелять.

– Выхожу, не дергайтесь.

Легко сказать «выхожу», куда труднее это сделать. Пока поднимался на ноги, чуть не смертью оделся, ожидая выстрела каждую секунду. Мне хорошо была видна голова и винтовка, уложенная на мешки и направленная прямо в меня. Но не выстрелили, дали подойти ближе.

В кузове было двое, один совсем молодой блондинистый парень, второй постарше, лет за сорок, усатый, с вязанной шапочкой на голове, натянутой на уши. У обоих были СВТ, так что понятно, почему пули так лихо деревья пробивали.

– Мы за вами следом ехали, слышали стрельбу, и решили помочь. – сказал я уже спокойней. – Этих двоих завалили, который вас прижали.

Я указал на два трупа в кювете. Усатый высунулся из кузова чуть дальше, посмотрел на тех, кивнул, затем спросил:

– А сейчас чего надо?

– Да ничего не надо, проедем мимо, да и все, если вам помощь не нужна, – пожал я плечами. – А так на кой ляд вы нам сдались? Нянчиться тут еще с вами, убеждать в чем-то... Ну сам посуди, надо оно нам?

– А может и надо! – вдруг возмутился усатый. – Откуда я знаю?

Я махнул рукой, сказал: «Да пошел ты!» – и обернувшись, направился

к убитым, возле одного из которых заприметил лежащий в траве СКС. Не обращая внимания на мужиков, подошел, присел рядом с трупом, потянул карабин на себя.

– Эй, а ну не трожь волыну! – заголосил молодой из кузова, но я почему-то был уверен, что сейчас он не выстрелит, тем более в спину сидящему человеку.

Так и вышло. Орали они уже вдвоем, а я тем временем перевернул убитого и стащил с него самодельный «лифчик» с магазинами. Затем стянул вещмешок, заглянул – там было полно патронов в пачках. На поясе нашлась кобура с коротким «ментовским» наганом.

Пока копался, мужики утомились орать и замолчали. Затем старший, негромко выматерившись, полез из кузова. Спрыгнул на землю, сказал, обратившись ко мне:

– Ты чем этих шмонать, лучше бы на наших глянул, вдруг живой кто?

Обернувшись к нему, я посмотрел ему в глаза и сказал:

– Гонять жену по кухне будешь, понял? Иди и смотри сам, а командиров и без тебя здесь хватает. Спасай их сперва, потом слушай, как тебя матом поливают, а потом бегай тут... Давай, шевели жопой!

Он вроде даже смутился потому что махнул рукой и поспешил к кабине. Молодой так и сидел в кузове, нахохлившись, и выглядел сейчас даже жалко, и страх прошел, и возбуждение, и теперь его трясло от отходняка.

Из лесу вышел Федька, неся в руке мосинку с оптическим прицелом и кобуру с пистолетом. Молча кивнув, увидев, как я собираю трофеи, и взялся за второго убитого.

– Этот снайпер, кажись, их тут всех и положил, – сказал Федька, подбирая с травы немецкий MP-40. – Там гильз набросано было.

– Возможно, – кивнул я, при этом почему-то удивляясь своей бесчувственности – вороचाю трупы – и ничего, вроде так и надо. – Еще трупы есть в лесу?

– Нет, только снайпер. Похоже что обозники никого не задели. Эй, мужики! – крикнул он громко.

– Чего тебе? – обернулся присевший возле своего убитого усатый.

– Мы сейчас свою машину подгоним сюда, так что не пугайтесь, – сказал Федька, поднимаясь с корточек. – Слышишь хоть меня?

– Подгоняйте, – мрачно ответил тот.

– С ними побудь, присмотри, я сбегаю, – шепнул я ему.

– Хорошо, – кивнул Федька.

Я побежал по дороге трусцой и вскоре чуть не пробежал мимо на

удивление удачно спрятанного «тазика». Завел его, развернулся с грехом пополам между деревьев, затем выбрался на дорогу и вскоре остановился у второго грузовика.

Молодой обозник уже выбрался из машины и они втроем, он, усатый и Федька, стаскивали убитых на расстеленный прямо на дороге брезент. Убитых оказалось пятеро, два водителя, экспедитор и еще двое в кузове головной машины.

– По ходу троих снайпер повалил, – сказал мне Федька, отдуваясь. – Обоих водил и одного в кузове. Головной машине кранты, там и мотор разбит, и вообще вдребезги, а вторая на ходу еще, похоже, что уже целились, специально по движу и бакам не стреляли.

– Доедет до города?

– Должна.

– Мужики, а вы откуда? Из Углегорска? – спросил я у усатого.

– Оттуда, Горснаба колонна, – ответил тот, вздохнув.

На меня они уже не наезжали, шок при виде своих убитых и осознание произошедшего придавило их тяжким грузом, все было возбуждение иссякло.

Сзади, со стороны Сальцево, подъехала еще колонна из трех машин, остановилась.

– Кстати, Федь, а чего конвои не запускают? – спросил я. – Не проще было бы?

– Проще, но на самом деле не часто такое случается, вот и не хочет народ проводки ждать, – ответил Федька. – К тому же не всякий со всяким поедет, не каждый хочет показывать что везет... Сам понимаешь. И разведбатовцы видишь, халтурят.

Понимаю. Поэтому и катаются вот так, наудачу, заранее наплевав на возможные последствия. И то, что с подошедшей колонной было несколько человек на додже «три четверти» с пулеметом на треноге тоже понимаю, им приварок к зарплате. И вроде и понятна выгода от организованной проводки, и легко веришь в то, что ввести ее и не получится, пожалуй.

Разведка, впрочем, не только халтурой увлекалась. Командовавший ими сержант организовал что-то вроде охранения, а сам с двумя бойцами пошел по следам отхода противника. Не было их около получаса. Когда вернулись, сержант сказал:

– Там в километре просека старая, на ней следы машины. Оттуда подъехали и оттуда же ушли.

– А трофеи как вывозить собирались? – чуть удивился я.

– Дальше полем перегнать можно было, – ответил тот. – Как раз на

просеку и да бог ноги. Просто с первого залпа всех выбить не смогли, а тут еще и вы вмешались. Здесь если и нападают, то в долгий бой не ввязываются никогда – опасно, дорога оживленная.

Действительно, за время нашей стоянки на дороге подъехало еще несколько машин, и вооруженные люди составили уже довольно серьезный отряд. У банды выбора не было, если «на рывок» все не получилось – надо сваливать.

Загрузили убитых, включая и троих бандитов, в кузов уцелевшего ЗиСа, вторую машину, избитую пулями, но груженую товаром, перегрузили общими усилиями на другие, а саму столкнули в кювет. Быть ей теперь памятником неосторожности.

Ранние осенние сумерки накрыли нас еще на дороге, но нервничать причины не было, потому что шли в большой колонне. Хорошо, что еще и ехали вторым номером, поэтому быстро проскочили через шлюз на КПП – проверка там шла пристрастная, с досмотром груза. Пользы от этого никакой, но случилось ЧП и каждое должностное лицо обязано было продемонстрировать максимум служебного рвения, надо оно кому или нет.

Ехать за Настей было еще рано, оставалось часа полтора в запасе, и Федька предложил сгонять на базар, к оружейнику Славе Длинному.

– Поставим на реализацию что взяли, все деньги какие-то, – сказал он.

– Это без проблем, но СКС я себе оставлю, – сразу заявил я. – По мне он поглавней моего «американца» будет, особенно если до войны в поле дойдет. Да и вообще ничего бы пока сдавать не стал, мало ли как повернется? Даже табельный в оружейку не понесу, все можно дома хранить. Чего там от нас Милославский захочет – ты знаешь? Я – нет.

– Мда? – задумался Федька.

– Ага, именно так. Снайперку взяли, хотя снайпер из меня как из гавна пуля, автомат есть еще один, с которым по помещениям лазить можно, СКС... весь набор, в общем. Пусть будет, с деньгами напрягов нет же, а в цене оружие точно не потеряет. Что ты за пистоль со снайпера взял? – спросил я.

– «Вальтера» взял, – сказал Федька, потянувшись на заднее сиденье и взяв оттуда ремень с кобурой. – Вроде свежак, так все чистенько, – добавил он, вытащив черный блестящий пистолет из кобуры и осмотрев.

– Ну и пусть будет, точно ведь пригодится, – заключил я, после чего добавил: – Только завтра не хвастаемся, будем изображать сирот и требовать себе всяких материальных благ от Милославского. Как в анекдоте про «Правильно, Петрович, без рукавиц работать не будем!» Слышал такой?

– Это без вопросов, – поддержал меня Федька. – Сам о себе не позаботишься, будешь с голой жопой на войну ходить. Даванем на жалость. А стволы ты и вправду домой унеси, пригодятся еще. «Вальтера» заберу разве что, запасным будет. Не возражаешь?

– Да ни разу.

* * *

– И стоило оно того? – спросила Настя, глядя, как я распихиваю трофейное оружие в шкаф.

– Пока не знаю, – честно сказал я, разведя руками. – Зависит от того, что Федькин знакомый в следующий раз скажет. Ты меня пойми, не могу я кувыркаться в непонятном, если я куда суюсь, я точно должен знать, что там может быть. А эта самая Скляр убитая никак из головы нейдет, не сходится логика.

– Могли тоже бандиты напасть, – сказала Настя, присев на стол и скрестив руки на груди, отчего серая рубашка обтянула грудь и зрелище сбило меня с деловых мыслей.

– Бандиты жертв не приносят, – сказал я, не отрывая взгляда от ее бюста, открывшегося в треугольном вырезе. – Бандиты живут в деревнях и на хуторах, приезжают издалека, подчас даже из соседних областей, но точно не связаны с сектантами.

Про «историю дорожного бандитизма в Отстойнике» я всю дорогу до Углегорска пытал Федьку. Он меня и просветил. Бандиты здесь были самыми обычными, подчас еще и совмещающие бандитизм с занятиями мирными, вплоть до сельского хозяйства. Дорог было много, людей мало, перехватить и выследить их было трудно, тем более, что отъехали он от места преступления, скинули добычу – и превратились в самых обычных людей, с оружием ведь здесь и стар и млад ходят. Да и правило «не гадь где живешь» большинство из них выполняет старательно, добычу отправляют сбывать в другие города и области, подчас по реке, давая зарабатывать еще и не слишком разборчивым коммерсантам, владеющим баржами или пароходиками. И все шито-крыто, и взятки с них гладки.

Куда, например, поехали те, кто напал сегодня на машины Горснаба? Ну, сколько-нибудь по следам за ними можно пройти, да вот сомневаюсь я, что далеко. Где по траве проедут, где на целину свернут, потом темнота... и ищи ветра в поле. Если только по привезенным в город трупам опознают, кто они такие и откуда.

– Это да, насколько я слышала, с сектантами вообще никто не связан, – кивнула она. – И прав ты в том, что выглядит это странно. Если она, конечно, не каталась из города в город по каким-то своим делам, причем далеко отсюда.

– Она здесь недавно, Федька тоже думает, что не могла она оказаться

на какой-то такой работе, чтобы ее сразу к границе Тьмы, например, засылали. Туда тетки не ездят, нет у них там дел, разве что «темпоральный аборт» совершить.

– А... может...?

– Ну, если только сюда уже беременной провалилась, – задумался я, вновь уставившись на Настину грудь.

Она перехватила мой взгляд, спросила:

– Ты на что уставился? Что там у меня?

При этом спохватилась, заосматривавшись, решив, что посадила пятно, но я ее успокоил, открыв правду.

– Маньяк, блин, – засмеялась она. – Чаю хочешь?

– Да мне бы тебя сперва, а потом можно и чаю, с устатку, – честно заявил я, привлекая ее к себе.

– Точно, маньяк, – вздохнула она. – Я в душ.

* * *

Милославского с утра на месте не было, со слов секретарши тот заседал на Горсовете и до обеда его никто не ждал. Однако на произвол судьбы нас никто бросать не стал, потому что профессор поручил «наладить контакт» среднего роста коренастому парню с бородой, крепкому и спортивному, с кобурой на поясе и с ППШ на плече, однако с лицом, которое сразу вызывало ассоциации с человеком ученым. Лицо показалось мне знакомым, и я вспомнил, что этот парень выезжал с остальными на место моего прохода, крутился там с какими-то приборами.

– Здорова, мужики, – поприветствовал он нас, протягивая руку. – Я вроде как с вами работать буду от имени науки, зовусь Иваном Зарубиным. По профессии был раньше геологом, но геологи здесь особо не нужны пока, так что попал к Милославскому, вроде как жнецом, швецом и на чем попало игрецом.

– Это такая специализация? – с усмешкой уточнил я.

– Нет, специализация у меня по экспедициям и полевым исследованиям, – улыбнулся тот. – Исследователь общего профиля, если можно так выразиться, у нас это нормально. Теперь вроде как постоянную группу собираемся сформировать, для рейдов. Или экспедиций, тут уж как больше нравится.

– Нам особо никак не нравится, – сказал Федька. – Все пока мутно и непонятно, не то что на работе – отдежурил – и свободен.

Это Федька взял на себя инициативу и сходу начал строить из себя сироту.

– Ну, тут уже не мне решать, – примирительно сказал Иван. – Мое дело с вами взаимодействие наладить.

– Заявки на экипировку – это в налаживание взаимодействия включено? – тоже решил я времени не терять.

– Я могу только выслушать, обсудить и записать, – сказал Иван. – И вообще предлагаю разговаривать не здесь, а на моем рабочем месте.

– Это где? – спросил Федька с неким подозрением в голосе.

– Да на Ферме, слышали уже? Там у нас и матчасть, там и кабинет мой, там и чайку налить смогу. Как, погнались?

– Без проблем, – кивнул я.

– Тогда чего резину тянуть, пошли, – сказал тот, и первый направился к двери, сказав секретарше на прощание: – Дин, если главный появится,

скажи, что мы на Ферму уехали, лады?

– Хорошо, Вань, – кивнула та, вернувшись к своим бумагам.

Больше Иван времени ни на что терять не стал, а решительным широким шагом направился по коридору, мы едва за ним успевали. Задерживало его разве что то, что здороваться ему приходилось с каждым встречным, а мы тут и не знали никого, собственно говоря.

– Вы на машине? – спросил Иван, выйдя на крыльцо. – А то я пешком, или тогда попутку ждать.

– Мы-то на машине, – ответил я, но дальше тему бедности и компенсаций пока решил не развивать, посмотрим, что дальше будет.

Загрузились втроем в «тазик», заставив тот скрипнуть подвеской, да и поехали. Иван лишь сказал:

– К третьему КПП, в курсе? – после чего замолчал.

В отличие от первого и второго контрольно-пропускных пунктов, третий был тихий, спокойный, в ту сторону из города почти никто никогда не ездил, разве что подчиненные Милославского. Тут и дот был поменьше, и с народом пожиже. Проверять нас вообще не стали, записали только и распахнули ворота, мол езжайте, куда душе угодно.

Дорога в том направлении вела хоть и грунтовая, но даже не сильно разбитая, потому что по ней ездили не много. Почва лесная, песчаная, грязи почти не было, так что «тазик» бодро катил по дороге, задорно треща высоко задранным глушителем.

– А когда нас с машиной нет, как дотуда добираешься? – спросил Федька, обернувшись к сидящему на заднем сидении Ивану.

Тот подколку уловил, но спокойно пропустил мимо ушей, ответив:

– С утра туда машины с кунгом ходят, и вечером возвращаются. Это я вас ждать остался, вот и задержался.

– Я к чему это все..., – начал было Федька, но Иван его перебил, сказав: – Да понял я вас, вы к тому нудите, что не хотите свою машину по казенным делам гонять, так?

– Примерно, – подтвердил я. – В Горсвете нам машины, оружие и патроны выдавали, а тут что, самообеспечение ожидается? Так мы не согласны, тут сам понимаешь, какими способами машины добывают.

– Да есть, все есть, – засмеялся тот. – Ну вы и жлобы, мужики.

– Мы не жлобы, мы разумно экономные, – наставительно воздел указательный палец в небо, а точнее в брезентовую крышу Федька. – Сам понимаешь, что голым приказом заставить нас кувыркаться по свистку не получится. Тем более, что вам пожелается что-то другое, чтобы мы куда-нибудь для вас под молотки лазили, так ведь?

– Я же Милославскому наш интерес объяснял, – продолжил его мысль я. – Хотите ждать от нас рвения и сотрудничества – сделайте так, чтобы нам работалось не хуже, чем на старом месте. Там есть минусы, не без того, вроде как голову могут откусить, но это норма, мы согласны. А вот гореть на священном алтаре высокой науки мы как бы не того... не очень приспособлены.

– Да понятно, понятно, – замахал тот руками. – Есть у нас и транспорт, и все что надо, то и будет. Оргпериод пока, вроде как новая группа создается, вот и через пень-колоду все пока. А машину покажу, нам тут специальное экспедиционное транспортное средство соорудили, как раз под нас.

– «Нас»? – переспросил я. – А вообще «нас» много?

– Трое пока, вы двое, да я при вас, а дальше посмотрим, как дела пойдут, – сказал Иван. – Да, Владимир, вы ведь... ну... с Настей, которая летчица, вроде бы живете вместе, так?

– С какой целью интересуетесь?

– Да я не интересуюсь, – смутился тот так, что вроде даже покраснел. – Личная жизнь – святое дело, просто главный сегодня должен приказ пробить о том, что ее с самолетом тоже вроде к нам прикомандируют. Не на Ферме сидеть, – начал он уже путаться, – А вроде как маршрут разведать, или если мы куда поехали, а обратно все никак – будет на поиск летать.

– А чего, неплохо, – кивнул Федька. – А тот так с халтурой сколько раз было, катишь куда-то и думаешь, что если машина сломается, то тебе хана, никто и не узнает, где ты и как ты. А из иных мест, ты понимаешь, Вов, пешочком-то не очень выберешься, ты тогда уже смертник.

– Это понятное дело, – согласился с ним я, представив, как бы тогда на своих двоих убежал от «гончих».

– Да, механика еще нам дадут, – спохватился Иван. – Чтобы за машиной следил и готовил ее.

– Это хорошо, – одобрил я.

Как ни странно, сегодня не только дождь затих, но даже вроде как немного потеплело. А может просто ветра не было. Сосновый лес, подступавший к дороге с обеих сторон, пах мокрой хвоей, свежестью и, пожалуй что, осенью.

– Иван, а вот зима скоро – дороги чистите, или как?

– Чистим, понятное дело, – подтвердил тот. – С утра трактор с плугом туда-обратно проходит.

– До Сальцево тоже чистят, бульдозером, – добавил Федька. – А тот

так вообще жизнь остановится. А вот халтура наша с тобой закончится, потому как все остальные пути завалит к едрени матери, по самые стекла. Жить будем на запасах, базар тоже запасами торгует, зато житуха вполне привольная, вроде как заслужил – и отдыхай.

– А твари как зимой?

– Твари активней, верно, – вздохнул он, но добавил: – Но твари-то сутки всего, а потом еще трое – чистая благодать. В хоккей поиграть можно, просто на катке покрутиться, а затем банька, шашлык и все такое.

– О, кстати! – аж подскочил я на сидении. – Хорошо, что напомнил. А как бы тут баню хорошую найти?

– А ты не в курсе еще? – удивился Иван, вмешавшись. – На Metallургов есть «Сандуны», самое оно!

– Сандуны? – поразился я. – С чего это?

– Да назвали так, хозяин, Фирсов Сашка, тоже москвич и там в Сандуны ходил регулярно. – взялся объяснять Иван. – Все культурно, мужской разряд, женский, а если семейно, или своей компанией, так у него несколько номеров есть, парилочка там, накормят, пивка нальют, или чаю. Да, и чтобы никаких лишних мыслей! – добавил он наставительно. – У Фирсова все прилично, место семейное, так что никаких там дев распутных или чего подобного. Да у Насти своей спросил бы, она наверняка в курсе, место модное в городе-то.

Действительно, это я чего-то ступил, все выяснить хотел, где хорошую баню найти, а у самой Насти спросить и не дотумкал. Дубина, одним словом.

Дальше разговор плавно сбился на бани, их разновидности и тонкости банного дела, до которого все присутствующие, как оказалось, были великими охотниками, поэтому до Фермы доехали даже не заметив дороги. Лес расступился, показались заброшенные железнодорожные пути, ведущие к немалого размеру комплексу из нескольких добротных кирпичных зданий. Все было окружено стеной, на которую, по местной доброй традиции, не пожалели колючей про волки, умотав ей весь верх.

Охрана там тоже была, но не из комендачей и не разведки а каких-то мужиков в штатском, разве что с красными повязками с надписью ВОХР на рукаве. Двое таких пропустили нас в ворота, внимательно взглядевшись в лица и переписав данные удостоверений личности, которые предъявили мы с Федькой, а затем Иван указал пальцем вперед, сказав:

– Вон тот большой ангар объезжай против часовой стрелки, а там покажу.

Место заброшенным отнюдь не выглядело. И машины в просторном

дворе стояли, и люди сновали, и бригада рабочих разбирала штабель серного силикатного кирпича возле перестраиваемого флигеля, в общем, выглядело все вполне серьезно.

– Вань, а в здании НКВД вы чего делаете в таком случае? Тут у вас жизнь кипит, смотрю, – спросил я нашего провожатого.

– Да там пол этажа всего у нас, финчасть, аналитика, статистика, да главный в своем кабинете сидит, когда вынужден там быть. – почесав в затылке, объяснил Иван. – А так все здесь, тут самая работа.

– Милославский сказал, что у вас тут сектанты по клеткам томятся? – полюбопытствовал я. – Так?

– Томятся, верно, в узилищах мрачных, – засмеялся тот. – И не только сектанты, у нас тут и твари темные имеются, правда подолгу не живут и толку с того, что они имеются, никакого.

– Почему никакого? – удивился Федька.

– А исследовать их нельзя, не получается, так что и смысла нет, – пояснил Иван, после чего сказал мне: – Вон там, где «виллис» стоит, паркуйся. Приехали.

– Нам как скажешь, – кивнул я.

Между большим зданием депо, куда раньше заезжали паровозы, и где сейчас бывшие огромные ворота были заложены кирпичом, оставив вместо себя лишь жалкое подобие самих себя, и небольшим административным корпусом, образовалась вполне внушительная автостоянка. Бросалось в глаза то, что подбор техники был сделан на совесть, куда там нашему Горсвету. «Виллисы», «бантамы», большие доджи «три четверти», а если грузовики, то исключительно американские же полноприводные «студебейкеры» и двухосные «шевроле», похожие на советский ГАЗ-63, который, впрочем, в немалой степени с них и содрали. Все выглядело новым, добротным, и взглянув на них, я сразу поверил, что Милославский в городе в авторитете. Иначе бы такие фонды под себя не выбил, это уж точно.

«Тазик» встал рядом с «виллисом», умудрившись даже на фоне этой не слишком большой машины потеряться, а Иван повел нас в подъезд административного корпуса.

Там пахло недавним ремонтом, на ступеньках лестницы были видны следы плохо отмытой побелки, а стены были покрыты свежей краской, правда, унылого конторско-зеленоватого цвета, во времена моего детства общего чуть ли не для всех учреждений.

Кабинет Ивана оказался на первом этаже, в самом конце коридора, и представлял собой не слишком просторную комнату с двумя тесно

составленными столами и стеллажами во всю стену. Кроме нас троих, вошедших разом, в нем больше никого не было.

– Чай будете? – спросил он, изображая гостеприимного хозяина.

– Будем, – лаконично ответил я и скосил глаза на электрический кипятильник. – И электричество есть?

– А как же! Сразу же провели, главный выбил. И свет, и телефоны.

Ну вот, а я все думал, прав я насчет его авторитета, или не прав. Какие тут машины, в Углегорске даже не во все учреждения свет протянули, а тут пожалуйста, за десять километров от города.

Я уселся на стул в углу, выложив перед собой на стол карабин, брякнувший тяжко, и спросил:

– Ну как, будешь просвещать, зачем мы понадобились?

– Можно и просветить, – кивнул Иван, опуская кипятильник в банку с водой. – Карту на стене видишь?

Я посмотрел куда сказали и обнаружил большую и подробную карту области с отдельными областями, заштрихованными черной косой линией. Ага, почти то, что нам с Федькой надо, к слову.

– И чего с картой?

– В пограничной зоне Тьмы есть черные пятна, видишь?

Действительно, по самому извилистому контуру границы были разбросаны несколько черных кружков, заштрихованных гуще.

– И что это?

– Тьма все время возникает из каких-то очагов, – сказал Иван, расставляя по столу алюминиевые кружки. – Каждое новое ее пятно, каждый всплеск, каждое появление, имеет какой-то эпицентр. Вот эти самые пятна эпицентрами и являются, это те места, которые нам удалось идентифицировать как «точки выплеска». Так их называли, уже официальный термин.

Я молча слушал, разглядывая карту. На первый взгляд никаких общих черт между этими самыми «точками выплеска» не было. Некоторые пришлись на населенные пункты, некоторые на совершенно пустые места.

– А что, они только на границе бывают? – спросил Федька.

– На границе мы их сумели зарегистрировать, – сказал Иван, выставляя сахарницу – обычную полулитровую стеклянную банку, наполненную колотым кусковым сахаром. – А что в глубине самой Тьмы делается, мы проверить и посмотреть не можем, сам понимаешь.

На стол со звяканьем легла пара ложек, чайная и большая.

– В общем, мы тут пытаемся выявить хоть какие-то закономерности, хоть какую-то корреляцию между появлением «выплесков» и чем-то еще.

– И есть идеи? – спросил я.

– Идей что у того раввина, но только никакого реального подтверждения они не получили, – сказал Иван, нависая над банкой с водой и наблюдая за пузырьками, которые начали срываться со спирали кипятильника. – А так все пробуем, от замера магнитных полей до карты, как были в селах церкви расположены, например. И пока никакого совпадения.

– А может его и не должно быть?

– Должно, – убежденно ответил он. – Причина есть у всего.

– Она может быть с той стороны, – сказал я. – Ну, там, откуда она приходит. Ее не приманивает что-то, а что-то выталкивает, например.

– Тогда должны быть те слабые точки, через которые она прорывается. Логично ведь? – спросил Иван.

– Ну... да, логично, – кивнул я.

– А раз такие точки образуются, то мы должны найти способ их обнаруживать. И тогда сможем если не противодействовать, то хотя бы предсказывать.

Вода в банке забулькала, и Иван прихватил ее вафельным полотенцем, наливая в большой фаянсовый чайник. Оттуда вырвался столб пара, запахло чаем. Звякнула крышка, а затем Иван накинул сверху полотенце, пояснив:

– Пусть заварится нормально.

– А что-то конкретное есть для нас, что надо будет делать? – спросил Федька.

– Есть, как не быть, – сказал Иван, присаживаясь напротив меня и открывая серую картонную папку. – Тут вот список мест, в которые надо бы скататься. Все места нехорошие, близко к Тьме и возможны нежелательные встречи.

– И что там искать? – заинтересовался я.

– Решили собирать всевозможную местную статистику. От исторических архивов до записей из архивов НКВД. Здесь же люди жили и информацию собирали, нам ее тоже почитать не мешает.

– Думаете, что то, что здесь случилось, и приход Тьмы совпали по времени? – уточнил я.

– Вне всякого сомнения, – решительно заявил Иван. – Не бывает так, чтобы в каком-то мире случились две подобных катастрофы. Одна из них наверняка следствие другой.

– Прикидываете, что могли быть какие-то признаки приближения?

– Может быть, почему бы и нет. Тем более, что Тьма хоть и наступает,

но все же ее граница относительно стабильна. Относительно, – повторил он, словно сам себя убеждая. – Она усиливалась качественно, ее твари меняются и совершенствуются, но границы двигаются незначительно. Сейчас она почти там же, где и была в момент своего прихода, по крайней мере если верить наблюдениям и записям первых провалившихся сюда людей.

– Как они вообще выжили, кстати? – задал я вопрос, давно меня мучивший.

– Твари были слабее. Они появлялись куда реже. А вот износ всего вокруг был куда меньшим, так что первые люди сумели найти и укрытия, и оружие, и транспорт, ну а дальше...

– Развивались параллельно, так сказать, люди и Тьма?

– Именно, – кивнул Иван и взялся разливать чай по кружкам. – И людей становилось больше, и организовывались лучше, и темные твари крепили. Дальше сами видите. Так, к чему это я все... сбился... – задумчиво посмотрел он в потолок.

– О границе Тьмы, – напомнил Федька. – О том, что она почти не сдвинулась.

– Точно! – спохватился собеседник. – И поэтому есть простая идея – в городах возле этой самой границы должны быть какие-то записи. Что-то такое, что указывало на приближение катастрофы. Не слишком заметное, иначе упоминания мы бы нашли в основных архивах, а такое... местные наблюдения, которым никто особого значения не предавал.

– Хм..., – задумался я. – А ведь звучит логично, может и сработает. Кстати, а в том месте, где я провалился, что-то необычное обнаружилось?

– Есть некая аномалия магнитного поля, но она есть во всех точках провалов. А вот с очагами Тьмы подобного совпадения нет, – ответил Иван, после чего добавил, указав на кружки: – Сахар сами насыпайте, кому там сколько надо.

Металлическая кружка была горячей, пар шапкой, так что я пока просто поставил ее перед собой, опустив туда пару кусочков сахара, и оставил остывать, а то и губы можно пожечь о край.

– Хотя главный местом твоего провала заинтересовался сильно, – продолжил рассказ Иван. – Да он тебе говорил, наверное.

– Говорил, – подтвердил я. – Собственно говоря, он меня из-за этого, если ему верить, и привлек.

– Верно. Там сейчас думают вообще что-то вроде мобильной лаборатории разместить, поизучать поосновательней. Но подробностей не скажу, не мой отдел и не мой профиль. У нас задачи другие, как я сказал.

– А поконкретней можно? – спросил Федька, попытавшийся отпить чаю и обжегший язык, вследствие чего беззвучно выматерился.

– Город Красношахтинск, центр одноименного района, – сказал Иван, встав из-за стола и ткнув карандашом в какую-то точку на карте. – Нужны архивы местной милиции и отдела НКВД.

– Хренасе..., – аж присвистнул Федька, взглянув куда карандаш упирался. – Это почти в самой Тьме, гля, прямо как в карман заезжать надо. Туда разведбат даже не суется, кажись. Круто берете, товарищ начальник.

– Разведбат суется, но ненадолго и быстро уходит, – сказа Иван. – А вот нам надо сунуться всерьез, найти архивы, разобраться в них хотя бы в общих чертах и загрузить в машину.

– «Нам»? – переспросил я. – Ты тоже собираешься?

– А что, здесь отсиживаться буду, думаете? – даже вроде как оскорбился он. – Вместе, все вместе. Механик только здесь остается, за рычаги Федя сядет, не зря же мы его личное дело изучили.

– Рычаги? – переспросил уже Федька. – Гусеничное что-то?

– Именно так. Сделали машину по нашему проекту. Чай допьем и покажу.

Допивали чай недолго, тем более что любопытство начало распирать. Даже остыть толком не дали, залили в себя кое-как и пошли на улицу.

На территории Фермы помимо стоянки были и боксы, переоборудованные из какого-то склада. Самые первые по счету ворота были открыты, и именно в них мы и зашли.

– Это че такое? – удивился Федька, увидев стоящую перед ним зеленую машину.

То, что я увидел, поначалу показалось мне переделанной «маталыгой», артиллерийским тягачом МТ-ЛБ, но потом я понял, что «маталыгам» братья здесь неоткуда, да и не она это вовсе. А вот что именно, узнать никак не получалось. Машина была не слишком большой, на узковатых, на первый взгляд, гусеницах, свидетельствующих о не великом весе, и здорово неуклюжей сверху, словно ящик стальной на нее поставили и кое-как приварили.

Присмотревшись, я понял, что так и было, кто-то действительно на боевую машину наварил относительно высокие прямые борта, словно стремясь увеличить ее внутреннее пространство.

– Это было «сучкой». – раздался голос сзади. – Или «коломбиной». Или даже «жужей», как хотите, так и называйте. Бывшая СУ-76М, самоходная артиллерийская установка.

Мы разом обернулись, чтобы увидеть заходящего в ангар мужика лет

пятидесяти, одетого в комбинезон и сейчас вытирающего руки тряпкой. Мужик представился:

– Меня Панкратовым зовут, но можно Степанычем, если проще. Я на этом самоваре вроде штатного механика, ну заодно и проект мой.

Мы с Федькой тоже представились, а Степаныч продолжил описание:

– Прикинули, что наравне с танками проходимость только у «сучки» была, а вот экономичность куда выше. У легких танков внутрь всего два человека лезут, а бронетранспортеры здесь или полугусеничные, или вообще колесные, так что проходимость не на уровне.

Он похлопал машину по тускло отозвавшемуся борту.

– Сняли пушку и надстройку, машину здорово облегчили. Крюк приварили под обычный прицеп, мало ли что тащить придется. Давайте отсюда покажу, смотрите...

Мы обошли машину сзади, где обнаружили немало размера вертикальный люк вроде как на той же «маталыге». Степаныч его с усилием приоткрыл и пригласил залезть.

– Видите? – спросил он, сунувшись следом. – Водитель где сидел, там и будет сидеть, только у него кроме люка теперь еще и нормальное стеклышко, с триплексом. Триплекс хороший, кстати, с немецкого танка сняли, не то что наш. Боевое отделение, верхнюю часть, подрезали автогеном, добавили почти полметра вперед, просторно стало.

Зажглись плафоны на потолке, осветив десантное отделение. Действительно, тесно в машине не было. Нет, не спальный вагон, разумеется, и потолок низко, и все равно тесно, но три кресла, установленные вдоль бортов, вполне себя оправдывали.

– Дальше стенки приварили, добавили высоты, – объяснял Степаныч. – Сталь винтовку держит, если не в упор, но за счет того, что нет пушки и башни, по весу даже выиграли. Крыша тонкая, правда, так что сверху стрелять в себя не давайте. Но никакая тварь все равно не прокусит. Люки тоже есть, два, на всякий случай.

Повернув ручку, я открыл один люк из проштампованной стали и поставил его на стопор. Не тяжелый, и как раз встав, я высунулся из него по грудь. Удобно. Заметил и огромный желтый круг, нарисованный во всю крышу.

– Это чтобы с воздуха нас искать? – спросил я, похлопав по нему ладонью.

– Именно так. Вот эти щитки видите? – спросил Степаныч, гулко поелозив стальной задвижкой вроде печной, за которой открылось немало размера овальное отверстие в стене. – Бойницы прикрыли.

Оружия на машине нет, все равно без башни, но штатно вам положен РПД, ну и из своего постреливать можете. Их в каждую сторону по две. Закрывается все почти герметично, так что даже «призраки» просачиваться не должны.

– Не должны? – спросил я у Федьки.

– Не, они в совсем узкие щели не лезут почему-то, хотя под дверь вполне способны просунуться.

– Это обнадеживает.

– Тут вот вроде как столик впереди получился, за счет того, что стенку рубки сдвинули, – показал Степаныч. – И вот так можно лампочки включить, вроде как с картой поработать или еще чего.

– А запас хода? – обернулся к нему Федька.

– По пересеченной верст четыреста пройдет, без вопросов, по дороге все шестьсот, – уверенно ответил Степаныч. – От наставления ни хрена же не изменилось, сколько сказано, столько и поедет. И на корпус можно две бочки с топливом подвесить, запас будет. Только с этим поаккуратней, бензин все же, не соляра.

– Да это понятно... Тест-драйв когда можно сделать?

– Ты за мехвода? – уточнил Степаныч. – Тогда сейчас с тобой и скатаемся, посмотришь, как и чего. А я посмотрю, как ты умеешь, а то мне может самому лучше.

– Мы с вами, – сказал Иван. – Заодно проверим, как там за пассажира, а то я сам на ней еще ни разу.

– Это вы сами решайте, мне до того дела нет, – отмахнулся Степаныч.

* * *

Федька не подкачал, хоть, судя по выражению лица Степаныча, и не поразил. А вот я остался доволен, вполне даже. Шла машина тихо, не громче грузовика, два мотора тоже на уши не давили, но при этом тащили вездеход вполне бодро. Бойницы-окошки оказались достаточного размера для того, чтобы можно было выглядывать на ходу, а так как дождя не было, мы с Иваном в верхние люки высунулись, так еще удобней оказалось.

Внутри было тепло, там соорудили примитивную печку, что обнадеживало в преддверии зимы, было много всяких ящиков и бардачков. Кресла, выдранные из немецкого танка, были мягкими и вполне удобными, так что за сохранность задниц тоже можно было не опасаться. Когда вернулись на территорию Фермы, поносившись по окрестным полям и буеракам, и Федька закатил «Жужу», как он уже начал именовать машину, в бокс, Иван спросил у меня:

– Ну как?

– По мне так вполне, – честно ответил я ему. – Застрясть ей вроде не грозит, а если по паре бревнышек с каждой стороны подвесить и с собой прихватить, то выберемся откуда угодно. Мне уже довелось к границы Тьмы скататься, да еще и с приключениями, так что факт наличия брони радует.

– Вишь как, – обрадовался такому отзыву Иван. – А поначалу хотели обычный американский МЗ использовать, полугусеничный, но у него проходимость так себе по грязи, так что решили машину с нуля делать. Ладно, пошли дальше, просвещать вас буду.

– Это по поводу? – спросил Федька, выбравшись из «Жужи» через водительский люк и спрыгнув на землю.

– По поводу адептов, – сказал Иван. – Хотя я, как человек, мистики не признающий, всегда предлагал их называть адаптантами, так понятней и естественней.

– Да по мне хоть темными эльфами, – засмеялся Федька. – Суть их от этого не изменится.

Иван только плечами пожал, и повел нас в сторону большого здания бывшего депо, разве что Степаныч остался с машиной, к экскурсии интереса не проявляя.

Подожли к стальной двери, проделанной в воротах, Иван нажал на большую красную кнопку под козырьком, больше похожую на сигнал

пожарной тревоги. Звонок был внушительный, вроде школьного. В двери отодвинулось окошко, в нем показалось чье-то настороженное лицо.

– Сереж, это я, – сказал Иван. – И со мной двое, новые сотрудники.

– Все равно регистрируем, – сказала лицо, и калитка распахнулась.

За ней оказался очередной решетчатый шлюз с дежуркой, в которой сидели двое с красными повязками, вохра. Выглядывавший в окошко Сергей потребовал наши удостоверения и тщательно переписал их данные в журнал посещений.

– Вот теперь порядок, – сказал он, возвращая нам красные книжечки с фотографиями. – Ни к вам вопросов, ни ко мне претензий. Проходите.

Лязгнул запор решетчатой двери шлюза и мы прошли дальше.

Депо уже давно таковым не являлось. Его перестроили, перегородив во всех направлениях кирпичными стенами с дверями и сверху подвесив стальные мостики-переходы, по которым, кстати, прогуливался охранник с ППШ, надзираая сверху за порядком.

– Там у нас боксы стоят, в которых Тьму проращиваем, так сказать, – показал Иван на дверь с надписью «Не входить!». – Из них же тварей для опытов добывали.

– Вот, кстати, всегда хотел спросить, – вскинулся я. – Тьма в любое темное место прорасти может? Вроде как внутрь колесной камеры или в пустой ящик, лишь бы заперт был?

– Нет, не так, – засмеялся он. – Объем должен быть достаточен, эдак с комнатку, или шкаф, например, для кого-то вроде крысаков, а второе – там обязательно отпечаток человеческой ауры должен быть. Человек туда должен был заходить, и не раз. Или руками шарить регулярно, как в том же шкафу. Мистика, понимаю, но так оно и есть, другого объяснения не придумали.

Иван повел дальше нас по длинному коридору до двери с надписью «Отдел содержания», за которой оказалась самая настоящая тюрьма. Или зверинец, тут уж как посмотреть. Проход, решетчатая стена, за ней камеры. В проходе стоит стол, за которым сидит человек в белом лабораторном халате, читающий книгу, на тюремщика никак не похожий.

– Лямыч, как жизнь? – поприветствовал его Иван.

– Да как она может быть? – пожал тот плечами. – Пациенты ведут себя тихо, читать не мешают, следующее дежурство по зоопарку только через неделю, жить можно.

– Слева твари, справа люди, – кратенько описал нам ситуацию Иван. – Или адаптанты, если угодно. Хотя тварей нет сейчас, передохли все, есть только двое одержимых. С кого начнем?

– Тварей я видел, нет их и не надо, давай с сектантов начнем, благо к ним в гости кататься будем, – сразу сказал я.

– Никаких проблем. Пошли.

Сделав всего несколько шагов, я остановился у первой камеры, забранной частой, но не слишком массивной решеткой. Пустая комнатка с кирпичными стенами, грубо сколоченный топчан с соломенным матрасом, солдатское одеяло. На топчане, поджав по-турецки босые ноги, сидела девушка лет шестнадцати с виду, коренастая и некрасивая, с собранными в неряшливый узел светлыми волосами.

Сначала она показалась мне совсем обычной, но потом мое сознание отметило какие-то несообразности с привычным человеческим обликом. Она выглядела как... негатив, пожалуй. Волосы были светлыми, но какими-то белесыми, не седыми и не блондинистыми. Странные волосы. И они были заметно светлее кожи – синеватого оттенка, лица с темными губами и темными же пятнами под глазами, и таких же синеватых рук, собранных в замок на одном колене.

Когда я остановился перед решеткой, девушка посмотрела на меня, затем вдруг злобно оскалилась, обнажив черные зубы. Не грязные и не гнилые, а вполне здоровые и ровные зубы с эмалью черноватого оттенка.

– Эва как, – сказал остановившийся рядом Федька. – так их видал, но не с такого расстояния. Зомби какая-то.

– Не, зомби плохо выглядят, кожей болеют, если кино верить, а эта вон какая здоровая и гладкая, – сказал Иван. – В глаза взгляните, это интересней.

Верно, глаза были странными. Такими же, как все остальное у нее – черный «белок», белая радужка, даже серебристая, и вертикальный зрачок, как у кошки. Все вместе это смотрелось так странно, что девушка, несмотря на то, что она кроме цвета не отличалась от обычного человека ничем, человеком при этом не выглядела абсолютно, и никаких ассоциаций с ним не вызывала. Странное существо из странного мира, человеку враждебное.

– Не общаются? – спросил Федька.

– Нет, никогда, что с ними не делай, – покачал головой Иван. – Не по нашей части, но в НКВД пробовали. А так... все остальное как у людей, только холода не боятся.

– Серьезно? – удивился я.

– А здесь что, тепло, по-твоему? И стена холодная, а ей пофигу, видишь? Пробовали одного зимой держать вообще в клетке на улице, так он на снегу спал без проблем.

– Это да, от Тьмы холодом прет, – сказал Федька. – А на жару они как?
– Жары не любят, помереть могут. Были случаи.
– И чем вы их летом охлаждаете здесь? – спросил Федька.
– Летом в погребке держим, тех, которые доживают, – ответил Иван. – Пошли дальше.

Сектантов в клетках обнаружилось еще двое, оба мужчины. Один был тщедушным мужичком, не обращавшим ни на что никакого внимания, а про второго, молодого и сильного, сидевшего в дальней камере, Иван сказал:

– Этого опознали, он углегорский. На мародерку катался к границам Тьмы, однажды не вернулся. А потом уже в таком виде разведка поймала. К общению не расположен, ничего не говорит, как таким стал – не рассказывает.

– А друг с другом общаются?

– Здесь – никогда, – ответил сидевший за столом Лямыч. – Сколько ни дежурил – никогда не слышал. Молчат, смотрят куда-то в пространство, да и все. Даже книги подсовывать пробовали – в руки не берут.

– А едят что?

– Да то же, что и мы, не отказываются, – пожал он плечами. – А вот одержимых на человечину тянет. Один уже помер, а второй в десятой камере маринуется, можете посмотреть.

Сверху слышались шаги, я поднял голову – над нами проходил по мостику охранник, поглядывающий вниз, проход у камер потолка не имел. На нас он никакого внимания не обратил, протопал себе дальше.

Камера одержимого была пуста, вместо топчана там был голый дощатый пол. Посередине сидел совершенно голый тощий человек, весь в шрамах, рубцах, кровоподтеках и царапинах, тихо скуливший и покачивающийся взад-вперед, как китайский болванчик.

– Кто его так? – спросил Федька.

– Сам. То на стенку кинется, то на решетку, то в бешенство впадет. Скоро перестанет, одержимые не жрут ничего, так что ослабеет.

Тот замер, услышав голоса вблизи, и уставился на нас. От его взгляда я даже назад попятился, настолько странно выглядели его глаза – совершенно черные, ни зрачка, ни радужки, похожие на черные полированные камни, которые кто-то вставил ему в глазницы.

– Федь, а чего нас на каждом шагу светом проверяют? – спросил я приятеля. – Такой зверь дикий куда проникнет тайно-то? Его в психушку заберут раньше, чем он к любому подъезду приблизится.

– Это они потом такими становятся, чаще после поимки, – ответил

Федька. – А пока «свежий», то людей узнает, говорит логично, сразу ни на кого не бросается, даже не отличишь от того, каким был. А потом такой пройдет куда не надо, да еще с оружием, и такое устроит... Ладно, чего на эту хрень смотреть, пошли отсюда.

– И то, – согласился я с ним. – Сектантов глянул, и достаточно, любопытно было, кто нас тогда с Настей обстрелял. Такие и вправду особо часто поблизости встречаться не должны.

– Так и не встречаются, – пожал плечами Иван, пропуская нас первыми на выход. – Твой случай с жертвой пожалуй что первый на таком расстоянии от города, так они пока ближе чем верст на сто не подходили, по слухам.

– А Рябинки? – спросил его Федька.

– Рябинки все же в той стороне были, – сказал Иван. – И, конечно, там что-то еще случилось, не просто так они напали.

– Это ты о чем? – спросил я.

– Года три назад сектанты целую деревню перебили, тоже в таком месте, где их раньше не встречали. – сказал Федька. – Причем не просто так, а все спланировали, все просчитали, эффект неожиданности по максимуму использовали. Всех живых жителей загнали в сарай и там сожгли.

– А потом снова не подходили на такое расстояние и подобного не повторяли, – добавил Иван. – Как отрезало. Поди пойми, зачем им это понадобилось. Нет, так-то на людей нападают, и даже в рейды ходят, но вот чтобы опять на деревню – не было.

– Вот твари, – вздохнул я. – Может это тоже, жертвоприношение какое-нибудь?

– Может, черт их разберет.

* * *

– Чего думаешь? – спросил Федька, когда мы сидели за столиком в «талонной» столовке, проедаая запасы моей «первой помощи».

Уехали мы с Фермы не поздно, Иван нам все разобъяснил, насчет чего сам был в курсе, а Милославский так и не появился, сообщил, что застрял на городском совете. Поэтому мы решили темноты не дожидаться, а откланялись и уехали. Все равно неделя впереди нам отводилась на освоение матчасти и прочую подготовку, так что успеем там углы поотирать.

– Карту колебаний Тьмы я перерисовал в общих чертах, – ответил я. – Лучше Порфирьева сейчас и нет ничего, Тьма подкатывает, время тикает задом наперед, так что надо выгребать оттуда все, что только можно, все новое, главное не зарываться. А насчет других мест не знаю, нужно искать информацию.

– В Красношахтинске помимо архивов еще новая телефонная станция была, я в старых газетах местных читал, – сказал Федька. – Прямо перед войной построили, с новым оборудованием. Думаю, что оттуда можно неплохо натаскать, телефонную связь по городу тоже тянуть пытаются. Только не пойму, как все это увязать с наукой, Иван-то наверняка рогом упрется, если казенную броню на свои дела возьмем, а на грузовике я туда не поеду, страшно. Это даже не Порфирьево, а намного хуже.

– Надо опять же с Милославским решать, – сказал я, разламывая ребром вилки котлету – ножей в столовке не было, так обходились. – Под соусом взаимовыгодного сотрудничества. Пусть дает добро на использование, мы тогда даже бензин для «Жужи» сами оплатим. Только сначала скатаемся в рейд с Иваном, вроде как блеснем талантами и прочим, тогда уже проще будет. Если блеснем, конечно, не обгадимся.

– Сам как думаешь, толк от такой поездки будет? – спросил Федька, обкусывая отбивную, насаженную как зонтик на гнущуюся вилку.

– Ты о чем? Какой толк? – не понял я его.

– Да насчет Тьмы, – уточнил он. – Вообще остановить ее или как-то отбиться получится?

– Откуда я знаю? – пожал я плечами. – Она так и не очень наступает, вроде как? Или все же я чего-то не понял?

– Не понял ты, – сказал Федька. – Твари стали куда резче и активней, и в город пробираются чаще. Потом... ты ведь на карту внимательно

смотрел?

– Ну... да, внимательно.

– В соседнюю область дорогами ехать – это как в коридор между двумя пятнами Тьмы, так? А они вроде как сдвигаться начали, – Федька сдвинул две пустые тарелки по столу, демонстрируя как движется Тьма. – Это если на запад, и на восток такая же картина. Разделятся люди на отдельные анклавов, а дальше черт знает, как оно пойдет. Мы без торговли друг с другом тут сразу загибаться начнем, или на натуральное хозяйство переходить придется. Может это и есть главная стратегия, разделить и поиметь?

– Может и так, звучит логично, – согласился я. – Мне, сам понимаешь, ретроспективно смотреть трудно, я тут всего ни хрена, вижу то, что вижу.

– Ну, а мне проще, – сказал Федька. – Поэтому честно скажу – деваться нам некуда, бежать некуда, мы тут как крысы в углу, надо кусать все что видишь. Если есть тема насчет свою погибель притормозить или как-то отбиться – я для этого что угодно сделаю. Даже бесплатно, правда про это вслух уже не скажу, а то на лохах воду возят, сам понимаешь.

– Это точно, нагрузят и повезут – только в путь, – согласился я с ним. – Тебя куда отвезти, кстати?

– В общагу, – сказал Федька, махнув рукой куда-то в сторону окна. – У меня свиданка сегодня, но дама из женского корпуса, там и встретимся. Это тебе хорошо, уже устроился по-домашнему, а нам, бобылям...

– А кто же тебе мешает? – вроде как удивился я.

– Жизнь мешает. И муки выбора, – засмеялся он. – Не всем так сразу везет, как тебе, да и то неизвестно, не пожалеешь ли еще за поспешность свою. Кстати, я бы еще в Горсвет заехал, да уточнил, точно ли все распоряжения насчет нас пришли? А то где-то канцелярия проспит, а нас в дезертиры запишут. Проблем потом не оберешься.

– Это правильно, куда же без этого, – согласился я. – И к СКС патронов набрать бы надо, а то с двухсотого штук шестьдесят всего взял, маловато.

– Мне тоже пополниться надо, – сказал и Федька. – Давай, дохавали и почесали.

В Горсвете с бумагами оказался полный порядок, мы числились откомандированными по всем правилам и процедурам, претензий быть не должно. Власов, которого мы встретили у отдела кадров, побурчал немного по поводу того, что на ходу приходится списки личного состава переделывать, но больше ничего не сказал, тем более мы сами ему поплакали на неожиданный и вроде как ненужный перевод. Патроны в

оружейном складе тоже выдали без проблем, правда, мне отнесся их на зарплату, поскольку СКС за мной не числился. Ну да ничего, нам и так сойдет.

Закинув Федьку в общагу и пожелав ему поразить воображение счастливой избранницы матерными частушками в самом мастерском из возможных исполнений, я сначала заехал домой, оставив карабин и патроны, и уже потом покатыл на аэродром, естественно, куда же мне еще.

– На вылете, – сказал Марат, запуская меня на территорию. – И Настя на вылете, и Николай. В честь погоды с утра летают, уже в четвертый раз. Подождешь?

Я глянул на небо, заметно темнеющее, спросил:

– А не темновато летать?

– По времени уже возвращаться должны, – сказал он, глянув на часы на стене. – Пора.

Выловив из висящей на боку противопогазной сумки техническое описание самолета По-2, я присел на скамейку в импровизированной курилке – с этого места хорошо просматривалась посадочная полоса.

«... Управление делится на: ручное – для управления рулями глубины и элеронами, и ножное – для управления рулем направления и костью при рулежке на земле. Связь между управлениями достигнута в ручном управлении – посредством промежуточной тяги между передним и задним ручным управлением...»

Давно как-то учебники читать не доводилось, усваивается медленно и как бы даже со скрипом. Жизнь коммерсанта, каковым я долго являлся, развивает гибкость ума до невозможных величин, но сильно уменьшает его глубину. Без всяких рулей.

Вдалеке послышался треск мотора, и вскоре я увидел заходящий на посадку биплан, слегка покачивающийся в потоке бокового ветра. Самолет плавно коснулся земли, прокатился немного и удивительно ловко развернулся у самого ангара, я даже не понял, каким образом. Поток воздуха от пропеллера погнал облачка мусора прочь от полосы, затем двигатель несколько раз чихнул, пропеллер закрутился все медленней и встал, упруго покачиваясь, как на пружинах.

Настя выбралась из кабины, прыгнула с крыльца и сказала Марату:

– В задней кабине мешок с почтой, заberi и отвези в НКВД. И Сергею скажи, чтобы опять песка в балласт досыпал, там теперь килограмм на тридцать меньше. Дорогой, соскучился?

Это уже мне было адресовано, а я и вправду соскучился. Я как-то по ней успеваю соскучиться минут через пять после того, как мы в очередной

раз расстаемся. Такая вот, понимаешь, быстро возникшая зависимость в тяжелой и острой форме.

– Ты уже все на сегодня? – спросил я ее, поцеловав в холодные после полета губы.

– Почти что. Так, журнал заполнить осталось и можно домой. Я голодная, кстати, там что-нибудь есть?

– Откуда? – удивился я вопросу. – Заедем по дороге, купим что-нибудь. А так только чай.

Мы поднялись по лестнице в их дежурку, жарко натопленную от небольшой печки, притулившейся в углу. Настя, распахнув дверцу металлического шкафчика, начала снимать комбинезон, теплый и массивный, без которого летать было бы невозможно в открытой машине.

– Был у Милославского? – спросила она, усевшись на табурет и натягивая вместо высоких сапог на меху свои «турики».

– Был, – кивнул я. – Перевели официально, меня и Федьку.

– И что думаешь?

Вопрос конкретным не выглядел, но его настоящий смысл был мне понятен. Поэтому я ответил:

– Думаю, что я на правильном пути. Что-то за всем этим есть, наверняка.

– Предчувствие? – уточнила она.

– Да не сказал бы, уже какие-то фактики собираются. В любом случае, какую-то полезную инфу в обмен получил, да и бронемашину нам выдали, можно соваться куда раньше не совались.

– Тебе сказали, что они ко мне тоже обратились? – спросила Настя, затягивая шнурки.

– Сказали, – подтвердил я. – Вроде как разведка и контроль ты у нас будешь?

– Буду, – кивнула она. – Так что ты с картами и планами поаккуратней, чтобы не промахивалась, если вас искать придется. И еще вопрос: учиться когда будешь? У меня план простой – через месяц, самое большее, ты должен полететь. Машина простая, поднять и по коробочке провести ты ее уже сможешь.

– А что за спешка? Мне еще броню осваивать, я же за рычагами не сидел никогда.

– Одно другому не мешает, универсалом будешь. Считаю, что предчувствие у меня такое. Кстати, – поднялась она с табурета, ловко собирая волосы в хвост. – Похоже, что твой перевод немного тучи над нами развеял. Нас уже совсем конфисковывать собирались, но похоже решили,

что сейчас не время будет, поправочку на наши отношения сделали. Так что давай, учись, кто знает, что им дальше в голову придет.

– Понятно, – кивнул я и продемонстрировал книжечку технического описания самолета. – Видишь? Учю как букварь.

С улицы донесся рокот мотора и за окном показался садящийся на полосу самолет – вернулся Николай, закончив свой четвертый за день вылет.

* * *

Самым трудным в управлении «жужей» оказалось суметь повернуть ее на нужный угол, руки никак не справлялись с рычагами с достаточной точностью, и при каждом маневре я умудрялся распахать всю землю под гусеницами, все время промахиваясь мимо нужного направления и виляя как пьяный при трогании с места. Трудно было вести, глядя в маленький триплекс перед глазами, отсутствие нормального обзора в бока тоже очень напрягало. Федька же справлялся легко, его старая воинская специальность оказалась вовсе не липой.

Но все же и мы с Иваном понемногу осваивали машину, под чутким руководством Степаныча, разумеется, нещадно нас матерившего и злобно насмехавшегося. Каждый наш косяк в обращении с техникой он воспринимал как шило в задницу, а то и как личное оскорбление.

Машина действительно поражала невероятной по сравнению с любой колесной техникой проходимостью, легко раскатывая по грязным полям, выбрасывая чуть не в небо комья грязи с гусениц, выбираясь из оврагов и преодолевая броды. Выдали нам и пулемет, вместо ожидаемого РПД подогнав РП-46, современную версию знаменитого военного «дегтяря», с длинным и толстым стволом и питанием не от диска, а от ленты из прямоугольного брезентового мешка. В ящик же для боекомплекта, прижавшийся к борту, загрузили аж три тысячи патронов, серьезно повысив нашу огневую мощь.

Выехав в поле и расставив доски-мишени, мы постреляли по ним из бортовых бойниц и сверху, высунувшись из люка машины, и решили, что с этим справляемся неплохо, причем все трое – Иван в свое время тоже в армии отслужить успел, научился. Пулемет грохотал солидно и гулко, выбрасывая гильзы и куски ленты, которые сыпались под ноги, что сразу было признано неудовлетворительным. Степаныч покивал и ушел в мастерские делать импровизированный сборник под все, что сыпалось из стреляющей «машинки». С расплывающимися по отсеку пороховыми газами поделаться уже ничего не могли, хотя вентиляция была явно неудовлетворительной. Впрочем, Степаныч пообещал подумать над устройством дополнительной вытяжки.

Милославского я увидел всего один раз, причем очень накоротке – тот был чем-то занят и в наши дела особо не лез, что меня, по понятной причине, не слишком удовлетворяло – хотелось задавать вопросы и

получать на них ответы. Он подошел ко мне в конце рабочего дня, когда я прогревал двигатель «тазика» и поджидал отошедшего помочиться Федьку. Рядом строились в колонну несколько машин – рабочий день заканчивался, было уже темно и в город ехали всем скопом для вящей безопасности, ну и я намеревался пристроиться к ним, не хотелось раскатывать по лесам в одиночку, пусть даже всего десять километров.

Шикарный додж «Олл Карри» Милославского появился из-за угла главного здания и ловко втерся в середину колонны, причем две машины раздвинулись, чтобы его пропустить. Двери доджа распахнулись, его телохранители выбрались наружу перекурить, а профессор направился ко мне, на ходу протягивая руку для приветствия.

– Ну как, осваиваетесь? – спросил он.

– Да вроде осваиваемся, что тут сложного? – пожал я его руку. – Главное, чтобы из этого какой-то толк был.

– Какой-нибудь будет, обязательно, – уверил он меня. – По снабжению все нормально, проблем нет?

– Да вроде нет, – подумав, ответил я. – Занимаемся по плану, через неделю двинем в Красношахтинск, пороемся там в архивах.

– Вы бы с Настей слетали еще туда предварительно, глянули, что и как, – сказал Милославский. – На таком расстоянии от границы Тьмы изменения чуть не каждый день случаются, подчас и не предугадаешь, какие, так что лучше проверять. Она же сказала вам, что мы ее на постоянной основе наняли вам в помощь?

– Сказала, как не сказать, – подтвердил я. – Спасибо, что фонды на топливо и ремонт выделили, можно птичкой порхать. Перед выходом слетаем несколько раз, и прямо на место, и над окрестностями покрутимся.

– Давайте, дело нужное. И обещаю заодно премию вам выбить за выход к Тьме, думаю, что пригодится.

– А по тому... «моему» месту, нет ничего нового? – спросил я после короткой паузы.

– Нового пока ничего, разве что засекли активность магнитного поля на этом месте, – сказал профессор. – Есть мнение, причем вполне обоснованное, что тоннель с той стороны к нам существует, как-то он закрепился.

– А как обычно бывает? – полюбопытствовал я.

– Обычно просто след остается, быстро тающий, через пару дней на месте уже ничего. А тут стабильное поле, не снижается, не рассасывается... очень интересно, пока не сталкивались с подобным. Стабильный выход из канала, как я уже сказал – закрепился, а вот на

противоположной болтается как флаг на ветру, и где точка входа в него, неизвестно никому.

– Иван сказал, что вы там постоянный пост организовать хотите?

– Ну, насчет постоянного я бы так не утверждал... – задумчиво сказал Милославский. – Но временный лагерь с лабораторией устраиваем, верно, попытаемся понять, что же там конкретно произошло, почему так все. Ладно, удачи, пора ехать, – сказал он мне, вновь пожимая руку и направляясь к своей машине.

Один из телохранителей услужливо открыл ему заднюю дверцу, второй уселся за руль. Тут и Федька подоспел, закинулся в «тазик», а то бы отстали от колонны, пришлось бы догонять.

* * *

На следующий день у Насти наступил долгожданный выходной, впрочем как и у всех остальных, суббота все же, к тому же наложившийся на нелетную погоду, так что и я наплевал на все дела на Ферме, и Федька тоже. Иван вроде не возражал, сам собирался предаться лени в полагающийся «уик-энд», Милославский в наши дела не лез и программу не гнал, так что мы втроем вознамерились ехать в Сальцево, базарный день все же. Нам по хозяйству надо было, да и пообщаться с тамошним главой базарной безопасности Сергеем, который обещал разузнать насчет пропавшей Скляр, тоже было пора, он два дня взял на выяснение.

На КПП нам удалось пристроиться в хвост колонне грузовиков с какими-то железзяками, которую сопровождал разведбатовский «скаут», то есть вполне официально. Группой командовал племянник шашлычника Шалвы, тот самый Тенго, с которым мы обмывали продажу генератора. Пока караульные переписывали состав колонны, он выбрался из броневика и подошел к нам.

– Как жизнь, как дела? – спросил он после обмена приветствиями. – Зачем в гнездо порока и свободной экономики намылились?

– Угадай с трех раз, – предложил я.

– На базар? – сделал он первую попытку, скосив глаза на Настю.

– Ну видишь, какой ты умный, – засмеялся я. – На базар, в законные семейные выходные.

– Кстати, – вроде как спохватился он. – Я отчет читал про засаду на горснабовскую колонну – это ведь ты там участвовал?

– Я. Мы, если точнее, – добавил я, кивнув попутно на Федьку. – Тоже кстати, узнали, кто напал?

– Похоже на то, – кивнул Тенго. – Были слухи, что целый хутор бандитский завелся, вроде как народ из Сальцево и Углегорска туда соскочил, попалились на каких-то нехороших делах. Одного опознали, снайпера, он к нам в разведбат года два назад устроиться пытался. Так я чего спросить хотел...

– Чего?

– По тому, что люди сказали, действовали вы вроде толково, а у нас вакансии образовались в последнее время...

– Приглашаешь, что ли? – немного удивился я.

– У меня чин не тот, приглашать, – ответил Тенго. – Но слышал

краешком уха, что могут вас позвать. У нас правило такое, что людей всегда приглашают, просто так прийти и попроситься не выйдет. Обычно соглашаются.

– Хм, озадачил, – почесал я в затылке. – Я, вообще-то, не готов пока ответить, а вот Федор к вам рвался раньше, вроде бы..., – обернулся я к Федьке.

– Так то раньше, – ответил он, выдохнув дым и затоптав окурок папиросы. – А сейчас уже и не скажу, новые перспективы, сам видишь, открылись.

– Что за перспективы? – обернулся к нему Тенго. – Не секрет?

– Да чего тут секретного, перевели к Милославскому, с экспедициями кататься, – махнул рукой Федька. – Сам понимаешь, что пока и интересно, все что-то новое, и с Милославским конфликтовать, попросившись на увольнение едва придя, тоже себе дороже, он же тогда с дерьмом смешает.

– Если к нам уйдешь, то не смешает, – твердо ответил Тенго. – Евстигнеев своих в обиду не дает, а на Милославского со всеми его заморочками кладет с прибором.

– Это Евстигнеев, – высказал я свое видение ситуации. – А мы пока еще и не ваши, да и нет повода Милославскому хамить у нас, он к нам вполне по-человечески, так что нехорошо получится.

– Ну ладно, вам решать, меня это сами понимаете, в какой мере касается, – завершил скользкий разговор Тенго. – Давай, грузимся, выходит колонна.

Колонна действительно вышла, мы плелись в ее хвосте, заметно отстав, чтобы грязь из-под колес замыкающего ГАЗа-ААА не летела на стекло.

– Видал, как вышло? – спросил Федька, развалившийся сзади. – То сам рвался, и облом, а тут взять собираются, а я в отказ. Нет в мире совершенства.

– А что у них вообще хорошего? – спросил я. – Ну понятно, почет и зарплата, но и риск вроде как неслабый. Ну и у нас риск и зарплата ничего. К тому же выходных много, что вообще замечательно.

– Все кто под Евстигнеевым, они как государство в государстве, – подумав, ответил Федька. – Ни Горбезопасность к ним особо не суется, ни кто другой. Евстигнеев за своих действительно горой, Тенгиз не соврал, и если бы даже Милославский взелся на нас, мы бы там были в полной безопасности. Ну и халтурить своим он не мешает, понимает, что к чему. То же сопровождение колонн частников – хрен кто еще их поведет, не положено. Или сам себя охраняй, или разведбату башляй, иначе никак. Да и

не только с частников им обламывается.

– Так это они на все перевозки присели? – уточнила Настя.

– Естественно, – кивнул Федька. – Вся торговля под ними. Мародерку всю крышевать пытаются, правда, с переменным успехом. Вот мы нашу нычку в Порфирьево уже обязаны им показать, а что они с ней сделают – это кругом тайна и секрет. Скорей всего еще сами продадут половину, на свой карман, только мы этого не узнаем.

– Что-то чем дальше наблюдаю, тем больше кажется, что у нас тут не социализм, а борьба крыш и влияний, – заключил я, поразмыслив над его словами.

– А при социализме как оно вообще? – удивился Федька. – Так оно и есть, это только для лохов лозунги, чтобы бежали дружно, куды начальники укажут. А уж те себя не забудут, на сей счет не беспокойся.

– Тоже верно, – согласился я. – Ты мне только одно скажи, вот это их предложение о переходе в данный исторический момент для нас хорошо? Или плохо?

– По мне так всегда плохо, когда тебя замечают лишний раз, – ответил Федька. – Добра у нас от такого никогда не жди, если по моему опыту судить.

– Хм... возможно, – опять кивнул я. – Ты мне вот еще что скажи... УпрО – это же отдел Горбезопасности?

– Точно, – сказал Федька. – А что?

– А он на кого работает в местном раскладе?

– Бабинов, что им командует, в принципе сам по себе. Он раньше, говорят, в армии особистом был, скользкий и крученный что твой угорь, хрен ухватишь. Но вообще в приятелях с Милославским ходит, с Евстигнеевым они так, постольку-поскольку, конкуренты типа.

Вот теперь расклад сил в городе стал еще понятней. Есть глава Администрации, который тут за главного, а под ним две группировки, соперничающие и даже враждующие. Возможно, что и с его подачи, типа балансная схема, сдержки, противовесы и безопасность своего собственного трона. Поэтому же «упроды» вокруг профессора постоянно.

– Ладно, пока предлагаю между группировками голову не совать добровольно, – сказал я. – Предложение разведбата, буде такое прозвучит, пока игнорировать, но максимально вежливо, будем посмотреть. Да и не верю я, если честно, что тут только наша лихость причиной, что-то тут еще есть. Не фиг то как мы там и воевали, самая банальная перестрелка.

– А что тогда? – спросила Настя.

– Без понятия, – честно ответил я. – Но не зря же нас Милославский

так активно к себе тащил, причем даже аэродром от конфискации спас. Как-то удивляет, когда сперва ничего и ничего, а потом ты разом всем нужен.

* * *

С Сергеем, заведующим безопасностью на сальцевском базаре, мы столкнулись прямо на стоянке. Тот выбирался из-за руля большого доджа «три четверти», который явно у него был за личный транспорт, и очень удивился, обнаружив нас рядом с собой, выбирающихся из остановившегося «тазика». Скосил глаза на Настю, вроде как даже узнав, поздоровался.

– Серег, ну что? – не стал тянуть волынку Федька. – Есть что-нибудь для нас?

– Да пожалуй, что и нет, – сказал тот, и посмотрев на вытянувшееся федькино лицо, добавил: – Нет, потому что никакая Скляр в обозримом прошлом из Углегорска в Сальцево не перебиралась. Если только не сказалась свежепровалившейся и не назвалась другой фамилией, такое тоже бывало, если кто из города валит и хвосты рвет. Но без фотографии этого проверить не могу. Найдете фото – попрошу в архиве глянуть.

– Понятно-о... – протянул я, попутно приходя к выводу, что вообще ничего не понятно.

– А она точно из Углегорска уехала? – спросил безопасник.

– Так говорят, – пожал я плечами. – И вроде бы врать не должны, причины нет.

– Если ситуация странная, то причины могут быть для чего угодно, – сказал Сергей чуть наставительно. – Эта ситуация, на мой непросвещенный взгляд, явно странная. И как следствие, может быть нечистой и нехорошей. Но концы ее ищите в Углегорске, тут пока ничем помочь не смогу.

– Спасибо, Серег, – поблагодарил Федька. – Должок за нами.

– Да уж на сей счет не сумлевайся, – усмехнулся тот. – Тем более, что у меня и дело есть к вам как раз.

– Большое? – уточнил Федька.

– Кое-что в Углегорске поискать надо, как раз по вашей части. Но сейчас объяснить все не могу, тороплюсь... – он подумал секунду, затем спросил: – Вы же сюда на базар наверняка? Покупки и все такое?

Спросил он больше у Насти, видимо сообразив, что в вопросах хозяйственных только она может быть главной и единственной направляющей силой нашей компании.

– На базар, – подтвердила Настя.

– Тогда как отоваритесь, подходите в «Светлячок»... во сколько вам

удобно?

– К часу? – спросила, глядя на часы, Настя.

– К часу – отлично, – сказал безопасник. – Подходите, отобедаем, а там все и расскажу.

Настя глянула на часы, кивнула, и наблюдавший за ней Федька сказал:

– Придем, договорились.

Базар радовал ценами, которые даже не слишком портились обменным курсом углегорских расчетов против местных чеков, а еще больше радовал изобилием товара. Если с едой здесь было все так же, как и на углегорском рынке, ассортиментом удивить в этих краях трудно, то с остальным было куда проще. Одежду наловчились шить не только у нас, а где-то, похоже, даже целое производство успели наладить. По крайней мере ассортимент нескольких лавок здорово напоминал друг друга, явно из-под одного «зингера» вышли брюки и куртки из плотной тонкой парусины, которые предлагались в продажу.

У меня к тому времени тоже целый список необходимого составил. Приближающаяся зима вкупе с постепенным вращением в местную действительность здорово стимулировала догадливость. Перспектива наступления морозов в самом скором времени одновременно с пониманием того факта, что большинство машин здесь или открытые, или просто никак не отапливаются, заставляла, например, искать такую обувь, в которой можно и на педали жать, и одновременно с тем ног не лишиться от холода. Когда-то давным-давно довелось мне проехать несколько часов по сильному морозу в автомобиле КраЗ с большими дырами в полу, через которые был виден девственно-чистый снег лесной дороги, будучи обутом при этом в обычные сапоги, и память эта до сих пор сохранилась.

К радости моей, подходящая обувь здесь была. В магазинчике под оригинальным названием «Обувь» я с ходу прикупил пару подшитых валенок, добротных и успокаивающих одним своим видом. Теперь хоть сутками можно гулять, если еще и с портянками теплыми. Гулять, но вот водить в них машину... Впрочем, проблема была надуманной, на полке прямо передо мной выстроились в ряд попарно меховые унты, но и Федька, и Настя разом указали мне на нечто иное – вполне основательного вида кожаные сапоги, высокие, по самое колено, да еще и с затягивающимся брезентовым манжетом наверху, специальным таким, чтобы снег в них не сыпался, случись забраться в сугроб. Федька сразу сказал, их увидев:

– Бери, не ошибешься, на морозы – самое оно, и нога гнется, это те не валенок. Дорогие, правда, но каждого рубля стоят.

Прислушивающийся к разговору продавец – молодой, лет семнадцати

с виду пацан, подхватил один сапог с полк и выставил его передо мной на прилавок. Я взял его в руки, оценив не такой уж большой вес, заглянул внутрь. Обувь была двухслойная, внутри сапога из толстой кожи, который, если хорошо смазать, никакую воду не пропустит, да еще и вставленного во что-то вроде калоши с рубчатой подошвой, находился еще один, из добротной овчины мехом внутрь, вставленный туда на манер чулка.

– Если на теплую портянку, то хоть на северный полюс, – сказал продавец. – Подошва резиновая снизу, внутри кожаная, а на ней кроме чулка еще и двойная стелька из войлока. И голеностоп гнется, смотри...

Взяв второй сапог, он с гордостью продемонстрировал гибкость конструкции. Действительно, в противовес валенкам, в этом сапоге нога могла гнуться, давить на педали «тазика» проблемой не будет. Другое дело, что цена на них и вправду была выразительной, если бы не последние приработки, я бы даже обсуждать их покупку не решился.

– Что задумался? – толкнула меня в бок Настя. – Бери, я сама сейчас такие куплю, они лучше чем мои унты.

– Нам еще мебель заказывать, не забыла? – напомнил ей я о грядущих планах, но махнул рукой и добавил: – Ладно, одна живем, побалую себя.

Цену-то на самом деле обосновывать не надо было, сапоги – чистый «хай энд», ручная работа и конструкция по сложности соперничающая с настиным «кукурузником» как минимум.

– Ты еще и меня побалуешь, я тоже такие хочу, – сказала Настя, и услужливый продавец сразу же выставил на прилавок пару сапог нужного размера.

Вспомнилось, что хорошая обувь в трудные времена вообще особую ценность всегда приобретала, какие хочешь книжки читай. Так что можно считать данную покупку инвестицией, хотя бы в сохранность собственных ног.

Тюки за спиной разрастались по мере того, как мы обходили торговые ряды. Нашлись и ватные штаны куда добротней чем простеганные военные, с многочисленными карманами и вшитыми лямками для утяжки, на широких и прочных подтяжках, нашлись и варежки «двухпалки», в которых стрелять удобно, вспомнилось о том, что и шарфик бы на зиму неплохо занять – отвык я от них, привык что из машины в офис и из офиса в машину, так не то что о шарфах, даже про шапки забыть успел. Кстати, купил и шапку, тоже овчинную, при этом вполне современного вида, с откидным козырьком, с петлями под лямку пилотских или водительских очков, надевающуюся на вязаный подшлемник. Все же что-то полезное люди из двухтысячного сюда принесли, хотя бы в плане

конструкции одежды, преодолели порог «ушанки обыкновенной». Впрочем, этих самых ушанок во всех лавках тоже хватало.

Были и «предметы роскоши», дошло уже и до них. Магазин «Меха» до овчины не опускался, там торговали добротными волчьими и лисьими шубейками и полушубками, а заодно заячьими тулупчиками, памятными по пушкинской «Капитанской дочке», причем последние даже были украшены вышивкой, как аляповатой, так и нет, ну и цены на них стояли такие, что превращали оные предметы одежды уже в вещи статусные.

День был выходной, поэтому народу на базаре собралось великое множество, приходилось через толпу проталкиваться. Тут и там играла музыка, наяривали баяны и гитары, скрипки и гармони, отовсюду тянуло запахом жарящегося на углях шашлыка или свежих пирожков, рыночные харчевни заполнились публикой так, что яблоку некуда было упасть.

– Ближе к зиме всегда так, – объяснила Настя. – Кто запасы делает, кто сезонный товар распродает, кто наоборот от запасов избавляется и все в деньги переводит. Скоро по реке навигация закроется, все, кто сюда с низовьев торговать пришел, сейчас свалить побыстрее хочет, а то до весны застрянет.

К часу дня мы и вправду с покупками закончили, сгрузив узлы и тюки в «тазик» и подкинув червонец стояночному сторожу, чтобы смотрел побдительней. А затем, уже налегке, направились в «Светлячок», где должен был нас ждать начальник охраны всего этого огромного базара.

Сергей действительно был уже на месте, и завидев нас в дверях, махнул рукой, приглашая за свой стол.

– Пить будете? – спросил он с ходу.

– Если только пивка, – сразу объявил я личные границы допустимого.

Федька согласно кивнул, выразив тем самым сходные желания, а Настя пожала плечами, после чего попросила чаю.

Судя по всему, нас ждали, потому что обслуживать начали сразу же, притащив тарелки с закусками, кувшин традиционного здесь морсу и выложив меню.

– Горячее сами выбирайте, – пояснил Сергей, разливая пиво по кружкам из большого графина. – Ладно, за удачу...

К делу перешли не сразу, пока не съели горячее, он играл роль гостеприимного хозяина, за что я был ему искренне благодарен – я выбрал картофельные зразы с мясом, которые оказались на удивление удачными, и отвлекаться от них на разговоры не хотелось. Но всему свое время.

– В общем, что мне нужно, – заговорил он и мы сразу насторожились. – Была такая баржа самоходная, серии Ка-Эр, «Красный

речник», называлась «Карась». Слыхал?

– Это которая пропала? – переспросил Федька. – С года полтора назад примерно, так?

– Она самая, – кивнул безопасник. – Как раз от нас ушла, да и исчезла без следа. У вас ее вроде даже в розыск объявляли, да без толку.

– Помню, было такое, – сказал Федька и замолк, ожидая продолжения.

– До последнего дня считал, что с баржой все пропали, вся команда, – сказал Сергей, кивнув подошедшей официантке, поставившей на середину стола чайник. – Но вот дошел слух, что был там человек из экипажа, который именно в этот рейс не ходил. Всегда ходил, а в этот не пошел.

– Это кто? – спросил Федька.

– Этого я не знаю, – развел тот руками. – Собственно говоря, это бы и просил узнать аккуратненько, если возможность будет. Просто узнать, да мне сказать.

– А зачем? – спросил уже я.

Услуга услугой, но лучше пусть объяснится, оно всем лучше будет. Зачем в непонятное лезть просто так?

– Есть подозрения, что команда «Карася» у нас в городе нехорошие дела творила, – выдал первую дозу информации Сергей. – А если еще точнее – у меня на базаре, они всегда на нашей пристани швартовались и тут крутились. Тихо, незаметно, на глаза не лезли, так что их никто особо и не помнит. Шкипер был на барже и еще вроде как хозяин, их двоих на базаре только и вспомнили, да и то так...

– Как?

Он поморщился, сделал неопределенный жест рукой, затем ответил:

– С кем они на контакте были, тех уже и нет здесь. Один по слухам в бандиты подался, второго завалили непонятно за что, еще один пропал... Потом сама баржа пропала.

– Ну, пропала, предположим, – кивнул я. – Полтора года тому как. А сейчас до нее что за дело?

– Баржа пропала, да дела остались, есть такое подозрение. За них кто-то другой взялся, вот и пытаюсь понять, кто именно, не отставший ли от экипажа человек.

– А что за дела? – спросил Федька. – Серег, при всем уважении, но... ты нас в межгородские разборки втравить не собираешься? Должок должком, базара нет, но как бы нам за пять копеек пять рублей не отдать, по наивности нашей.

– Разумно, – усмехнулся тот, взяв чайник и разливая чай по кружкам. – Но мимо. Разговор идет о том, что кто-то бандитов на грузы наводит и

потом товар перепродает. Целая схема тут работает, задницей чую. И в последнее время нападения участились, так что если так продолжаться будет, то и наш базар рано или поздно кверху брюхом всплывет, кто сюда поедет? А для меня это, сам понимаешь...

– Поверим на слово, – кивнул Федька. – Только с чего ты взял, что я в таком деле хороший помощник? Я чего, из горбезопасности или где? Или тебе больше не к кому?

– Я не только тебя попросил, честно говорю, – ответил тот. – И даже не уверен, что у тебя получится. Но вдруг... мало ли, мужик ты пронырливый, друзей много, Серых, хозяин «Карася», на вашем базаре крутился, а у тебя там через одного приятели, глядишь, чего и выйдет. Поищи аккуратненько, получится – не забуду, обещаю. Я серьезно.

Федька посмотрел на меня, я лишь пожал плечами, мол: «а что еще делать, все равно всей правды нам никто не скажет». Да оно и понятно, другое дело, что если узнаем что-нибудь, то тогда и понять сумеем, во что нас любезный хозяин толкает. Тогда и решим окончательно.

– Постараемся, – сказал Федька. – Но сам понимаешь, гарантий дать не могу.

– Да кто же их дает-то в наше время, гарантии эти самые, – хмыкнул безопасник.

* * *

– Федь, а вообще как нормально, что он к тебе с таким делом? – поинтересовался я, когда мы уже остановились возле горсветовской общаги и Федька вытаскивал с заднего сиденья «тазика» узел с покупками, силясь вытащить его из-под других, под которыми он ехал всю дорогу до дома.

– Нормально, в принципе, – ответил Федька. – Он что-то подобное и раньше просил. Ты же меня знаешь, я тут с половиной города знаком. Можно поспрашивать аккуратненько, сильно не нарываясь, глядишь, и всплывет что. Если этот самый Серых действительно на базаре крутился, я его на два счета вычислю, это без вопросов.

– Если он и вправду с делами нехорошими связан, то можно и довычисляться, – подала голос Настя, до того в обсуждении просьбы сальцевского базарного безопасника не участвовавшая. – Вы там осторожней, понятно?

– Ну, мы здесь пока на своей земле, – улыбнулся Федька. – Тоже не последние люди, нас так просто не шуганешь.

– Хотелось бы верить, – вздохнула она.

Федька убрел в ворота общаги, закинув свой «сидор» за плечо, а мы поехали выгружать свои покупки. Дел на сегодня, первый нормальный совместный выходной, было выше головы.

Из дома, не задерживаясь и даже не распаковываясь, рванули к столярам, в «Мебель на заказ», где я, чтобы не дожидаться никаких обмерщиков, выложил листок с требуемыми размерами кровати, шкафа и полка. Пора было обживать, а мебель старая как-то особого вдохновения не вызвала – и уродливо, и скучно, и казенщиной отдавала просто беспощадно. А приколотенные на самое видное место жестяные бирки с инвентарными номерами делали это ощущение почти что абсолютным.

Пришлось, правда, в столярной мастерской еще и сесть за рисование, чтобы объяснить труженикам пилы и рубанка, что именно нам от них требуется, но похоже они нас поняли. Хотя это, разумеется, вовсе не подразумевает того, что мы получим именно то, что себе представляем – воображение у всех по-разному работает, и обычно самая большая разница бывает между воображением заказчика и его аналогом у исполнителя.

Пришлось правда, вернувшись домой, сунуть еще сотню одышливому коменданту, чтобы он согласился как на вынос казенной мебели, так и ее складирование, когда новую привезут. В результате нашей беседы я так и

не понял, нарушаем мы какие-нибудь правила, или не нарушаем. И есть ли вообще правила для таких случаев.

Когда дома разбирали узлы с покупками, Настя сказала:

– Завтра пойдем летать, дождь вроде закончился и небо ясное. Плевать, что выходной, но надо учиться, иначе не успеешь, а погоды нет. Дам порулить в воздухе, а дальше посмотрим, в зависимости от меры таланта.

– Ох, а я тебя завтра хотел в Сандуны затащить, попариться и все такое..., – немного огорчился я.

Она права, конечно, дела грядущие накатывают девятым валом и лучше бы встретить их во всеоружии, но и день нормально вместе провести тоже хочется. У нас ведь, если откровенно, медовый месяц в самом разгаре, а мы все вот так, все урывками – не годится.

– А кто мешает? – даже удивилась она. – С утра заедем, номер с парилкой забронируем. А потом как раз к обеду подъедем, чем плохо? И еще половина дня останется. Нельзя оттягивать, я же говорила, что у меня предчувствие просто...

– Да это понятно, я разве против? – сдал я на попятный. – Права ты, золотая моя, процентов на тыщу. Но вот одна проблемка – на личную жизнь времени как-то мало остается.

– А поконкретней можно? – усмехнулась она, обернувшись от шкафа, в который вешала новый полушубок, и посмотрев мне в глаза.

– Конкретней? – удивился я вопросу. – Да пожалуйста! Под личной жизнью во внутрисемейных отношениях я понимаю ситуации, когда плюют на все дела и предаются телесной близости. Что тут сложного?

– Да сложного уж точно ничего, – засмеялась она, после чего взглянула на часы: – Куда уж проще. В общем так: если мы уделим личной жизни ближайшую пару часов, то сумеем даже проголодаться и вечером посидеть где-нибудь в тепле и с музыкой. Выходной все же, имеем право.

* * *

– Основа того, что количество взлетов будет равно количеству посадок кроется, в основном, в предполетном осмотре, – учительским тоном говорила Настя, стоя перед учебным По-2, стоящим уже перед ангаром. – А это значит, что берешь такой планшет, какой у меня в руках, карандашик, и идешь по кругу, отмечая все, что ты уже осмотрел.

– А механик?

– Механик тоже осмотрел, но это не значит, что тебе этого делать не надо, – ответила она. – Иногда этого сделать не успеваешь, во всем полагаешься на механика, но если есть время – всегда делай сам. Люди ошибаются, устают, отвлекаются – всякое бывает. А сесть на вынужденную у границы Тьмы, например, только потому, что у механика болела голова и он не мог сосредоточиться, будет обидно, согласен?

– Ну да, пожалуй, – кивнул я.

– Тогда начинаем с капота.

На осмотр у нас ушло около получаса. На нас не обращали внимания, все занимались своими делами. Механик Серега все это время скептически наблюдал за мной, но в процесс не вмешивался, ни словом, ни делом. Мы осматривали покрытие плоскостей, крепление винта, проворачивали его рукой, проверяя компрессию, открывали окошки в крыльях, заглядывая туда с фонарем, в общем, программа осмотра оказалась обширной. Справившись с ней, полезли в кабины, закинув туда автомат с карабином как дань местной специфике, подключились к переговорной системе, воткнув штекеры шлемофонов.

– Теперь запуск, – послышался в наушниках голос Насти. – Начинай с маски, а то лицо обморозишь даже сейчас. Дальше... мотор у нас холодный, так что процедура запуска долгая и Серега будет помогать. Сектор дросселя ставишь в положение от четырехсот до шестисот оборотов. Давай, я отсюда смотрю. Серега, давай! – крикнула она механику.

Тот подошел, встал поодаль от винта, спросил:

– Включено?

– Отвечай, это про магнето вопрос, – подсказала мне Настя.

– Включено! – крикнул я.

– Заливай, но в меру, – подсказала она дальше.

Несколько раз качнул рукоятку заливного насоса.

– Теперь винт на компрессию, – сказала она. – Серег, давай!

Лопасть винта, стоявшая вертикально перед капотом, чуть сдвинулась и изменила угол.

– Угол зажигания сдвинь на поздний..., – продолжала подсказывать она. – Так, нормально... Теперь крути магнето, быстро и плавно.

Магнето напомнило мне подрывную машинку, ручка крутилась у него с тем же звуком и усилием, но взрыва не произошло. Мотор чихнул, плюнулся дымом, а затем бодро затрещал, подняв ветер. Я почувствовал, как дрогнул стоящий самолет.

– Кран закрыть, дроссель на минимум! – последовала команда, которую я немедленно исполнил. – Прогреваемся пару минут, смотри на давление и температуру масла. Как только давление станет шесть атмосфер, а температура сорок градусов – машина готова.

Однако готовность самолета вовсе не означала, что мы взяли, да и полетели. Дальше опять пошли проверки. Сначала на малом газу, потом на среднем. Затем отключили магнето, следя, чтобы обороты не упали слишком сильно. Дождались, когда температура масла вырастет до шестидесяти, затем начали менять режимы, убеждаясь, что все происходит плавно и без провалов. И лишь затем я услышал:

– Вроде все нормально, выруливаем к старту. Зажигание наполовину вперед, рулим на тысяче оборотов.

– Куда тут рулить-то? – удивился я.

– А вон туда, к белой полосе, – ответила Настя. – В любом случае рулю я, а ты следи за управлением. Можешь даже касаться легонько, только чтобы мне не мешать, понял?

– Как скажешь.

На старте самолет двигатель опять сбросил обороты, но уже ненадолго. В наушниках послышалось:

– Взлетаем, полный газ, полный угол зажигания.

Самолет тронулся с места, плавно, но быстро набирая скорость, и пробежав недолгое время по полосе, пошел вверх. Резиновый набалдашник рукоятки управления слегка придвинулся ко мне.

– Обороты на номинал, минус пятьдесят, переводим плавно, без рывков, и набираем высоту.

Земля постепенно удалялась, мелькнули крыши домов, ограждение, снова крыши заброшенных окраин, быстро приближались низкие серые облака, пока, правда, не проливающие дождя на серую и грязную землю.

– В горизонтальный перешел – скидываешь дроссель до тысячи трехсот пятидесяти, – продолжала просвещать меня Настя. – Оптимальный режим, расход всего самый низкий. Следи за температурой масла, если

поднялась выше девяноста пяти – у тебя начинаются проблемы. Обороты на минимум, переводишь машину в планирование. Запоминаешь?

– Да вроде бы, я все это в наставлении читал, – откликнулся я.

– Ну и хорошо, что читал, все равно не помешает, – решительно заявила она. – Заодно запомни, что давление масла должно быть не ниже четырех и не выше шести. Теперь передаю управление, просто води самолет прямо, без рывков, поворотов и всякого такого экстрима, понял? Готов?

– Готов, готов..., – ответил я.

Вести самолет прямо – ничего хитрого нет, особенно такой, как По-2, насколько я понял. Он не рыскал, не раскачивался, просто пер себе прямо неторопливо, медленно проматывая полотно земли под собой, разве что слегка подрагивая под несильными порывами бокового ветра, но абсолютно не пугая.

– Запоминай, – снова заговорила Настя. – Летаем только по ориентирам, в светлое время суток, так что учи карту все время. Компас здесь может врать градусов на десять, а ближе к Тьме так и на все девяносто, поэтому никогда не срезаем путь, идем от одного ориентира до другого, и никак иначе. Поэтому же никогда не лезь в облака, заблудиться здесь – дело пяти минут, даже для меня. Даже если облачность совсем низкая, иди еще ниже, учись пилотировать. Запоминаешь?

– Запоминаю, давай дальше.

– Дальше пошли «змейкой», совсем плавной, еле заметной, только ногами, понял? Давай.

Ногами – это элеронами, а не рулем направления, как, в общем, обычно самолет и поворачивают, кренами. Слушался «кукурузник» управления хорошо, отзывался практически мгновенно, без запаздывания, и вообще по ощущениям его вести было легче, чем даже «тазик» по дороге.

– Пошли вдоль реки, старайся держаться все время над самой серединой, высоту не меняй, рули только ногами, старайся повторять все повороты.

Это оказалось чуть сложнее, мешала пока боязнь «пережать» педаль, сделать что-то слишком резко. Потом обнаружил, что этот спокойный и вальяжный самолет такое обращение прощает запросто, потому что реагирует на все мягко, без заскоков. Сначала несколько поворотов шел плохо, но потом втянулся, и серая вода тянулась под крыльями с такой точностью, словно нас к середине русла привязали. Сложнее всего было эту самую середину определить, обзор из кабины вниз был все же так себе, постоянно приходилось высовываться. Но справился, сам собой доволен

был.

– Нормально, можешь, – заключила Настя. – Теперь попробуем долететь до Сальцево. Ориентиры называть не буду, сам должен помнить. Дорога несложная. Высота и скорость те же самые, ничего не меняй.

– Туда можно по реке, а можно по дороге, – вспомнил я.

– По реке далеко, она же изгиб большой делает, по дороге давай.

Ага, вон мост железка, там же и грязная колея дороги видна. Над ней и пойдем, разве что чуть левее, чтобы из виду не терять, прямо вниз смотреть из самолета неудобно, к этому привыкать надо, кстати. По дороге катили довольно часто машины, к концу главного сезона торговцы засутились. Виден был патруль разведбата на двух «скаутах» и грузовике с пулеметом в кузове, потом показались два броневика вояк из Сальцево, тоже приглядывающих за обстановкой. Для бандитов сейчас тоже «самый урожай», вот и повысили бдительность.

Бандитов, кстати, я теперь специально высматривал, помня как в тот раз они подъехали по боковой дороге и встали за рощей, но ничего подозрительного не заметил. Вскоре на горизонте снова показалась лента реки, а прямо возле нее городок. Тут Настя взяла управление на себя, просто желая показать Сальцево с воздуха, чтобы я мог смотреть и не отвлекаться.

– Привыкай видеть землю сверху, – сказала она. – Ищи знакомые места, даже на базаре попытайся определить, где какой магазинчик или кабак. Причем как можно быстрее, время раздумывать есть не всегда.

Базар промелькнул под нами быстро, но я успел разглядеть стоянку, распознать «Светлячок», в котором вчера обедали, даже опознать магазин, где купил супер-сапоги на овчине, в общем, основные ориентиры заметил. Прошли над портом, причем люди задирали головы и смотрели на нас, а некоторые так и руками махали, затем легли в пологий вираж и проскочили над достаточно прилично выглядящим скоплением коттеджей из серого силикатного кирпича – не Рублевка, конечно, но на общем фоне чуть ли не дворцы, с рубленными банями во дворах, окруженные высокими заборами с колючкой. В иных домах у ворот так и охрана была заметна. Миры меняются, а вот людские привычки и понятия куда как неизменной получают.

Показался большой двор, заставленный рядами машинами и бронетехникой, явно база местного «Минобороны», затем снова забор – и чистое поле, упирающееся дальше в темный хвойный лес.

– Бери управление и вези нас домой, – сказала Настя. – Если все нормально, то считай, что баню мы заслужили. В следующий раз, если

ветра особого не будет, будем осваивать взлет.

– А посадку?

– Посадку сейчас лучше с парашютом, если ты рулишь, – засмеялась она. – Рано покуда.

– Кстати, о парашютах! – вспомнил я. – А почему без них летаем?

– А смысл? – удивилась моему вопросу Настя. – «Кукурузник» можно в любом поле посадить, даже если мотор заглохнет, а мы летаем редко когда выше двухсот метров, обычно даже ниже. Какой тут парашют?

– Тогда учиться надо не посадке, а посадке где попало.

– Посадки достаточно, жить захочешь – где угодно сядешь, – достаточно резонно возразила Настя, после чего добавила: – Ладно, сюда мы по дороге долетели, а обратно веди по реке, только к промзоне близко не суйся, там охрана нервная и зенитки у них есть, хоть стрелять по воздушным целям они и не умеют.

* * *

Кабинеты в местных «Сандунах» и вправду оказались отличными. Вполне просторная парилка, где вдвоем так вообще раздолье было, достаточно большой предбанник с обеденным столом и лавками вокруг, и здоровенная бадья с проточной ледяной водой, такой что дыхание перехватывает, как нырнешь – баня расположилась прямо над артезианской скважиной. Что еще нужно для полного счастья?

Счастье, хоть и не полное, а очень даже стройное, сидело напротив, завернутое в простыню до подмышек и откинув назад мокрые волосы и попивало чай, причем не простой, а какой-то местный, банный, с травяным сбором, не помню уж для какой целебной цели предназначенным. Но был он вкусный, пах летним лугом и его аромат примешивался к запахам распаренных веников и мокрого дерева.

– Ну, как тебе? – спросила Настя, блаженно откинувшись назад, на грубые плетенные подушки.

– Баня-то? – уточнил я. – Да офигительно, все как надо. А то уже бояться начал, что в ближайшие лет триста в нормальную парилку сходить не смогу.

Дело было уже совсем к вечеру, отдыхали мы здесь уже долго, несколько часов, и уходить совершенно никакого желания не было. Впрочем, нас отсюда никто и не гнал, баня до полуночи работала, а до этой самой полуночи было еще далеко.

– Да я не о бане, о полете, – засмеялась Настя, поправив меня. – Как тебе?

– Если честно, то здорово до обалдения, – сказал я, ни на миллиметр не покривив душой, летать мне и вправду понравилось, даже обидно стало, когда самолет подрулил к ангару, подырчал мотором пару минут на малых оборотах и затих.

– Это хорошо! – решительно одобрила она. – Если очень нравится – летать будешь точно, в смысле – хорошо летать, не абы как. Лучший показатель, если от полета кайфуешь, то сам полет чувствуешь, а это необходимое качество.

– Ну ты скажи... – вроде как поразился я.

– Не ехидничай, а то чаем плесну, – сказала она, качнув в мою сторону кружкой. – В драку лезть – вставать лень, растащило что-то меня после парилки.

– А я сейчас еще разок схожу, – подумав, решительно заявил я. – Я тут давно так не прогревался, кажется, что до самого спинного мозга проняло. Благодать.

– Это точно, тут как осень, так и я вечно зябну, – согласилась она. – Кругом холодно, все мокрое, везде сквозняки, вещи сохнуть не успевают... Хорошо, что хоть окна заклеили, в квартире тепло стало, вроде как оазис, но все равно, так вот прогреться... блаженство настоящее.

Она потянулась по-кошачьи, переплетя пальцы и вытянув руки над головой так, что локти в обратную сторону перегнулись, а простыня сначала угрожающе натянулась на груди, а потом вдруг свалилась вниз, подобно театральному занавесу, открывая все самое интересное. Она не смутилась, а просто поднялась, сбросив с себя влажную ткань окончательно и сказала:

– Будем считать, что это знак, я тоже еще разок схожу.

И с этими словами начала заматывать полотенцем волосы.

Дверь парилки распахнулась, выбросив в предбанник волну блаженного жара, в который мы и вошли. Ведро с водой, из которого торчали два веника, стояло на печи, распространяя запах запаренного дуба. Зачерпнув оттуда воды в ковшик, поддал на каменку, злобно зашипевшую и вбросившую такой клуб горячего пара, что я даже зажмурился, а уши обожгло.

– Осторожней! – взвизгнула Настя, приседая и прикрывая лицо руками.

– Фигня война, главное маневр, – сказал я, разгоняя пар сложенной пополам простыней.

Жар стал куда равномерней, мягко обволакивая все тело. Вытащив веники из ведра, я встряхнул ими, сбрасывая воду, и сказал:

– Ложись на полоч, парить буду. Мастер-класс банного дела, причем совершенно бесплатно. Ну разве что ночью натурой рассчитаешься.

– Это аж ночи ждать? – вроде как возмутилась она, вытягиваясь на полке. – А не отходя от кассы нельзя?

– Не, никак, а то третий вмешается.

– Это кто?

– Да есть такой, Кондратий, приходит часто к тем, кто в парилках резвится интимно.

– Вот оно что-о... – протянула она. – Ну тогда ладно, подожду немного.

Тяжелый влажный веник с сочным мягким шлепком упал ей на спину. А затем второй присоединился к нему, шлепнув рядом. Вот так, и ее

попарю, и сам жару нахватаюсь – парильщик его даже больше получает.

Веники гоняли волны жары, сбитые с веток листья прилипали к Настиной коже, разгоряченной и раскрасневшейся, дубовый дух становился все крепче и крепче, буквально заполняя собой легкие, пот лил в три ручья, заливая глаза, заставляя жалеть о том, что не запасся войлочной шляпой-брылем. Пару раз я еще поддавал пару, превращая парилку в компактный филиал то ли ада, то ли рая, это уж кому как и с какой точки смотреть. По мне так и самый рай, люблю я это дело так, что никаких сил нет.

Сквозь шум, тяжелое дыхание и тихое повизгивание Насти под вениками до меня донесся звук открываемой двери, кто-то зашел или заглянул к нам в предбанник. Вроде ничего особого, даже официант мог или кто другой, но только мы ничего больше не заказывали, и самое главное – тут без стука врываться принято не было, не то место, баня как-никак, все же, не проходной двор.

– Кто это там? – насторожился я, откладывая один веник в сторону.

– Где? – непонятливо спросила, с трудом повернув голову, совсем разомлевшая Настя.

– Там, – кивнул я на дверь парилки. – Подожди, гляну.

– Пар выпустишь, – чуть капризно сказала она.

– Обратно нагоню, не бойсь на сей счет, – пробормотал я, думая уже о другом, а точнее о том, что мне это все как-то не очень нравится.

Даже если просто кто-то к нам сунулся, все равно надо бы его стучать в дверь поучить, исключительно так, для просветления в мозгу, чтобы приличия не забывал.

Слегка приотворив дверь парилки, я выглянул в образовавшуюся щель. Посреди предбанника, отделенный от нас лишь парой метров и обеденным столом, стоял какой-то мужик, причем совершенно незнакомый и одетый отнюдь не по банному – в сером ватнике, испачканных галифе и грязных кирзовых сапогах. Лет сорок с виду, ничем не примечательное лицо, только вот выражение у него было какие-то диковатое. Даже не злобное, или там агрессивное, а именно дикое, словно не человек это вовсе, а какое-то животное, просто оно сейчас человеком прикидывается.

Самым плохим при этом было не выражение лица, выражение то черт с ним, мало ли как оно выразилось. Куда хуже в сочетании с этим лицом выглядел черный парабеллум с удлиненным стволом, который мужик держал в руке. В правой руке, а в левой, испачканной кровью так, что казалось, что он натянул на ладонь красную перчатку, был зажат длинный широкий нож вроде кухонного.

Мужик и так смотрел на дверь парилки, когда я ее приоткрыл, и первое, что он сделал, встретившись со мной глазами – вскинул пистолет, направив его в мою сторону. И с этого момента все закрутилось как в калейдоскопе. Рванув дверь за себя, словно надеясь укрыться за нетолстыми досками, я крикнул Насте: «Лежать!», присел и дернулся назад, к печке. Раздался громкий хлопок, в досках появилась дырка, а на меня брызнуло мелкими щепками. Пуля прошла над головой, угодив прямо в градусник на стене напротив, расколов его пополам. Затем хлопнуло еще раза три, им с каждым хлопком на уровне груди в двери появлялось очередное отверстие.

– На пол, под полоч! – страшным шепотом прохрипел я, стаскивая Настю, испуганно прижавшуюся к мокрым доскам.

Мине было так страшно, что я словно от самого себя отделился. Не чувствуя не тела, ни рук – ничего. Дикое осознание того, что мы оба, совершенно голые, мокрые, запертые в тупике, который представляла собой парилка, не можем ничего противопоставить ворвавшемуся психу – а то, что это псих, у меня никакого сомнения не было, плющило как паровой молот, заставляя мысли судорожно метаться в черепной коробке в тщетной попытке найти выход из этой западни.

– Ведро... – вдруг попыталась выбраться из-под полоч Настя, скользя по полу. – Ведро дай, быстро!

Точно! Ведро! Что ведро? А что точно? Вода, горячая вода, там веники запарили, полведра почти что кипятка... если... если он сюда...

Шаги. Он в сапогах, а пол там дощатый, на деревянных перекрытиях, так что слышно его шаги хорошо, звучно, он к парилке как Командор топает, тот самый, что Пушкин прописал в своей трагедии. Так же, неудержимо и неотвратно.

– Лежи! – прошептал я. – Все понял!

Стараясь не подниматься с четверенек, а именно в таком положении я сейчас находился, я схватил железное ведро с печки, опалив руки и даже не разу не выматерившись при этом, и снова прижался к полу. И вовремя – грохнули еще два выстрела, снова брызнуло мелкой щепой, а одна пуля, отрикошетив от края печки, ударила в полоч, разбив лампу в толстом плафоне и сыпанув вниз стеклом, как нельзя кстати.

Еще пара громких шагов, что-то твердое стукнулось о ручку двери, скрипнуло дерево – дверь двигалась с некоторой натугой, и в ту же секунду я изо всех сил толкнулся ногами, бросая всю свою немалую массу вперед, прямо на дверь, тараном. Даже не изо всех сил, а просто вкладывая в этот бросок всего себя целиком, каждый мускул, каждое сухожилие, каждую

каплю злости и страха, понимая, что сейчас я бросил на стол свой единственный козырь, мятый и жалкий, который только в самом невероятном раскладе может побить карты противника.

Дверь подалась под плечом так, словно ее и не было, распахнувшись настежь, и с маху ударив стоящее за ней существо с пистолетом в плечо. Грохнул выстрел, но я даже не увидев направления ствола уже понял, что это не в меня, это куда-то мимо, это вообще в белый свет как в копеечку. И сразу же, продолжая движение, я плеснул кипятком из ведра противнику в лицо.

А дальше все пошло не так, как я надеялся. Да, выстрел в меня не попал, но несколько литров по-настоящему горячей воды мужика совершенно не впечатлили, он даже не поморщился, хотя его заметно ошпарило, лицо покраснело на глазах. Дверь, несмотря на всю силу удара, тоже не смогла его свалить, потому что угодила в рант его кирзового сапога, стоящего на полу и принявшего всю силу удара на себя. Его лишь отбросило в сторону, усадив на задницу, что оказалось только хуже для меня – так я мог хотя бы схватить его руками и завязать драку, а теперь инерция пронесла меня мимо, к о тому же мокрые босые ступни заскользили по хорошо ошкуренным доскам пола, а противник так и остался ко мне лицом, не потерявший ни пистолета в правой руке, ни ножа в левой.

Краем сознания я лишь успел ответить струйку крови, быстро и густо скользнувшую у мужика из носа на верхнюю губу и подбородок – край ведра все же угодил как надо, но само оно катилось в сторону, позвякивая ручкой.

Спасло меня на этот раз то, что я поскользнулся, очередной выстрел прошел мимо. Ноги выскочили из-под меня назад, но опершись на пол руками, я исхитрился изменить направление движения, рвануть изо всех сил, буксуя и при этом каким-то краем сознания понимая, насколько дико и нелепо выгляжу сейчас, голый, мокрый и распаренный, бегающий по предбаннику на четвереньках и уворачивающийся от выстрелов какого-то психопата, сидящего на полу.

Я бежал не просто так. Диван, спинка, за ним – вешалка. А на ней, скрытая сейчас полой клетчатой рубашки, кобура с ТТ. Тем самым, что однажды уже меня спас, с патроном в патроннике и стоящий на предохранителе.

Мужик на полу закричал, даже зарычал, протяжно и яростно, когда я, навалившись брюхом на деревянную спинку дивана, кувыркнулся через нее, больно ударившись локтем не пойми обо что и при этом умудрившись

еще и прикусить язык. В рту появился привкус крови, вещи посыпались с вешалки, сорванные моим рывком, и прямо перед глазами качнулась открытая кобура из рыжей кожи, из которой высывалась, черно и маслянисто поблескивая, рукоятка пистолета.

Стало вдруг как-то тихо, краем глаза, даже краем сознания я успел отметить, что мой враг уже стоит на ногах, направив оружие в мою сторону, но при этом суетливо шарит второй рукой в кармане ватника. Ошпаренное и опухшее лицо перекошено от ярости, кровь из перебитого носа залила весь подбородок, превратив его в некое подобие вампира.

Ну да, патроны! Рычаг горбом встал над парабеллумом, показывая, что патронник пуст и стрелять в меня нечем. Все восемь он уже успел высадить, один за другим, пустив последнюю пулю в меня, бегущего на четвереньках. Да вот беда, я только лишь успел вцепиться в кобуру, поворачивая ее, болтающуюся на ремне, к себе рукояткой ТТ.

Большой палец толкнул вверх клапан, рубчатые щечки рукоятки плотно легли в ладонь, я обернулся к противнику и увидел, что тот быстро и сноровисто затолкал запасной магазин в рукоятку пистолета.

«Не успел!».

Эта мысль пришла как-то сразу, вся целиком и не подлежащая обжалованию, как приговор. Все, отбегался, отпрыгался. Между нами метра четыре, промахнуться в меня, полусидящего на полу, он точно не сможет. Сердце и без того болталось где-то в районе желудка, так что пугаться дальше было уже некуда, скорее... скорее я даже успокоился, понимая, что не успеваю за ним. Вот он схватился пальцами за шарниры, отпуская затвор пистолета, подхвативший патрон из магазина и дославший его в патронник, вон он... дернулся и чуть не упал, заваливаясь назад, а по полу со звоном покатился металлический ковш на длинной деревянной ручке, вылетевший из парилки и угодивший прямо в висок.

А дальше... дальше все произошло сразу, волна дикой радости, ликования от простого осознания того, что мне подарили великое множество времени – целую жизнь, ощущение сдвинувшегося ползунка предохранителя под большим пальцем, ощущение дружелюбной тяжести своего оружия в руках... грудь противника оказалась в прицеле, грохнуло, куда солидней, чем из парабеллума, молотком ударив по ушам, резко толкнуло в ладонь, и противник замер, лишь дернувшись, и только глаза его начали расширяться в каком-то недоумении, словно он хотел закричать: «Да что тут происходит?»

Второй выстрел, снова в грудь, затем ствол чуть выше и опять выстрел, в лицо, в переносицу, выбивший фонтан красного на стенку за

ним, как в дурном боевике, после которого он подломился в коленях и со всего маху рухнул на пол, врезавшись лицом в пол.

Странно, что я сначала схватил с дивана простыню и обмотался ей, а лишь потом снова вскинул пистолет и подскочив к кажется убитому противнику, ногой откинул его пистолет в сторону. Окровавленный нож и так валялся у входа в парилку, он бросил его, когда начал менять магазин.

– Ты как? – обернулся я к Насте, осторожно выглядывавшей из двери.

– Нормально, – пискнула она каким-то детским дискантом. – А ты?

– Вроде тоже, только язык прикусил...

Чувствовал я себя скорее растерянно, чем как-то еще, других эпитетов не подберешь. Так и крутился посреди предбанника с пистолетом, зажатым в руках, оглядываясь во все стороны. Пахло горелым порохом, целое облако дыма висело под потолком, и мясницким отделом рынка, кровью. От этого запаха мутило и я даже опасался за последствия, как бы не вывернуло, тем более, что труп с совершенно разваленным затылком и двумя рваными дырами в спине буквально плавал в крови.

Вывел меня из этого дурацкого состояния крик из-за двери, резкий и злой:

– Эй, кто внутри? Отзовись!

По голосу мне показалось, что кричит главный местный банщик, тот что заказы принимает, а заодно и оплату.

Настя резко метнулась к дивану, оставляя на полу кровавый след из левой ноги, и начала быстро заворачиваться в простыню. Я же откликнулся:

– Мы двое, кто номер снимал! И какой-то псих к нам влез, стрелять начал!

– Пусть девушка откликнется! – донесся ответ из-за двери. – И фамилии назовет!

А что, разумно... на нас дурное вряд ли подумаешь, давно тут сидим, да и Настю он вообще в лицо знает, она сюда с подругами заходила. Да и она с ним по имени общалась.

– Дроздова и Бирюков! – крикнула Настя, правда при этом не забыв накинуть на себя ремень с кобурой, на манер портупеи, через плечо, и извлечь оттуда такой же парабеллум, как и валяющийся на полу, только со стволом покороче. – Дима, тут одержимый был! Ты можешь зайти!

– Открой и покажись! – слышалось в ответ.

Настя чиниться не стала, все же была чуть опытней меня в таких делах. Я вот до последней секунды полагал убитого просто психом, не сообразив, что он может быть таким же одержимым, какого мне на Ферме

показывали. Она открыла дверь, выглянув наружу, и я увидел яркий свет – кто-то светил ей в глаза фонарем, а она слегка морщилась.

– Вы оба живы? – послышался голос пока еще невидимого Димы.

– Да, оба, заходите.

Предбанник сразу заполнили несколько человек – банщик Дима с наганом в руках, высокий, толстый, в белом халате, делающим его похожим не на врача, а скорее на мясника, какой-то полуодетый мужик лет сорока с пересеченным багровым шрамом лицом, сноровисто держащий в руках «кольт», парень в кожаной куртке с таким же как у меня карабином М1, еще какие-то люди, судя по виду, сбежавшиеся на выстрелы со всех сторон.

Мужик со шрамом, старательно обходя растекающуюся лужу крови, присел на корточки возле убитого, взял того за плечо и ватник на боку, перевернул рывком. Глянув ему в лицо, я даже отшатнулся назад – быстрая и тяжелая пуля из ТТ расколола ему череп, угодив в переносицу, и лицо словно разделилось на две части под кожей, превратившись в какую-то нелепую бесформенную маску. А еще более нелепой ее делали глаза, абсолютно черные, словно наполненные тушью стеклянные шарики, странно раздвинувшиеся в стороны на раздробленном черепе и глядящие в разные стороны.

Ну да, все верно, они же не сразу черными становятся, а поначалу такими видны лишь в сильном прямом свете. Ну и после смерти, как вот сейчас.

– Одержимый, – уверенно сказал мужик со шрамом, и полез тому во внутренний карман ватника, вытащив самодельный брезентовый портмоне с документами.

Открыл, вытащил удостоверение личности, прочитал вслух:

– Потапов, Кондрат Михайлович, – и добавил, обернувшись к нам: – Гляди, кто к вам пришел...

* * *

С момента «банной битвы» прошло несколько дней, история даже нами самими начала понемногу забываться за ежедневной суетой. Убийством одержимого, понятное дело, история не кончилась. Пришлось дожидаться безопасников, а заодно и группу из Горсвета, примчавшуюся искать призраков, один из которых превратил проходившего мимо бани работягу с ТЭЦ в маньяка-убийцу. Причем даже безоружного работягу, тот, управляемый темной сущностью, затем проник через задний вход, беспечно оставленный открытым, в Сандуны, на кухню, подобрал там нож, выбрался в коридор, где зарезал сидящего к нему спиной и читающего газету охранника, подобрал его пистолет и уже с ним ворвался к нам в номер, первый по счету. Где мы его общими усилиями и убили.

Потери у нас были небольшие – мой прикушенный язык, да порезанная ламповым стеклом ступня Насти, из-за которой она на следующий день на службу не ходила. В остальном обошлось.

Затем другие дела накатили – подготовка к выезду в Красношахтинск, с целями добычи архивов, планировали и поездку в Порфирьево, для личных нужд, так сказать, с целью дальнейшего повышения благосостояния.

Погода немного исправилась. Стало холоднее, чувствовалось приближение зимы, но дождя не было, да и постоянный надоедливый ветер стих, к моей великой радости. В результате я каждый день первую половину проводил на аэродроме, совершая учебный вылет, в результате чего вскоре освоил еще и взлет. Оставалось разобраться с посадкой, ну и всем остальным, от высшего пилотажа до аварийных ситуаций, то есть начать и кончить. Но все же самостоятельным взлетом я гордился очень сильно, правда помалкивал об этом, чтобы Настя на смех не подняла.

Федька продолжал осваивать «Жужу» на Ферме, поэтому после аэродрома я ежедневно катил на «тазике» в загородную вотчину научников Милославского, где тоже пытался освоить хитрую машину. Ну и тоже получалось вроде как. Иван постоянно крутился с нами, тоже пытался водить, а потом как-то притащил целый ящик тротила и коробку с детонаторами и шнуром, сказав:

– Это нам выделили двери вскрывать или через стенки проламываться.

Милославского видел мало и редко, но все же тот нашел время сказать мне как-то, встретив в коридоре главного корпуса:

– Не оттягивайте время, начинайте авиаразведку места. У нас целый список подобных «пунктов посещения» подготовлен, на год вперед хватит, или больше.

– Да мы и не оттягиваем, просто катить неподготовленными – только на проблемы нарываться, – ответил я.

– Это понятно, я же и не доставал напоминаниями, верно?

– Верно. Но мы уже и планировали выдвигаться, техника освоена, боекомплект получен, маршрут прикинули, и выдвигения и отхода, и если нормальный отход не получится, то прикинули, как будем смываться со всех ног.

– Это хорошо и правильно. Удачи.

В общем, он был прав, пора и к делу приступать. Тем более, что пока не начнем, не будет у меня формального повода с ним беседы беседовать, равно как и просить об информации. Большой он для меня начальник получается на местном Олимпе, так просто в кабинет поболтать не заскочишь, надо самому расти.

О просьбе «Базарного Сергея» тоже не забыли. На второй день после стрельбы в Сандунах мы с Федькой скатались на базар, покрутились там, общаясь с разными его дружками-приятелями, да и просто знакомым, но узнали мало что. Лишь золотозубый Мамед в плаще немецкого самокатчика сказал:

– Федя, Серых этот здесь мало бывал, он сам товар не брал, некогда был. Он такой торговец как я армянин, – при этом выразительно покосившись на ту стену «Уцененных товаров», которая скрывала от обзора обувной павильон Оганесяна.

– А кто он, Мамед?

– А кто его знает? Но не жулик, это я тебе точно говорю, у него крыша серьезный, видел с ним люди всякие.

– А что за люди? – заинтересовался Федька.

– Из Горбезопасность человек видел, из разведбат видел. А вот чтобы он товар сам брал или продавал – не видел.

– Мамед, а команду с его «Карася» ты знал? – спросил уже я.

– Нет, так не знал, – развел тот руками. – Видел всех, а как имя кого – не знал. Шкипер помню, Боталов кажется, он всегда возле пристани в «Якорьке» сидел, пиво бухал, когда в рейс не надо. А другой не знал.

– У него из команды один живой остался, вроде в рейс не пошел, когда «Карась» пропал, – спросил Федька. – Видел его после?

– Видел здесь, издалека, раз или два, не часто.

– А где его найти можно, не знаешь? – обнадежился я.

– Откуда знаю? – чуть возмутился азербайджанец. – Говорю, что два раза видел, даже не разговаривал, имя не знаю, он меня тоже не знает. Длинный такой, худой, примета никакой нет, обычный парень, да?

На том наши изыскания на базаре и закончились. И поехали мы в «Якорек», что возле пристаней, поспрашивать про шкипера Боталова. Такого помнили, но к нам отнеслись с подозрением и ничего путевого не сообщили, разве что один из сидевших случайно проговорился, что Боталов был женат, и жена с ним не исчезла, а так и проживает где-то в городе. На этом розыск пока застопорился, как искать человека по фамилии и еще не привлекая лишнего внимания, мы пока не придумали. А наш Родной Горсвет такой базы не держал – без надобности, не людьми, а тварями занималась организация. Вот тех был полный список, где и когда и каких замечали, да только без надобности он нам.

– Ладно, по ходу чета придумаем, – оптимистично заявил Федька после такого облома.

– По-любому не пожар, – заключил и я. – Что сможем, то и сделаем. Давай за Настей на аэродром заскочим и втроем поужинаем в хинкальной. Ты как?

– Пожрать я всегда запросто, – честно ответил Федька.

* * *

– До Красношахтинска води сам, – сказала Настя. – Ориентиры учил, потеряться не должен. А я отдохну, проконтролирую и в случае чего – вмешаюсь.

– Не вопрос, – самоуверенно заявил я, заканчивая проверку оборотов и готовясь начать разбег.

– Ну так и полетели, если не вопрос.

Двигатель взревел на максимальных, при этом почему-то показалось, что винт завертелся в обратную сторону. Запахло выхлопными газами в кабине, самолет легко потащило вперед, скорость быстро дошла до требуемой и я потянул ручку управления на себя, заставляя самолет оторваться от земли. Резко пошла вниз площадка аэродрома, уже привычно замельтешила картина запериметровой разрухи, и я подскинул обороты.

– Нормально взлетел, чистенько, – прокомментировала Настя. – Выходи на северную железную дорогу и пока над ней пойдем.

– Как скажешь.

К полетам в последние дни уже привык. Ощущение восторга хоть никуда не делось, но все же притупилось немного, что, пожалуй, и к лучшему, а то раньше настоящая эйфория была, даже дурел малость. А дуреть в нашем деле как бы не очень полезно.

Облака в последние не дождливые дни поднялись повыше, так что мы тоже позволили себе забраться на пятьсот метров, да и то до серого «потолка» оставалось не меньше, чем еще столько же. В общем, благодать для новичка.

Для таких полетов мне в запасах города выбили под визу Милославского и через Горсвет выдали теплый летный комбинезон и черную кротовую маску, которую я надевал под очки, чтобы лицо не отморозить – уже и на земле прохладно было, а уж в полете все куда хуже – и холодно, и ветер зверский, плексигласовый ветрозащитный козырек все же помогал постольку поскольку, а на виражах и поворотах ветер врывается в кабину мощным холодным потоком, все же скорость-то у «кукурузника» за сотню, а это не так уж мало.

Вооружились мы в этот полет тоже серьезно. Я трофейный СКС прихватил, который все же пристрелял в поле возле Фермы, аж с тройным боекомплектом, а Настя была с неизменным ППШ. Ладно, глядишь и отобьемся от кого злобного, случись на вынужденную сесть. У нас даже

гранаты были, по шесть на каждого, два ящика таких нам тоже распоряжением Милославского подкинули.

Несмотря на отсутствие дождя, земля под нами выглядела все так же мрачно, как и в первый наш полет к очагу Тьмы. Не населено людьми это направление, вот сразу на него облако уныния и спускается, тут словно вечная тоска поселилась и всю окрестность под себя подмяла.

Вскоре под нами промелькнул «передвижной пост разборки пути», затем рельсы закончились и ориентиром стала насыпь. Потом показался «последний оплот человечества» – удаленный от города опорный пункт разведбата. Потом впереди возникли развалины какого-то сгоревшего цеха, и от него я свернул правее, насыпь раздвоилась. Красношахтинск не зря так называли, пока здесь были люди, отсюда немало угля возили железной дорогой до Углегорска и сальцевского речного порта.

– Минут тридцать нам в этом направлении, – слышался голос Насти в наушниках. – Дальше ориентир помнишь?

– Речка за станцией.

– Точно. Там налево и как раз до самого города дойдем, до самого центра. Смотри, волки!

Действительно, вдоль лесной опушки, вытянувшись гуськом, бежала стая животных, похожих на крупных серых собак, не меньше дюжины, пожалуй. Бежали не слишком спешно, скорее ленивой рысцой, так что наверняка ни на кого не охотились, а так, «передислоцировались». Еще через несколько километров граница леса отпрыгнула от железнодорожной насыпи, и мы увидели здорового лося, мерным шагом бредущего через образовавшуюся поляну. Чему тут удивляться, людей в этих краях уже нет практически, даже охотники стараются так далеко не забираться, разве что редкие мародеры, которым до зверья дела нет, поэтому тут для животных рай наступил.

Затем горизонт начал заметно темнеть – мы приближались к границе. А когда тень начала превращаться в Тьму, проступая сквозь туманную дымку, потемнело и вокруг нас, наступили уже знакомые сумерки. Сразу стало как-то муторно на душе, по телу, по спине вдоль позвоночника пополз навязчивый холодный страх, хотя пока, вроде бы, и беспричинный. Стало зябко, причем еще и по-мерзкому зябко, я даже непроизвольно плечами передернул от отвращения.

От границы Тьмы ветер нес отдельные клочья серого тумана, которые плыли над самой поверхностью земли наподобие каких-то неправильных облако. Рассматривая их, я отвлекся и не сразу заметил станцию, к которой приближались, спасибо Насте, что предупредила.

На станции пути не разбирали, похоже, что сюда люди уже не совались. Рельсы разбегались многочисленными путями, тянулись ряды складов, горы когда-то добытого угля так и ожидали погрузки. Было пусто, скорее даже пустынно, снова появилось уже знакомое ощущение «покинутости места людьми», по-другому его никак не удавалось определить словами.

Впереди, проступая из серого тумана, показались конические терриконы шахт, какие-то железные конструкции, отнюдь не выглядящие старыми и ржавыми, хотя покинуты были давным-давно – еще одно подтверждение теории Милославского об аномальности течения времени на границе с Тьмой. В другом бы месте это все давно ржавчина покрыла, а то и пожрала, а тут рельсы снизу словно полированные, как будто по ним последний поезд прокатился десять минут назад.

Сразу за станцией показалась река – неширокая, вихлястая, мутная и серая, но заметная, и над ней я заложил пологий вираж налево.

– Ближе к городу я управление приму, – сказала Настя. – А ты высматривай там, что тебе нужно.

По-хорошему не высматривать бы надо, а фотографировать, но вот беда – фотография, доступная нам в этом мире, позволяла в таком свете снимать разве что со вспышкой, так что воспользуйся я фотоаппаратом, и на пленке останется маловнятное темное месиво. Так что разведка сугубо визуальная у нас, смотри и запоминай, потом карандашиком на карту нанесешь.

Хорошо, что нашлась более или менее подробная карта самого города, спасибо Ивану. Ее перекопировали в нескольких экземплярах, тушью, естественно, от руки и по кальке, и сейчас одна такая калька была у меня с собой, с пометками, сделанными заранее, где что искать и что высматривать.

Городок показался через пять минут, серый, пыльный, брошенный. Самолет скинул обороты, замедлившись и слегка клюнув носом, но им уже управляла Настя, так что бояться было нечего, скорость она загасила специально для меня.

Так, где что искать... Красношахтинск вдоль речушки вытянулся, и центр его как-бы к ней прижат оказался, тут по карте еще пристань должна быть, точнее даже не пристань, а дебаркадер, переделанный из старой земляной шаланды. Ну да, вот он... а вот от него грязная и засыпанная сухими листьями лестница вверх, этот берег довольно крутой и высокий. Аномальное время может и не дает разрушаться том, что здесь находится, но от наносимой ветрами и дождями грязи никак не защищает, так что

пейзаж под нами выглядел довольно замусоренным.

А у дебаркадера, кстати, на воде пароходик покачивается, маленький такой, метров пятнадцать в длину. Словно только что пришвартовался, только вот грязных листьев с деревьев на палубу ветром нанесло почему-то.

Так, вот и площадь... Небольшая, круглая, замощенная брусчаткой, что для городка чуть ли не роскошь, большинство видимых улиц вообще никаким покрытием похвастаться не могли. Даже стандартный белый памятник вождю, поднятой рукой указывающему путь в светлое будущее, стоит на площади, посреди грязного круга, когда-то бывшего газоном.

За спиной у вождя двухэтажный белый дом под железной крышей, с виду вполне целый, даже стекла из окон никуда не делись, не то что в разваленных окраинах Углегорска. Просто людей нет, и все тут. Те кто раньше жил, исчез, «сменив частоту», по теории все того же Милославского а те кто провалился, сюда не ходили, потому что Тьма – вон она, в двух шагах, до нее несколько верст всего, она буквально нависает над этим местом как величайшее из проклятий.

Здесь она уже костным мозгом ощущается, всем существом, тут уже ни на секунду не усомнишься в том, что она рядом. И этот туман от нее... облака, плывущие по улицам заброшенного города... странные они какие-то, не видел ничего подобного в жизни. Должен быть или туман сплошняком у земли, или облака над головой, а нет так... А то, что странно – пугает. Здесь вообще-то все пугает и все странно, если у откровенно, и ни на какой бронетехнике сюда ехать не хочется. Я бы даже самолет сейчас с радостью развернул, да и полетел на нем обратно, туда, где горизонт светлый.

– Насть, давай еще кружок, не разглядел отдел милиции, – попросил я.

– Хорошо, – ответила она и самолет слегка завалился на крыло. – Но вроде пусто, так?

– Похоже, что пусто, – согласился я. – Хотя до Тьмы не далеко, если по нашей поездке в Порфириево судить, то первым тварям, чтобы нас учуять, пары-тройки часов хватит, надо будет быстро шевелиться.

– Успеете?

– Не знаю, – честно ответил я. – Но рисковать не будем, это мы четко решили. При первых признаках опасности будем смываться, подвиги пусть кто другой совершает.

– Это правильно, это вы хорошо придумали, – вздохнула она с заметным облегчением.

Самолет в плавном и неспешном вираже, стрекоча движком и слегка

покачиваясь под свистящим в расчалках и стойках боковым ветром, начал облетать центр городка повторно. Так, вот по карте улица Коммунистическая... вон квартал заканчивается и должна быть ментовка... А точно, вон же она, просто здание не кирпичное, как я ожидал, а деревянное, доской обшитое, на каменном фундаменте. Тут из таких почти весь город, ну и избы по окраинам. Случись здесь загореться чему – все дотла ведь выгорит без человеческого присмотра. Не думаю, что аномальное время его спасет, это уже из другой оперы.

В голове, кстати, шум постоянный и словно даже голоса какие-то невнятные, как будто миллион пьяных обезьян тихо бормочет за стенкой, мысли путаются и в глазах темнеет. Ощущение нехорошее, сосредоточиться трудно, все время норовишь головой помотать, чтобы вроде как разогнать туман перед глазами. И ощущение отстраненности от реальности появилось, словно меня здесь и нет... и лицо немеет... и вообще все не так. Тут вдвойне внимательным быть надо, чтобы в таком состоянии не накосячить и не найти проблем самому себе.

– Еще кружок, на окна-двери гляну, и уходим, – сказал я через силу, потому что было желание сказать: «Все, полетели отсюда к бениной маме!».

Снова вираж над городом, самолет скользит как по обводу тарелки, завалившись на левое крыло, давая возможность глянуть еще раз. Нет, вроде никаких хитростей, просто два здания, в милиции разве что решетки на первом этаже, а в ОблНКВД даже их нет, здание как здание.

Улицы тоже свободны, ни завалов, ничего такого, разве что набережная, по которой, наверное, местные кавалеры с барышнями по вечерам гуляли, просела в середине, подмытая дождями, а так все в порядке. Точно, здесь весь город и гулял, потому как квадрат с ракушкой эстрады в углу ничем иным как танцплощадкой быть не может, я такие в детстве сам еще застал, они уже потом исчезли, вытесненные клубами. А так в погожие летние вечера, под музыку в исполнении местного ВИА, перепевающего шлягеры, танцевали с девочками и дрались с компаниями из других районов. Что за танцы без драки?

Нет, точно нет никаких препятствий. И дорога вроде нормальная, если вдоль железки ехать. А можно и не вдоль железки, здесь еще шоссе было и деться, по идее, никуда не было должно.

– Настя, все! – радостно объявил я. – Уходим вдоль шоссе, дорогу осмотрим.

– Это ты уходишь вдоль шоссе, – сказала она. – Передаю управление.

– Принял! – спохватился я, берясь за резиновую головку ручки

управления.

Оборотов побольше, на 1350 в минуту, и полетели. Самолет попытался было подняться повыше, но я его удержал, и повел в противоположную от пристани сторону. Вон уже окраина впереди, и примерно оттуда должно выходить шоссе. Дальше поле, впрочем, все равно не потеряю, так или иначе найду.

Да, вон оно, шоссе это самое, когда-то грейдер укатанный, раскисший под дождями и снегами за много лет, но все равно рассекающий покрытое сухой и спутанной от ветра травой поле как не зарастающий шрам. По нему и пойдем.

– Милый, на два часа, внимание! – послышался голос Насти.

– Вижу!

Всадники. На черных конях. Очень черных, словно их специально покрасили, это даже с такой высоты и скорости видно. Шестеро, в плащах, винтовки за плечами, идут рысью, смотрят на нас. И все как на подбор... седые, что ли? Альбиносы? Адаптанты. Ну да, адаптанты, я же их видел в клетках на ферме, волосы белые как на негативах. И не по целине скачут, по колее и натопанной копытами тропе. Черт, а здесь ведь нет лошадей, мне все об этом говорили, даже Милославский, а тут нате, на лопате, вот же они!

– Проверим! – сказал я, направляя самолет чуть в сторону, чтобы облететь группу всадников по кругу. Пусть они пока и не стреляют, но все равно попасть в быстро смещающуюся по фронту цель куда труднее, чем в летящую прямо на тебя. Это мы уже проходили совсем недавно, больше нам такого не надо.

– Что проверять собрался?

– Куда колея ведет, она же свежей выглядит, – ответил я.

Отпечатки колес явные, причем не машин, а похоже что телег. Ну да, мне же говорили, что у адаптантов машин нет, нет топлива, нет ремонта, так что они даже то, что находят, все равно толком не используют. А вот про лошадей не слышал, что, впрочем, ничего не значит, я о них вообще немного пока знаю. Разве что масть... хотя да, у них самих масть хоть куда, негативы какие-то, наверняка и лошади у них не простые, тоже как-то приспособленные к жизни под Тьмой.

– Что там по карте? – спросил я, не отвлекаясь от наблюдения.

– Деревня, – сразу же ответила Настя, она, судя по скорости ответа, как раз карту и разглядывала. – Заборье называется, но... почти самая Тьма, я бы соваться не рискнула.

– Попробуем поближе, – сказал я, секунду подумав. – Надо понять, не

живут ли они там постоянно. Это сколько от Красношахтинска?

– Километров... семь, получается, – ответила Настя. – Если от окраины.

– Близко, е-мое, – посетовал я на такую возможную неудачу. – А от окраины... фигле там, весь город с километр в поперечнике, небось.

Стена Тьмы действительно приближалась, с каждым преодоленным метром заставляя думать все больше и больше о том, что идея с проверкой деревни Заборье вовсе не такая уж удачная. Случалось и куда более удачным приходить в мою голову. Но разворачиваться все же не стал, застеснялся, хоть и чувствовал, как ледяные муравьи бегают у меня под рубашкой наперегонки.

– Они живут здесь! – крикнула Настя.

– Вижу!

Действительно, деревня была обитаема. Она была обитаема людьми, стоявшими на улице и смотревшими на нас, запрокинув головы с белесыми волосами, и она была даже обитаема скотом, самыми обычными коровами, которых гнали вдоль околицы на выгон. Она была обитаема настолько, что даже поля вокруг нее были обработаны, я только сейчас это понял, хотя увидел сразу – просто в голове не укладывалось, что адаптанты живут самой обычной жизнью. Вроде бы приносят жертвы, сжигая людей, вырезают целые деревни, а сами пасут коров, выращивают что-то там на земле... хотя, а как иначе-то?

Хлопнул выстрел, второй, некоторые люди внизу держали в руках винтовки, но нарываться мы не стали – я завалил машину в вираж, то есть в самый сложный маневр, который я научился выполнять к этому времени, и направил ее прочь. От деревни, Тьмы, адаптантов, от всего, лишь бы подальше, потому что от близости к страшному уже закипали мозги.

* * *

– Много их там? – спросил сидящий напротив меня майор.

– Деревня, полная, – ответил я. – Не меньше нескольких сотен, как я думаю, все признаки обжитости налицо были. Огороды, скот, все такое.

Мы сидели в кабинете Милославского в здании НКВД на Крупе, причем в довольно представительном составе. Кроме нас с Настей, Федьки и Ивана, самого профессора и майора из разведбата по фамилии Нечаев, за длинным столом разместилось еще человек десять, от всех силовых ведомств города, включая даже наш Горсвет, от которого был сам Антонов.

– Признаки наличия тяжелого оружия? – снова спросил майор.

– Ничего не видел, только винтовки, – ответил я. – В качестве транспорта – лошади.

– Про лошадей не знали, – сказал он. – Свою породу вывели, по всему судя, только вот откуда «исходники» взяли? Кстати, а скот какой?

– Да пожалуй, что коровы тоже чудные какие-то были, черные с белыми пятнами, – вспомнил я. – Обычно же наоборот. Но так в глаза не бросалось, как с лошадьми, у тех цвет больно уж неестественный.

– Понял, – кивнул тот, что-то записывая в блокнот.

– Пулеметы и минометы у них и раньше замечали, – вступил в разговор разведбатовский старлей в немецкой камуфляжной куртке, натянутой поверх свитера. – Так что следует исходить из этого. Могут быть и фаустпатроны, кстати, их в трофеях много попадается.

– Могут, верно, – согласился майор. – Но может и противотанковая пушка найтись, в сарае припрятанная, почему нет? Если старым картам и документам верить, то и за границей Тьмы всякого имущества много оказалось. Откуда мы знаем, что там с ним случилось? Адаптанты в Тьму заходят, это ни для кого не секрет, так что вполне могли оттуда разжиться.

– Если это возможно в принципе, – вмешался Милославский. – Доказательств этого у нас нет и что там за занавеской – мы ни малейшего представления не имеем.

– Мы тоже без понятия, – сказал сидящий в торце стола горбезопасник, тот самый Павлов, который ездил со мной «на жертвоприношение». – Ноль информации. Хотя есть надежда, что кто-нибудь из пленных когда-нибудь нам что-то расскажет. Если подход правильный найдем, разумеется.

– А так что, помирают раньше? – спросил майор, усмехнувшись.

– Когда как получается, – спокойно ответил Павлов. – Подход пока правильный не нашли, говорю же.

– Ну, Бог даст, найдете, – с заметной издевкой сказал майор. – Для твердой воли нет преград.

Павлов пропустил колкость мимо ушей, и майор тему развивать не стал. Правда для меня этот короткий обмен фразами стал хорошим индикатором ситуации – разведбат и безопасники явно друг друга недолюбливают и сейчас собрались за одним столом только в силу важности сведений, которые мы притащили. Пока еще обнаружить целое и не временное поселение адаптантов не получалось, что интересно, хотя искать – искали. Натыкались на временные базы, биваки и лагеря, но на заселенную деревню – впервые. Правда, и к самому Красношахтинску разведка давно не совалась, ограничивались наблюдением с воздуха с достаточно большого удаления – и Настя летала, и Николай, всегда с летнабами от разведбата. Определяли границу просто, по заметным издали ориентирам, находящимся к ней близко. Пока их волна Тьмы не накрыла – все в порядке. Да и мы бы не заметили, если бы не конный разъезд, явно нас не ожидавший. И если бы не полетели почти что к самой Тьме по их следам, которые я бы в другом случае не отличил от любой старой дороги, просто не присматривался бы.

Совещание затянулось часа на три, не меньше. Судили, рядили, если к какому-то конкретному решению и пришли, то нам об этом не сказали. Составили протокол совещания, все в нем расписались, да и разошлись. Разве что Милославский нашу команду придержал. Выждал, пока за последним выходящим дверь закроется, после чего сказал:

– Ребята, настаивать не могу и ситуацией полностью не владею, но мне кажется, что вам нужно туда идти в рейд как можно скорее. Потому что закончится это, скорее всего, нападением разведбата на деревню. А поскольку это близко к Тьме, то полноценно они там воевать не смогут, ограничатся артобстрелом и минометами. Продолжать надо?

– У тех будут потери и в результате адаптанты разозлятся и в эту сторону вообще будет не сунуться? – предположил я.

– Верно, – кивнул профессор. – Тут по-другому и быть не может. У нас с адаптантами война на истребление, поэтому предугадать реакцию наших вояк нетрудно. Вышлют разведку, присмотрятся скрытно, через пару дней атакуют. Всеми силами, которых не так уж и много.

– Да и тех там не полк, – сказал Иван, почесав в бороде.

– Имеется ввиду, что не хватит людей, чтобы перекрыть все пути отхода, – пояснил я. – Да и между деревней и Тьмой заслоны не поставишь,

личный состав с ума сойдет, поэтому уйти те смогут свободно.

– А, понятно, – кивнул тот.

– В общем, думайте, – сказал Милославский. – Есть у меня подозрение, что именно в тех архивах есть что-то полезное. Со своей стороны обещаю, что не забуду. На руках вас потом носить буду, какое-то недолгое время, разумеется. Найду чем отблагодарить.

Все усмехнулись, но в общем поверили. Да и понимал я профессора очень хорошо, потом туда точно будет не сунуться. А может и вовсе война начнется, потому что пока адаптанты атаковали людей по каким-то им самим известным принципам, а после атаки деревни еще и войной пойти могут, благо все пути не перекроешь, а куда отходить им всегда есть – Тьма как занавес на севере. Начнут партизанить всерьез, и тогда вообще то направление закроется. А нас на фронт кинут, мобилизовав. Очень даже запросто.

– Завтра с утра сможем выйти? – спросил Иван, посмотрев на нас.

– Особых проблем не вижу, – сказал Федька. – Все равно туда лезть надо, так почему бы и не завтра?

– Володь? – обернулся Иван ко мне.

– Я тоже готов, все равно дополнительно ничего не придумаем, – пожал я плечами. – Затемно дернуть, чтобы там быть с рассветом и световой день использовать по максимуму, и сразу обратно на всех парах.

– Настя?

– Мы с Николаем будем с утра в готовности, если никаких других распоряжений никто подкидывать не будет, – ответила она.

– Не будет, это я гарантирую, – решительно сказал Милославский. – Если кто попытается со своими делами всунуться – звоните прямо мне, я здесь буду весь день безотлучно.

– Хорошо, – кивнула она и поправила упавшую на лицо прядку. – Тогда будем у прогретых машин дежурить и сможем вылететь через тридцать секунд после поступления команды.

– Тогда ночуем сегодня на Ферме, чтобы времени не терять, – подвел итог Иван. – Сколько кому надо времени, чтобы сделать все дела и собраться здесь, внизу?

– Ну... час, наверное, – пожал я плечами. – Переодеться, оружие прихватить, да пожую дома что-нибудь.

Милославский поднял руку, привлекая внимание, и все уставились на него.

– Во избежание случайностей все сделаем централизованно. Через час пошлю машину собрать вас всех по домам. Она же отвезет вас на Ферму, –

сказал профессор, после чего добавил: – «Цеппелин» пришлю с охраной, чтобы уж точно все хорошо было.

– «Цеппелин»? – не понял я.

– Бронированный «студер», увидишь – сразу поймешь, – сказал Иван, обернувшись ко мне.

– Все свободны, готовьтесь к рейду, – сказал Милославский, поднимаясь из-за стола. – Я на вас надеюсь, это все очень важно.

* * *

– Ну видишь, успели все же, – сказал я, когда Настя подскочила на кровати и глянула на будильнике.

– Ни фиги, – заявила она, сдергивая со спинки стоящего рядом стула свой халатик и накидывая на себя. – Это они опаздывают. А тебе еще собраться, давай быстро!

– Да подождут! – отмахнулся я, опуская босые ноги на пол. – Тем более, что у меня все собрано давно.

– Ну так хоть оденься, – засмеялась она.

– А куда я денусь? – резонно возразил я.

На самом деле я уже давно все собрал. Основным оружием взял автомат, тот самый трофейный МР-40, который подобрал с трупа во время перестрелки в лесу. Сомневаюсь я, что придется воевать с кем-нибудь на больших дистанциях, тогда нам проще смыться, а вот в помещениях и против каких-нибудь темных тварей он то что надо, особенно с этими эрзац-пулями, которые в теле сразу на осколки разлетаются. К нему было аж восемь магазинов, а я еще с оружейного склада тройной боекомплект получил по требованию нашего профессора, вместе с летным комбинезоном. Для дали же взял «мосинку», завернутую в брезентовый чехол и затянутую тесьмой. Я хоть и не снайпер, но метров за пятьсот из нее точно в человека попаду, это без вопросов.

ТГ в кобуру, укороченный «ментовской» наган, тоже трофейный, во вторую кобуру, на лямку подвесной. Это уже последний шанс, может даже чтобы застрелиться. Одедся потеплее и поудобней, лямки подвесной на плечи накинул, застегнул – вот и готов.

Пока собирался, крутившаяся на крохотной кухоньке Настя успела чайник вскипятить и выставила передо мной кружку чаю с рогаликами.

– Давай, выпей пока время есть.

– Ага, спасибо, – кивнул я, поцеловав ее в щеку. – Заботливая ты моя.

– Не позаботишься, так ты с голоду сдохнешь, – абсолютно несправедливо обвинила она меня.

Чай удалось допить спокойно, сигнал с улицы донесся как раз тогда, когда я кружку на стол поставил.

– Ну, я пошел, – сказал я, поднимаясь из-за стола.

– Ты осторожней там, ладно? – попросила она, прижавшись и глядя мне в глаза. – Не рискуйте.

– Да мы и не собираемся, дураков нет, – искренне ответил я.
– Ракеты точно есть? Услышишь самолет, пускай в небо, сразу же.
– Хорошо, – снова поцеловал ее я. – Но не думаю, что понадобится, прорвемся, броня у нас хоть куда.

– И от планового маршрута не на метр, понял? Чтобы если искать придется, то сразу на вас вышли.

– Хорошо, – снова пообещал я, но уже без внутренней уверенности.
Опять расцеловались и я побежал вниз.

«Цепеллин» – здоровый обшитый стальными листами грузовик стоял прямо у подъезда. Возле распахнутой двери кунга стояли Иван с Федькой и еще какой-то парень с ППШ, и усиленно курили.

– За тобой последним решили заехать, – пояснил Иван. – Ты у нас один семейный, так что времени тебе больше надо.

– Это спасибо, очень оценил, – искренне ответил я. – Ну что, едем?

– Ага, давай в кунг.

Кунгом, строго говоря, внутренность кузова назвать было сложно. Местные мастера превратили трехосный американский грузовик в некое подобие бронеавтобуса, эдакой командно-штабной машины со свободным доступом в водительскую кабину. Внутри были откидные сиденья, откидные столы, все приваренное и привинченное к каркасу из стального профиля, к этому же каркасу крепились и стальные листы обшивки.

– Пулю держит? – поинтересовался я, оглядевшись.

– Если только пистолетную, – сказал парень с автоматом, который тоже залез с нами в кунг. – От темных тварей бронирование, специально для ночных спешных поездок машину сделали.

– Да, ничего так, – одобрил я.

Нам бы, увы, такая не подошла. Куда на броне едем, там у нее проходимости и пулестойкости не хватит, а куда на Федькином опеле, так там кузов нужен и возможность грузы возить. А это так, «нишевой продукт».

В кабине сидели еще двое вооруженных мужиков. Тот что справа обернулся и спросил:

– Ну что, готовы? Ехать можно?

– Давай, погнали, – скомандовал Иван. – На Ферму.

– Ночевать-то где будем? – спросил у него Федька. – На полу в кабинете?

– Ну щас! – даже возмутился тот. – Народ часто ночевать там остается, так что комнатки отдыха с топчанами имеются. И свежую постель дадут, и в душ сходишь, если оно тебе надо, конечно.

– Пусть моется тот, кому лень чесаться, – сказал Федька, после чего махнул рукой и добавил: – Хотя ладно, уговорил, красноречивый.

* * *

Давно рассвело, позади были уже часы пути, успели даже дозаправиться, перелив в бак горючку из бочки, закрепленной на броне. «Жужа» шла что по дороге, что по бездорожью бодро, плавно покачиваясь, переваливала через канавы и промоины, давила кустарник – все было по-другому по сравнению с обычной машиной. Оно понятно, что и броня здесь антикомариная, и вооружение жиденько, но все равно эта полусамodelка внушала какую-то уверенность в успехе. Прорвемся, куда денемся. Ей бы еще плавать как БМП, но это уже слишком, так губу раскатывать с техникой сороковых годов все же не стоит.

Федька сидел за рычагами уверенно, управлял вполне мастерски, постоянные тренировки последних дней все же пользу принесли, это было заметно. Дождя не было, и я больше стоял, высунувшись по грудь в люк, и время от времени пытался рассматривать окрестности в выданный мне немецкий бинокль, штуку очень добротную, с удивительно чистыми и прозрачными линзами. Но каких-то признаков грозящей нам опасности пока засечь не удалось.

– Сейчас станция будет, к ней лучше не соваться, – сказал я, сверяясь с картой. – Так ничего не заметили вчера, но все равно место для засады очень классное. Забираем к реке, правее.

– Без проблем, – сказал Федька.

Действительно, стоило нам объехать язык леса, приближавшийся к дороге, как перед нами появилось нагромождение серых и грязных станционных строений, между которыми виднелись скопления не менее грязных вагонов, в большинстве своем груженных углем. Когда-то здесь работа кипела, это было видно, а потом раз – и все стало таким, какое оно сейчас. Разом, в один момент.

Иван подхватил из укладки пулемет, установил его на вертлюг перед бойницей, направив в сторону возможной угрозы. Это правильно, это хорошо он действует, я тоже автомат с плеча не снимал ни на секунду. До деревни с адаптантами отсюда не больше двадцати пяти километров, прикидочно, почему бы им сюда за угольком, например, не заглянуть. Что им, печки топить не надо? Дымки над деревней я видел вчера, а уголек вот он, рукой подать, не могут они не соблазниться.

Однако было тихо, никто по нам не стрелял и на нас оттуда не кидался. «Жужа» легко перевалила через подразмытую железнодорожную насыпь,

проскочила через широкую канаву с пологими склонами, и выкатилась в поле. Открылся вид на шахтные терриконы, придающие пейзажу какую-то повышенную мрачность и сюрреалистичность. Впрочем, Тьма уже плотно на душу давила, так что сюрреалистическим выглядело для меня все, даже я сам в зеркале самому себе таким бы показался.

Появились клочья тумана, медленно ползущие по самой земле, те самые, что мы видели с самолета. Плотные, похожие на куски порванной ваты, почти непрозрачные, они двигались наперерез нам, обтекая черные конусы терриконов, и казалось, что эти гигантские отвалы породы плывут над землей, неся в себе какую-то невысказанную, но очень злобную угрозу. При этом свинцово-серое, тяжелое небо давило сверху, словно пресс, нависший над головами, и ты не знаешь, чья рука сейчас возле рычага, который заставит его опуститься.

Когда машина вкатилась в одно такое облако тумана, я почувствовал холод. Но холод не обычный, а именно холод Тьмы, когда льдом по позвоночнику, когда мурашки по всему телу.

– Федь, ты про такой туман знаешь что-нибудь? – забеспокоился я после того, как передернул зябко плечами после встречи со вторым облаком.

– Знаю, возле Тьмы часто бывает, – сказал он. – Какого-то особого вреда от него нет вроде бы, разве что на душу давит.

– Не опасно, – добавил Иван. – По крайней мере мы никаких случаев вреда от него не регистрировали, так, мерзко просто.

– Спасибо, обнадежили, – кивнул я.

Ладно, если не вредно, то уже не так страшно. Хотя бы можно не дергаться с перепугу при приближении к очередному клоку этой мерзкой дымки. А остальное... ничего, остальное потерпим, у меня цель, а ради нее можно много потерпеть. В конце-концов, когда принимал предложение Милославского работать на него, понимал, что меня не огородничеством заниматься приглашают.

Вскоре шахты остались левее, мы приблизились к реке. Когда «жужа» выбралась с поля на заброшенную дорогу, повернули налево, к городу.

– Федь, когда по набережной пойдем, про провал не забудь, – напомнил я.

– Есть же на карте...

– Не знаю как ты, а я здесь с трудом сосредоточиться могу, – честно сознался я. – А в таком состоянии любую пометку с карты мог бы проморгать.

– Хорошо, но ты тоже поглядывай, – сказал он. – И в городе внутрь

заныкайся, а то черт его знает... Так тварей нет, но мало ли.

– И адепты эти рядом, – добавил Иван.

По дороге пошли быстрее, но все же без особой спешки. Хотелось и шуметь потише, и самим успевать наблюдать за окрестностями. По счастью, вокруг так и было пусто.

Вскоре показались городские окраины. Несмотря на то, что никакая разруха этих мест не коснулась, выглядело все запущенно и мрачно. Пыль и грязь не девались никуда, покрывая строения, улицы, стекла – все вокруг. Лишенные листьев деревья, какие-то все перекрученные, с причудливо и как-то не по-хорошему изогнутыми стволами и ветвями, вытянулись двумя рядами по сторонам дороги, похожие на неведомых чудовищ, охраняющих этот путь.

– Иван, а чего такие тополя странные? – спросил я, невольно понизив голос.

– Тьма так действует, – ответил Иван, заодно дернув меня за полу куртки. – Оно и растет, и не растет одновременно... в общем, черт знает что, что с деревом творится, вот его и корежит. Давай вниз и люк закрой.

– Ага.

Я нырнул в темное нутро машины, закрыв за собой люк и повернув стопор, чтобы его и не открыть было снаружи. Сразу стало как-то уютнее и спокойней, вроде как снаружи все было неправильным, а внутри машины с нами ехал кусочек мира нормального, человеческого. Я придвинулся прямо к немалого размера триплексу в лобовом стекле, разложил перед собой карту.

Пусто, пусто и мертво. И при этом постоянное ощущение того, что за нами наблюдают из каждого темного окна. Прячутся, когда мы проезжаем мимо, и выглянув, смотрят в спину тяжелым злобным взглядом. Мерзкое ощущение, кстати, совершенно параноидальное.

– Кажись, сейчас налево надо, – сказал я, сверившись с картой.

– Уже вижу, – сказал Федька, разворачивая «жужу».

Машина рванула покатила, поскрипывая сочленениями гусениц, по узкому переулку, застроенному двухэтажными домами. Звук отражался от стен и теперь казалось, что мы шумим на весь город. Краем глаза я видел, как Иван болезненно морщится, явно от точно такой же мысли. Внимания нам как раз и не хочется, можно сказать, что совсем.

– Направо, – снова подсказал я, Федька лишь кивнул.

Улица пошире, та самая Коммунистическая, которая нам и нужна. По ней до площади имени Вождя, до его памятника, и первый пункт нашего путешествия будет достигнут. А вот что выйдет из этого, предположить

сложно, посмотрим.

Под гусеницами настоящий ковер из опавших листьев, сучьев, какого-то мусора. Не могу я до конца понять выкрутасы местного времени – листья опадают, при этом время задом наперед идет... Хотя, это же не пленку проматывают, может тут и деревья уже «задом наперед» живут? Приспособились? А может это я в силу скудости своего воображения и неспособности мыслительного аппарата не могу себе это все в совокупности представить? Для меня же время всегда в одну сторону шло, это было самое незыблемое из всего, что окружало меня. А тут... А может оно здесь нормально идет? Как это понять?

Я даже на часы глянул сдуру, вроде как ожидая, что они мне подскажут. Стрелки, наверное, должны в обратную сторону завертеться, или что? Впрочем, хрен с ним, чего этим голову забивать? Представлю себе, что здесь... радиация, например. Долго находиться вредно, а если не долго, так и ничего. Может даже и полезно. Если быстро все сделаем и свалим, то нам до тутошних временных завихрений как до прошлогоднего снега будет. А с ним пусть Милославский разбирается, если время не физическая категория, а философская, или чего он там мне нагнал.

А мне от него совсем другое нужно. Нам нужно, Насте и мне. Мне указатель от него требуется, вроде стрелки у дороги, с надписью «На выход». Или «Домой». Или просто «На хрен отсюда», даже так сойдет. За ради такого дела я ему куда угодно скатаюсь и что угодно притащу, с меня не убудет, хотя это как раз спорно. Но даже если и убудет, то понятно зачем и за что. Не хочу я быть вечным эльфом в лесах под сенью Тени. Хочу обратно свою человеческую жизнь, тем более, что теперь, после того, как я стал по настоящему не один, она обрела смысл. Огромный, безусловный и ясный смысл. Но не здесь, а там, откуда я пришел. Фразу профессора про «закрепленный с одного конца» тоннель я не забыл. Я вообще ничего не забываю, особенно когда говорят о том, на что я свою жизнь поставил.

– Площадь, – сказал Иван, пристроившийся теперь с пулеметом глядя вперед, в соседний триплекс.

– Ага, – подтвердил я, опознав памятник посреди грязного голого газона.

До площади осталось всего ничего, просто ехали мы теперь очень медленно, настороженно и опасливо.

– Справа, двухэтажное? – уточнил Федька.

– Ага, – снова ответил я. – Давай, как планировали...

Подъезд-подходы мы вчера на бумажке чертили и при помощи спичечного коробка и толстой книги на столе отрабатывали. Нас, если

честно говорить, для такой поездки маловато, надо бы две машины, вообще-то, и человек эдак семь-восемь народу. Иван, оказывается, как он мне сказал, Милославскому на это намекал, это не я один такой умный, но тот предложил эту тему больше не обсуждать, мол и так достаточно. Из чего вывод сделался такой, что профессору надо изо всех сил сохранять секретность. И так как сам факт поездки вроде бы не замалчивался, вчера вон целое заседание по этому поводу было, с предметом поисков что-то не так. Для меня не так, для Милославского с Иваном может и все нормально, тот же Иван на вопрос: «Что искать?» – отвечает уклончиво, мол мне беспокоиться незачем, он сам займется, что подразумевает под собой предложение со свиным рылом в калашный ряд не залезать. Да и с самого начала было понятно, что искать будем нечто конкретное, в «жужу» целиком никакой архив не влезет, а разбирать его по папочке вблизи Тьмы нам тоже никто не даст, время очень ограничено.

– Блин, сколько добра пропадает, – вдруг сказал Федька.

– Это какого? – не понял я.

Нам по дороге даже машин почти не попадалось, то ли не было их здесь особо, то ли уже вывез кто другой. Так, дома да заборы, уродливые деревья да клочья тумана.

– Ты че? – удивился он. – От города ЛЭП идет к шахтам, там на одних проводах озолотиться можно. Лампочек кругом полно, небось. Да и вообще пошариться... тут же поле нехоженое, непаханое.

– Федь, давай ты сейчас по делу думай, а? – попросил его Иван. – Дело сделаем, отдохнуть будешь, езжай куда хочешь, но сейчас об этом не нать, хорошо?

– Как скажешь, никакой в тебе поэзии, – вздохнул Федька.

– Рули давай, поэт, – посоветовал ему тот.

«Жужа» выкатилась на круглую площадь, описала по ней круг, фыркая дымом из выхлопных труб и объехав памятник, давая нам возможность оглядеться, затем встала, качнувшись взад-вперед, развернулась на месте с аптекарской точностью и задом лихо подкатила к невысокому крыльцу дома, на стене которого висела бордового цвета табличка с золотистыми буквами: «Районный отдел Народного комиссариата внутренних дел (НКВД)»

– С прибытием, – объявил Федька, не отводя глаз от водительского триплекса.

Иван повернул ручку, запиравшую кормовую дверь, и тяжелая стальная створка беззвучно отодвинулась на хорошо смазанных петлях. Я сразу выглянул наружу, выставив перед собой автомат.

– Вроде тихо, – объявил, оглядевшись.

– Похоже, – согласился Иван, подхватывая из укладки свой ППШ. – Пошли?

– Фонарь? – сразу спросил его я, помигав своим, уже прицепленным к стволу.

– Работает, – подтвердил он, проверив.

– Тогда пошли, – кивнул я. – Федь, как договорились, на стреме все время.

– Ты меня еще учить будешь? – усмехнулся он.

Пропустив колкость мимо ушей, я выбрался из машины, снова огляделся. Дома квадратом вокруг круглой площади, слепые грязные окна, от которых уже даже бликов нет. Но явной угрозы все же не видно, да и я чувствую, что вся эта параноя со взглядами не настоящая, нет пока под ней основания, просто страшновато мне, вот и все. Нервишки вроде как.

Подошел к массивной входной двери в здание, взялся за ручку, прислушиваясь.

– Не заперто? – спросил Иван.

– С чего бы? – удивился я и потянул створку на себя. Петли скрипнули, дверь открылась, звякнув натянувшейся пружиной. – В таких местах никогда не закрывают, как я понимаю. Двери не закрывают, в смысле.

Пустой вестибюль, пахнувший сыростью и затхлостью. Справа, сразу за дверью, будка, из которой раньше проверяли пропуска. Полутьма, которая всегда лучше темноты полной, это уже все в курсе. Лучи фонарей скользнули по стенам, осветили высокую стойку дежурного, какие-то назидательные плакаты на стенах, с которых сурово смотрели бдительные рабочие и сотрудники в форме, предупреждая о том, что делать нельзя, дабы не продать завоевания агентам мировой буржуазии. Даже юная и довольно мордатая комсомолка в красной косынке сурово прикладывала палец к губам, требуя не болтать.

Федька, покрутивший головой, сноровисто занял позицию в тени, у стены, чуть сбоку от окна, откуда мог видеть подступы к зданию и при этом появившийся противник точно не ожидал бы его там найти. Поначалу думали оставлять человека в машине, с пулеметом, но подумав, пришли к выводу, что так слишком очевидно. К тому же если он будет сидеть запершись, то обзор никуда, а высунувшись из люка станет изображать собой мишень для любого человека с винтовкой. Поэтому и придумали такой способ прикрытия. Из из двери до открытого заднего люка машины всего два шага, можно под любым обстрелом без особого риска заскочить.

– Пошли искать архив, – сказал Иван. – А если точнее, то секретку,

нам туда надо.

– Если бы я был секреткой, то где бы я был? – поерничал я, чтобы заглушить все бултыхающийся внутри меня страх.

Шаги по плитке, которой выстлан пол, гулкие, неправдоподобно громкие, рвущие нависшую тишину. Тут уже много лет, небось, никто не ходил, вон какая пыль на полу скопилась, в боковом свете ее очень хорошо видно, и ни следа на ней, тут даже стены к молчанию привыкли, а теперь мы шляться давай.

Вестибюль уперся в коридор с дверями в обе стороны. На одной двери ничего, на второй табличка «Посторонним вход строго воспрещен!»

– А не туда нам? – поинтересовался я.

– Откуда я знаю? – пожал плечами Иван. – Подвала здесь нет, насколько я понял, а вот во флигеле во дворе что?

– Без понятия, – честно ответил я. – Двор есть, флигель есть, это все, что видел сверху.

Подергали дверь с табличкой, она оказалась открыта, пропустив нас в недлинный сумрачный коридор, с каждой стороны которого было по три двери. На ближайшей от нас слева, металлической, с откидным окошком, была табличка «Оружейная комната». Сама дверь распахнута настежь.

– Гляну, – сказал я Ивану, предчувствуя разочарование.

– Ну глянь...

Предчувствия меня не обманули, здесь были до нас и всю оружейку вынесли. Пустые шкафы-пирамиды с распахнутыми дверцами, столы – и больше ничего. А ведь на стенах плакаты про сборку и разборку ППШ и ТТ. Очень огорчительно, потому как я бы с радостью свой МП-40 на ППШ сменял.

– Ну что? – спросил Иван, когда я снова вышел в коридор.

– Пусто, до нас тут были.

– Адаптанты, небось, про мародеров в этих краях я не слышал, – сказал он, после чего добавил: – Вон и секретка, в конце коридора.

– Ну так пошли, – пожал я плечами. – Надеюсь, что оттуда не вынесли ничего.

Дверь с табличкой «Машинопись», затем еще одна, без всяких надписей, следом «Хозотдел», взломанная и распахнутая, и уже последняя – «Секретная часть».

– Заперто, – сказал Иван ухватившись за ручку.

– Да она вообще-то хлипкая, – постучал я по филенке. – Давай ломиком попробуем.

– Последи, – кивнул Иван, выдергивая из рюкзака, из-за спины,

неслабый изогнутый ломик-гвоздодер.

Пока у меня за спиной трещало дерево, я стоял к Ивану спиной, уставив ствол автомата в коридор. Опасности вроде бы не было, но черт его знает, кто сюда на шум может заглянуть, лучше уж не рисковать.

Дверь подалась, Иван выругался, отскочив назад.

– Трава, мать ее...

В свете фонарей разглядели, что попали мы не в самую секретную часть, а лишь в тамбур. Тамбур, в который не попадало ни луча света и который зарос темной травой сплошняком. Под ярким светом фонарей, лучами которых мы водили по ее листьям как струями из брандспойта по языками пламени, она быстро становилась серой и осыпалась невесомыми хлопьями на пол.

Дальше была вторая дверь, уже обитая железом, мощная, и окошко в стене, маленькое, закрытое деревянной створкой, через которое секретчик, когда он нес здесь службу, выдавал нужные документы под роспись.

– Серьезная дверка, – сказал Иван, приглядевшись.

– Это точно, – согласился я. – Чего с ней будем делать? Тротилом ее?

– Страшновато, если честно, – ответил он, подумав. – Что-нибудь не так сделаем, а там все бумаги разлетятся, и собирай их потом по полу. Или вообще пожар устроим.

– Кстати, – вдруг вспомнил я, – А по фасадам ведь окна сплошняком, так? Пропусков нет?

– Вроде нет, а что? – насторожился он.

– Значит тут просто решетка на окне, – заявил я, обрадованный идеей. – Можно тросом дернуть, а дверь даже не трогать. И тебе потом внутри копать проще будет.

– А что? – спросил он сам себя, чуть подумав, и сам же ответил на вопрос: – Вполне разумно. Пошли.

Выскочили из коридора в вестибюль, я махнул рукой Федьке, обернувшемуся к нам

– Давай в машину, есть идея.

Уточнять что за идея он не стал, когда дело надо делать, лишние разговоры только помеха. Лязгнул стальной люк, «Жужа» зарычала двигателями, дернулась, поползла следом за нами с Иваном, идущими пешком и настороженно оглядывающимся по сторонам.

– Вот это окно, похоже, – сказал Иван, указав на самое крайнее окно по фасаду на первом этаже.

– Да наверняка, – согласился я. – По-другому и не получится, геометрия не разрешит. Федь! Подгоняй машину!

«Жужа» крутанулась на месте, сдвинулась на пару метров, полязгивая гусеницами, а я сразу же начал разматывать с крюков толстый стальной трос. Решетка на окне серьезная с виду, но все же не под такие воздействия. Кое-как разгибая непослушную и неподатливую стальную кишку, протолкнули ее под решеткой, накинули массивные кованые крюки на буксировочные петли бронемшины.

– Давай! – скомандовал я, отскакивая в сторону.

Машина качнулась, рванула назад, трос натянулся, что-то захрустело, а затем вся оконная решетка целиком со звоном и грохотом свалилась на брусчатку. И следом посыпались стекла – Иван, плюнув на скрытность, колотил по ним выдернутой из заборчика штaketиной.

– Да хрен ли, все равно нашумели, – сказал он, наткнувшись на мой недоуменный взгляд.

Ну да, все верно, сейчас то уже чего пугаться? Звук от той же решетки небось в деревне адаптантов слышно было, чего теперь-то стесняться? И как вообще попадать внутрь?

Разобравшись со стеклами, Иван заглянул внутрь, приподнявшись на выступающем цоколе здания, сказал:

– Вроде в порядке все...

– Это хорошо, – кивнул я. – Сейчас «жужу» вплотную подгоним, и с нее лазить можно. А заодно и смываться быстро.

Трос обратно, еще пара быстрых маневров, и наша неуклюжая с виду машина прижалась к стене. Иван вскарабкался на броню, присел, пощелкал шпингалетами окна и открыл настежь рамы, вызвав целый водопад мелких осколков стекла. А затем шагнул внутрь. Следом заскочил Федька, на этот раз с пулеметом, ну и последним запрыгнул я.

Секретка как секретка, небольшой архив. Деревянные полки, под окошком выдачи стол делопроизводителя. Еще один стол стоит под окном, мы на него и шагали. Иван, не обращая уже внимания ни на что, схватил какой-то толстенный журнал со стола и начал его быстро листать, пробегая пальцем по каждой странице.

– Знаешь хоть что ищешь? – спросил я невзначай.

Не особо вслушиваясь, он кивнул, занятый своими мыслями. Ага, спасибо за разъяснение, теперь я знаю, что мы тут по конкретному делу. И еще знаю, что Милославский хочет как можно больше сузить круг тех людей, кто в курсе. Пока это и не плохо, может быть, но как знать, как оно дальше повернется? Оно ведь как бывает: когда очень мало людей знает о чем-то очень тайном, то проще всего гарантировать сохранение этой самой тайны... все правильно, именно таким образом. Можно при исполнении

погибнуть, а можно и от несчастного случая. Я как бы далек от того, чтобы идеализировать местные нравы, начал уже понимать, как дела делаются в Отстойнике – как и везде.

Но угроза появится не сейчас, это точно, иначе взяли бы первых попавшихся, не нас. Мы зачем-то еще нужны, не зря же Милославский мою связь с открытым каналом обнаружил, так что его опасаться рано. Но ввиду иметь будем, потому что играют с нами втемную.

* * *

Иван копался в бумагах уже больше часа, не отвлекаясь ни на секунду. Судя по всему, искал он что-то конкретное, но как оно точно называется, не знал. Поэтому время от времени начинал бегать вдоль полок в поисках какой-то папки, находил ее, листал, что-то читал, а потом с разочарованным вздохом откладывал и снова брался за журнал.

Мы с Федькой сидели за подоконником, наблюдая за подступами, и чем дальше, тем больше нервничая. Рано или поздно твари здесь появятся, и пусть бы это было позже того, как мы завершим свои дела. Вон она, наша «жужа» стоит, «коломбина», один прыжок, и мы в ее таком уютном, таком гостеприимном и таком с виду безопасном бронированном нутре. А дальше полный ход и прямой путь до самой Фермы, которая отсюда тоже выглядит удивительно притягательно.

Федька был мрачен, потому что надеялся добраться до оружейной комнаты, а тут такой облом вышел.

– Во всех райотделах десятка по три автоматов было, это прикинь сколько денег, – тихо возмущался он. – А ведь наверняка все эти уроды синерожие загребли, адаптанты, мать их грелка. Блин, да каждый ППШ мог бы за пятьсот уйти, прикинь? Это вообще без вопросов, город бы отбашлял!

– А чего, у города своих не хватает? – немного удивился я.

– У города хватает, но это же по-любому капитал, – объяснил Федька. – На склад ляжет, вроде как благосостояние города повысит, оружие всегда в цене. Да и логика простая – купишь сам хороший ствол, меньше вероятность того, что его купит тот, кому лучше не давать.

– Это точно, – согласился я. – Но это все мечты и сны, теперь-то чего рыдать? Ушло и ушло, вернемся и сгоняем..., – я осекся, оглянувшись на возившегося с бумагами Ивана, затем сказал: – ... сам все знаешь, не пропадем, в общем.

– Да это понятно, но жаба зверь такой, ты в курсе, – усмехнулся он. – С ней договариваться сложно. Вань, долго еще?

Иван поднял голову от журнала, пожал плечами, ответил:

– А я знаю? Начать и кончить. Пока не нашел.

– А оно там вообще есть, то что ищешь? – спросил уже я.

– Должно быть, – уверенно сказал он. – Не может не быть. Но если не найду, придется в отдел милиции ехать и там шариться.

– Не, ты лучше здесь найди! – аж подскочил Федька. – Старайся давай, не отвлекайся там!

– Тебя не спросил, – буркнул Иван, возвращаясь к своим занятиям.

Федька достал портсигар, вытащил папиросу, смял в пальцах фильтр, но убрал обратно, сказав:

– Не, на хрен, еще приманю кого-нибудь на запах. Кого не надо.

– Ты бы вообще бросал, больше толку, – заметил я.

– Да хрен здесь кто бросает, – сказал Федька. – Скорее кто раньше не курил, начинает. Чего ты хочешь, по такой-то жизни...

– Ой ладно, а то оно помогает, – фыркнул я. – Если только от самой жизни и помогает, загнешься быстрее.

– Ну да, не через четыреста, а триста пятьдесят лет.

– А через пару часов не хочешь? – поинтересовался я. – Когда засаду прощелкаешь, например, из-за того, что запахов не чуешь. Если ты, курящий, будешь сидеть в засаде на меня, я тебя по вони обнаружу, у тебя после перекура дыхание вроде как набздел, не лучше. А ты меня не найдешь, у тебя этим бздыщем весь нюх забит.

– И кто меня обнаружит, – спросил Федька, причем не по делу, а просто чтобы не промолчать.

Из-за угла дома напротив вышли два человека с белесыми волосами, высокий и пониже. У обоих винтовки на сгибе руки, оба одеты в длинные брезентовые дождевики. А перед ними легкой трусцой бежала по асфальту темная тварь, как обычно смутная и непонятных очертаний, но очень напоминающая одну из тех «гончих», что гнали нас из Порфирьево, разве что поменьше. То есть выходило, что они прогуливались с темной тварью как с собакой.

– Вот они, например, – прошептал я. – Тихо!

На что я рассчитывал этим самым «Тихо!» – сказать затрудняюсь. Не на то же, что проходящие мимо адаптанты не заметят вывороченное окно, осколки стекла и прижавшуюся к стене бронемашину. Но заметили они все же не сразу. Я хорошо видел, как резко остановился высокий, словно на стену наткнувшись, как дернулся маленький, перехватив винтовку – они точно не ожидали здесь такое увидеть. А затем справа от меня гулко загрохотал пулемет, вздыбив фонтанчиками грязь вокруг адаптантов и сбивая с ног темную тварь.

Не знаю, прав ли был Федька, сразу открыв огонь. Прав, наверное, все равно они бы нас обнаружили, и было бы хуже, если бы успели сбежать. Поэтому размышлять не стал и сам потянул за спуск. Немецкий автомат завибрировал, отозвавшись сухим громким треском и выбросив короткую

очередь в середину груди длинного, нелепо взмахнувшего руками и свалившегося навзничь. Маленький заметался было, но тоже упал, резко и как-то безвольно, просто ткнувшись лицом в землю и больше не шевелясь.

Темное существо уже «дымил», как они обычно делают, помирая, но еще дергалось, поэтому я всадил в него еще очередь. Все.

– Кранты, надо смываться, – сказал Федька, обернувшись к Ивану.

– Я еще не закончил, – сказал тот, вполне спокойно посмотрев на нас. – Прикрывайте пока.

– Вань, их тут сейчас батальон будет, – сказал Федька. – Это же не твари, это люди. Гля, возле обоих по СВТ валяется, если обложат – трындец.

С этими словами он натянул мотоциклетные очки на глаза. Раз тварь появилась, можно и на «призраков» напороться. Я последовал его примеру.

– Пока не обложили, – ответил Иван, быстро листая опись документов. – Второй раз нам сюда не вернуться. Прикрывайте. Это приказ.

Приказ – это все сразу ясно и понятно. Иван вообще-то в нашей группе главный, просто козырять он этим не любил, все больше советовался. Но вот сейчас советоваться не стал, приказал.

– Ты хоть примерно знаешь, где это искать? – спросил его Федька. – Тогда схватим все бумаги с нужной полки и потом разберемся.

– Если бы знал, так и сделал, – ответил тот. – Знаю что ищу, но ни номера, ни даты, ни места на полке не знаю. Ждите.

– Мля, нас тут как крыс обложат, – выругался я, оглядевшись. – Сбоку подойдут и через окно гранатами закидают.

Действительно, в секретке было всего одно окно, выходившее на площадь. Подойти к нам со стороны торца здания никакой проблемы не составляло, мы бы не увидели и не услышали. От тварей здесь отбиваться можно, а вот от людей... от людей лучше не надо, все равно бесполезно.

– Так, Федь, паси площадь, я позицию сменю, – сказал я, вскакивая на ноги и меняя магазин. – В коридор попробую сунуться, там окна на ту сторону есть.

– Может так проще, с той стороны зато не зайдут? – спросил Иван, снова подняв голову от бумаг.

– Иван, ты у нас начальник, но как стратег ты все же не очень, извини, – сказал я, проворачивая ключ в двери и берясь за засов. – Так что мы сами, лады?

– Как скажешь, – пожал плечами тот и вернулся к прерванному занятию.

В коридоре было пусто, я сначала высунулся, проверил. Окно в торцевой стене тоже было забрано решеткой, равно как и все остальные окна первого этажа. Это радовало, бесшумно было сюда не забраться. Разве что просто через входную дверь, которая так и оставалась открытой.

– Мать твою! – выругался я, вспомнив про такую нашу уязвимость.

Быстро выглянул в окно, стараясь не высовываться – с той стороны пока никого. Дверь надо закрыть, а если точнее, то как-то запереть, иначе у нас просто глаз не хватит во все стороны следить. Бегом надо, короче!

Пошел по коридору, стараясь при этом быть как можно тише, ступни перекатом, чуть на внешнюю и вперед, как когда-то меня учили, пусть чуть-чуть совсем, факультативно, можно сказать, но вот все же вспомнилось.

По пути, не удержавшись, заглянул в открытую оружейку – нет, там никто не прятался и не собирался напасть на меня сзади. Паранойя не отпускала, все время ощущался чей-то злобный и голодный взгляд, упертый в спину, куда-то между лопаток. Я понимаю, что это Тьма, до которой рукой подать, так ощущается, давит на мозг и душу, но толку с того, что понимаю? Непрерывное желание резко обернуться, невозможность толком сосредоточиться, ощущение постоянной и непонятной угрозы – ну что еще сейчас может быть менее кстати?

Вестибюль, полумрак, светлые прямоугольники окон и открытой двери. И в двери силуэт, человеческий, ни лица, ни деталей не разглядеть. Как из черной бумаги вырезали и на серую бумагу наклеили. Очертания головы, откинутого капюшона, висящей с плеч накидки, нога, занесенная для шага и длинная тень от нее, пересекающая пятно света на полу.

Цепочка мыслей о том, что нас всего трое и я знаю, где каждый из нас, и о том, что здесь не может быть никого, в кого не стоило бы стрелять, пронеслась в голове быстрее, чем фигура в дверном проеме успела даже сдвинуться с места. Прямо от груди, с натянутого ремня, я перекрестил дверной проем длинной, сразу на половину магазина, очередь. Дульная вспышка тускло осветила крашенные стены с плакатами, дерево стойки дежурного, а силуэт человека просто осел на подломившихся ногах прямо в проходе, безвольно завалившись назад.

Появившийся за ним еще один силуэт дернул рукой, а затем резво отпрыгнул в сторону. Раздался стук от падения чего-то тяжелого и металлического на пол, и в мою сторону поскакал маленький черный предмет. Изо всех сил я рванул обратно в коридор, за двери с табличкой «Посторонним вход строго воспрещен!», рванувшуюся обратно на скрипучей пружине, и едва успел укрыться, как совсем рядом грохнуло,

ребристое непрозрачное стекло двери вздулось и лопнуло, сыпанув на меня, отвернувшегося и прикрывшего лицо руками, настоящим дождем стекла.

«Ну ничего, твари, считай, что пример подали» – подумалось мне, когда пальцы рвали крышку гранатной сумки и вылавливали оттуда увесистую тушку «эфки», такой же как то, что только что катилась ко мне по полу.

Усики сжал пальцами, освобождая путь чеке, рванул кольцо, метнул тушку гранаты через открытую теперь дверную фрамугу, успев услышать, как отлетел предохранитель и негромко хлопнул запал, и снова назад отпрыгнул, подхватывая повисший на ремне автомат и направляя его на дверь.

Ба-бах! Отблески вспышки на стенах, облака выбитой штукатурки от осколков. И сразу вперед, к двери, и даже не высываясь из-за нее, остаток магазина веером по всему вестибюлю. И назад, меняя его внезапно задрожавшими от накатившей волны адреналина руками.

Из вестибюля частые выстрелы, громкие, явно из самозарядной винтовки, пули попадают непонятно куда, явно огонь идет не глядя, в окно лупят, наверное. И следом частые короткие очереди из ППШ, его звонкий грохот я уже ни с чем не путаю.

Еще гранату в руку, кольцо с чекой долой. Нельзя мне сейчас по коридору отступать, надо вестибюль удерживать, не давая противнику нас заблокировать и спокойно продвигаться по стене к окну секретки и главное – к «жузе». Машина для нас сейчас все, не дай бог останемся без нее – кранты.

Снова высунулся в дверь, огляделся, а пальнул пару раз из автомата, с одной правой руки и ремня в открытую дверь, просто так, чтобы не дать противнику высунуться не вовремя, и перебежал за колонну, ту, в которую упиралась длинная стойка дежурного. И коротко размахнувшись, бросил гранату в дверь, молясь о том, чтобы не промахнуться, чтобы не откатилась она назад, чтобы все вышло так, как и планирую.

Уже убирая голову в укрытие, увидел, что попал. Эфка перелетела через лежащий в дверях труп, а уж как там дальше, смотреть не надо.

Взрыв, грохнувший на улице, получился куда тише, но цели своей явно достиг. Кто-то вскрикнул, резко, явно от сильной боли, и совсем рядом – они ведь наверняка у дверного проема сидели, рядом, как я и рассчитывал, они сами собирались забросать меня гранатами и рвануть внутрь, в атаку.

Все правильно, наступление – лучший способ обороны. Шесть гранат

у меня, сплошь те самые эфки, которые «лимонки». Две уже бросил, три в запасе, а еще одну брошу прямо сейчас, успех надо развивать. Плюнув уже на любую осторожность, рассчитывая только на то, что противник сейчас ошеломлен и не готов меня встретить, рванул со всех ног к окну, вперед, вплотную сближаясь с врагом. И еще одну гранату даже не бросил, а просто просунул между прутьями оконной решетки, и разжал пальцы.

Сдавленный крик и звук непонятной возни раздался совсем близко, враг был в каком-то полуметре от меня, отделенный только кирпичной стеной. Давай, беги, если успеешь, недаром же я выждал малую паузу между тем моментом, как хлопнул запал и тем, когда разжались мои пальцы. Теперь даже не отпихнешь, не отбросишь... надеюсь.

Опять взрыв, вонь тротила, крик, звук упавшего тела. А я уже у самого выхода, с автоматом в руках. Весь расчет на скорость и то, что противника издалека не прикрывают. Глупость и авантюра, конечно, я бы прикрывал, но... Федька из пулемета не стрельнул пока ни разу, а если бы у противника было прикрытие, то наверняка в доме напротив, или вообще с той стороны, то есть в Федькином секторе. Заметил бы он их, обстрелял бы.

Шаг вперед, поворот направо, короткую очередь в корчащегося на грязной земле человека в брезентовой штормовке с лицом, оттенком похожим на киношного вампира. И сразу налево, туда, где еще трясся второй, лежащий ничком, и вторая очередь в него. И никого больше?

Рядом – никого, точно, трое их было. Одного свалил в дверях, двух других гранатами забросал. А если так, то нечего тут мух хайлом ловить, дернулся назад, присев резко, отскочил, а затем уцепился руками в голенище кирзового сапога убитого, лежащего в дверях, и потащил его внутрь. Тело попыталось застряť в проеме, но я уперся, рванул, и оно заскользило по плиточному полу. Такой, знаете, желтоватый шершавый кафель со вставками бурого цвета, которым тогда, во времена моего детства выстилали все, от вокзалов до общественных уборных.

Дверь, притянутая пружиной, захлопнулась, закрывая стрелкам врага, если такие попадутся, вид на вестибюль здания, а мой взгляд остановился на РПД, так и лежащем на груди убитого. Схватил его, сорвал с шеи вместе с ремнем, с ужасом думая о том, что наверняка покорежен моими пулями, и не нашел ни царапинки. Целый, новый даже с виду пулемет с полным брезентовым коробом и еще двумя запасными в самодельном подсушке, висящем на плече убитого на брезентовом ремне на манер противогазной сумки.

– А-атлично! – крикнул я радостно, стаскивая этот самый подсумок и накидывая себе на шею.

В его недрах звякнуло, плечо оттянуло. Живем. Толкнул свой «машиненпистол» за спину, перехватил пулемет. Что-то не так с ним, неправильно... Ага! Понял, что здесь не так! Здесь ручка есть, за которую пулемет ворочаешь, не цевье с выступами, как на модели из моей действительности. А что, так оно куда удобней... И сошка толковей, помассивней будет, и удобно раскладывается.

Не, так нельзя, проверить надо, как бы оружие не выглядело и как бы в руках не лежало. РПД по обстоятельствам сейчас сила, а как эта сила не стреляет? Сложил сошки, чтобы сильно не высовываться, опер ствол на подоконник, прицелился в стену здания напротив, нажал на спуск. Толкнуло в плечо, с дульного среза сорвался хвост пламени, на доме напротив облачками выбило штукатурку. Работает! Живем!

Снова взгляд налево-направо, насколько удастся выглянуть в окно – пока никого. Снова к убитому, вон еще у него сумка на поясе. Гранаты. Эфка и две немецкие «толкушки», только без деревянных ручек, а так, как есть, в «компактном варианте». Ничего, под них у меня местечко тоже найдется...

Заработал пулемет, я даже увидел отблески огня на едва видимом из моего окна бронированном борту «жужи». Что обстреливал Федька, мне видно не было, не тот угол, но бил он явно прицельно, частыми короткими очередями, явно стараясь кого-то или что-то убить. Я перебежал ко второму окну, выглянул, осторожно поднявшись под подоконником, увидел облако пыли и следы пуль вокруг полукруглого чердачного окошка в дома, расположившемся на площади по диагонали от меня. В ответ на очереди захлопали частые винтовочные выстрелы, подключился куда менее солидный СКС, затем в ответ снова ударил пулемет, басовито, гулко, увесисто.

Плохо было то, что стреляло несколько винтовок, с разных точек – нас начинали обкладывать. И это притом, что никакой реальной возможности держать оборону у нас не было, слишком мало, меньше даже чем возможных направлений для атаки.

Одного стрелка удалось засечь, он появился в окне здания напротив, в окне рядом с простенком, по которому я испытал РПД. Пустил в него очередь, но он успел укрыться, словно шестым чувством уловив то, что попал к кому-то на мушку. Пули хлестнули по стеклу, со звоном обрушив его вниз, перешибли деревянную раму. Откуда-то с другой позиции дважды пальнули в меня, не попав, но пули прошли неприятно близко, отрикошетив от стены почти у самой головы и заставив меня нырнуть в укрытие.

Где-то за спиной, с отдаленным и сильно приглушенным звоном посыпалось стекло, и я, согнувшись даже не пополам, а куда сильнее, так что колени по груди колотили, рванул из вестибюля в коридор – кто-то явно пытался пролезть в здание через окно. Тут решетки везде, но... до второго этажа разве что подпрыгнуть повыше, и лестницу найти, или какую другую штуковину, только дурак не догадается. И похоже, что догадались.

Мля, а мы даже не глянули, где лестница междуэтажная! Хотя, где ей еще быть как не в конце коридора, с противоположной от секретки стороны? Просто ее больше некуда всунуть, они бывают или прямо из вестибюля, чего не наблюдаем, или у торцевых стен. У одной стены нет, значит у второй есть точно, не через люки же в полу они туда лазили...

Сунулся в дверь в коридор и чуть пулю не схлопотал. Кто-то уже пристроился с винтовкой со стороны торцевой стены и взял на прицел коридор через окно, уже выбитого, а я даже шума не слышал... Отскочил назад, пуля пробила дверную фрамугу, взлохматив ее щепками. Быстро выглянул, пустил длинную, патронов на пятнадцать, очередь в сторону окна, заставив укрыться уже кого-то там, мелькнувшего неясной тенью, рванулся вперед, успел заскочить в открытую дверь оружейки, одновременно представив, как кто-то заглядывает уже в ее окно и хладнокровно расстреливает меня у стены.

Нет, здесь тоже не позиция... Снова в коридор, еще очередь в окно, пусть не высовывается! Брызнуло искрами от оконной решетки, обвалилась перемычка форточки, вызвав новое обрушение стекла.

– Вов! – послышался крик Ивана.

– Я!

– Замри!

Фигура нашего «научного руководителя» метнулась из дверей секретки к окну, благо до того было два шага, и я увидел, как Иван прокинул через решетку одновременно две гранаты, присел и тут же рванулся назад, в тамбур.

Взрывов было не два, а сразу несколько, метанием бомб не только он занимался. Два облака дыма, грязи и павшей листвы поднялось за окном, но еще две или три гранаты рванули на улице, а потом куда-то заколотил длинной очередью пулемет.

Командовать мне было не надо, я и так понял, что это мой шанс проскочить коридор, может даже последний шанс, потому что в здание уже точно вошли. Лишь оглянулся, чтобы убедиться, что в выбитом стекле дверей вестибюля, что напротив, не мелькают никакие силуэты, и побежал что было сил. Метров десять здесь всего, не больше, но мне показалось,

что бежал как минимум стометровку, столько сил вложил в этот короткий невероятный рывок. Да на мне еще и железа навьючено сейчас неслабо, и все висит неудобно, в суете же хватал трофеи. Если бы не ухватился рукой за косяк, то пролетел бы мимо, врезавшись в подоконник, но удержался, рывком втянул себя в тамбур секретки.

– Уходим! – крикнул Иван мне прямо в лицо, он явно немного оглох от стрельбы и взрывов.

– Есть? Взял?

– Да!

Я развернулся, дал очередь наугад по окну, чтобы обозначить активность, и точно так же, не глядя, пустил еще одну длинную вдоль коридора, просто высунув руки с пулеметом из дверного проема, понятия не имея, есть там кто-то или нет. Если есть, то пусть прячется! Десятикилограммовое тело РПД затряслось, выпустив струю пуль, надымив, оглушив, засыпав гильзами пол и уронив кусок ленты.

– Давай, не спи! – крикнул Федька, обернувшись.

За окном поднималось могучее облако серого непрозрачного дыма – кто-то, Федька или Иван, набросал туда дымовых шашек, прикрыв подходы к машине. Сам же Федька стоял с пулеметом на ремне возле окна и держал в руке гранату с зажатым предохранителем и вырванной чекой. Что он хотел сделать, я понял сразу, и сразу же поддержал, тоже выдернув эфку из сумки. Нашей «жуже» гранаты по фигу, ей все равно, а вот если кто близко, то хотя бы укроется, чтобы под разрывы не попасть.

Иван подскочил к окну следом за мной, опять с двумя гранатами в руках, захватив кольца крест-накрест.

– Огонь! – заорал Федька, выкидывая за подоконник эфку.

В ту же секунду я метнул следом свою, метя в противоположную сторону, и присел. Дважды бабахнуло, а затем еще дважды – это Иван запустил две свои гранаты.

– Вперед!

Федька первый, Иван вторым, а я уже следом, размахиваясь и бросая немецкую гранату в дверь секретки, а то как кто следом всунется?

На подоконник прыжком, в одно касание. А дальше почти не видно ни черта, дым сплошняком. Хорошо, что помнил, как машина стояла, просто спрыгнул «солдатином» вниз, стараясь не врезаться ни во что острое и железное, нащупал открытый задний люк, ввалился в железное, пахнущее бензином и маслом нутро бронемшины, повалившись на Ивана.

Как Федька так быстро умудрился заскочить за рычаги и запустить двигатель, я даже не понял. За тонкой стальной стеной взвыли моторы,

машина чуть не на дыбы встала, стартуя с места, и рванула вперед, да так, что я, тянувшийся за рычагом заднего люка, чуть не вывалился наружу, спасибо тому же Ивану, удержал, схватив за ремни подвесной.

– Держись! – запоздало заорал Федька, а мне как раз все же удалось захлопнуть тяжелую створку.

И вовремя, сзади по броне вперегонки замолотили пули, выбивая из нее глуховатый звон. Иван, схватившийся было за заслонку бойницы, испуганно отдернул руку.

– Не лапай, пулемет перезаряди! – крикнул я ему.

Я даже на слух понял, что Федька всю ленту выдолбил, а перезаряжаться ему точно было некогда. А вот у меня в коробе еще есть, лента у меня «сотка», это сразу видно, я чуть больше половины расстрелял, вон хвост висит звеньев на пять, не больше.

Сунулся я не к корме, понимая, что стрелять вслед нам уже бесполезно, если только из гранатомета, а к борту. С грохотом отскочила задвижка, тело пулемета сложенными сошками упало на упор. Вон какие-то фигуры перебегают между домами, падают на колени, целятся в нашу сторону. Пустил по ним одну очередь, вторую, увидел свои попадания где угодно, только не там, куда целился – «жужа» раскачивалась, переваливаясь через какие-то ямы. Выругался, захлопнул задвижку и в ту же секунду в нее звонко ударила пуля. Может и случайность, а может и снайпер какой выцелил, вовремя это я.

Машина резко повернула, отчего я, сидевший не пойми как, вползадницы, банально свалился с кресла прямо на Ивана, как раз пытающегося заправить ленту в РП-46, словив от него порцию ругательств.

Что-то затрещало, нас начало бросать как игральные кости в стакане, и я понял, что оказывать сопротивление огнем точно не получится. И бросился вперед, к вмонтированному в лобовой лист триплексу.

Машина неслась через какой-то сад, подминая кусты, сшибая скамейки и заваливая заборы. Федька орал не своим голосом и крыл матом адаптантов, темных тварей, задание Милославского, все что угодно, и кажется даже не слышал самого себя.

По нам продолжали стрелять, удары пуль по-прежнему были слышны, но откуда ведут огонь, я уже не видел. Вывалив большой дощатый забор, «жужа» проломила в какой-то переулок, свернула налево, прикрывшись деревянным домом, и обстрел прекратился. Федька вроде бы еще прибавил скорости, если это было вообще возможно, пронесся до перекрестка, не вписался в поворот, завалив очередной забор и проскочив по заброшенному и заросшему огороду, втиснулся в проем между двумя домами и по

соседнему двору, опять сквозь ограду, выскочил на улицу.

– Мы где? – крикнул я, в ужасе сообразив, что во всей этой суеде не успевал смотреть за дорогой и совершенно потерял ориентацию.

– Щас к набережной выскочим! – заорал Федька в ответ.

Переговорное устройство никто из нас не успел подключить, шлемофоны теперь только мешали слышать друг друга и приходилось орать.

– В промоину не попади! – крикнул я.

– Не должны!

Впереди показались две телеги, в которые были запряжены лошади вороной масти, такой, которая больше напоминает даже не цвет, а просто сгусток Тьмы, настолько лишена бликов и любого иного оттенка, кроме черного. При этом inferнальные савраски стояли запряженными в самые обычные крестьянские подводы, возле которых стояли трое обозников с винтовками в руках, настороженно оглядывающихся.

Лязгнула задвижка в лобовом листе, с грохотом улегся в бойницу РПД. Адаптанты с винтовками поняли, что летящая в их сторону бронемашина точно не к добру, и рванулись к укрытиям. Пулемет завибрировал, загрохотали разлетающиеся по тесному десанту гильзы, и последний из бегущих вдруг дернулся и свалился лицом вниз, проскользнув по грязи. И тут же перекатился в сторону и начал, энергично толкаясь ногами, отползать в канавку, чтобы не попасть под гусеницы. Двое же других было благополучно укрылись за домом, но... Иван успел заправить ленту в РП-46 и выставить оружие в кормовую бойницу. И когда мы проскочили по улице дальше, он скосил обоих длинной очередью.

А вот и набережная, прямая как стрела. Федька угадал с местом, провал оказался сзади, мы его проскочили. На набережной наткнулись еще на двух адаптантов, верховых, никак нас здесь увидеть не ожидавших. Я их обстрелять не успел, как раз менял ленту в РПД, а когда они попали в сектор к Ивану, то уже успели спрятаться, погнав лошадей за здание Дома Культуры – ложноклассического вида уродливое строение с колоннами.

Рупь за сто и голову на отсечение – синерожие альбиносы пришли не за нами, они тут точно по хозяйству, поэтому и рассредоточились по всему городу, поэтому и подводы с собой притащили. Это же нас и спасло, они атаковали не одновременно и без всякого плана, просто по мере того, как к площади с памятником подходили разрозненные группки. Окажись они там все разом и под единым командованием – нам хана. Пусть пули нас и не берут, но нашлась бы и противотанковая граната у кого-нибудь, а то и фаустпатрон, не зря же предупреждали.

– Сбежали, что ли? – первое, что спросил Иван после того, как мы подключились к ТПУ.

– Не кажи гоп... – суеверно ответил Федька.

Это точно, рано пока радоваться. Мы пока только за окраину городка вырвались, впереди еще несколько нехороших мест, которые мы точно миновать не сможем. Вроде и чистое поле кругом, да все не так просто. Ни мимо шахт нам не проскочить, ни станцию не миновать. Вдоль реки не прорваться, она вскоре в приток упрется, через который ни единого моста, и тот вернет нас на исходные, а если рвануть после шахт в направлении на Углегорск, напрямую, то упремся сначала в овраг, потом в большой лес, и окажемся у той же самой железнодорожной станции. И если у противника есть желание и возможность нас перехватить, то места для засады имеются, и очень хорошие.

Федька скинул немного скорость, опасаясь за работающие на пределе возможности двигателя, и теперь «жужа», плавно покачиваясь, месила гусеницами грязную дорогу. К моей радости других следов кроме отпечатка наших же гусениц на ней не было. Ни на самой дороге, ни на обочинах. С тех пор как мы прошли к городу с рассветом, больше никого здесь и не было.

– Ты где пулемета взял? – спросил Федька после затянувшегося молчания.

– Покупил, – ответил я. – За пивом бегал, заодно и пулемет взял. Недорого.

– Это хорошо, – одобрительно ответил он. – Всегда пригодится, хоть и нелегал.

– С чего это? – удивился я.

– С того, что гражданским не положено, – ответил вместо Федьки Иван. – Закон такой в городе. Все можно, пулеметы и гранаты нельзя.

– А если трофей, то куда девать? – спросил я, в общем, заранее зная ответ.

– Город выкупит, за нормальные деньги, – сказал Иван. – Или вон в Сальцево вези, там все можно, но если у нас узнают, то можно и в штрафбригаду прогуляться на месяц-другой.

– Себе-то можем оставить? – чуть возмутился я. – Лишним-то не будет, ежу понятно.

– Можем, – махнул рукой Иван. – Нас и не проверяет никто, да и просто оформить можно, как городскую собственность. Или на УпрО зарегистрировать, они Ферму охраняют.

– Хоть за это спасибо.

Взятый пулемет отдавать не хотелось, понятное дело, если нам всегда такие поездки предстоят, как сейчас, то два пулемета всегда лучше одного.

Впереди показались, постепенно выступая из тумана и сумрака, черные громады терриконов. Шахты. Нет, понятно, что они брошенные и делать там, наверное, адаптантам нечего, но стоит представить себе длинные подземные тоннели с вечной Тьмой внутри, как волосы дыбом становятся. Даже находиться рядом за прочной броней – и то неуютно до полной невозможности.

Словно желая проиллюстрировать мое состояние, Федька помотал головой, вздохнул, сказал:

– Блин, неважко тут уже здесь, задавила Тьма совсем.

– Точно, есть такое дело, – к моему удивлению поддержал его Иван. – Скорей бы в нормальное место, нервы навывпуск уже.

Странно, мне казалось, что Иван спокойней нас с Федькой вместе взятых, а он вот как, просто морду кирпичом держал, вид делал. У меня ведь тоже состояние так себе, и руки трясутся, и вообще все хреново. Мы тогда с Настей здесь детали всего ничего, и то хотелось свалить побыстрее, а уж про сейчас и говорить нечего.

Шахты все ближе, а туман возле них все гуще. Все те же вяло плывущие его клочья... кстати, а в городе-то их поменьше было, здесь вообще засилье...

– Мужики, а туман-то не из шахт лезет, случайно? – спросил я, присмотревшись.

– Не, – сразу ответил Иван. – Туман из Тьмы идет, но вот такие дыры в земле его притягивают, он всегда вокруг собирается.

– А чего так?

– Ну как чего? – удивился он вопросу. – Вечная темнота, безраздельные владения Тьмы, можно сказать. Кстати, тварей тут тоже можно ожидать.

– Они же вблизи самой Тьмы не заводятся, вроде как? – удивился я. – Федь, ты же говорил.

– Просто так не заводятся, а вот что в шахтах делается, уже никто не понимает, – пояснил Иван. – Или в каменоломнях, например. У нас лет пять назад, до меня еще, экспедиция была, к Моложаевским каменоломням. Вроде и место спокойное, и Тьма не так чтобы очень близко, и наблюдали чуть не месяц. Сунулись туда, и даже дернуться не успели. Мало того, что спускавшихся разорвали, так целое стадо всякой твари наружу выскочило, кинулось на тех, кто сверху ждал. Три человека всего ушло, на машине, успели рвануть с места, потому что с работающим движком стояли и

шофер как раз за баранкой сидел. И все.

– В Моложаево Тьма сейчас вроде, – подал голос Федька.

– Тьма, – подтвердил Иван. – Как раз после того случая и накрыло, недели через две. Тоже ведь какая-то связь есть. В общем, к шахтам лучше не соваться. Никогда.

– А те, что возле города?

– Завалили взрывами, обнесли стеной, выходы из ствола все время освещаются.

– Не лезут ведь... – вспомнил я доводившуюся до нас в Горсвете статистику.

– Раньше лезли, – сказал Федька. – Есть мнение, что лезть перестали после того, как стало ясно, что выбраться оттуда ничему не дадут. Соображает Тьма, или что там у нее соображать умеет. Давно замечено, что если какие-то пути ее распространения перекрываются всерьез, туда она уже не суется.

– Ну ты гля..., – поразился я такому заявлению. – В общем это... от шахт проблемы могут быть, или как?

– Ясен хрен, что могут, – уверенно сказал Иван. – Так что мимо них лучше быстренько и мимо. И по ночам точно не шляться.

– По ночам здесь лучше нигде не шляться, до Тьмы доплунуть можно, – добавил Федька.

– Это верно, – согласился с ним Иван. – Места тут мрачные и поганые.

После всех этих разговоров брошенные людьми шахты как-то особенно давили на нервы. Даже смотреть в ту сторону не хотелось, и глаз было не оторвать, настолько странно и жутко выглядели эти черные холмы почти идеальной конической формы, окутанные рваным серым туманом. И все это в серых сумерках, в которые превращался даже самый ясный день на границе с Тьмой.

Постепенно шахты проплыли по левому борту «жужи» и остались позади. Я украдкой вздохнул с немалым облегчением. Последнее узкое место впереди, насыпь переехать и мимо станции проскочить. И все, дальше хоть дорогой, хоть полями – как угодно, там дорог много станет. Дело мы сделали, вон как Иван брезентовую сумку, на ремне висящую, к боку прижимает, а из под ее крышки виден краешек папки с бумагами.

– Что хоть мы взяли? – спросил я, кивнув на сумку.

– Да то, что искали, документы, – куда как уклончиво ответил Иван, явно не горя желанием делиться всеми подробностями.

– О чем хоть? – решил не демонстрировать излишков деликатности я.

А на кой хрен мне эта деликатность сдалась? Мне вот интересно, за

чем мы в такую задницу катались, а интерес у меня, понятное дело, не праздный.

– Да все совпадения ищем, – опять решил отделаться общими фразами Иван. – Прикинули, в каких тамошних бумагах могут быть совпадения с бумагами из других мест, вот и скатались за ними. Проверять еще надо.

– А чего за совпадения-то? – задал вопрос Федька, явно почуявший, что я давлю на Ивана не просто так.

– Да ладно, вам-то что за интерес?

– Интерес простой, – ответил я. – Знать, за что головой рискуем. Милославский нам общую картину набросал, отсюда и наше желание сотрудничать. Но только общая идея была в том, что и нам из ваших сокровенных знаний что-то перепадать будет.

– Володь, слушай..., – вздохнул Иван. – Давай так: вернемся, разберусь сам в бумагах, ну и у главного спрошу, в какой части доводить информацию можно. И если все нормально и мне за это башку не открутят, изложу вам все в самом лучшем виде, чем хочешь клянусь. А так ты меня под монастырь не то что подводишь, а прямо заталкиваешь.

– Вот и станция, – сказал Федька. – Повнимательней давайте, потом добазарите.

Тут он прав, все хорошо в свое время. Мы синхронно подхватили пулеметы и выставили их в бойницы правого борта. Станция здесь такая... большая, все заборы да пакгаузы, месте, откуда по нам палить начать можно, не пересчитать. И деваться нам отсюда некуда, лес прижимает, а если сунуться по самой железной дороге, то уведет она черт знает куда через тот же лес и уткнется в разобранный мост. И что там делать? Только обратно, сюда вот, к станции возвращаться. Паршивое место, в общем.

Откуда в нас выстрелили, я так и не понял поначалу. И выстрела самого не услышал, в машине шумно, шлемофон опять же, только звон и удар. А затем, через пару секунд еще один, и следом взрыв федькиной матерщины в наушниках, после чего крик: «Подбили нас, мля!»

Ритм работы мотора сбился, что-то загрохотало, «жужа» качнулась взад и вперед, а я заорал, тщетно при этом выискивая цель для пулемета:

– К депо прижимайся, расстреляют! К депо, не спи!

Остро завоняло горелым маслом, в отсек откуда-то напустило едкого тяжелого дыма. Машина заныла истошно, и грохоча чем-то в своем нутре, словно болтами в железной бочке, все же потянула нас в сторону ближайших строений.

– Вон ворота открыты, прямо в них давай! – закричал я.

– Не пройдем! – заорал Иван, подразумевая не слишком-то широкий

зазор между стоящим прямо в воротах паровозом и стальной рамой раздвижных ворот.

– Пройдем, не очкуй! – крикнул я ему и затем Федьке: – Жми! Разнесут иначе!

Снова гулкий звон, и прямо в броне перед нами появилась маленькая круглая дыра. И еще одна, точно такая же, в стенке у нас за спиной.

– Из пэтээра бьют!

Это я и без ивановых криков понять смог, что же еще могло быть такого калибра и не очередями стреляющее? Только противотанковое ружье, в Отечественную таких много наделали, на всех хватит.

Долбануло еще раз, и опять насквозь, через наш отсек, звонко, с искрой и грохотом, разорвав попутно спинку кресла. Запахло еще и электросваркой почему-то, причем так резко, что вонь горелого масла перекрыло.

«Жужа», дергаясь в неимоверной вибрации, неслась со страшным грохотом прямо по путям и стрелкам, сшибая какие-то низкие заборчики и знаки, оставляя за собой дымный шлейф. По броне защелкали винтовочные пули, нас уже обстреливали с нескольких точек. А вот противотанковое ружье замолчало.

– Приготовиться покинуть машину! – заорал я что было сил, попутно вырывая штекер ТПУ.

Грохот, опрокинутые скамейки курилки, откатившаяся бочка с песком, занос, удар правым бортом по высоким колесам стоящего паровоза, что-то тяжелое и железное отвалилось то ли у нас, то ли у него, нас кинуло на стальную стенку, как крепко не держались, спасибо шлемофонам за то, что мозги на месте остались, снова удар уже справа, о край ворот, но все же я оказался прав – наша бронемашина не застряла, а влетела прямо в депо, укрывшись от обстрела как стенами, так и сцепкой из трех паровозов.

Задний люк настезь, ствол пулемета туда – никого.

– Хватай все и ноги отсюда! – крикнул я. – Федька, снайперка на тебе, потеряешь – порешу. Бегом марш!

Вариант того, что придется выскакивать из машины и бежать нами предусматривался. Это жизнь, куда от нее денешься? Поэтому осталось только сумки схватить да ремни на плечи набросить, тревожные мешки вроде как. Спасибо, что укрытие нашли, выдалась малая пауза, удалось прихватить.

Огромный ангар депо, кирпичный, с железной крышей, поднятой на невероятную высоту, вдоль стен решетчатые мостики, дальше балкон с будкой диспетчера. Укрытый – ноль, разве что в паровозах прятаться, да

как-то такая идея слабо привлекает, сюда с двух сторон зайти можно, а нам опять все направления не удержать.

– Сюда!

Как ни странно, но меня слушались. И более опытный Федька, и «научный руководитель». Рванули за мной, побежавшим к выходу, обратно, туда, откуда мы залетели в ангар. Паровоз прикроет, он «жужу» прикрыл и нас сумеет, нам много не надо, только за угол завернуть.

Под ногами гравий, шумно, зато следов не оставляем, не поймешь сразу, если нашей пробежки не видел, что смылись мы, что бросили свою броню на произвол судьбы и смотались.

– Туда!

Старое, добротное здание из красного, сильно потемневшего и закопченного кирпича, с арочными проемами окон и стенами толщиной как в Кремле, даже по цвету похожи. Это еще до торжества восставшего пролетариата построили, такой дом из пушек не разнесешь, тяжелых, не то что из винтовок.

Подгонять никого не пришлось, все наддали. Первый этаж вообще без окон, разве что широкая дверь двустворчатая, скорее даже ворота. На втором окна есть, да и те в решетках. Что тут такое было раньше, что строили столь капитально?

Бегом, бегом, выстрелов пока не слышно, не видят нас синемордые. А кто это еще может быть? Только они, больше никому. Ладно, потом разберемся, бегом пока, бегом!

Гравий хрустит под подошвами, навьюченное железо звякает, в спешке подхваченная сумка норовит съехать куда не нужно, колотит вообще по причинному месту, а я ее даже поправить не могу. А вот шлемофон танковый долой, к черту, он теперь только мешает. Снявши голову, по волосам не плачут, и тем более по шлемофонам. Надо будет – еще выдадут. Нам все выдадут, чего ни попросим, особенно звездюлей, их у командования всегда от пуза, вволю.

Там не закрыто, я это даже отсюда вижу, створка даже не притянута. Крепкие такие ворота из толстой доски, закругленные сверху, потому что проем тоже под арку, да еще художественно так выложен повернутыми кирпичиками. Мало было эдакий блокгауз выложить, еще и красоты добавили, изысков вроде как.

Первая пуля нагнала нас когда я уже тянул тяжелую створку ворот, осевшую и застрявшую в грязи. В ту щель, что была открыта, разве что кошка была способна проскользнуть. Пуля пробила доски чуть левее моей головы, напомнив о том, что лучше торопиться.

Напоминание сработало, шесть рук с такой силой дернули створку на себя, что все же сдвинули на полметра, не меньше. И когда еще несколько пуль ударило в ворота. Мы уже ломились внутрь, и подгонять нас точно не было нужно.

Весь первый этаж представлял собой один общий зал, совершенно пустой, с железной лестницей, ведущей на второй этаж. Еще была железная труба, торчавшая из пола и уходящая в люк в потолке. Что-то это мне напомнило, но что именно – думать было некогда.

– Наверх!

Сил вообще нет, последние отдал на то, чтобы ворота открыть, а ноги почему-то бегут, и так бодро. Дыхание со свистом, в горле какой-то ком липкий встал, взмок как мышь под одеждой, прилипает все, а вот бегу и бегу.

Ступеньки гулкие, на второй дверь тоже открыта. За ней зальчик небольшой, из него в разные стороны комнатки. Прямо за дверью свалил с себя все, оставшись с немецким автоматом, скомандовал:

– Иван, прямо отсюда держи ворота, мимо тебя никто не сунется. Федька, проверить надо все же.

– Это без вопросов, – просипел еле дышащий Федька.

Этаж был пуст. За дверями, которые мы так и бросили открытыми, нашелся кабинет и несколько комнат вроде караулок с дерматиновыми бурыми топчанами. Все стены увешаны плакатами о пожарной безопасности. Ну конечно, это же пожарка была, станционная! На первом этаже машину держали, или что там у них было, на втором личный состав на массу давил в ожидании катаклизмов. Как случится что, надо было по шесту вниз спуститься.

Была даже пожарная каланча – небольшая, метров пять в высоту, надстройка на крыше, куда мы даже соваться не стали, потому как что на ней делается, видно отовсюду, да и противотанковое ружье ее насквозь прошьет. По нам, кстати, пока не стреляли и других признаков активности мы не наблюдали, хотя в окна поглядывали постоянно.

– Иван, пулемет свой отставь, возьми РПД, – сказал я. – На такой дистанции его за глаза хватит. И шей все, что попытается в ворота пролезть или за воротами шевелиться будет. Понял?

– Понял, – кивнул он, явно приняв тот факт, что я поставил себя главным.

– Федь, хватай пулемет и подкатывай к тому окну, что на депо выходит, откуда бежали. Оттуда же стреляли, так?

– А откуда еще? – сказал Федька, принимая у Ивана из рук тяжелое

тело пулемета. – Оттуда. Оттуда и подходить будут.

– А я пока «мосю» возьму и возле окошек пошарюсь, – выдал я в заключение. – Может что полезное и сделаю, полсотни хороших патронов у нас есть.

И с этими словами начал разворачивать чехол с винтовкой. Как бы там ни было, но нас пока не убили, и мы в укрытии.

– А чего вообще делать думаешь? – спросил Федька.

– Там видно будет, отбиваться пока, – сказал я, пожимая плечами.

– И долго проотбиваемся? – поинтересовался он, крепко подпустив ехидства в интонацию.

– Думаю, что долго, – ответил я. – Сам прикинь – на первый этаж вход один, и тот под пулеметом, гранатами не закидаешь, там спрятаться – только голову пригнуть. На втором – только окна, и те с решетками. Гранату тоже толком не закинешь, даже если подойти удастся. Метров на двести в каждую сторону – гладкое место, даже замаскироваться не получится. Гранатомет только винтовочный, но у него и точность, и дальность – сам понимаешь. И все равно с голого места стрелять придется. Вот и подойди к нам, пока патроны есть. Блокгауз настоящий,

– Ну да, что-то в этом есть, – кивнул он, подумав, и толкнув письменный стол ближе к окну. – Сюда бы танк подогнать, но у них нет. ПТР только...

– А что ПТР? – спросил я с преувеличенной бодростью. – Кучность у него так себе, раз пальнет, заметим, потом я его из «моси» приголублю. Ладно, рано себя хоронить. Скоро контрольный срок выйдет и самолеты искать пошлют. Ракеты пустим, о нас узнают, а потом, глядишь, и разведбат сюда подтянется.

Вообще-то я не только успокаивал себя и товарищей, но и сам был уверен – какой-то выход найдется. Хотя я его пока и не видел. Просто характер у меня такой, не верю я в безвыходные ситуации. Не верю – и все тут, и в делах меня это спасало не раз. И сейчас спасет, надо только нужный момент не пропустить. Ну, может спасти, так скажем, потому что на первый взгляд у нас тотальный и полный глушняк. Процентов так на сто.

– Федь, поглядывай, но всерьез не высывайся, понял? Так, лишь бы атаку или подход противника не профуфлить, но на прицел не вылезай сам, понял?

– Да не дурак, усек, – сказал Федька, располагаясь у стола. – Если полезут, пулемета выставлю, а так вполглазика, на пол шишечки...

Так, приказы я, командир самозванный, раздал. А теперь надо определить самое угрожающее направление. Долбанули нам в правый борт,

а когда мы выскочили к сцепленным паровозам, то обстрел вообще прекратился. Значит, били с достаточно узкого сектора, и даже до депо им еще добираться нужно, а именно там самые лучшие позиции для обстрела пожарки.

Кстати, еще похоже, что нас в немалой степени насыпь прикрыла, да и вообще решение немножко изменить маршрут спасло. Лишняя сотня метров, а для ПТР оказалась критической, будь мы ближе, остановили бы машину запросто. Ведь все пули в корпус уложил стрелок, и если бы чуть точнее.

И вот еще вопрос: синемордые нас специально ждали или просто заслон выставили? Если просто, то шансов отбиться больше, а вот если по нашу душу, то оно как-то гадко на душе становится. Темнеть ведь здесь очень рано начинается, а по темноте и к пожарке подобраться не так сложно будет, да и твари появиться могут. Если твари, то все, чувствую, что не отбиться.

Пристроил винтовку на высокой спинке топчана. К окну соваться нельзя, сразу на виду буду, а вот так, в глубине темной комнаты, очень даже нормально. Если противник заберется в депо, то где пристроится? Окна там огромные, забранные в частую раму, многих стекол не хватает. Низом пойдут, их стена прикрывать будет. Туда и внимание.

Приник к прицелу, повел им по линии подоконника депо... Ага, вроде есть кто-то, как будто бугор какой-то в тени, и вроде бы даже шевельнулся. Остановился на нем перекрестьем, вглядываясь. Точно, шевелится, вроде как пристраивается поудобней. Привычный уже дождевик, или штормовка с откинутым капюшоном, черная вязаная шапочка. На нижней перемычке рамы улеглась винтовка. Ну, все, вроде бы, доказательства собраны. И винтовка тут, и в нашу сторону направлена...

Так, как раз если по плечам смотреть, то цель шириной примерно в треть расстояния между боковыми нитями. Это получается метров триста до депо. Добежать оттуда до нас тяжело даже с прикрытием, а вот обстреливать – запросто. Ну и мы мудрить не будем, прицел на троечку выставим. На триста температура не важна, ветер не сильный... если я все правильно помню... еще вот так спуск тянуть плавно...

Бах!

Удар приклада в плечо впечатлил, не доводилось мне пока таким мощным патроном стрелять. Винтовка подпрыгнула на опоре, а когда вернулась назад, я обнаружил, что человека в окне уже не было. И сам я немедленно нырнул в свое укрытие, утащив за собой оружие и ожидая ответного огня. Но такого не случилось, даже по окнам никто не стрелял.

То ли не поняли, то ли не заметили, то ли вообще что-то иное задумали, и такое молчание – проявление коварства врага.

Снова высунулся, уже с прибором наблюдения, то есть с биноклем. Успел заметить двух человек с винтовками, одетых в привычные брезентовые штормовки, перебегающих к огромному зданию депо, но едва я их засек, как они скрылись за углом. Затем еще одного, и тоже опоздал прицелиться, скрылся. Расчет противотанкового ружья пока в поле зрения не попадался, а хотелось бы... за «жужу» посчитаться, вроде как.

– Федька, бди! – крикнул я, и дождавшись ответа, на четвереньках, чтобы не привести бог, не возвыситься над подоконником, рванул из комнаты.

Задержался в тамбуре возле Ивана, прилежно выцеливавшего из пулемета вход на первый этаж, спросил:

– Как?

– Тихо, – лаконично ответил он.

– Так бы и дальше, – кивнул я.

– Ждем-то чего? – спросил он.

– Самолета. Пока – самолета, а дальше видно будет. Ты вот что... возле пожарки пока никого, так что со своей машинкой лучше за мной давай, больше пользы...

Я не договорил, но Иван понял правильно. Подхватил стоящий на сошках РПД и рванул следом.

С обратной стороны пожарки не было почти ничего – только стрелки, семафор, какие-то стальные сварные конструкции и дальше чистое поле до самого леса, разве что со скудным кустарником местами. Скрытный подход в светлое время суток с этого направления исключен. Пошарил биноклем по самым подозрительным местам и ничего не обнаружил.

Комната была угловая, с окнами на две стороны, так что я Ивану сказал:

– Наблюдай туда и туда, понял? Если кто полезет – долби. Нам бы это направление чистым от противника держать надо.

– Это зачем? – не понял он.

– На самый на крайняк сколько-то пробежать сможем, пока нас здание прикрывать будет. Дыма набросаем и ломанемся, хоть какая-то фора.

– Куда? На тот свет?

– Пофигу куда, главное, что можно сколько-то сот метров отыграть, если смываться придется, – ответил я. – Понадобится, не понадобится – дело десятое, а пусть будет. В любом случае противника надо держать с одного направления, пусть в депо прячется, там ему и безопасно

относительно, и уютно.

– Хорошо, – кивнул Иван.

Прогрохотал коротко федыкин пулемет, сам же Федька выматерился, громко и с чувством, но продолжения не последовало, похоже, что он просто пугнул кого-то, я даже спрашивать не стал, что там случилось. Правда, спрашивать и не потребовалось, он сам оповестил, крикнув:

– В депо скапливаются! Хана «жуже», добрались до нее!

– Это понятно, – согласился с ним я. – Недолго покаталась. Но сегодня спасла, это без вариантов. Сунулись бы на грузовике, еще в городе бы нас положили.

– Это точно! А так живем покуда, уже хлеб!

Ну вот, не я один оптимист, и Федька не хуже.

– Конные! – сказал Иван, ткнув пальцем за окно и подтянув к себе поближе пулемет.

– Погодь, не стреляй! – придержал его я и вскинул винтовку, опирая ее на этот раз на высокую спинку стула.

Точно, всадники. Те самые, на вороных, четверо, скачут откуда-то со стороны то ли города, то ли своей деревни, и в сторону леса. Планы могут быть разными, но вот мне что-то кажется, что они собираются заслон выставить. Укроются за деревьями на опушке, и в случае попытки отступления путь к нему перекроют. И очень даже запросто. Так что не самый я умный, когда решил, что надо путь в ту сторону свободным держать, они тоже сообразили. Только в одном они ошиблись, надо было им крюк с делать, издалека зайти, а тут заторопились, ну и в главном ошиблись, решили что на таком расстоянии, да еще скачущих верхом, мы их не достанем. Это неправильная идея и мы попробуем это доказать.

– Иван, по моему выстрелу! – скомандовал я.

Сколько до них? Метров триста с чем-то, прицел на «3», упреждение... черт его знает, какое упреждение... чуть меньше корпуса лошади возьму, сколько она там в длину? Меньше корпуса, больше половины... И так вот, в головного, ведем ствол...

Крючок утопился легко, ударило в плечо, садануло по ушам. Вторым глазом я увидел, как споткнулся черный конь, как завалился назад, а потом сразу вперед всадник, беспомощно свесившись. Попал! И сразу же заколотил РПД, плюясь огнем, заставляя гулко отзываться стол под сошками и выпуская в сторону конного разьезда очередь за очередью. Свалился еще один всадник, причем вместе с конем, но двое успели доскакать до опушки и исчезнуть за деревьями.

Черный конь со свесившимся с него наездником поскакал куда-то

через поле, стрелять вслед ему не стали.

– Нормалек, – пробормотал я, толкнув слегка Ивана в бок. – Мы пока ничего, а у этих уже трое. Нормально, а?

Иван ничего не ответил. Несмотря на то, что ему удалось завалить еще одного противника, он становился все мрачнее и мрачнее.

Где-то в отдалении хлопнул выстрел, затем второй, третий, потом звуки посыпались как горох из мешка. Оставив Ивана, я вновь на четвереньках пересек второй этаж, заскочив в комнату Федьки. Тот прятался за подоконником, но паники никакой не проявлял. Пули били и в наружную стену, и во внутреннюю, заполняя комнату побелочной пылью и осыпая целые пласты штукатурки. Пару раз пули попадали в прутья решетки, которая звенела от ударов. К счастью, рикошетов пока не было, пули все больше застревали в стене, а то могло бы достаться неслабо.

– Нас так просто не возьмешь! – сказал Федька, раскручивая цилиндрический футляр и извлекая оттуда перископ «Разведчик», который нам тоже подогнали на Ферме, и который Федька со свойственным ему пошлячеством переименовал в «пенископ»...

– Ну что? – спросил я у него, когда он высунул объектив перископа над подоконником.

– Пока только стреляют, – ответил Федька после паузы. – Но народу там... все депо занято...

– Дай глянуть!

Действительно, весь низ больших окон депо расцвел вспышками и дымками, бил по нам оттуда как бы не целый взвод, пусть пока и без всякой пользы. А вот подобраться никто не пытался, четверо кавалеристов оказались единственными, кто покинул убежище.

– Паси противника! – сунул я перископ обратно Федьке, и бросился к той стене, что нависала над входом, глянуть, что там делается.

Не делалось ничего, до ближайших строений было не меньше пятисот метров, и с того направления не стреляли, хотя какое-то движение в желтом станционном здании я успел заметить в бинокль, кто-то перебежал за окнами второго этажа. Понятно, с того направления, похоже, тоже пока заслон выставили. Нас целенаправленно пытаются обложить. И это, естественно, не радует совершенно.

* * *

Следующий час прошел достаточно спокойно. Обстрел окон пожарки со стороны депо не прекращался, но был он нечастым, скорее для того, чтобы обозначить свое присутствие. Атаковать тоже не атаковали, да это и понятно, любая атака означала потери, а мы их за день и так неплохо пощипали. Не думаю, что им все равно, адаптантов куда меньше чем людей, и потери должны быть для них чувствительны.

Другое дело, что теперь я не сомневался ни единой секунды в том, что они нечто задумали. Слишком все происходило спокойно и не суетливо, явно какой-то план подразумевался.

– Темноты ждут, – уверенно высказался на сей счет Иван, а Федька его так же уверенно поддержал. – До нее не так долго осталось, и в темноте они лучше нас видят. Тогда и ударят.

Мы сейчас собрались в тамбуре, устроив импровизированный военный совет, не забывая при этом постоянно поглядывать в перископ, чтобы не проспать атаку. Несколько раз пальнули из пулеметов в сторону противника, чтобы обозначить активность, и пару раз выстрелил я из снайперки, но оба раза промахнулся.

– А на свету?

– На свету мы лучше, однозначно, – ответил Иван. – Проверено.

– А чего они тогда поперлись днем на мародерку? – удивился я.

– В тени Тьмы, так сказать, прости уж за неуклюжую фразу, темнота такая густая бывает, что даже они не видят ни черта, – ответил он. – Да и какой это свет там? Так, сумерки.

– Это точно, – согласился я.

– Они просто ждут, чтобы все преимущества по полной программе использовать, – добавил Федька.

– Или просто ждут, когда к нам твари пожалуют, – вздохнул Иван.

Да, это было совсем нерадостной перспективой, и в глубине души все понимали что Иван прав. Твари просто обязаны были появиться. Их до сих пор не было потому, что все же станция не так близка к границе Тьмы, как сам город. Это Федька так сказал. И еще нам всем вспомнились первые двое убитых, которых мы с Федькой из окна уложили. С ними ведь на манер домашней собаки темная тварь шла... А не могут ли они их на нас просто натравить?

– Значит так, – сказал я. – По здравому размышлению можно сказать,

что так или иначе, а нам отсюда придется дергать. Это если исходить из того, что мы не намерены принимать тут последний и решительный, а будем трепыхаться до последней возможности. А чтобы сдернуть, нужна дымовая завеса, она нам какую-то фору организует. Поэтому шашки держать под рукой. Сколько их там осталось?

Иван рывком открыл брезентовую сумку, быстро пересчитал картонные цилиндры, затем сказал:

– Девять штук есть.

– Ну, нормально, – кивнул я. – Более или менее. Давайте, сразу расхватали по три. Автоматы с себя не снимайте, как бы не мешали. Есть подозрение, что сваливать придется с ними.

– Так я не понял, – перебил меня Федька. – У тебя все же какая-то идея есть, что ты так расписываешь, или это чтобы нам мозги занять?

– Идея есть, но очень-очень шаткая, зависит от кучи всяких обстоятельств, – честно признался я. – И рисковая до потери приличия. Но других вариантов не вижу вообще.

– Я так вообще никаких не вижу, – сказал Федька, снова высунувшись с перископом и передав его затем Ивану. – Излагай.

Две пули одновременно влетели через окно в тамбур и с громкими щелчками вонзились в стену, пробив дыры в медной каске суровому усатому пожарному с плаката.

– Для начала надо дожждаться самолета, – начал я, но Федька опять меня перебил:

– А он здесь пролетит?

– Пролетит по тому маршруту, по которому мы к городу на разведку летали, – терпеливо разъяснил я. – То есть с гарантией. А вот дальше...

То, что следовало делать дальше, звучало сумасшедше. На меня посмотрели даже вроде с сочувствием, мол нельзя такие глупости говорить. Пришлось объясняться. Точнее – объяснять. А заодно ссылаться на примеры из книг и то, что я это все не придумал, а даже заранее согласовал. Пусть в качестве самой крайней крайности, но согласовал. И специалисты дали добро, а это уже половина дела.

– И сколько до самолета? – спросил вернувшийся Иван.

Я глянул на часы, прикинул, затем ответил:

– Чуть больше часа получается. Пока надо держаться. И еще бы неплохо позиции тех, что в лесу укрылись, выявить.

– Это как? – спросил Федька.

– Наблюдением, – пояснил я. – Я на ту сторону пойду, вы держите подступы с обратной стороны. В случае атаки патронов не жалейте, надо

пугнуть как следует.

– А если застрянем? – удивился такому приказу Федька.

– Если застрянем, нам все равно хана ночью, – ответил я. – А пока нам надо все что можно сделать для того, чтобы у нас все выгорело. Так что без экономии давай.

– Ну... как знаешь, – все же с сомнением ответил он.

Опять пробежка на четвереньках, стул на середину комнаты, в тень, за ним сам на колено встал. Бинобль в руки, объективы на лес. Куда они могли деться? Сбежали, потеряв сразу двоих из четверых, или все же где-то укрылись? Оттуда пока не стреляли, похоже, что если не смылись, то старались помочь забыть о себе. А нам как раз забывать о них не надо, такой забытый противник всегда самый пакостный, а у меня план и так весь на соплях держится, любое вмешательство и нам крапты. И не только нам, что еще страшнее.

Где они могут быть? Лес довольно прозрачный, бор сосновый, даже без подлеска. Можно только за стволами деревьев укрыться, иначе никак. Правда видно очень плохо, и так сумерки, а там вообще темно. Ну-ка, раз все равно время есть, будем все крайние деревья по одному осматривать. Мы туда не стреляли ни разу, так что противник вряд ли будет укрываться всерьез, наверняка сюда поглядывает. А если поглядывает, то заметить его все же можно. Тут триста метров всего, примерно, ну, чуть больше, вообще не дистанция. Самому бы только пулю не схлопотать, пока глазею... Но перископ все же на другой стороне нужнее, так что будем рассчитывать на удачу, авось не оставит своей милостью.

Деревья как деревья, стволы толстые, лес старый. На такое дерево никто не полезет, это как на мачту карабкаться, и трудно, и весь на виду будешь, значит, скорее всего, противник залег.

Сколько не высматривал, так ничего и не обнаружил. Но не думаю, что они ушли, темно там для меня просто, не получается увидеть. Я даже приманку пытался сделать из найденного в шкафу старого дождевика и валика от дивана, на выстрел выманить, но не клюнули. Или все же нет там никого? Ох-хо, как мне это все не нравится...

– Вов! – послышался сдавленный и малость испуганный крик Федьки.

Я понял, что спрашивать: «Чего?» – не надо, Федька зовет меня не просто так. Рванул туда, предчувствуя неприятности, и не обманулся. Иван сразу сунул мне в руку перископ, показал направление, сказал:

– Туда гляди. Где дробилка угольная и кучи за ней... видишь? Сверху.

Сначала я не увидел ничего. Огромные кучи дробленного угля, приготовленного к погрузке, слежавшиеся и спекшиеся под дождями и

ветрами все равно оставались черными, равно как и черной была земля вокруг них на добрую сотню метров. Да и вообще вся станция была покрыта угольной пылью, так что не удивительно, что тварь я разглядел с немалым опозданием.

– «Гончая»... – пробормотал я, чувствуя, как все холодеет внутри. – Дождались, мать их в хрясло...

– Они самые, – подтвердил Федька.

«Гончая», пока одна, сидела прямо на вершине угольного холма, уставившись на наше убежище. Как всегда нельзя было тварь толком разглядеть из-за окружающей ее дымки Тьмы и как всегда же ее взгляд ощущался как лезвие ледяного ножа, которым тебе водят где-то возле сердца.

– Вот чего они ждали, – сказал Иван. – Могу поспорить, что высунуться нам не дадут. Пока одна, но...

– А это посмотрим, – сказал я больше для того, чтобы самому себе бодрости прибавить. – Иван, пока здесь, паси люк возле шеста, Федька, бери свою шарманку, благо патронов много, и вход на прицел. Все что сунется, кроши в клочья. Гранаты держите под рукой... даже так, Иван, возьми половину гранат у Федьки и рядом выложи... Федь!

– Я! – откликнулся тот вполне по-военному.

– Если какая-то тварь проскочит, благо они шустрые, от входа дальше, в мертвую зону, командуй Ивану, пусть гранату прямо в люк скидывает. Там пусто, защиты нет, всех накроет. Понял? Иван?

Поняли оба. Правда Иван сказал:

– Может, ворота попробуем закрыть?

– Не выйдет, – решительно сказал Федька. – Они осели, толкать придется долго, и тогда эти, из депо, долбанут со всех сторон.

Иван лишь матюкнулся.

– Я попытаюсь хоть кого-то привалить, пока они сюда доберутся, после чего буду тебя прикрывать, если полезут, – сказал я Федьке. – Все, вперед, времени не теряем.

Снова за перископ. Вот она, «гончая», сейчас неподвижная как памятник самой себе, темная, злобная и вечно голодная как сама Тьма. Все те же чуть размытый, совершенно темный силуэт, больше похожий даже не на сгусток Тьмы, а на настоящий провал в нашей действительности, словно она была вырезана из ее ткани и сквозь силуэт сюда пробивалось нечто отвратительно темное, неправильное, чего в этом мире быть не должно.

А вот и вторая медленно взбирается на ту же кучу, усаживается рядом, чуть пониже, словно демонстрируя, кто здесь вожак, а кто при нем. До них

сейчас... они сидят... та что наверху как раз на две тысячных выросла, а это получается... сколько она ростом? Метр двадцать – метр тридцать... да, примерно так, я хорошо помню, она же прямо передо мной на капоте машины сидела, значит... один и два на тысячу и пополам... метров шестьсот получается, может чуть больше, все же погрешность имеется... ветра нет... температура сейчас градусов десять... четвертушку добавляем... Вру, треть добавляем, тут все же больше шестисот, как раз баш на баш получится...

Сам не заметил, как винтовка была уже в руках, снова уложенная на спинку топчана, а пальцы крутили маховички прицела. Пока в меня не стреляли, не заметили, наверное. Ну и хорошо, что не заметили, это очень даже радует.

Ветра нет по-прежнему, так, чуть-чуть, вон клочок тумана еле ползет... но ползет, не стоит. Четвертушка деривации, еще единичка на ветер, он слева, значит прибавляем... Вот так. У них есть жожаки, интересно, или это я сам себе придумал?

Не промахнуться бы... Акелла промахнулся, тоже ведь жожак был. Главарь. Атаман. Босс всех боссов, вроде той обезьяны, что у меня на прицеле... Заостренный кол вертикальной нити вот так, под задницу...

Бах!

Не удержался, задержался на пару секунд, досмотрел. Я снайпер так себе, хобби вроде как, поэтому даже не поверил, когда существо странно подпрыгнуло и завалилось на бок, медленно скатываясь вниз по склону кучи. Попал. Все же попал. Вот так взял, вспомнил все, что из наставления вычитал, посчитал – и попал. Зоркий Глаз, блин.

Затем на окна обрушился свинцовый вихрь. Долбили все адаптанты, засевшие в депо. Пули, словно взбесившийся рой ос, жалили стены, колотились в решетку, высекая искры и звон, выбивали штукатурку из стены у меня над головой, осыпая меня пылью и превращая в альбиноса. Затрещал пулемет, непривычно зачистив – явно немецкий МГ, длинная, на всю ленту очередь метлой прошлась по окнам этажа, заставив меня, даже вполне укрытого, согнуться еще ниже и от всей души выразиться в креста, гробину, бога и душу.

Подняв глаза, обругал матерно еще и себя. Простенок. Если я к нему сдвинусь, то меня вообще ничем не достанешь. Он полностью закрывает от огня, разве что ствол винтовки будет немного торчать. Почему сразу не сообразил и голову подставлял? Не... если бы глупость стала золотом, то я бы разбогател как Крез. Или Абрамович. Или какой другой Гейтс. Не, лучше Абрамович, он на футболе небритый сидит, а ему бабки носят, чтобы

игроков покупал. Не, на хрен, терпеть футбол ненавижу, пусть лучше Гейтс.

– Вот так лучше будет, – объявил я вслух, почти геркулесовым рывком сдвинув тяжелый диван, потому как опора под винтовку все равно нужна.

К удивлению моему, вторя «гончая» никак не среагировала на гибель первой. Ни вперед не рванула, ни спряталась, а все так же сидела, совершенно неподвижно. Им что, просто все равно, и никаких эмоций, пусть даже животных, они не испытывают? Что они вообще такое?

Вторую тварь подбил двумя выстрелами, первая пуля лишь подняла фонтан угольной пыли прямо перед ней, опять же не вызвав никакой реакции. Но когда она тоже свалилась и покатилась под горку, результат оказался ошеломляющим. Из-за укрытия мощным и почти одновременным прыжком выскочило еще с десятков таких же, и они, как-то быстро и удивительно споро сбившись в растянувшуюся стаю, рванули по прямой прямо к нам.

Я успел выстрелить еще раз, кажется даже не промахнувшись, и после этого ураган огня снова обрушился на окна и стены пожарки. Даже зная, что достать меня невозможно, я все же нырнул ниже уровня подоконника, после чего, сообразив, что стрелять из винтовки уже не получится, и через несколько десятков секунд твари будут здесь, я оставил винтовку и рванул в тамбур, крикнув на ходу:

– К бою!

И при этом сорвавшись на какой-то сиплый визг с перепугу.

Автомат из-за спины рывком, ударом ладони сбросил предохранитель. На колено, прицел на дверь.

– Сейчас будут!

Стрельба с улицы не прекращалась, я даже подумал, что противник, заставив нас укрыться и напустив тварей, может атаковать следом. Или они все же не сами напустили, а просто их дождались? Те же были обязаны рано или поздно появиться, слишком близки мы были к границе Тьмы.

Я слышал, как Федька негромко бормотал: «Давай, давай, скоренько сюда...» – явно нервничая не меньше чем я сам. При этом где-то в глубине сознания я даже успевал удивляться тому факту, что у меня не дрожат руки. В брюхе как ведро льда, страшно так, что аж челюсти сжал до судорог, волосы дыбом, а вот руки не дрожат. Странно.

Стрельба, доносившаяся с улицы, вдруг резко стихла, и сквозь наступившую тишину был слышен отчетливый, быстро приближающийся, тяжелый и одновременно мягкий топот. А затем в приоткрытых дверях мелькнула первая черная фигура.

Нам опять хоть чуть-чуть, но повезло. Была приоткрыта левая створка ворот и твари подбегали слева же. Для того, чтобы заскочить внутрь, им надо было остановиться и развернуться почти что в обратную сторону. А это требовало времени. И когда первая из темных тварей остановилась, причем без всякой инерции, как-то нереально быстро собравшись в черный ком и, выворачиваясь, распрямлялась для прыжка в дверной проем, она оказалась у нас на прицеле и сразу же ударил пулемет.

Звук очереди метнулся между стенами, ударил по ушам, почти десяток пуль угодили разом в черную фигуру, сбивая ее с невероятного, словно бы балетного ритма движения. Рванул душу скрежещущий вой, тварь выгнулась, заваливаясь в сторону, и одновременно с этим нажал на спуск автомата я, поймав на мушку еще одно черное существо, показавшееся рядом.

Автомат заколотил в плечо, пули кнутом стегнули тварь, сбив ее с прыжка и заставив отскочить в сторону, пропав из поля зрения, но на ее место запрыгнули сразу две.

Цели мы не распределяли по глупости, да и быстро все слишком происходило. Поэтому мы с Федькой одновременно открыли огонь по той, что находилась ближе к дверям, убив ее практически мгновенно. Зато вторая сумела перескочить за нее и влететь в гараж пожарки, или как там правильно назывался этот пустой первый этаж, и исчезнуть из виду.

А следом ломились еще две, уже одновременно.

– Гранату! – заорал я, понимая то, что сейчас здесь все же окажется вся стая, а я даже не имею ни малейшего представления, сколько всего монстров на улице. Может с десятков, а может и сотня.

Крест-накрест хлестнул очередью по слившимся в темное пятно силуэтам, увидел хвост пламени из надульника РП-46, снова открыл огонь, опустошая магазин окончательно. В голове металась паническая мысль о том, что все, что не успею перезарядиться, что твари сейчас прорвутся. В ушах звенело, перед глазами метались искры, холодный ком страха выскочил откуда-то из желудка и застрял в груди, не давая дышать, да я, кажется, даже и не пытался, совершенно парализованный страхом внутри и до невероятности активный снаружи.

И опять тело реагировало быстрее. Я даже не понял, когда моя рука успела выдернуть полный рожок из подвесной. Пришел в себя лишь тогда, когда она же дослала патрон.

Пулемет грохотал, не затыкаясь, частыми, очень частыми короткими очередями, плюясь горячими гильзами и протыкая пространство перед собой тяжелыми острыми пулями. Я видел, как они рикошетили с искрами

от бетонного пола, выбивая крошку и поднимая пыль. Ударил взрыв, затем, сразу за ним, второй, вновь вызвав приступ истощенного визга.

Я снова открыл огонь по чему-то мелькающему в проеме ворот, видя при этом, как приоткрытая створка превращается на моих глазах в решето, избиваемая пулями. Твари просто ломились внутрь, не боящиеся ни огня, ни пуль, ни собственной гибели. Нас сейчас спасало как раз их бешенство и жажда нашей крови и жизни – они сталкивались, толкались и мешали друг другу. Створка раскачивалась и тряслась, чудовища лезли в узкий проход, обдирая бока и кусая друг друга, подставляясь под наш огонь. Еще один монстр упал прямо в проходе, второй бился в судорогах за ним, мешая другим, но опять какая-то самая ловкая и злобная тварь перескочила через завал тел, и на этот раз умудрилась махнуть прямо на лестницу, а вместо очереди мой автомат сумел разродиться лишь молчанием – патроны кончились.

Пулемет, я успел даже посчитать, выбросил в тварь последние две пули. Этого было достаточно для того, чтобы сбить ее с прыжка, но не более. Она даже споткнулась, скатившись назад на пару ступенек, но сгруппировалась, напружинилась...

Отпускать автомат, который должен был повиснуть на ремне, и выхватывать пистолет из кобуры на груди я тренировался дома. На вот именно такой случай, если в немецком автомате патроны закончатся. И этой крошечной паузы оказалось достаточно – едва монстр приготовился прыгнуть снова, как я открыл по нему огонь. Прицельно открыл, твердо удерживая оружие двумя руками, ладони «в обертку», выпустив весь магазин в морду, от первой до последней пули.

Вспышка дежа-вю в сознании – снова пистолет, снова монстр в двух шагах, снова маленькие облачка Тьмы, выбиваемые пулями. Тварь осела на подогнувшиеся передние лапы и просто улеглась на пол, словно расслабившись и решив отдохнуть. А вторую тварь, оказавшуюся уже за ней, прошел очередью из ППШ успевший схватиться за автомат Федька. Наповал.

Но положение ухудшилось – за тот момент, что мы палили в двух «гончих», еще несколько чудовищ успело оказаться внутри помещения. Затрещал РПД Ивана, а это значит, что твари пытались забраться по шесту или запрыгнуть в люк. Затем один за другим внизу грохнули два взрыва, Иван скинул «эфки». Звук от них в замкнутом пространстве был такой, что я почти полностью оглох. Целое облако чугунных осколков хлестнуло по стенам, но все перекрыл многоголосый визг тварей. Досталось, наверное, им всем, к моей великой радости.

Федька расстрелял остатком магазина тварь вниз, попытавшуюся прорваться на лестницу, заорал: «Пустой!», а я уже успел перезарядить «немца» и следующая гончая поймала очередь из полного рожка.

Дальше информация словно перестала усваиваться, все слилось в какой-то калейдоскоп из мечущихся черных гибких тварей, вспышек выстрелов, треска, грохота, визга, близких взрывов, криков «Пустой!», судорожного метания пальцев по подсумкам, жара от автоматного ствола, ощущаемого уже передней рукой, тыкающей магазином в горловину приемника... в общем, сумасшествие. И так бесконечно, нескончаемо, стрельба, магазин, стрельба, магазин...

– Все! Все!

На этом крике Федьки, истощном и радостном, я словно вернулся в себя, пришел в сознание. Действительно, никто больше не вталкивался в приоткрытые, избитые пулями ворота, никто не визжал так, что леденело все внутри, никто не испускал волны злобы и Тьмы, которые невозможно не ощутить. Отбились.

Лязг затвора, дославшего патрон. Моего затвора. Поднятый с пола пустой магазин от ТТ, я даже перезарядить пистолет не успел. А воткнуть в кобуру успел, вот он, на месте.

Перебежавший к нам Иван, упавший на колени и направивший РПД на ворота. Отползавший назад Федька, заправляющий в пулемет полную ленту. Точно, пока отбились. Пока... Пока...

Слово «Пока» материализовалось у меня в голове в картину в виде группы адаптантов, уже подбегающих к стенам пожарки. Пока мы отбивались от «гончих», они вполне могли успеть. Сколько мы отбивались? Минуту? Пять? Десять? Час? Не знаю, ничего я не знаю.

– Иван, ворота, Федька, к окну!

Новый всплеск паники, на этот раз кинуло в жар. На четвереньках стартовал так, что никакой негритянский спринтер бы не угнался. Я даже не сообразил, что нужно хвататься за перископ, выглянул в окно так, высунулся просто. И чуть не поймал пулю, от ricochetившую от стального прута рядом с головой. Не нырнул, а просто упал за подоконник, успев заметить, что какие-то фигуры все же бегут по полю. Не понял даже, к нам или от нас, успел лишь разглядеть, что люди, а не твари. Впрочем, на людей адаптанты уже похожи мало, что внешностью, что повадками.

Высунул автомат на вытянутых руках, дал длинную очередь веером, чтобы обозначить активность, огневую видимость создать, так сказать, показать, что мы тут вполне держимся и готовы отбиваться.

Раздался странный шуршащий свист и возле окна что-то неслабо

рвануло, как граната. Затем еще раз. А затем бабахнуло прямо на решетке, спасибо тому, кто ее сюда поставил, такую мощную и частую, и в комнату влетел целый сноп осколков.

Досталось Федьке, сунувшемуся следом. Он взвыл, схватился рукой за плечо, под пальцами показалась кровь.

– Ложись! – крикнул я, хватаясь за перископ.

Его в плечо, это по-любому не смертельно, потерпит минутку, я вот до сих пор не пойму, атакуют нас или нет. И что это за обстрел.

Нас не атаквали. Похоже, что собирались, но затем остановились. А сейчас нас обстреливали винтовочными гранатами. Несколько человек, около десятка, залегли... да, теперь уже залегли, метрах в ста от нас, и дружно палили по окнам оперенными гранатами, которые летели по пологой дуге, издавая тот самый шуршащий свист, завершающийся взрывом. По закону больших чисел такая граната должна была пролететь через решетку и разорваться в комнате, если, конечно, запас гранат у адаптантов позволял им использовать закон именно больших чисел. Но и законы подлости тоже пока никто не отменял.

– Как ты? – обернулся я к Федьке.

– Нормально, – сказал он, мотая головой. – Справлюсь.

Сам он при этом был бледным от боли, в свете из окна я хорошо видел испарину у него на лбу, а кровь текла по рукаву тоже не по капельке.

– Перевяжу! – схватился я за ИПП.

– Иван перевяжет, давай... сам знаешь, – выдохнул он, – Пулемет возьми.

Пулемет, тяжеленный, пахнувший сгоревшим порохом, смазкой и нагретым металлом, сытно брякнул полной лентой, когда я взял его в руки. Подтащил к окну, снова схватился за перископ. Противник отходил назад, к заданию депо, судя по всему решив, что рисковать до наступления темноты не стоит, раз уже не удалось прорваться в пожарку следом за «гончими». Ну да, все верно, чего дергаться, мы, с их точки зрения. Обложены мы плотно, а до этой самой темноты не так уж долго ждать и осталось. Час, не больше, скоро уже темнеть здесь начнет, и тогда все козыри будут у противника, чего суетиться?

В соседнюю комнату граната все же влетела. Там грохнуло, оттуда вышибло клуб пыли и воняющего тротилом дыма. Говорил же...

Не удержавшись, выставил пулемет на подоконник, на сложенные сошки, и выпустил две длинные очереди, по окнам депо, а затем по отходящим гранатометчикам. Ни в кого не попал, судя по всему, но паники немного добавил, отступавшие ломанулись к депо бегом, а обстрел окон

оттуда возобновился, причем я еле успел пригнуться.

Хорошо, примерно можно заключить, что хотя бы несколько минут с той стороны будет спокойно. А нам каждая такая минута ценна, нам пока время тянуть требуется. Пополз обратно в коридор, где сидящий наверху лестницы Иван бинтовал плечо Федьке, разоблачившемуся по пояс.

– Как? – спросил я, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Одно довольно серьезное, слепое, осколок где-то внутри, – сказал Иван. – Второе сквозное, по касательной практически. И еще один в боку, но близко, прямо под кожей. Повезло, поздно в комнату сунулся, стена прикрыла, а так бы всю кучу схватил.

– Это точно, – кивнул Федька, сидящий с прокушенной от боли губой, с которой стекала на подбородок тонкая струйка крови. – Я даже не видел взрыва, только слышал, и тут руку ошпарило.

– Повезло, – согласился и я. – Давай, перевяжись нормально, у нас еще дел полно.

Вторую сторону надо проверить и ракеты подготовить.

* * *

Звук самолета я услышал минут через сорок после боя с тварями. Сидел, запихивал в карман рюкзака тщательно завернутый прицел с «моси» – винтовку придется бросить, так я его потом хоть на СКС поставлю. Не так плохо будет, кстати, ПУ – прицел крепкий, им хоть гвозди забивай, и увеличение совсем небольшое, три с половиной, под карабин или автомат в самый раз. И по ходу дела услышал издалека знакомый стрекот, больше всего напоминающий швейную машинку. А затем увидел приближающиеся самолеты, оба.

– Внимание! – крикнул я, хватая ракетницу с заряженной в нее красной ракетой. – Все все помнят, чего делать надо?

Федька и Иван кивнули разом. В глазах, до того вроде бы уже унылых и тусклых, явно засветилась надежда.

– Тогда как решили, так и делаем! Ждем моей команды!

И с этими словами выпустил из окна красную ракету навстречу приближающимся «кукурузникам». Вот он, наш последний шанс, та самая соломка, которую я попытался постелить заранее, на возможном месте падения.

Вторая ракета, желтая, туда же, и сразу за ней опять красная. Это опознание, теперь ждем ответного сигнала. Эх, ну почему здесь ни хрена радиосвязь не работает? У границы Тьмы она и на пятьдесят метров не берет, говорят.

Ответный сигнал был – с борта самолета выпустили ракету желтую, взлетевшую до неприличия высоко. Ну, теперь чтобы поняли меня, как мы там договаривались... Красная ракета – направление на опасность, желтая – «не уверен», зеленая – направление посадки. Эх, знать бы все же, есть там кто в лесу, те самые двое, или кто еще с ними, или они все же смылись... Так ничего и не обнаружил, сколько ни глазел, а вот это как раз ни о чем не говорит, могут и маскироваться удачно. Поэтому пустил в ту сторону зеленую. Куда именно – поймут, опушка леса сверху видна очень хорошо. А следом и желтая, хоть и не нужна, сажать здесь только на поле, что тянется до самого леса, благо довольно ровное.

– Ваня, красную на противника!

– Есть! – крикнул Иван, уже сидевший под подоконником в той комнате, в которой Федька получил ранение.

Хлопнула вторая ракетница, выпустив красную звездку в сторону

депо. Самолеты завалились в крутой вираж, пошли на разворот. Из депо несколько раз выстрелили им вслед из винтовки, загрохотал пулемет, но попаданий, кажется, не было. Теперь опять моя очередь ракеты пускать, как только они опять развернутся.

Самолеты разделились. Один биплан медленно ушел дальше, а второй пошел над самой опушкой леса, сбрасывая вниз один за одним мелкие предметы, которые еще в падении начинали выпускать за собой шлейф серого плотного дыма, а при падении превращались в настоящие облака. А вот за это спасибо, Коля, об этом мы заранее не подумали.

– Дымы! – заорал я дурным голосом.

– Есть дымы! – откликнулся Иван, и выбросил за окно пару дымовых шашек.

Несмотря на явную бесполезность такого действия, противник из депо снова открыл огонь по нам, словно подозревая, что мы нашли какой-то способ ускользнуть, и надеясь убить нас хотя бы случайным выстрелом.

Вон она, любовь моя крылатая, заходит уже на посадку, прямо на нас идет самолет, крылья этажеркой, винт как прозрачный круг.

– Пошли! – заорал я что было дури, изгоняя криком настойчивый и липкий страх, и подхватил с пола пулемет с заправленной полной лентой.

И мы, все втроем, ломанулись вниз по лестнице.

Дымовую шашку прямо за дверь, затем вторую, чуть подальше... теперь ждать, секунд десять ждать, пока облако вспухнет достаточно хорошо, затянет все непроницаемым занавесом.

– Пошли!

Выскочили разом, и прямо сквозь дым, не прицеливаясь, по памяти, можно сказать, завели две очереди в сторону депо, каждая на половину ленты. Пусть хоть так, но еще паузу, пусть хотя бы пригнуться там, не бегут следом и стреляют поменьше.

Федька ничего, бежит нормально и даже ППШ свой на натянутом ремне стволом вперед держит, случись чего, так и стрельнуть может.

Самолет Николая сделал крутой вираж, и снова вернулся обратно продолжая бомбить дымами лес, там вообще уже ничего видно не было. А самолет Насти уже прыгал по неровному полю, катя прямо на нас, заметно замедляясь с каждым метром.

– Остаток давай! – крикнул я, и мы с Иваном дружно, как и договорились заранее, выпустили остатки обеих лент по клубам дыма. Так, на всякий случай, если кто вдруг бежит в нашу сторону, невидимый, то пусть заляжет. А потом разом бросили такие ценные и такие нужные пулеметы на землю – теперь каждый не то что килограмм – каждый грамм

на счету будет.

Самолет с одним пилотом все ближе, вот до него рукой подать. Мы втроем бросились к нему, закрываясь руками от ветра, схватили за плоскости, разворачивая его в обратном направлении, все, как я объяснял. Нет времени нормальное руление устраивать, только так.

– Мешок! – отчаянно крикнула из кабины Настя, указывая большим пальцем в перчатке себе за спину, совершенно неузнаваемая в очках и шлеме.

– Я понял!

Мешок в задней кабине, для баланса, точнее даже два мешка, каждый по сорок килограмм. Заскочил на плоскость, схватил верхний, рванул поштангистски, выдергивая его из тесной кабины и бросая на землю. Затем ухватил второй за пришитую толстую лямку.

Как раз в этот момент над нами прошел самолет Николая, добавив к нашим дымам еще несколько и быстро завалившись в вираж – противник перенес интенсивный огонь на него. Не знаю, попали или нет, но вышел из виража он нормально, прошел над нами и даже крыльями покачал.

– Федька, руку! – крикнул я.

Подтянув товарища на крыло, я помог ему, однорукому сейчас, забраться в кабину. Оглянулся на Ивана. Тот делал все, как я сказал заранее – прикручивался ремнями своей подвесной к трубчатым стойкам крыльевой коробки. Очки на глазах, вязанная шапочка натянута на уши. Перехватив мой взгляд, он скорчил рожу и показал куда-то пальцем. Я оглянулся – в нашу сторону скакало несколько конных. Были они пока далеко, аж за семафором, но и скорость у всадника не пешеходная, быстро доберутся.

Теперь я сам, брюхом на крыло, ремень, пропущенный под лямками РПС, застегнуть за стойкой. Вот так, все, нельзя терять времени. С бомбами По-2 летали, с полным экипажем, вот и с нами полетит, ни фиги страшного. Махнул рукой Насте, вцепился в трубу стойки руками из всех сил, молясь не пойми кому.

Двигатель взвыл, завоняло выхлопом, самолет начал разгоняться, подпрыгивая на неровностях, поскрипывая всей конструкцией и что самое важное и самое неприятное – отнюдь не так быстро, как всегда. Уже бы и отрываться пора, но скорости еще нет. Крыло под брюхом колотится, страшно до икоты, кажется, что сейчас мой самодельный ременный крепеж не выдержит, и я свалюсь обратно, на жухлую грязную траву, в поле, и тогда уже все, отбежался.

Быстрее, быстрее, ветер все сильнее, тряска такая, чтобы язык

откусить боюсь, сжал зубы изо всех сил, руки аж судорогой сведены, настолько падать не хочется. Есть! Тряску как отрезало, самолет качнулся с крыла на крыло, чуть рыскнул в сторону, а затем начал неторопливо набирать высоту, при этом понемногу отворачивая от леса. Молодец, сообразила, что не зря туда ракету пускали.

Глянул на Настю, и наткнулся на ее белозубую улыбку и радостно демонстрируемый большой палец. Я только закивал в ответ активно. Бросил взгляд назад и увидел цепочку крошечных всадников, скакавших к пожарке, а с противоположной стороны, прямо через поле, оттуда, откуда мы никакой опасности не ждали, неслась огромная свора «гончих», с полсотни, не меньше. Этих бы мы не отбили, тут нам и хана.

---

notes

Примечания

1

Гамарджоба (груз.) – Здравствуй.

Ра квия (груз.) – дословно «Как называется», буквально – «Как его...», затруднение с подбором слова.

Хо! (груз.) – буквально «Ага!»

Аба (груз.) – буквально переводится как «Ну,...» или «В общем,...»

Тенго – сокращенное от Тенгиз.

Глехи, ра? (груз.) – крестьянин, да?